АДМИНИСТРАЦИЯ ТОТЕМСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГОРАЙОНА
МБУК «ТОТЕМСКОЕ МУЗЕЙНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ»

РУССКИЙ СЕВЕР-2017
Проблемы изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия

Сборник материалов
межрегиональной научной конференции
Тотемского музейного объединения
(23-26 февраля 2017 года)

Тотьма - Вологда
Лисья гора
2017

УДК 908(450+571)+069
ББК 28.89+79.1
Т63

Русский Север-2017: проблемы изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия: сборник материалов межрегиональной научной конференции МБУК «Тотемское музейное объединение» / МБУК «Тотемское музейное объединение» / вып. ред. А.М. Новоселов. Тотьма-Вологда: «Лисья гора», 2017.

ISBN 978-5-9907180-3-6

Предлагаемый Вашему вниманию сборник содержит материалы, представленные в рамках Первой межрегиональной научной конференции «Русский Север-2017: проблемы изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия» (Тотьма, 2017). Адресован всем интересующимся историей и культурой Русского Севера.

УДК 908(450+571)+09
ББК 28.89+79.1

<u>Доклады печатаются в авторской редакции.</u>
Мнение авторов может не совпадать с позицией коллектива
МБУК «Тотемское музейное объединение».

ISBN 978-5-9907180-3-6
9 785990 718036

ISBN 978-5-9907180-2-9

© МБУК «Тотемское музейное объединение», 2017
© Авторы материалов, тексты, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ОРГАНИЗАТОРОВ КОНФЕРЕНЦИИ……с. 6

Вместо предисловия. АЛЕКСАНДР КУЗНЕЦОВ – ГЕОГРАФ, ИСТОРИК, КРАЕВЕД……с. 8

Алёхин В.Д., Рябев В.В. (Мурманск)
СПЕЦИФИКА И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ ……с. 10

Беляева Н.Ж. (Сыктывкар)
АКВАРЕЛИ «ЗЫРЯНСКИЙ КРАЙ»: К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ ……с. 13

Бобрик И.Е., Вдовин А.С. (Красноярск)
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЕНИСЕЙСКОГО СЕВЕРА В УСЛОВИЯХ ОТДЕЛЕНИЯ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА (1920 – 1923) ……с. 15

Богданова О.М., Онучина И.В. (Каргополь)
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИЗ КАРГОПОЛЯ ……с.20

Буковецкая О.А. (Москва)
В ПОИСКАХ ЖИВОГО НАСЛЕДИЯ. ОПЫТ РАБОТЫ СЕМЕЙНОГО ТУРИСТСКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО КЛУБА ……с.26

Быков А.В. (Вологда)
ТОТЬМА 1918-19 ГГ. В МЕМУАРАХ ДМИТРИЯ СИЛИНСКОГО ……с. 29

Былов Г. В. (Москва)
ЕПИСКОП АРХАНГЕЛЬСКИЙ НАФАНАИЛ СОБОРОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ГЕОГРАФИИ И КУЛЬТУРЫ РУССКОГО СЕВЕРА ……с. 31

Ванеева С.М. (Сыктывкар)
ДОМ ДЕДА КЕСАРЯ ИЗ СЕЛЬЫБА ……с. 33

Варакин Е.П. (Санкт-Петербург)
РУССКАЯ СТЕНОПИСЬ 1836 – 1939 ГГ. В МОНАСТЫРЕ ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ПАНТЕЛЕЙМОНА НА СВЯТОЙ ГОРЕ АФОН (ГРЕЦИЯ) ……с. 35

Галушкина В.Н. (Тотьма)
ЖЕНСКИЕ УКРАШЕНИЯ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ……с.39

Гордеева Т.А. (Люберцы)
СВЕТ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА – РУССКИЙ СЕВЕР В ЖИВОПИСИ М.И. СУХАНОВА ……с.41

Григорьева В.Г. (Амга, Республика Саха)
ТРЕТИЙ ПЕСЕННЫЙ СТИЛЬ УЙУЛГА ЫРЫА В МУЗЫКАЛЬНОМ ФОЛЬКЛОРЕ САХА ……с.43

Едовин А.Г. (Архангельск)
КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ СУХОНЫ И НИЖНЕГО ПОДВИНЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ X-XIV ВВ. (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ) ……с. 50

Задумкин А.К. (Биряково, Вологодская область)
РУССКОЕ СЛОВО И СЕВЕРНЫЕ ГИДРОНИМЫ ……с. 55

Зенкова О.Б. (Великий Устюг), Копытков В.В. (Москва)
НЕИЗВЕСТНЫЙ ТОТЕМСКИЙ СВЯТОЙ – ФИЛИПП СУХОНСКИЙ ……с.57

Коренева Н.И. (Тотьма)
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ТОТЕМСКИЙ КРАЙ: ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ ……с.63

Кортович А.В. (Москва)
О ШРИФТОВЫХ КОМПОЗИЦИЯХ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ НАБОЙКЕ И ВЫШИВКЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И СЕВЕРНЫХ ОБЛАСТЕЙ ……с.67

Кочерган Л.И. (Сыктывкар)
СОЦРЕАЛИЗМ КАК МЕТОД ОТРАЖЕНИЯ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН (НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИИ А.Н. БЕЗУМОВА ИЗ СОБРАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГАЛЕРЕИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ) ……с.70

Кошелева М.Н. (с.Никольское, Вологодская область – Москва)
МИФОПОЭТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО «ТОЛШМА - ДОЛИНА ДЕТСТВА» В КАЧЕСТВЕ БАЗЫ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО ТЕРРИТОРИИ МО «ТОЛШМЕНСКОЕ» ……с.75

Кузнецов А.В. (Усть-Печеньга, Тотемский район)
ВОДНО-ВОЛОКОВЫЕ ПУТИ ИЗ БАССЕЙНА СУХОНЫ В БАССЕЙН ВАГИ (по данным топонимики) ……с.79

Кузнецова С. В. (Тотьма)
ИЗ ИСТОРИИ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА ТОТЕМСКОГО РАЙОНА В XX – НАЧ. XXI ВВ. ТОТЕМСКИЙ ЛЕСХОЗ ...с. 82

Кузыбаева М.П. (Москва), Поршунова Л.С. (Ханты-Мансийск),
НОВОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ И МУЗЕЙ. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА «МЫС СВЯЩЕННОЙ СОБАКИ» г. ХАНТЫ-МАНСИЙСК ……с.85

Кулешова М.Е. (Москва)
МЕСТО КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ В ОХРАНЕ НАСЛЕДИЯ (на примерах Соловков и Кенозерья) ……с.87

Кутенков П.И. (Санкт-Петербург)
РУССКИЙ СЕВЕР – ПРАРОДИНА ЯРГИ-КРЕСТА И СВАСТИКИ ……с. 92

Луцковская Е.Ф. (Северодвинск)
НАСЛЕДИЕ СЕВЕРНОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА В КОЛЛЕКЦИЯХ СЕВЕРОДВИНСКОГО МУЗЕЯ ……с.99

Мальцева Н.А. (Москва)
БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ ГЕРОЕВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В МОСКВЕ: К ВОПРОСУ О ПЕРСОНИФИКАЦИИ ПАМЯТИ ……с.104

Мартюкова Г.А. (с.Никольское, Тотемский район, Вологодская область)
ИСТОРИЯ НИКОЛЬСКОЙ ЗЕМСКОЙ БОЛЬНИЦЫ ……с.110

Мелехова Г.Н. (Москва)
РОЛЬ ЖЕНЩИН В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В СЕРЕДИНЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ ….с.113

Молодов О.Б. (Вологда)
РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ТОТЕМСКОГО РАЙОНА В 1960-1980-Е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ЦЕРКОВНЫХ АРХИВОВ) ……с.118

Мухина Е.А. (Петрозаводск)
КОНЦЕПТ ТОСКА В РУССКОЙ НАРОДНО-РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРИЧИТАНИЙ И.А. ФЕДОСОВОЙ) ……с.123

Назанян К.Г. (Санкт-Петербург)
СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ СЕВЕРНЫХ ЕПАРХИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ – ИССЛЕДОВАТЕЛИ СТАРИНЫ РУССКОГО СЕВЕРА (XIX – НАЧ. XX ВВ.) ……с.126

Николаев И.Р., Фазлуллин С.М. (Москва)
МОРСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО СЕВЕРА В ЭПОХУ ИВАНА IV ПО ПУТЕВЫМ ЗАМЕТКАМ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ……с.131

Оксузьян Д.В. (Сыктывкар)
ОБ ОПЫТЕ ЗАОЧНОГО УЧАСТИЯ В КОМИ РЕСПУБЛИКАНСКИХ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ «ЧЕЛОВЕК И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА» ……с.135

Поклад В.П. (Череповец)
ВЫСТАВКА МОДЕЛЕЙ ДЕРЕВЯННЫХ ХРАМОВ КАК СПОСОБ ПРОПАГАНДЫ КУЛЬТОВОГО ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА ……с.137

Рябинина Л.Э., Силин В.И. (Сыктывкар)
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР А.П.МЕЛЬГУНОВ ……с.142

Силин В.И., Антонова М.Н., Порошкин А.А. (Сыктывкар)
СОХРАНИМ ИЛИ ПОТЕРЯЕМ? ……с.145

Правдина М.Б. (Тотьма)
КОЛЛЕКЦИЯ СТЕКЛА ЭПОХИ ЕКАТЕРИНЫ II В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: К ПРОБЛЕМЕ АТРИБУЦИИ ……с. 146

Притчина В. А. (Тотьма)
ПРЯЛКИ БАБУШКИНСКОГО РАЙОНА В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ……с.148

Прохорова Г.Б. (Вологда)
ПО СЛЕДАМ МИНОВАВШИХ ВРЕМЕН ……с.152

Пшеницын Д.А. (Вологда)
РОД САБЛИНЫХ В XVI–XVII ВВ.: ОПЫТ ИСТОРИКО-ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ……с.155

Сапожникова О.С. (Санкт-Петербург)
«ВОДОШНИК СЕМЕНА АНИКИЕВИЧА». ХРАНИТЕЛЬНИЦА ИМУЩЕСТВА И ТРАДИЦИЙ СТРОГАНОВЫХ ЕВДОКИЯ НЕСТЕРОВНА ……с.158

Славнитский Н.Р. (Санкт-Петербург)
Д.Я. СУРОВЦЕВ – НАРОДОВОЛЕЦ ИЗ ТОТЬМЫ ……с. 162

Столбова В.П. (Санкт-Петербург)
КАМЕНОТЕС САМСОН СУХАНОВ – СТРОИТЕЛЬ МОСТОВ ……с.167

Теуш О. А. (Екатеринбург)
НАСЛЕДИЕ В. И. ПОНОМАРЕВА КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ……с.172

Фазлуллин С.М. (Москва)
РЕЧНОЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОЙ РАВНИНЫ ……с.176

Филиппов С.А. (Тотьма)
ИСТОРИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ТОПОНИМА СУХОНА ……с.183

Филиппова В.И. (Череповец)
НАУЧНО-ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ……с.188

Филиппова Е.В. (Тотьма)
ОБЗОР СТЕКЛЯННЫХ НЕГАТИВОВ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ «ФОТОНЕГАТЕКА» В СОБРАНИИ МБУК «ТОТЕМСКОЕ МУЗЕЙНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ» ……с.191

Харебова Л.С. (Москва)
ИЗ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ КНИЖНЫХ ПАМЯТНИКОВ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ ……с.193

Якушева Л.А. (Вологда)
ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОСТИ: ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ СОЛЬНОГО ПЕНИЯ А.Г. ЯРАНЦЕВОЙ ……с.196

Приложение
ТРИ ПИСЬМА С ДОРОГИ: СЕВЕРНЫЙ ВОЯЖ ПОЭТА И ЧИНОВНИКА К.К. СЛУЧЕВСКОГО (публикация Антона Нелихова) ……с.199

ОТ ОРГАНИЗАТОРОВ КОНФЕРЕНЦИИ

О Русском Севере как о своеобразном заповеднике национальной культуры сказано и написано немало. Некоторые исследователи причисляют к этому этнокультурному региону только территорию современных Вологодской и Архангельской областей, некоторые добавляют к ним Кольский полуостров, Коми и/или Карелию, а отдельные ученые доводят территориальные границы данного ареала до Санкт-Петербурга на западе и до предгорий Урала на Востоке. Нам кажется, что наиболее близка к реальности точка зрения, включающая в состав Русского Севера Вологодскую, Архангельскую, Мурманскую области, части республик Карелия и Коми, приближённые к границам вышеназванных субъектов, а также северо-запад Кировской области с типично северорусским Лальском и крайний северо-восток Ленинградской области (Присвирье) с целым рядом выдающихся деревянных храмов.

Так или иначе, какими бы ни были границы Русского Севера, этот удивительный этнокультурный регион не может не вызывать восхищение у любого, кто только-только отправляется знакомиться с его историко-культурным и природным наследием. Северодвинские промышленные гиганты и пинежские карстовые ландшафты, красные «марсианские» берега Мезени и огромные дома-богатыри из массивных брёвен с охлупнями, обетные кресты близ дорог и деревянные храмы-«тройники», крохотные часовни по озёрным берегам и монументальные громады Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей, ракеты Плесецка и Нёноксы и вышки исправительно-трудовых учреждений, музеи, многие из которых существуют на энтузиазме удивительных людей, населяющих край – всё это Русский Север, удивительный и многоликий.

Мне трудно сказать что-то более выразительное после великолепных слов, оставленных о северном крае Дмитрием Лихачёвым, Генрихом Гунном, Фёдором Абрамовым, Михаилом Мильчиком и многими другими людьми, так или иначе внёсшими свой вклад в изучение Севера. Я просто отмечу, что моменты постепенного знакомства с красотами этого края являются одними из лучших в моей жизни. Мы застревали в грязи на пути к нисогорскому деревянному храму, пробивали колёса на дорогах Лешуконья, покоряли кенозерские просторы на быстроходном катере «Стрелец», устраивали пикники на Пидьмозере, Почозере и Кенозере, залезали внутрь падающей цивозерской колокольни, плутали среди лесовозных делянок в районе Чаловых гор на самом юге Русского Севера, форсировали лёд Вычегды на пароме в середине декабря, прятали фотоаппараты, пытаясь запечатлеть Николо-Корельский монастырь в сердце «Севмаша», ночевали на турбазах, опаздывали на автобусы и ловили попутки, - и каждое из путешествий оставило после себя не только путевые заметки, но и желание «копать глубже». Собственно, как раз благодаря этому желанию появилась и конференция «Русский Север-2017» в Тотьме: молодая, слегка бесшабашная и весьма амбициозная.

К сожалению, приходится констатировать тот факт, что научное сообщество, изучающее историю и культурное наследие Русского Севера, достаточно разобщено. Конечно, существуют объединяющие мероприятия, такие, как традиционная и, наверное, самая значимая из существующих ныне конференция в Каргополе, проводимая раз в два года; имеют место научные встречи в Архангельске, Вологде, Кириллове, Череповце, Мурманске, Сыктывкаре. Работают отдельные объединения музеев, например, активная «Ассоциация музеев Поважья». Системна работа отдельных краеведов, зачастую даже не музейных сотрудников, а любителей, благодаря которым выпускаются книги, буклеты и брошюры.

Наша конференция не ставит перед собой глобальной цели объединить разобщённое границами регионов, социальным положением, законами страны и повседневными хлопотами научное сообщество. Однако она способна обратить внимание исследователей – историков, культурологов, социологов, - на хотя бы один конкретно взятый район Русского Севера, так называемое Среднее Присухонье. И прежде всего, безусловно, на Тотьму. Этот удивительный город нуждается не только во внимании к его существующим достопримечательностям и музейным коллекциям; он нуждается во внимании к своему прошлому и к систематическому изучению сохранившихся пластов историко-культурного наследия.

Так сложилось, что Тотьма как исторический город Русского Севера изучена значительно меньше, нежели её «собратья» по гипотетическому «серебряному ожерелью»: Каргополь, Великий Устюг, Кириллов, отчасти Сольвычегодск. Городу во многом повезло, что музейное дело в нём смогли в своё время взять в руки люди деятельные и энергичные; работа, проведённая подвижниками местного «родиноведения» (прежде всего Н.А.Черницыным) ещё в довоенные годы XX столетия внушает уважение. Тотемский музей принял в свои фонды значительное количество великолепных предметов, поступавших с разных территорий огромного Тотемского уезда, включавшего в себя земли сразу нескольких современных районов Вологодской области (часть этого фонда опубликована в рамках альбома-путеводителя по коллекциям ТМО, выпущенного в 2015 году издательством «Три квадрата»).

К сожалению, многие работы музейщиков прошлого остались неопубликованными, а в дальнейшем, уже после войны, научное изучение Тотемского края ждала медленная стагнация. Внимание учёных к Среднему Присухонью оставалось невысоким. Невысоким оно остаётся и сейчас, уже

после позитивных перемен, произошедших в городе в 1980-е – 1990-е годы: реставрации храмов, открытия новых музеев, благоустройства городской территории. На данном этапе мало изучен удивительный феномен «тотемского барокко» во взаимосвязи с аналогами на Вятке, Урале и в Прибайкалье, нуждается в дальнейшей разработке тема тотемского мореходства, своего исследователя ждут так или иначе касающиеся местной темы документы Государственного архива Вологодской области, фонда рукописей Российской Государственной Библиотеки и Российского государственного архива древних актов. Далеко не все тайны открыты даже в случае с фондом нашего музея – и замечательная статья учёного секретаря ТМО Марии Правдиной в этом сборнике только подтверждает тезис о малоизученности того, что мы имеем и храним. И это во многом не только вина музея, но и беда: среди всё тех же значимых городов Русского Севера Тотьма осталась, пожалуй, единственной, чей огромный и значимый музей до сих пор является финансируемым из районного, а не регионального бюджета. Впрочем, унывать по этому поводу попросту некогда.

Стимулирование процессов внимания к наследию города, привлечение в наш край учёных, краеведов-исследователей и просто энтузиастов, которые восторженно открывают для себя Север – вот одна из главных целей той конференции, что мы собираем впервые в феврале 2017 года. Мы надеемся, что благодаря объединению думающих и неравнодушных людей Тотьма станет одной из тех точек притяжения научного сообщества страны, которые станут актуальными на долгие годы.

С уважением и признательностью,
директор Тотемского музейного объединения
Алексей НОВОСЁЛОВ

Вместо предисловия

АЛЕКСАНДР КУЗНЕЦОВ – ГЕОГРАФ, ИСТОРИК, КРАЕВЕД

Говоря о личностях, благодаря которым в последние несколько десятилетий развивается краеведение в Тотемском районе, невозможно обойти стороной имя географа, историка, самобытного художника Александра Васильевича Кузнецова. Мы не случайно упомянули слово «личность» - количество и научная значимость вышедших трудов краеведа по-настоящему впечатляет и заставляет мысленно продолжить нить имён значительнейших тотемских подвижников «родиноведения»: автор первой книги о нашем городе, председатель Уездной земской управы Василий Попов – первый директор краеведческого музея Николай Черницын – градозащитник, первооткрыватель имён ряда тотемских мореходов Станислав Зайцев – Александр Кузнецов.

Александр Васильевич Кузнецов родился 10 декабря 1962 г. в деревне Фоминское Тотемского района. Отец – главный бухгалтер совхоза «Погореловский», мать – агроном того же совхоза. Историей в целом и историческим краеведением в частности увлекался с детства. Первая публикация А.В.Кузнецова в районной газете «Ленинское знамя» краеведческой заметки «Тайна топонима «Тотьма»» произошла ещё в 1978 году.

В 1980 г. А.В.Кузнецов окончил Погореловскую среднюю школу и поступил на естественно-географический факультет Вологодского Педагогического института. Там он продолжил углублённо заниматься научно-краеведческой деятельностью. После окончания вуза в 1985 г. два года работал директором Усть-Толшменской восьмилетней школы в с.Красном Тотемского района. В 1987 г. перешёл на работу в Усть-Печенгскую среднюю школу (д.Устье) учителем географии, истории и изобразительного искусства, в которой работал до 2015 года. В настоящее время находится на пенсии.

На протяжении уже нескольких десятилетий Александр Кузнецов занимается изучением истории края, притом самых разнообразных её аспектов. Тематика его научных интересов широка: топонимика, антропонимика, история религиозных верований, география и геология, народный фольклор. Начиная с 1978 года, А.В.Кузнецовым подготовлено и опубликовано в периодических изданиях более 500 краеведческих работ на различные темы, а также 35 отдельных книжных изданий.

В частности, краевед впервые провёл масштабное топонимическое исследование по истории тотемских имён, фамилий, местного языка вообще; результаты этой работы легли в основу печатных изданий «Тотемский ономастикон», «Исторический именослов Русского Севера», «Волость Тиксна: топонимы и фамилии», «Язык земли Вологодской» и др.

Одним из первых Александр Васильевич обратился к проблеме изучения церковно-исторического наследия Тотемского района. Его научно-популярные издания «Тотемская церковная география» и «Тотемская церковная старина», собственноручно проиллюстрированные, до сих пор являются важными источниками информации для историков-краеведов, изучающих сакральную топографию города и района. В 2015-16 гг. труд был продолжен в рамках проекта «По следам тотемского барокко», инициированного Тотемским музейным объединением и получившим грант «Православная инициатива» на издание одноименного альбома. Красочное издание, подготовленное Александром Кузнецовым в соавторстве с Алексеем Новосёловым в издательстве «Древности Севера», стало своеобразным итогом работы краеведа над темой архитектуры местных церквей.

Отдельное внимание А.В.Кузнецов уделяет гидрографии Тотемского района и сопредельных территорий; им выпущены исследования «Сухона от устья до устья», «Шексна – река Велеса», «Свод вологодских волоков», а также фундаментальный труд, обобщивший многие начинания краеведа – «Словарь гидронимов Русского Севера». Значительное внимание гидрографии Сухоны в пределах Тотемского района уделяется в рамках историко-краеведческого альманаха «Сухона», который А.В.Кузнецов выпускает в соавторстве с художником Г.И.Поповым с 2014 года (издано уже 3 выпуска). Изучение краеведом местного фольклора, легенд, преданий, сказаний находит своё отражение в изданиях «Легенды, предания и были Тотемского уезда», «Священная сосна Красава», «Болванцы на Лысой Горе: очерки языческой топонимики» и др.

А.В.Кузнецов впервые полно и научно разработал темы, связанные с топонимикой, географией, фольклором Тотемского района, практически не имея предшественников, на труды которых можно было бы опираться. Научную значимость множества работ А.В.Кузнецова оценивали и оценивают высоко ведущие специалисты по истории Вологодского края: профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии ВГПУ, доктор исторических наук М.С.Черкасова, доктор исторических наук, профессор А.В.Камкин, кандидат географических наук, председатель Вологодского отделения Русского Географического Общества Н.К.Максутова.

Помимо научно-краеведческих исследований, несомненный интерес представляют художественные опыты А.В.Кузнецова; многие издания автора проиллюстрированы самостоятельно. Особенно заслуживают интерес серия графики «Церкви Тотемского уезда» и коллекция книжных знаков

(экслибрисов). Некоторые из графических работ А.В.Кузнецова демонстрировались на выставках в картинных галереях Вологды, Ярославля и Москвы.

А.В.Кузнецов имеет активную общественную позицию по пропаганде и популяризации местных исторических достопримечательностей. Им в домашней типографии по собственным макетам собственноручно выпускаются буклеты «Деревня Усть-Печеньга», «Усть-Печенгский Покровский погост», «Церковные погосты земли Тотемской», выпускается сувенирная продукция. Все новые печатные издания – как выпущенные самостоятельно, так и в крупных издательствах – А.В.Кузнецов рассылает в дар Усть-Печенгской сельской библиотеке, Тотемской центральной библиотеке им.Н.М.Рубцова, Тотемскому музейному объединению, Вологодской областной библиотеке им.Бабушкина, библиотекам и музеям Вологодской области и сопредельных районов других областей. По числу изданных научных и научно-популярных трудов Александр Васильевич уже превосходит всех ранее живших в нашем районе исследователей.

Книги Александра Кузнецова, написанные научно-популярным языком, понятным для школьников, являются базисом для изучения молодым поколением истории нашего района. Каждое новое издание – это ещё одно «окно в краеведение» для интересующихся ребят, которым недостаточно информации, представляемой в музеях, которым хочется знать больше.

Осознание того, с какими выдающимися людьми нам доводится жить в одно время, приходит не сразу. Далеко не все понимали значение трудов Станислава Зайцева при его жизни. Сейчас, когда мы всерьёз говорим об открытой в 2016 году мемориальной доске, об увековечивании памяти Зайцева в городской топонимике, никто не вспоминает, что когда-то нашего выдающегося краеведа вынуждали покинуть музей. Нужно не упускать время и ценить труд наших подвижников, энтузиастов краеведения, в настоящий момент. Отрадно, что это происходит.

В год литературы и год столетия музейного дела в Тотьме (2015) сотрудники Тотемского музейного объединения и районной библиотеки подготовили книжную выставку трудов А.В.Кузнецова «О Тотьме с любовью» и ряд ходатайств на имя вышестоящего руководства оценить по достоинству десятилетия краеведческих изысканий земляка. В числе прочих документов были порядка 300 подписей простых тотьмичей. Результатом этой большой работы стало решение районного Муниципального собрания присвоить Александру Кузнецову звание Почётного гражданина Тотемского района.

К сожалению, нередки бывают моменты, когда краеведы на местах работают при отсутствии какой-либо поддержки от власти или от музея; в лучшем случае людям просто не мешают, в худшем – даже вставляют палки в колёса, не пуская в архивы, возводя искусственные барьеры. Нынешняя конференция, в рамках которой запланированы выставка книг А.В.Кузнецова, посещение родной для краеведа Усть-Печеньги, - ещё один повод вспомнить о том, какие удивительные люди живут и трудятся рядом с нами.

Оргкомитет

Алёхин В.Д., Рябев В.В. (Мурманск)

СПЕЦИФИКА И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Сохранение памятников деревянного зодчества – самой уязвимой, на наш взгляд, категории историко-культурного наследия, по-прежнему остается довольно актуальной и острой проблемой, подтверждением чему служит большое число проводимых научных конференций, круглых столов, повышенное внимание гражданского общества, экспертно-реставрационного сообщества. В 2016 году Союз реставраторов России подготовил предложения по разработке Концепции сохранения деревянного зодчества в Российской Федерации. Документ направлен советнику Президента РФ Владимиру Толстому.[1]

В Мурманской области сохранилось не так много религиозно-культовых объектов деревянной архитектуры, значительная часть из которых состоит на государственной охране. Это два объекта федерального значения: «Церковь Никольская (деревянная)», XVII в., в селе Ковда Кандалакшского района и «Церковь Успения (деревянная)», 1674 г., в селе Варзуга Терского района. Первая была поставлена на госохрану в 1960 г.[2], хотя и признавалась местными властями не имеющей ценности и ошибочно включенной в список памятников.[3] Вторая же – «жемчужина Русского Севера», первый памятник в крае, поставленный на централизованную охрану постановлением Президиума ВЦИК от 20.03.1935 г., еще до образования Мурманской области.[4]

На государственной охране находится один объект регионального значения - «Церковь Бориса и Глеба», 1874 г., в поселке Борисоглебский Печенгского района.[5] Уникальность этого памятника обусловлена историей территориальных споров между Россией и Норвегией – Борисоглебская церковь находится на правом берегу реки Паз, вся остальная часть которого принадлежит Норвегии, это исключение было сделано ввиду сакральной значимости церкви для православных саамов (была центром распространения Православия на северо-западе Кольского края).

Также существует 4 выявленных объекта в поморских селах: «Колокольня Никольской церкви», 1705 (?), в селе Ковда Кандалакшского района; «Церковь Св. Афанасия Александрийского и Св. Зосимы и Савватия Соловецких», 1878-1882, в селе Варзуга; «Церковь Никольская», 1705, в селе Варзуге, «Церковь Петра и Павла», 1864, в селе Варзуга.[6] В списках выявленных объектов культурного наследия региона числится «Церковь Рождества Христова», 1908, в поселке Печенге, к сожалению, утраченная вследствие пожара в 2007 году.[7]

Примечателен тот факт, что все церкви, в статусе выявленных объектов, поставлены на госохрану по результатам работы проведённой в рамках целевой программы «Инвентаризация объектов недвижимого имущества – памятников истории и культуры, относящихся к государственной собственности Мурманской области, в 2006-2007 годах». Так, ряд церквей, включенных в списки инвентаризации до сих пор не имеют охранного статуса. Однако, все ещё остаются объекты, на наш взгляд, обладающие историко-культурной ценностью, не охваченные по тем или иным причинам работой комиссии по инвентаризации, как например, Кантозерская часовня «Во имя Рождества Христова» – единственное старинное культовое православное здание на территории Ловозерского района, или Никольская церковь в Порьей губе.[8] Очевидно, что эти объекты не обладают какими-то либо архитектурными излишествами, оригинальностью и изяществом, но их историческая ценность для региона неоспорима. Специфические условия арктического, приграничного региона обусловили не только и не столько религиозно-культовые функции церквей, сколько национально-демаркационные. По обе стороны границы церкви являлись форпостами освоения и колонизации, центрами распространения религии, культуры, языка, а вместе с ними и государственного суверенитета.

---

[1] Деревянное зодчество на грани исчезновения [Электронный ресурс] / Союз реставраторов России // URL: http://restsouz.ru/pressroom/mirror/detail/derevyannoe-zodchestvo-na-grani-ischeznoveniya (дата обращения: 17.01.2017).

[2] Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР»

[3] ГАМО в г. Кировске. Ф. 164. оп. 6. Д. 127. Л. 20

[4] Выписка из списка памятников революции, истории, культуры и искусства, состоящих на учете централизованной госохраны. Фонды ГОАУК «МОКМ». НВ - 5180/26.

[5] Свод памятников Мурманской области. – 2-е изд., испр. и доп. [Текст] – Мурманск: Милори, 2012. – 60 с.

[6] Там же.

[7] В Заполярье сгорел столетний храм [Электронный ресурс] / Информационный портал b-port.com // URL: http://www.b-port.com/smi/3/3520/65835.html (дата обращения 14.01.2017)

[8] В Мурманской области на народные деньги хотят построить купол для старинной часовни [Электронный ресурс] Хибины.com URL: http://www.hibiny.com/news/archive/122692 (дата обращения 14.01.2017); Состоялась разведывательная экспедиция в Порью Губу [Электронный ресурс] / Североморская епархия // URL: http://severeparh.ru/2015/10/17/sostoyalas-razvedyvatelnaya-ekspediciya-v-poryu-gubu/ (дата обращения 14.01.2017)

Значительна их роль развитии культуры коренных малочисленных народов Севера. Все эти факторы обуславливают высокое историческое, мемориальное, духовно-патриотическое значение старинных храмовых построек, даже если те не обладают ярко выраженной художественной ценностью.

Учитывая незначительное число сохранившихся в Мурманской области памятников деревянного зодчества, особенно в сравнении с соседними регионами, представляется оправданной постановка на государственную охрану всех подобных объектов.

Кроме того, определенной проблемой, на наш взгляд, является слабая изученность региона на предмет выявления сохранившихся культовых построек, некоторые из которых уже находятся в аварийном состоянии и существует риск их полной утраты. Хотя некоторые исследователи отмечают и слабую освещенность в исследованиях давно известных памятников.[9] Как представляется, необходимо обследование мест расположения уже упраздненных и исчезнувших с карты области поселений[10], ведь вопросы становления православия и строительства храмов и часовен на Кольском Севере, довольно изученная тема. Так, наименования и местоположение существовавших на Кольском Севере церквей можно найти в Православном словаре Кольского Севера.[11] С другой стороны, не сохранившиеся до наших дней культовые постройки, являются темой отдельных исследований по церковной археологии, которой в нашем регионе занимаются единичные исследователи, и остатки этих сооружений могут быть поставлены на государственную охрану уже в качестве объектов археологии. В Мурманской области, таким примером может послужить включение в список выявленных объектов культурного наследия: «Печенгский монастырь», XVII-XIX вв., в п. Печенга[12] и «Церковь Рождества Христова», в г. Кандалакше.

Острой проблемой в сохранении деревянного зодчества Русского Севера является вопрос финансирования ремонтно-реставрационных работ. Однако, ввиду незначительного числа данных памятников в Мурманской области, принадлежности двух из них к объектам федерального значения, в нашем регионе эта проблема не имеет столь серьезного характера. Так, Успенская церковь в селе Варзуге и Никольская церковь в Ковде, были отреставрированы, хотя и с определенного рода сложностями.[13] Например, А.Б. Боде отмечает потерю подлинности памятника (Никольской церкви) после воссоздания его первоначального облика.[14] Стоит отметить, что вопрос воссоздания облика объектов культурного наследия неоднозначен: в научно-экспертном сообществе нет единого мнения о том, необходимо ли восстанавливать внешний вид здания, присущий ему на момент постройки, или сохранять памятник в том виде, в котором он дошел до нашего времени. При реставрации Никольской церкви была выбрана парадигма возвращения первоначального облика, что в итоге вызвало неоднозначную реакцию общественности и экспертного сообщества, хотя исторический вид памятника и был восстановлен.

Другой проблемой остается сохранение неразрывно связанных с памятниками культурных ландшафтов. В годы советской власти активно создавались музеи-заповедники под открытым небом с переносом памятников из сел и деревень (например, музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы», музей-заповедник «Костромская слобода» и др). Подобного рода перенос Успенской церкви в селе Варзуга в окрестности Мурманска из-за отдаленности от оживлённых туристических маршрутов существовал в планах в 1968 году.[15] Существуют прецеденты переноса и в наше время, яркий пример – перенос деревянной Варваринской церкви середины XVII века (объект культурного наследия федерального значения) из покинутого людьми села Яндомозера.[16]

В настоящее время активизировалась застройка исторических поселений (например, в новой части старинного поморского села Ковда), в том числе связанное с развитием туристской инфраструктуры, в ходе этих действий нередко нарушаются положения 73-ФЗ в части соблюдения зон

---

[9] Обухов Я.В. Никольская церковь села Ковда: к проблеме белых пятен в истории памятников деревянного зодчества Русского Севера // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2016. № 3 (156). С. 61; Обухов Яков Валерьевич Личный архив как важнейший источник исторических данных. История Никольской церкви С. Ковда по данным личного архива В. И. Коневой // Труды Кольского научного центра РАН. 2015. №7 (33) С.183-189.

[10] Становище Рында, село Поной, и др.

[11] Федоров В.П. Православный словарь Кольского Севера / Павел Викторович Фёдоров. – Санкт-Петербург: Международный банковский институт, 2016. – 213 с.

[12] Приказ Комитета по культуре и искусству Мурманской области № 83 от 22.08.2005 г.

[13] Кудрявцева Е.И. Как «реставрировали» ковдскую церковь // Кульутра и этика. 2007 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://bioclass179.ru/book/kudryavceva3.pdf (дата обращения 19.01.2017)

[14] Боде А.Б. К вопросу о методике реставрации памятников деревянного зодчества / Реставрация и исследование памятников культуры. Вып. 6. М. – СПб., 2013. С. 309-326.

[15] Терский район. Памятники природы и достопримечательности Мурманской области / Санкт-Петербург, изд. Ника, 2004. - С. 43 (ПОСМОТРЕТЬ У УШАКОВА)

[16] Объект культурного наследия Варваринскую церковь перевезут из д. Яндомозеро в д. Типиницы Медвежьегорского района [Электронный ресурс] Официальный сайт Министерства культуры Республики Карелия // URL: http://mincultrk.ru/presscentr/novosti/novosti_ministerstva/obekt_kulturnogo_naslediya_varvarinskuyu_cerkov_perevezut_iz_dyandomozero_v_dtipinicy_medvezhegorskogo_rajona/ (дата обращения 15.01.2017)

охраны.[17] Ситуация с соблюдением 73-ФЗ хорошо известна всем специалистам из сферы сохранения культурного наследия и, как представляется, нет смысла говорить о сложности исполнения данного закона, особенно в части охранных зон. Пренебрежение зонами охраны имеет некий имплицитный характер: существует четко закрепившийся стереотип о памятнике, который необходимо сохранять, без всякой привязки к ландшафту, видовым бассейнам, окружающей застройке. Правовой нигилизм, а также общая пассивность органов, уполномоченных в государственной охране культурного наследия приводит к массовым нарушениям охранных зон. Подобные нарушения встречаются в отношении всех категорий охраняемого историко-культурного наследия, среди последних случаев, связанных с деревянным зодчеством, интересен пример строительства памятника Александру Невскому в Варзуге.[18] Надо отметить, что культурный ландшафт Варзуги уже менялся в связи с восстановлением колокольни Успенской церкви, которая хотя и не нарушала охранную зону, но существенно меняла видовое восприятие памятника, так как исторически располагалась в другом месте.[19]

Хотелось бы отметить, что памятники деревянного зодчества являются не только неотъемлемой частью ландшафта исторических поселений (это верно для любого объекта культурного наследия), но зачастую формируют этот ландшафт, являются духовными, мемориальными и культурными символами поселений, ставя вопрос о соблюдении зон охраны на один уровень с сохранением самого объекта.

Следует отметить, что ситуация в Мурманской области с наследием в принципе и деревянным зодчеством в частности осложнена отсутствием поддержки со стороны гражданского общества. В регионе отсутствуют как общероссийские организации по сохранению и восстановлению деревянного зодчества, такие как «Общее дело» или «Вереница», так и собственные региональные организации «третьего сектора».

В отношении отдельных памятников существует проблема целостности памятников, связанная с предметами внутреннего убранства церквей. Неоднозначная ситуация сложилась с иконостасом Успенской церкви 1676 года – 84 иконы, большинство из которых старого письма. Из них 49 икон (праздничный и пророческий чин) были преданы во временное хранение в Мурманский областной краеведческий музей управлением культуры Мурманского облисполкома и находятся во временном хранении в краеведческом музее по настоящее время.[20] Оставшиеся же в церкви иконы и культовые предметы активно реставрировались за счет реализации различных целевых региональных программ.[21] Так, усилиями Мурманского областного центра по сохранению историко-культурного наследия Мурманской области за период с 2005 по 2016 гг. организована реставрация более 50 культовых предметов.

В 2010 году вышел новый ФЗ-327 «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности».[22] Вопрос о передаче икон по-прежнему остается открытым, как и вопрос передачи зданий, сохранение которых силами церковных организаций находится под вопросом. Здесь мы не можем не вспомнить слова настоятеля церкви Рождества Христова, сгоревшей в 2007 году иеромонаха Геронтия: «***А если случилось, так слава Богу! Значит, очистилось место. И теперь вместо деревянного храма построим каменный».***[23] Отметим, что здание церкви – собственность Мурманской области, находилась в оперативном управлении Мурманского областного центра по сохранению историко-культурного наследия. В 2008 году дознание по возбужденному уголовному делу было приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

В этом отношении интересно, что в церкви Бориса и Глеба - собственности Мурманской области, находящейся в оперативном управлении Мурманского областного краеведческого музея с недавних пор, начали без согласования с собственником проживать монахи Трифоно-Печенгского монастыря.[24]

Таким образом, существует ряд проблем в сохранении деревянного зодчества Мурманской области, в целом идентичных аналогичным проблемам в других регионах Русского Севера.

---

[17] Федеральный закон "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" от 25.06.2002 N 73-ФЗ

[18] В Варзуге установили памятник Александру Невскому / Северпост Информационное агентство // URL: http://severpost.ru/read/45858/http://severpost.ru/read/45858/ (дата обращения: 15.01.2017)

[19] Деревянный храм села Варзуга / газета Православная Удмуртия // URL: http://pravosludm.narod.ru/arxiv/n07913/st3.html (дата обращения: 24.01.2017)

[20] Акт приема № 41 от 28 июля 1976 (21 шт.); Аки приема во вр/хр № 189 от 04.12.1984 г. (24 шт); Акт приема вр/хр № 196 от 04.11.1985 г. (4 шт)

[21] Ведомственная целевая программа «Культура Мурманской области» на 2007-2009 годы; долгосрочная (ведомственная) целевая программа «Сохранение объектов культурного наследия Мурманской области» на 2010-2012 годы; государственная программа Мурманской области «Развитие культуры и сохранение культурного наследия региона» на 2014 – 2020 годы»

[22] Федеральный закон от 30 ноября 2010 г. N 327-ФЗ "О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности"

[23] В Трифонов-Печенгском монастыре сгорел храм [Электронный ресурс] / Русская Православная Церковь официальный сайт Московского Патриархата //URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/332658.html (дата обращения: 17.01.2017)

[24] В Борисоглебском скиту Трифонов Печенгского монастыря. [Электронный ресурс] Официальный сайт Североморской епархии // URL: http://severeparh.ru/2016/10/05/v-borisoglebskom-skitu-trifonov-pechengskogo-monastyrya/ (дата обращения 18.01.2017)

Особенностью региона является незначительное число подобных памятников, что позволяет полностью взять данную категорию культурного наследия на государственную охрану и обеспечить довольно высокий уровень его сохранения. Сохраняет большую актуальность опасность возгораний и пожаров, в результате которых уже был потерян выявленный объект культурного наследия, определенные сложности вызывают вопросы финансирования реставрационных работ, а также формы их проведения. Определенные сложности возникают в связи с передачей религиозно-культовых построек церковным организациям, совместном их использовании. Серьезным вопросом, который может потенциально угрожать памятникам деревянного зодчества является пренебрежение зонами охраны, изменение видовых бассейнов, и если сами объекты культурного наследия находятся под достаточной охраной, то риск потерять ряд культурно-исторических ландшафтов вполне реален.

Беляева Н.Ж. (Сыктывкар)

АКВАРЕЛИ «ЗЫРЯНСКИЙ КРАЙ»: К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ

В 1949 году в Сыктывкар прибыли художественные произведения из Русского Музея, впоследствии многие из них были оставлены в местном музее на постоянное хранение. Среди этих экспонатов внимание привлекают три акварели, связанные с Республикой Коми, объединенные названием «Зырянский край», на которых запечатлены виды рек Мылвы и Щугора. Автор этих листов неизвестен. Подписи на паспарту содержат букву «Ѣ» и это может только обозначить границу их создания – не позднее 1920-х годов.

Долгое время сотрудники Национальной галереи Республики Коми пытались атрибутировать работы. Реки Южная и Северная Мылва были волоком, через который путешественники попадали с Вычегды на Печору и спускались к ее низовьям. По этим местам проходило множество экспедиций, но ничего не было известно о зарисовках и пейзажах, посвященных местным ландшафтам. Тем неожиданней стала находка в дореволюционном многотомном издании «Живописная Россия». Во второй части восьмого тома очерк М.В. Малахова «Уральский хребет» был проиллюстрирован серией работ под общим названием «В Печорском крае», нарисованных Н.Н. Каразиным и гравированных М. Рашевским «по наброскам Н. Иваницкого»[25]. Имя петербуржского гравера Михаила Николаевича Рашевского часто встречается в изданиях рубежа веков – он работал для издательств Сытина и Ступина (особенно известен по журналу «Нива»), часто и плодотворно сотрудничал с Николаем Николаевичем Каразиным, известным русским художником и основным иллюстратором «Живописной России».

«Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» – 19-томное издание, подготовленное Товариществом М.О. Вольфа во второй половине XIX века и изданное в 1881-1901 гг. Общий его объем – 6984 страницы, на которых представлено 220 отдельных очерков, написанных 93 писателями. Для сбора иллюстративного материала издатели разослали по стране циркуляр с просьбой предоставить материал, состоящий из картин, рисунков, фотографий, привлекли десятки знатоков отдельных местностей, собрали фотографические коллекции, акварельные альбомы, коллекции правительственных учреждений и частных лиц. Результатом явились 3815 иллюстраций, из них – 400 больших картин во всю страницу, гравюры на дереве и на цинке, фотоцинкографии с натуры. В итоге это издание стало для современников неким открытием своей родины.

Николай Александрович Иваницкий – известный вологодский писатель, поэт, ботаник, этнограф и фольклорист. Он родился в 1847 году под Вологдой в обедневшей дворянской семье. Его дед Иван Иваницкий связан с Коми краем – в 1817-1823 годах был управителем на Сереговском солеваренном заводе купца Рыбникова, откуда с семьей переехал в Вологду. Отец, Александр Иванович, всю жизнь проработал учителем; он составил сборник арифметических задач, изобрел «ветромер», заложил основы гербария дикорастущих растений окрестностей Вологды, написал несколько романов и повестей. Мать, Шарлотта Августовна, урожденная Гейне, немка по происхождению, – женщина весьма образованная, увлекавшаяся литературой и свободно владеющая немецким языком.

Детство Николая прошло в Вологде, после ранней кончины отца семья переехала в российскую столицу, где Николай окончил Вторую Петербургскую гимназию. Жизнь Иваницкого в Петербурге совпала с бурной эпохой шестидесятых годов: воспитанник первого курса Военно-юридического училища был арестован и сослан под надзор полиции в Вологодскую губернию за «политическую неблагонадежность» и участие в студенческих беспорядках. Так Иваницкий попал в Тотьму, которая стала для него жизненной школой и своеобразным университетом. «Занимаясь ревностно английским языком, я прошел вместе с тем основательно арифметику, геометрию и даже алгебру, переделал по этим

[25] Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Том 8. Среднее Поволжье и Приуральский край. Ч. 2. Приуральский край. С.-Пб. – М., 1901. С. 11, 13.

предметам сотни задач, повторил географию, историю, зоологию, минералогию, ботанику, затем взялся за чтение русских писателей и, благодаря училищной библиотеке, прочел их всех, начиная с Кантемира, прошел теорию словесности, занимался и французским языком по часу в день регулярно», – вспоминал Иваницкий[26]. Возможно, в успешном самообразовании ему помогла немецкая методичность, целеустремленность и самодисциплина.

В 1870-1880-х годах Иваницкий работал в разных учреждениях и городах северного края – в Ярославле, Вытегре, Никольске, Грязовце, Устюге, Кадникове и Усть-Сысольске. В это время он пишет и публикует стихи, занимается энтомологией, ботаникой и этнографией. Проживая в Тотьме, берет уроки масляной живописи у местного художника и иконописца Ерехинского. В своих «Записках» Иваницкий пишет, что и до этого занимался искусством – писал акварельные виды на реке Сухоне близ Тотьмы. Несколько таких работ он послал одному своему приятелю в Будапешт, на что тот ответил: «Чрезвычайно заинтересовало меня ваше прекрасное собрание сельских картинок из вашей губернии. Прелестные, уединенные местечки!»[27]

В 1881 году Иваницкий отправился в экспедицию на Печору с целью сбора данных о флоре местного края. Эта поездка была описана Иваницким в ряде очерков, некоторые из них были напечатаны в «Вологодских губернских ведомостях»: «Ботаническая прогулка из Вологды на Печору» в 1882 и «Вологодская Печора» в 1886 году. Путевые заметки Иваницкого «Из Вологды на Печору»» 1881 года хранятся в научном архиве Российского географического общества. Именно на них ссылаются в своей энциклопедии Брокгауз и Ефрон в статье о реке Мылве. А в 1882 году в популярном российском журнале «Нива» увидел свет небольшой очерк «В Печорском крае», составленный по рукописи Иваницкого и сопровождаемый рисунками Н.Н. Каразина, также выполненных по наброскам вологодского краеведа. Возможно, это были те самые рисунки, которые позже вошли в «Живописную Россию».

Зачастую говорят о двух путешествиях Иваницкого на Печору – в 1881 и в 1885 годах[28], однако, точных сведений о второй поездке нет. Заметки 1886 года выходили, скорее всего, по старым материалам. В.В. Кандинский, посетивший Иваницкого в 1889 году, также упоминает только одну поездку 1881 года[29].

Целью путешествия Иваницкого было проплыть по Печоре до границы Архангельской губернии, взглянуть на Брусяную гору и подняться вверх по течению двух главных притоков Печоры – Подчерема и Щугора. Этот маршрут отражен и в названиях иллюстраций «Живописной России»: «Церковь в селе Деревянск на Вычегде», «Троицкий-Ульянов монастырь», «Лесные завалы на реке Северная Мылва», «Вид на гору Саблю», «Вид на гору Толпаз», «Сопласская брусяно-точильная гора», «Ворота на реке Щугор», «Скалы на реке Подчерем».

Свой очерк «Вологодская Печора» Иваницкий начинает с описания своего пребывания в Троицком погосте. Он приплыл на лодке с двумя спутниками и слугами Дмитрием и Евводою, проводником служил молодой зырянин по имени Виктор, хорошо знающий реку и умеющий немного говорить по-русски. 2 июня путешественники тронулись в путь. В 17 верстах от погоста жил отшельник-зырянин. Вот как Иваницкий описывает одинокое жилище и ее обитателя: «Избушка скрыта от глаз плывущих по реке большими кустами черемухи, рябины и молодых елок. Пройдя по узкой тропе, вьющейся среди заросли, мы вышли на маленькую полянку, среди которой и поставлена избушка. В дверях ее стоял хозяин – высокая, угрюмая, черномазая фигура, смотревшая на нас с явным недоумением и вовсе не дружелюбно. Виктор заговорил с ним по-зырянски, хозяин что-то ответил ему и отошел в сторону»[30]. На работе неизвестного художника из фондов НГРК изображена подобная сцена, только написана она была не на Печоре, а на Южной Мылве, находящейся буквально в нескольких километрах от описанного места.

Далее путь Иваницкого пролегал по Печоре через селения Пашня, Савинобор, Дутово, Подчерье, Щугор. В них он останавливался, совершал, как он сам называл, «экскурсии», собирал растения для гербария, окаменелости. В Усть-Сопласе он пешком дошел до Брусяной горы, где добывали точильный камень, осмотрел промысел, жилища рабочих. Потом посетил Усть-Вою и Аранец, а затем вернулся к устью Щугора и 19 июня стал подниматься вверх по этому красивейшему притоку Печоры. Вскоре путешественники увидели Железные ворота (Ульдор Кырта): «Встретив на пути своем хребет горного известняка, пласты которого поставлены совершенно вертикально, река прорезала этот хребет и обнажила по обеим сторонам высокие отвесные скалы, представляющие как бы столпы исполинских ворот, лишенные связующей их арки. Грани этих столпов до того круты, что на них не может расти

[26] Иваницкий Н.А. Записки // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/recollection/14.htm. (дата обращения 11.06.2014).
[27] Иваницкий Н.А. Записки. Там же.
[28] Новиков Н.В. Н.А. Иваницкий и его фольклорное собрание // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/iva/nit/sky/tale/index.htm. (дата обращения 11.02.2015).
[29] Путешествие В. Кандинского к зырянам в 1889 г. / Авт.-сост. И.Н. Котылева. Сыктывкар, 2013. С. 22.
[30] Иваницкий Н.А. Вологодская Печора // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / Сост. В.А. Лимерова. Сыктывкар, 2010. С. 240.

ничего, лишь в расщелинах, где засело немного земли, принесенной весенними ручьями, кое как держатся небольшие ели и березки. Скалы, образующие ворота – темно-серого цвета, на вершинах их растет большой хвойный лес»[31].

Именно Щугорские ворота, представляющие собой отвесные скалы, стесняющие горную реку, изображены на двух акварелях из фондов Национальной галереи Республики Коми. В пользу принадлежности их кисти Иваницкого можно обратить внимание на одну иллюстрацию в «Живописной России», сделанной по его наброскам, а именно: «Ворота на реке Щугор»[32]. Схожесть композиции, изображенной местности свидетельствует о возможном авторстве Н.А. Иваницкого акварелей из собрания галереи.

В своем очерке Иваницкий описал не только природу, жителей северного края, их нравы, уклад жизни, но и «шесть казней печорских»: это северный ветер («вой тол»), земские станции, комары, оводы, мошки и раскольники.

К зырянскому краю Николай Александрович «прикоснулся» еще раз – в 1889 году, когда он, живя в Кадникове, повстречался со студентом В.В. Кандинским, будущим известным художником-авангардистом, отправлявшимся на Вычегду в этнографическую экспедицию. Иваницкий посоветовал ему маршрут, обеспечил теплой одеждой и картой, зачитывал свой печорский дневник[33].

Иваницкий продолжил занятия наукой. Он издал монументальный труд «Материалы по этнографии Вологодской губернии», книгу «Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность». По его инициативе в Кадникове была создана первая городская библиотека. В 1890-е годы Николай Александрович работал в канцелярии архангельского губернатор, секретарем губернского правления в Петрозаводске. В 1899 году он был откомандирован как чиновник особых поручений Главного переселенческого управления в Уссурийский край; по прибытии туда заболел тифом и скончался, оставив после себя большое наследие: поэтическое и научное. Неизвестно, сохранилось ли художественное наследие Н.А. Иваницкого. Поиск его произведений в музеях страны продолжается, а его авторство акварелей из коллекции НГРК пока остается под вопросом.

Бобрик И.Е., Вдовин А.С. (Красноярск)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЕНИСЕЙСКОГО СЕВЕРА В УСЛОВИЯХ ОТДЕЛЕНИЯ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА (1920 – 1923)

Исследование выполнено при финансовой поддержке КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» и РГНФ, проект № 16-11-24009 а(р) – «Туруханский край: освоение и изучение в конце XVIII – начале XX в.».

История православия на берегах Енисея уходит глубоко в XVII столетие, когда происходит заселение северных территорий Приенисейской Сибири. «Енисейский Север» – понятие, включающее в себя г. Енисейск, Енисейский уезд и Туруханский край. В 2019 г. отметит свое 400-летие г. Енисейск, самый «насыщенный» из всех населенных пунктов региона церковной архитектурой, один из крупнейших религиозных центров Енисейской губернии. На территории Туруханского края с начала XVII в. и вплоть до 1917 г. осуществлялась миссионерская деятельность, в силу чего в данной местности появлялись православные храмы и монастыри. Енисейский Север имеет богатую православную историю, вследствие чего ценность каждого предмета и храма на данной территории увеличивается с годами, особенно в наши дни, когда мы можем наблюдать лишь самую малую часть из всего богатейшего церковного наследия региона, уцелевшую в годы атеистического курса Советского государства, периода массовых гонений, реквизиций и закрытий храмов.

Изучению антирелигиозной политики в Енисейской губернии в 1920-е гг. посвящен ряд работ, в числе которых можно выделить исследования А.П. Доброновской (Дворецкой), описывающие религиозную жизнь населения[34], Г.В. Малашина, связанные с духовными процессами и отражением гонений на судьбе Енисейской епархии[35], А.П. Шекшеева, рассматривающие отношение енисейского крестьянства к советской власти и гонениям[36]. Вместе с тем, изучению Енисейского Севера посвящены

[31] Иваницкий Н.А. Вологодская Печора. Там же.
[32] Живописная Россия. Указ. соч. С. 13.
[33] Путешествие В. Кандинского к зырянам в 1889 г. Указ. соч. С. 14, 23.
[34] Доброновская А.П. Отделение церкви от государства в Енисейской губернии (1920–1922 гг.) // Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. – Новосибирск, 2002. – С. 110–119; Ее же. Религиозная жизнь населения Приенисейского региона на переломе эпох (1905—1929 гг.): дисс. … канд. ист. наук. – Красноярск, 2007.
[35] Малашин Г.В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг. – Красноярск, 2011.
[36] Шекшеев А.П. Енисейское крестьянство в эпоху социальных потрясений: между верой и безверием // XI Красноярские краевые образовательные Рождественские чтения (Красноярск, 12-14 января 2011 г.). – Красноярск, 2011. – С. 98-118.

специальные работы М.В. Холиной о ломке большевиками религиозных традиций в г. Енисейске[37], Г. Фаста, описывающие события 1918 – 1930-х гг. там же[38]. Указанные работы затрагивают судьбу культурного наследия в Енисейской губернии, но данная проблема «требует всесторонней доработки, т.к. полностью этот процесс не показан»[39].

Таким образом, в региональной историографии затронуты многие вопросы государственно-конфессиональных отношений в Енисейской губернии, но некоторые аспекты, например, музейное дело и антирелигиозная политика, сохранение наследия религиозных организаций в условиях гонений, освещены в меньшей степени. Так, Исаева Н.Н. описала церковное серебро в музейных собраниях Красноярского края, дошедшее до наших дней, среди которого 31 памятник происходит из Енисейска, 9 – из Туруханского края[40]. Один из авторов данной статьи в общих чертах показал динамику сохранения культурного наследия Русской православной церкви в Красноярском крае в прошлом столетии[41].

С января 1920 г. возобновилось отделение церкви от государства на территории Сибири, в это же время в Енисейской губернии начала работу ликвидационная комиссия при отделе юстиции, а с 8 марта – Енисейская губернская комиссия по делам музеев (Енгубкомиссия по делам музеев). В газете «Красноярский рабочий» отмечалось, что возникновение комиссии связано с необходимостью «определения художественной, исторической и археологической ценности предметов культа, передаваемых верующим»[42]. И это не случайно, поскольку еще декретом от 23 января 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществ» («Об отделении церкви от государства») все религиозное имущество отчуждалось в пользу государства. Подлежащие закрытию домовые, тюремные церкви, монастыри, накопившие свои ценности, находились под угрозой расхищения. В Енисейской губернии, к примеру, в 1919 г. была ограблена Покровская церковь г. Красноярска, о серебряной «роскоши» которой некогда упоминал первый епископ Енисейский Никодим.

В период 1918–1920 гг. началось постепенное складывание системы охраны культурного наследия, при Наркомпросе был организован Музейный отдел во главе с Н.И. Троцкой, одним из провинциальных подразделений которого и была Енгубкомиссия по делам музеев.

Комиссия выработала ряд положений, по которым должно было проходить определение религиозного имущества:

– ценный предмет подлежал либо музеефикации, либо оставлялся в храме с постановкой на учет музея;

– все религиозное имущество разделялось на две категории: первую (безусловная ценность) и вторую (вероятная ценность);

– при описи имущества следовало описывать в первую очередь храмы первой категории, уделяя особое внимание рукописям и старинным иконам[43].

В течение весны – лета 1920 г. комиссией был произведен осмотр всех церквей г. Красноярска и некоторой части Красноярского уезда, после чего планировалось организовать экспедиции на север Енисейской губернии.

Об этих экспедициях не так много известно, за исключением некоторых отдельных сюжетов. Доподлинно установлено, что еще с весны 1920 г. сотрудники Енисейского музея начали собирать данные о памятниках Енисейского Севера, а летом на Ангару была организована этнографическая экспедиция А.А. Савельева. В то время А.А. Савельев являлся заведующим Отделом Русского быта Государственного музея Приенисейского края (ныне – Красноярский краевой краеведческий музей). Вероятно, он и был отправлен в качестве эксперта на территорию севера Енисейской губернии для обозрения церквей. Насколько можно судить из дошедших до наших дней предметов церковной старины, А.А. Савельев осмотрел в Енисейске Спасский монастырь, Богоявленский собор, Христорождественскую церковь, а также Яланскую Сретенскую церковь Енисейского уезда. Из экспедиции Савельева в Красноярском краевом музее хранится ряд предметов: венец из оклада иконы Казанской Божией Матери, митра, оклады икон Знаменской Божией Матери, Княгини Ольги и Христа Вседержителя[44].

---

[37] Холина М.В. Ломка большевиками РПЦ и православных традиций в Красноярском крае (1920–1930-е гг.) // Новый исторический вестник. – 2009. – № 21. – С. 31–41.

[38] Фаст Г., протоиерей. Енисейск православный. – Красноярск, 1994.

[39] Выдрин Е.В., Бобрик И.Е. К вопросу об изучении кампании по изъятию церковных ценностей в Енисейской губернии. // Молодежь и XXI век – 2016. – Курск, 2016. – С. 33.

[40] Исаева Н.Н. Русское церковное серебро конца XVII – начала XX вв. в музейных собраниях Красноярского края: сводный каталог. – Красноярск, 2014.

[41] Бобрик И.Е. Государство, церковь и культурное наследие Красноярского края в XX – начале XXI вв.: ретроспективный анализ // Сохранение и рациональное использование культурного наследия в сфере туризма: материалы Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2016. С. 60–69.

[42] Красноярский рабочий. – 1920. – №175. – 11 августа.

[43] Там же.

[44] Исаева Н.Н. Русское церковное серебро... С. 98; С. 119; С. 149; С. 198.

Сколько в 1920 г. А.А. Савельев привез из Богоявленского собора г. Енисейска в губернский музей доподлинно неизвестно, но один предмет и сегодня хранится в фондах. Серебряный венец оклада иконы Казанской Божией Матери (первой половины XVIII в.) представляет собой корону с пятью зубцами, которую поддерживают два ангела в коленопреклоненной позе[45].

18 мая 1920 г. состоялась национализация имущества Туруханского Троицкого монастыря, старейшего монастыря Сибири. Еще не получив «в безвозмездное пользование» имущество «богослужебного значения», при конфискации у насельников были изъяты четыре небольшие иконы в серебряных окладах, без «суда и следствия» отобранные в неизвестность[46]. Своего рода это был «перегиб», поскольку имущество литургического характера, согласно декрету, должно было передаваться верующим, если оно не представляет художественной или исторической ценности. Через неделю после национализации насельники монастыря получили все старинные рукописи, книги, иконы и церковь в «пользование».

26 марта 1921 г. заведующий Енисейским музеем М.С. Тюнин и его помощник М.Л. Плотников составили «Список памятников искусства и старины в пределах г. Енисейска, его уезда и Туруханского края», включающий церкви г. Енисейска, часовни Туруханского края, ценные исторические архивы. Надо сказать, что 15 церквей Енисейского уезда не были поставлены на регистрацию сотрудниками музея, и экспертизы в данной местности не проводились, однако, зная об их исторической ценности, считалось необходимым провести необходимые экспертизы. В отчете к Сибирскому отделу народного образования отмечалось, что «сотрудники Енисейского научного музея до настоящего времени не имеют возможности в связи с недавним их назначением произвести исследования и регистрацию памятников в Енисейском уезде, как и в Туруханском крае, поэтому воспользовались рукописью М.Л. Плотникова «Енисейский Север», который производил свои работы летом 1920 г.»[47].

В список вошли, помимо Енисейска, и самые отдаленные части Туруханского края: «Гольчиха… Имеется небольшая часовенка, совершенно разрушенная и заколоченная. В часовенке в беспорядке валяются иконы и книги, возможно, что среди коих находятся интересные вещи, как памятники старины… Толстый мыс… В селении, основанном видимо в начале или середине XVIII ст. имеется часовня, которая построена в конце 1897 г.»[48]. Сотрудники Енисейского музея выделили Енисейск, с. Назимово, с. Ворогово, с. Верхнеинбатское, с. Дудинка, с. Монастырское и некоторые другие, где отмечали ценность храмовой постройки в историческом отношении, серебряные и медные оклады икон, недрагоценные причастные приборы, Евангелия, или «стильные напрестольные подсвечники в форме двух перевившихся змей» медной работы начала XVIII в., и также целый «деревянный амбарчик», где «много икон старинного письма даже XVI ст[олетия]»[49]. Говоря о Енисейске, эксперты справедливо отмечали всестороннюю ценность енисейских церковных памятников как в историческом, архитектурном, так и в художественном значении.

Н.К. Ауэрбах, посетивший с. Монастырское в конце июня 1920 г., записал в дневнике: «Она [церковь] по целому ряду икон весьма оригинальных. Особенно занимательна икона Божьей матери с младенцем и Анны пророчицы /одна композиция/ с такими легкомысленными лицами и с такими прелестями, что невольно вспомнилась итальянская школа. Сходство с ней становиться еще больше от ангелов, несущих венки младенцу. Хороши иконы в ризах Василия Мангазейского, стоящие на его гробнице все иконы этого святого надо-бы срисовать, происхождение икон возможно установить по архиву м[онастыр]я»[50].В записи от 22 сентября «Свящ[ященик]. Кайдалов говорит, что Хатанской церкви иконостас перенесен из Старого Красноярского Воскресенского собора. Осталось два става. Интересна икона Христа в шляпе. Старые книги отосланы в Красноярск[ую] консис[торию]. В описи Дудинской церкви оказалась Мессиада[51] со-ин. Клопштока издание книгопрод[овец] Короблева и Сирякова 1868 г. Тунгусский букварь 1858 г. Осматривая старую церковь, предназначенную под слом. Это та самая церковь, которую построил Сотников. В церкви – мерзость и запустение. Библиотека в ужасном состоянии – священник откровенно сознался, что он в библиотеку не заглядывал. Показываются богослужебные книги 1740-750 годов» [52].

С дальнейшим ухудшением социально-экономической ситуации менялась и политика в отношении религиозных организаций. Уже с 1921 г., в связи с начавшимся голодом, ярче всего проявившим себя в районах Поволжья, большевистское руководство «вспомнило» о «богатствах», хранившихся в закрытых и действующих церквях. Для большего нагнетания ситуации губернская газета не писала о церковных ценностях Енисейской губернии, а указывала на «неисчислимые ценности»

[45] Там же. С. 120.
[46] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-259. Оп. 1. Д. 14. Л. 15.
[47] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 379. Л. 3–3об.
[48] ГАНО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 379. Л. 2.
[49] ГАНО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 379. Л. 3.
[50] Ауэрбах Н.К. Дневник 1920 г. // Архив семьи Ауэрбах.
[51] Мессиада, перевод в стихах С. И. Писарева, 3 чч., СПБ., 1868.
[52] Ауэрбах Н.К. Дневник 1920 г. // Архив семьи Ауэрбах.

Петрограда, где на многопудовых золотых окладах имелись «тысячи бриллиантов»[53]. И если в середине 1920 г. писалось о том, что народ стремится «сдать в музей свои религиозные предрассудки», то к 1922 г. все чаще стала звучать идея об изъятии всяких ценностей из церквей на помощь голодающим.

Однако еще с ноября 1921 г. по всей стране стала разворачиваться шестимесячная секретная кампания по учету, изъятию и сосредоточению экспроприированных ценностей с их дальнейшей распродажей заграницей[54]. Согласно декрету ВЦИК «О ценностях, находящихся в церквах и монастырях» от 27 декабря 1921 г., все ценности были распределены на три группы. Первую составляло «имущество, имеющее историко-художественное значение», которое должно было передаваться в ведение Музейного отдела, вторая группа представлена имуществом «материальной ценности», определяемым в Гохран (Государственное хранилище ценностей РСФСР), третья группа «обиходного» имущества оставалась в церквях и монастырях[55]. В конечном итоге 16 (23) февраля 1922 г. был принят декрет об изъятии церковных ценностей, предписывающий «изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа»[56].

Изъятие церковных ценностей представляет первую одновременную и повсеместно проведенную кампанию по ликвидации религиозного имущества. Енисейская губерния начала изъятие с 28 апреля 1922 г., а на территории Енисейского Севера изъятие проводилось с конца мая и до конца сентября. После утверждения уездных комиссий на заседании Енисейской губернской комиссии по изъятию церковных ценностей (ЕнгубКИЦЦ) был утвержден состав Енисейской уездной комиссии по изъятию церковных ценностей (ЕнУКИЦЦ), председателем которой стал В. Чернышов.

Изъятие в Енисейске проходило 9 – 19 июня 1922 г., хотя еще 3 июня в Енисейск выехал представитель ЕнгубКИЦЦ с двумя десятками вооруженной силы. Вероятно, комиссия по изъятию церковных ценностей предполагала недовольство и сопротивление изъятию. Всего по Енисейскому уезду было изъято около 24 п. серебра, в самом же Енисейске более 40 п.[57] Самым богатым храмом в Енисейске оказался Богоявленский собор, о котором еще в 1921 г. сотрудники Енисейского музея писали: «в ризнице храма хранится редкостная книга 1666 г. «Жезл Правления» и Евангелие весом 1 п. 30 ф.»[58]. 9 июня 1922 г. из Богоявленского собора было изъято 17 п. 2 ф. 28 з. серебра[59]. Для музея из собора предлагалось изъять 4 Евангелия (1759, 1744, 1748, 1757 гг.), 2 напрестольных креста, наперсный крест, энколпион, крест-тельник, ковш для теплоты, 3 малых ризы, 2 ризы с венчиком, басму с иконы[60]. Позже, в феврале 1923 г. Музей Приенисейского края отправил в Музейный отдел Главнауки список музейных предметов, в котором 15 происходили из Богоявленского собора: вышеназванные кресты, ковш для теплоты, а также 2 Евангелия (1748, 1759), оклады на иконы «О тебе радуется», Казанской Божией Матери, Иверской Божией Матери, дароносица, серебряная пуговица[61]. Из 15 предметов, предназначенных в музей, на сегодняшний день в фондах Красноярского краевого краеведческого музея (КККМ) хранится 7 предметов, многие из них в частичной сохранности[62].

В Спасском мужском монастыре, изъятие в котором состоялось 14 июня и принесло 7 п. 10 ф. 25 з. серебра, для музея предполагалось изъять только четыре Евангелия (1686 г., 2 – 1703 г., 1798 г.)[63]. При изъятии комиссия отмечала отсутствие предметов, указанных в описи 1883 г., на что служащие монастыря отвечали, что прошло уже более 50 лет и предметы давно уже состарились и были утилизированы[64]. Кроме того, «размах» реквизиций демонстрирует следующий факт, что в монастыре имелись четыре митры, из которых три были изъяты комиссией, а четвертая была изъята для музея А.А. Савельевым еще в 1920 г. Из Спасского монастыря в фондах КККМ содержится 5 предметов, в том числе митра, изъятая А.А. Савельевым.

[53] Церковные богатства // Красноярский рабочий. – 1922. – №39. – 18 февраля.
[54] Васильева О.Ю., Кнышевская П.Н. Красные конкистадоры. - М., 1994. С. 153.
[55] Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, издаваемое Народным комиссариатом юстиции. 1922. №19. Ст. 215.
[56] Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. – М., 1999. – С. 59.
[57] ГАКК. Ф. Р-1134. Оп. 1. Л. 127.
[58] ГАНО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 379. Л. 3об.
[59] ГАКК. Ф. Р-1134. Оп. 1. Д. 128. Л. 45-46.
[60] ГАКК. Ф. Р-1134. Оп. 1. Д. 128. Л. 45.
[61] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2307. Оп.3. Д.348. Л.101.
[62] Исаева Н.Н. Русское церковное серебро... С. 324.
[63] Там же.
[64] ГАКК. Ф. Р-1134. Оп. 1. Д. 128. Л. 46.

Таблица 1

Количество изъятых ценностей в г. Енисейске			
	Изъято серебра		
	пудов	кг	в музей (шт.)
Богоявленский собор	17 п. 2 ф.	273	15
Успенская церковь	8 п. 3 ф.	129	5
Спасский монастырь	7 п. 10 ф.	117	4
Воскресенская церковь	5 п. 6 ф.	83	8
Троицкая церковь	5	80	6
Преображенская церковь	4 п. 22 ф.	75	30
Христорождественская церковь	2 п. 31 ф.	47	1
Иверский монастырь	2 п. 12 ф.	38	3
Входоиерусалимская церковь	1 п. 18 ф.	25	9
Бывшая тюремная церковь	26 ф.	13	–
Часовня при Иверском монастыре	10 ф.	5	–

Составлено по: ГАКК. Ф. Р-1134. Оп. 1. Д. 127. Л. 44–46.

Ценности из Енисейска начали поступать в губернский финансовый отдел еще с июля 1922 г., однако последний ящик с ценностями прибыл из Енисейска на пароходе в январе 1923 г. Всего от ЕнУКИЦЦ было принято более 70 пудов серебра.

Справка в Губкомпомгол 4 ноября 1922 г.

НКФ Копия

Енисейский Губфинотдел

4 ноября 1922 года

№18956/31537

Справка в Губкомпомгол.

Енгубфинотделом было принято церковных ценностей за всю операцию:

	Зол.	Серебра	Др.камней
Енисейску	31 з. 74 д.	53 п. 27 ф. 20 з. 90 д.	204 – 34 з. 27, 5 д.
Туруханску	---	8 ф. 19 зол.	

ГАРФ. Ф.1065 Оп. 4. Д.61. Л.2.

Туруханский край приступил к изъятию церковных ценностей в числе самых последних в Енисейской губернии. Начав изъятие лишь в июле, когда большинство комиссий уже произвели реквизиции в своих уездах (за исключением ЕнУКИЦЦ, которая в июле еще проводила изъятие по уездам), Туруханская комиссия (ТурКИЦЦ) до самого сентября проводила изъятие церковных ценностей, которое дало чуть больше 1 п. церковного серебра. Иными словами, изъятие церковных ценностей в Туруханском крае нельзя назвать успешным, что уже было нами отмечено ранее[65]. Исходя из нижеприведенной таблицы видно, что количество изъятых ценностей в Туруханском крае составляет лишь 4% от общего числа реквизированного серебра в Енисейске.

Таблица 2

Туруханский край		
Туруханский Троицкий монастырь	30 ф. 55 з.	15
Преображенская церковь (Старотуруханск)	8 ф. 5 з.	4
Дудинская Введенская церковь	33 ф. 11 з.	17

[65] Бобрик И.Е. Отделение церкви от государства в Туруханском крае: национализация, вскрытие мощей, изъятие церковных ценностей (1920 – 1922) // Енисейский Север: история и современность. – Красноярск, 2016. – Вып. 2. С. 117.

Мироединская Казанская церковь	85 з.	0, 36
Верхнеинбатская церковь	5 ф. 1 з.	2,5
Тазовский, Хатангский приходы	Изъятие не проводилось	

Составлено по: ГАКК. Ф. Р-1303. Оп.1. Д. 84.

В фондах КККМ числятся 9 предметов, происходящих из Туруханского Троицкого монастыря. Из них от Губфинотдела в музей поступили 8 предметов: крест требный, потир, средник из верхней доски оклада Евангелия, оклад Евангелия, лампада, лжица, кадило, напрестольный крест[66]. В любом случае, даже сохраненная часть наследия Туруханского Троицкого монастыря составляет лишь незначительный процент накопленных до 1922 г. ценностей.

Таким образом, изъятие церковных ценностей на территории Енисейского Севера продемонстрировало два возможных «варианта» развития событий: с одной стороны (Енисейск и Енисейский уезд) – показатели «высшего уровня», более 70 пудов церковного серебра и ряд «художественно ценных» предметов, с другой стороны (Туруханский край) – незначительная часть реквизированного серебра, но не меньшая «историческая ценность» находящихся там церковных ценностей. К сожалению, церковно-монастырские коллекции серебра были уничтожены в 1922–1923 гг., когда из Красноярска в Екатеринбург на переплавку было отправлено свыше 211 пудов серебра. То, что можно было сохранить, в феврале 1923 г. попало сначала в общий список музейных ценностей, составленного для Главнауки, а затем из губфинотдела передано в Музей Приенисейского края. Дальнейшая политика государства привела к очередным «изъятиям», и церковное серебро вновь оказалось изъято, правда уже из музеев.

Подводя общие итоги, стоит отметить противоречивость государственной политики 1920–1923 гг. В это время церковное наследие находится «меж двух огней» – между музейным строительством и антирелигиозной политикой. Главмузей, в лице Н.И. Троцкой требовал «внимания к предметам искусства и старины», поэтому стремился организовать сеть провинциальных комиссий по охране памятников. Местная партийная власть ожидала скорейшего завершения ликвидационных мероприятий, поэтому и «музейный аспект» рассматривался властями как одно из средств борьбы с религией, с отделением церкви от государства. С другой стороны, местная интеллигенция, в лице ученых и сотрудников музеев, четко осознавала всю историческую и художественную ценность церковного наследия, особенно в провинциальных уездах, где Русская православная церковь являлась основным культурообразующим фактором. Главная тенденция в сохранении культурного наследия религиозных организаций в 1920–1923 гг. заключается в том, что сохранение и утрата – это взаимопротекающий процесс.

Богданова О.М., Онучина И.В. (Каргополь)

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИЗ КАРГОПОЛЯ

С начала Первой мировой войны, одного из самых масштабных военных конфликтов, прошло чуть более ста лет. В свое время из-за политической конъюнктуры целенаправленный сбор материалов об этом периоде истории не проводился.

В Каргопольском музее вещевые и документальные памятники стали комплектоваться много лет спустя после известных событий. Среди них предметы форменной одежды и амуниции русского и иностранного военнослужащего (фуражка, китель, кожаная куртка, подсумок, компас, краги), огнестрельное и холодное оружие (корпуса артиллерийских снарядов, гранаты, винтовка Мосина, штык русский и немецкий, пулеметные ленты), памятные знаки, солдатский Георгиевский крест 4-й степени и др. Больше всего артефактов Первой мировой войны относятся к фотографическому и документальному фонду: черно-белые снимки (сюжетные фотографии, портреты), фронтовые письма, в том числе на иллюстрированных почтовых бланках, рисунки, дневниковые записи, воспоминания, послужные списки, удостоверения и т.п.

Многие из музейных предметов не обладают достаточной информативностью. Даже в автобиографиях участников последующих революционных событий, прошедших германскую войну, информация сокрыта под записью: «с 1914 по 1917 годы – служба в царской армии». Настоящей статьей авторы ставят задачу расширения информационного поля документальных источников. Используя

[66] Исаева Н.Н. Русское церковное серебро… С. 93, 103, 106, 111, 146, 150, 252, 254.

исторические сочинения, мемуары,[67] мы, по возможности, попытались уточнить, какое участие в войне принимали каргопольцы.

Сведения о начале мобилизации в Каргопольском уезде сохранились в Национальном архиве Республики Карелия[68]. Каргопольский уездный исправник И.С. Романович в рапорте олонецкому губернатору М. И. Зубовскому телеграфировал о том, что повеление о призыве получено в полицейском управлении 17 июля 1914 г.[69], все призывные распоряжения исполнены, нарочные разосланы. 22 июля в уезде объявлено о призыве ратников ополчения 1-го разряда. Первым днем мобилизации назначено 25 июля. А уже 26 июля исправник сообщает об отправке из Каргополя последней партии призванных запасных. В годы войны призыв проводился неоднократно. Для размещения больших групп призывников из уезда были определены самые просторные городские здания: городское училище, общежитие духовного училища, общественное собрание, чайная Н.Г. Серкова и другие[70].

Искренний патриотический подъем был характерен для первых дней войны. Такое настроение отражено на одном из снимков из фондов музея: торжественная процессия с портретом императора Николая II и государственным российским флагом движется по Екатерининской улице Каргополя от здания казарм, в колонне мобилизованные и провожающие. Под снимком подпись: *«Отправка запасных в 1914 г. Каргополь».* Всего в фондах музея 5 панорамных снимков, запечатлевших проводы новобранцев[71]. Сбор призывников проходил возле здания казарм, а на расположенной рядом Благовещенской площади служили молебен. Фиксация события фотографами говорит о его значимости.

В настоящее время к передаче в музейное собрание готовится цикл воспоминаний в нескольких рукописных тетрадях[72], автором которых является Александр Михайлович Фадеев (28.08.1893 – 11.02.1970). Тетради были переданы из дома по ул. Акулова, 29 новыми жильцами. По этому адресу жил автор, а затем его наследники. Записки о Первой мировой войне содержатся в трех тетрадях, разных по объему, общее число листов 68. Записи выполнены на обеих сторонах листа карандашом и синими чернилами. Сохранность удовлетворительная, текст читается хорошо. Время написания не указано.

А. М. Фадеев родился в дер. Скороходовской Ольховского сельского общества Усачевской волости. В своих воспоминаниях он пишет, что имел льготу по призыву, так как один из братьев уже находился на действительной службе, другой, старший, был зачислен ратником ополчения, и в семье оставалось только два работника.

«В октябре месяце 1914 года был объявлен очередной набор в армию. /.../ призывники нашей Усачевской волости вытянули жребий – 25-й. /.../ Так как шла война, набор был большой, на льготу надеяться не приходилось, на жребий тоже, он был в первых десяти [начинали с последних номеров жребия, при наборе необходимого количества призывников, всех последующих зачисляли в ратники и оставляли дома – И.О.]. *Здоровье было хорошее, поэтому я был уверен, что армии мне не миновать»*[73]. Так собственно и произошло.

В день отправки *«новобранцев собралось со всего уезда много. На площади выстроились (площадь Комсомольская)*[74]*. Подготовили подводы под сумки, погрузили их /.../. У меня был сундучок. Воинский начальник сказал напутственную речь. Начальник партии скомандовал, и колонна двинулась. Кто поет песни, кто плачет. Слышно кто-то играет в гармонь. Родные еще идут вместе, кругом слезы. /.../ Маршрут до Няндомы трое суток./.../. В Няндоме сделали посадку в вагоны-теплушки, и поезд повез к месту службы, конечный пункт был Ораниенбаум»*[75].

Служить А.М. Фадееву пришлось в Кронштадте, в 1-й Минной роте. Обучение службе и воинской профессии минера проходило там же. *«Разбили нас на мелкие группы, на отделения, взводы. /.../ Прикрепили обучающих «дядек». Они-то нас и начали выхаживать и пестовать, и делали из парней неповоротливых, смирных, тихих, некультурных, не умеющих даже ходить, замарашек неграмотных – солдата царской армии и внушали нам идти в огонь и воду, за царя и веру православную»*[76].

---

[67]Уткин А.И. Первая мировая война //militera.lib.ru; Зайончковский А.М. Первая мировая // www.litmir.me; Деникин А. Путь русского офицера // militera.lib.ru.

[68]До 1918 г. Каргопольский уезд входил в состав Олонецкой губернии с центром в Петрозаводске.

[69]Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

[70] По ст.: Намятова Е.С. Жители Каргопольского уезда – участники Первой мировой войны (по документам Национального архива Республики Карелия) // Готовится к публикации в сборнике Каргопольского музея по итогам конференции «Каргополь и Русский Север в истории и культуре России. X-XXI вв.». 2016.

[71] КГИАХМ. КП 6765, КП 12039/1-4.

[72] Воспоминания А.М. Фадеева о семье, бурлачестве, военной службе, участии в революционных событиях в Петрограде и др. в 16 рукописных тетрадях. Из семейного архива Фадеевых.

[73]Воспоминания А.М. Фадеева о военной службе в Первую мировую войну. Из семейного архива Фадеевых. Здесь и далее в цитируемых текстах орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными языковыми нормами.

[74]Приводит название площади в 1920-1930 гг., вероятно, Троицкой, до нашего времени такое наименование не сохранилось.

[75]Воспоминания А.М. Фадеева о военной службе в Первую мировую войну. Из семейного архива Фадеевых.

[76]Там же.

На случай поражения российского флота перед минной ротой Кронштадтской крепости стояла ответственная задача – не пропустить к Петрограду неприятельские корабли. Еще в самом начале войны она вместе со 2-й ротой, стоявшей в Финляндии, ставила минное заграждение в Финском заливе.

Минеров Кронштадта поочередно отправляли на Западную Двину. Подошла очередь 3-го взвода, где служил А.М. Фадеев, и он оказался на одной из станций Рижско-Орловской железной дороги. Как известно, в сентябре-октябре 1915 г. германские войска вышли к Двине и городу Двинску Витебской губернии (ныне Даугавпилс, Латвия). Город отстояли, и на этом участке образовался позиционный фронт. Немцы постоянно обстреливали его дальнобойной артиллерией, бомбили. Минирование на реке пришлось выполнять под беспрерывной немецкой канонадой. Но приказ был выполнен. За работу под огнем наш солдат был представлен к награде и удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени. Это лишь некоторые события из пространных воспоминаний А.М. Фадеева периода его военной службы до 1918 г.

Информацию о положении дел на фронтах можно почерпнуть из солдатских писем, даже, несмотря на то, что они подвергались досмотру, вымарывались. Впрочем, часто они походили одно на другое: короткое сообщение, что жив, расспросы о домашних, поклоны родным.

В фондах музея хранятся 3 письма служившего в 182-м пехотном Гроховском полку Николая Федоровича Николаевского жене, Прасковье Петровне. Все письма датированы 1917 г. Известно, что его полк сражался в Галиции и Польше.

«19 марта 1917 г. Христос Воскресе! Здравствуй, милая и дорогая моя голубушка Панюшка. Во-первых, заочно /…/христосуюсь с тобой, дорогая Паня, а также и со своими малыми детками Шурой, Ваней, Аленой и Таней, а также заочно христосуюсь с дорогой мамой и кротко целую вас, дорогая моя семья, и сердечно желаю я вам в радости встретить и провести праздник, и прошу у нее [матери – И.О.] *родительского благословения /…/. В церковь ходили по два дня, а церковь находится недалеко от позиции, в 3 верстах от позиции. Еще пишу тебе, Панюшка, что мы 24 марта пойдем в окопы, так что Пасху придется встречать в окопах. Вот уже вторую Пасху приходится встречать в разлуке с тобой, дорогая Панюшка /…/. Будем же надеяться на Господа Бога и на его милость. Панюшка, прошу, не расстраивайся, а молитесь Богу. /…/ Письма пиши чаще и пиши подробнее обо всем, очень скучно. /…/*

Затем до свидания, дорогая моя голубушка Панюшка, еще раз целую тебя несчетно раз, остаюсь твой горячо любящий твой супруг Коля»[77].

«8 мая 1917 года. /…/ Письмо пишу в землянке, стоим на первой линии окопов. Погода стоит здесь теплая и сухая, как хорошо на воле. Лес и луга, все позеленело, и только мы, бедные, сидим здесь в земле и видим только одно небо да солнце, а настанет ночь, то нас неприятель поливает свинцовым дождем. 10 мая сменимся в резерв на отдых и будем отдыхать 2 недели, а потом опять пойдем в окопы /…/»[78].

Строки писем говорят о стабильной обстановке на фронте. Это характерный пример позиционной войны, установившейся на русском фронте с 1915 г. В окопах Николай Федорович провел два года. По возвращении домой он вскоре умер от ран. Детей его любимой жене пришлось поднимать одной.

Если писать о многом было нельзя, то делать зарисовки, фотоснимки не возбранялось. В них – хроника повседневной фронтовой жизни, своеобразная летопись войны.

Окопы, блиндажи, аэропланы, дирижабль, ночные бои в свете прожекторов, портреты сослуживцев, пейзажи изобразил в карандашных рисунках Василий Крушинский. Альбом[79] поступил в комплексе вещей из дома, где жила семья мещан Литусовых. Дарственная надпись на нем гласит: «*Марусечке в воспоминание. 27 ноября 1916 г. Вася*». Исходя из этого полагаем, что альбом был подарен каргополке Марии Гавриловне Литусовой, работавшей в то время учительницей. Ряд рисунков датирован 1915-1916 гг., отдельные поименованы.

В октябре 2016 г. музеем был закуплен фотоальбом с редкими по своим сюжетам снимками. Всего в альбоме 124 фотографии, половина из которых посвящена Первой мировой войне[80]. Часть из них напоминает профессиональные съемки, другие скорее являются любительскими. На большинстве нет указаний ни на место события, ни на воинское подразделение. В то же время встречаются единичные надписи: Галиция или юго-западная армия Брусилова. Изображения на снимках самые разные: солдаты в защитных противогазах, железнодорожные пути, разрушенные обстрелом дома, минометы, окопы, братские могилы, австрийское кладбище и др. Здесь же и редкие минуты отдыха: одни сидят за столом, другие лежат в гамаке, третьи с гармошкой в руках. Однако главная тема съемок – фронтовая медицина: санитарные обозы, медсестры, военная аптека, полевые лазареты, перевалочные пункты, носилки с ранеными и убитыми.

Дело в том, что владелец альбома, а, может быть, и автор, если не всех, то хотя бы некоторых фотоснимков – будущий врач, а тогда студент медицинского факультета Новороссийского университета (Одесса), Федор Елпидифорович Голиков (1891-1952). Деревенский житель, уроженец дер. Антоновской

[77]КГИАХМ. КП 4200.
[78]КГИАХМ. КП 4201.
[79] КГИАХМ. КП 11494.
[80] КГИАХМ. КП 17761/1-127.

Лядинской волости, он окончил Петрозаводскую гимназию и был направлен в университет на стипендию Каргопольского земства. Со студенческой скамьи (указ о мобилизации студентов вышел в декабре 1914 г.) его призвали на войну, где он служил фельдшером в санитарном отряде[81].

Фельдшером служил и Иван Александрович Брянцев[82]. В его записной книжке приводятся рецепты различных дезинфицирующих растворов, средств для уничтожения насекомых. Проведение противоэпидемических мероприятий было одним из важных направлений армейской санитарной службы. Свою военную биографию он уместил в несколько строк. *«Я призван на военную службу 1914 г. 23 сентября в г. Каргополе Олонецкой губ. Отправлен из Каргополя 29 сентября. Прибыл в гор. Кронштадт в 334 пеш<ую> Тверскую дружину 3 октября. 6 октября начало занятий./.../ 27 ноября приняли присягу. /.../ 12 мая 1915 г. был экзамен. 17 мая выехали на форт Николаевский. 27 мая получил производство ротного фельдшера. 12 июля откомандирован в г. Валк[83] /.../. 14 июля прибыл /.../ в ст. Мойзекюль Лифляндской губ. /.../ 1916 г. – награжден серебряной медалью на Станиславской ленте приказом по 6 армии за №98»[84].* Далее в форме дневниковых записей, с указанием даты и события, автор перечисляет служебные командировки, встречи с приезжавшим к нему братом, тоже военнослужащим, отпуск на родину.

В фондах музея хранятся 25 почтовых отправлений с германской войны Михаила Гавриловича Редькина: письма, почтовые карточки, 1914-1918 гг.. Они адресованы Ульяне Ивановне Бабкиной (1888-1977)[85]. Большинство писем за 1915 г., с января по ноябрь. За 1916 г. нет ни одного. Затем, в 1917-1918 гг., – несколько сообщений из лагеря для военнопленных. Молодые люди полюбили друг друга еще до войны. В разлуке их чувства окрепли и выросли в сильную и верную любовь.

Завязать переписку с девушкой Михаил Гаврилович пытается через своего брата, о чем просит того в письме от 13 ноября 1914 г.[86] Впоследствии, судя по отдельным сохранившимся конвертам, М.Г. Редькин присылал письма на адрес замужней сестры своей избранницы, Екатерины Ивановны Перцевой, жившей в другой деревне. Сама Ульяна была неграмотна, и ответы писали с ее слов другие.

Солдат живо интересуется деревенскими новостями, сожалеет, что не повенчались. Искренними чувствами наполнены строки его писем. *«Здравствуй, милая, дорогая Ульяна Ивановна. Во первых строках моего письма шлю я вам свой сердечный привет и желаю я вам наилучшее пожелание и нижайшее почтение и с любовью самый низкий поклон и поздравляю я вас, Ульяна Ивановна, с высоко торжественным праздником Светлого Христова Воскресения Святой Пасхи. /.../ Еще уведомляю я вас, Ульяна Ивановна, что не горюй и не тоскуй не об чем – я, слава Богу, жив и здоров. И живу, слава Богу, все хорошо и того вам желаю. Письмо ваше я получил в страшную пятницу* [страстную — И.О.], *за которое очень я вас благодарю несколько раз, еще уведомляю я вас, Ульяна Ивановна, в том, что мне не было времени сняться на карточку до Пасхи, но все-таки я исполню вашу просьбу после Пасхи и затем пришлю и вам денег сняться на карточку — деньги у меня есть.*

Затем прощайте, дорогая Ульяна Ивановна. Остаюсь жив, здоров, того и вам желаю»[87].

В некоторых письмах пехотинец называет место расположения части. В одном из ранних он сообщает, что находится в Вильно (город Российской империи, ныне Вильнюс, Литва) на самой границе войны и с часу на час с часу на час ждет отправки в бой. В другом: *«Я теперь нахожусь в местечке Рожане, находимся на фортах, охраняем мост верстах 20 от позиций. А, может быть, в бою и не придется быть»[88]*. Но, конечно, пришлось и досталось сполна.

Ружаны – это Северо-Западный фронт, Польша. Здесь на Наревском направлении русским командованием готовилась ударная группа армий для вторжения в Восточную Пруссию. Однако немцы опередили, и русским войскам пришлось обороняться. В феврале-марте 2015 г. проходили ожесточенные сражения в районе Прасныша (Праснышская операция), в которых принимал участие 251-й Ставучанский полк, где служил М.Г. Редькин.

Из его писем видится, как постепенно ухудшается ситуация на фронте: *«Ничего не пишите, кроме поклонов, очень строго теперь стало»[89].* Солдатские массы не понимали мотивов войны, того, за что они должны сражаться. С неудачами на фронте непопулярность войны усиливается, дисциплина в армии падает, учащаются случаи дезертирства. М.Г. Редькин не разделял такого настроя: *«Есть много таких,*

[81] После войны продолжил обучение , закончив университет с отличием в 1921 г. Пять месяцев проработал врачом в г. Одессе. Затем по приглашению Каргопольского уездного здравотдела возвратился в Каргополь на должность врача. В Каргопольской больнице проработал всю оставшуюся жизнь.
[82] После войны работал продавцом, жил в Каргополе на ул. Шелковня.
[83] Российская империя, Лифляндская губерния.
[84] КГИАХМ. КП 14138.
[85] Известная мастерица каргопольской глиняной игрушки, сохранившая традицию, с которой началось возрождение промысла.
[86] КГИАХМ. КП 2120/3.
[87] КГИАХМ. КП 2120/11.
[88] КГИАХМ. КП 2120/7.
[89] КГИАХМ. КП 2120/9.

которые сбегают со службы, но не дай Бог так делать. А попал, то надо биться до последней капли крови за веру нашу и царя-батюшку»[90].

В 1915 г. Россия вступила в полосу своих несчастий. Она не только потеряла завоевания, но и начала терять свою территорию. Крепости Иван-город, Гродно, Перемышль падали как карточные домики. Потеря Ново-Георгиевска стала одной из самых позорных неудач русского оружия. Осада крепости немецкими войсками длилась в течение нескольких дней, и 20 августа 1915 г. крепость сдалась. В плен попали 90 тысяч российских воинов. В их числе – нижние чины и командиры Ставучанского полка, участвовавшего в обороне крепости в составе 63 пехотной дивизии[91].

Однако М.Г. Редькин оказался в плену позже. Видимо, по каким-то причинам его не было в тех боях. Его последнее письмо из действующей армии написано 1 ноября 1915 г. А затем более года – ни строчки, и только с 1917 г. – короткие письма на почтовых карточках, со штампом по-немецки: лагерь для военнопленных Пархим. Это один из самых крупных лагерей в Германии, где содержались русские, бельгийцы, сербы, англичане, французы, одновременно 15 тысяч человек. Михаилу Гавриловичу, как и другим, пришлось испытать и голод, и лишения. Однако благодаря действовавшим положениям Гаагской конвенции военнопленным разрешали посылки. Ульяна высылала ему самое необходимое. О получении коротко извещал: *«Посылку получил: рубашка, кальсоны, сухари»*[92]. Из плена Редькин вернулся не ранее 1918 г. Был он болен и прожил недолго. Повенчаться Ульяне с увечным солдатом отец не разрешил. Она же хранила верность Михаилу. Хоть и сватались другие, замуж не вышла, а весточки от любимого берегла до самой своей смерти.

Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии находились не только в лагерях, где их использовали в качестве рабочей силы. Иногда отдавали в работники в частное услужение. В этом случае они жили в семьях. Так и случилось с Хрисанфом Николаевичем Брянцевым из Лекшмо-Боровской волости. Ему повезло больше других. Вернувшись из плена, он привез многочисленные фотографии. Сейчас они в семейном архиве Брянцевых, а обнаружены были не так давно и случайно, в старом чемодане на чердаке своего дома. На одной из фотографий – пленный в форменной шинели российского военнослужащего с пришитым номером. На другой отснята движущаяся колонна русских военнопленных в окружения конвоиров с винтовками. Последние явно позируют. Судя по характерному кепи, конвой в форме австро-венгерской армии. Следовательно, и в плену Хрисанф Николаевич был в Австро-Венгрии. На фотографиях изображены не только сами пленные, здесь и сельский усадебный дом, и его хозяева, групповой портрет хозяев с работниками и др. Наконец, на одном из снимков – возвращение на родину. Молодой человек, одетый по-европейски, в фуражке российской императорской армии, перекинутой через левую руку шинелью, ранцем за спиной и большим перевязанным узлом стоит возле вагонов. На земле у его ног установлена самодельная табличка с надписью по-русски «Домой», чуть ниже, по-немецки «На родину». Каким же желанным было это возвращение. Надо сказать, что на войну были призваны два брата Брянцевых: Хрисанф и Христофор. Оба, к счастью, вернулись. Избежавший плена Христофор служил в Выборгском крепостном артиллерийском полку.

Два письма, одно из которых имеет почтовый штемпель на французском языке, выявлены в фотографическом альбоме[93], принадлежавшем Лидии Дмитриевне Часовенной[94]. Оба написаны карандашом на почтовых карточках. С лицевой стороны фотоснимки: на одном – госпитальная палата с ранеными на койках, на другом – выздоравливающие раненые на скамейке в саду. Первое письмо написано 17 сентября 1917 г. и отправлено из французского города Ла-Сен-сюр-Мер. Адресовано оно Макару Федоровичу Тюрикову[95] для передачи жене писавшего, Анне Часовенной. Один из раненых на фото – автор письма.

Объяснение иностранному адресу может быть одно: Дмитрий Часовенный находился в составе Русского экспедиционного корпуса, который был направлен в 1916 г. на Западный фронт во Францию в рамках интернациональной помощи. Вместе с французской и английской армиями русские защищали район вдоль линии Шампань-Арденны. После Октябрьской революции французским командованием полки были расформированы. Солдатам и офицерам предлагали продолжить службу, но только во французской армии, или работать на предприятиях Франции, или отправиться в колонии Северной Африки. По репатриации в Россию смогли вернуться далеко не все, иные оказались среди французских интервентов, другие в Белой армии Деникина[96].

Второе письмо, без даты и адреса, обращено детям. Приводим его полностью: *«Здравствуйте, любезные мои дети, Тося и Лида. Присылаю я вам свое родительское благословение, которое может существовать на всю вашу жизнь. И под ночь крепко целую и прошу быть ни /б.../. Папочка ваш Д.М.*

[90]КГИАХМ.КП 2120/17.
[91] http://www.libwar.ru/articles/siege_novo_georgievsk/
[92] КГИАХМ. КП 2120/21.
[93]Готовится к передаче в музейное собрание.
[94] Л.М. Часовенная (20.03.1913 – 29.04.1996) жила в Каргополе на ул. Ленина.
[95]М.Ф. Тюриков – часовой мастер, имел собственный дом в Каргополе по ул. Петроградской.
[96]Русский экспедиционный корпус // ru.wikipedia.org.

Часовенный». Проникновенные строки – своеобразное прощальное напутствие. Отец, не зная, как сложится его дальнейшая судьба, беспокоится о дочерях. Судя по приписке на одном из писем, домой он не вернулся. Надпись чернилами в уголке принадлежит дочери: *«Память папы. Я тогда была еще маленькой».* Действительно, Лидии Часовенной в это время было всего 4 года.

Особо следует сказать о переменах в русской армии после Февральской революции. Они нашли отражение в некоторых записях каргопольцев-фронтовиков.

А.М Фадеев, служивший в Кронштадте, во время его пребывания на передовой на Западной Двине, занимался с товарищами не только минированием, но и нес дежурство на железнодорожной станции. В конце февраля 1917 г. он дежурил у телефона и нечаянно подслушал разговор, как он пишет, двух приятелей ротных командиров. Один передавал другому новость: *«Царя Николая Романова прогнали с престола, и скоро ему дадут командовать роту солдат»*[97]. Александр Михайлович либо ошибся месяцем (манифест об отречении Николая II подписан 2 марта 1917 г.), либо офицеры обсуждали саму возможность подобного развития событий в ходе революции, в конце концов, могли быть просто слухи. Фадеев тотчас поделился услышанным с товарищами, а утром передал содержание разговора подпрапорщику Кузмину. *«Кузмин мне, конечно, верил и не верил, и сказал, чтобы я /.../ не распространял пока непроверенных слухов»*[98]. Только через 5 дней было получено официальное сообщение из Риги об отречении государя. Фадеев же был направлен на торжества по этому поводу, на которых должны были присутствовать члены Временного правительства.

Были внесены изменения в воинский устав. Введено обращение к солдату «на вы», отменено титулование офицеров и др. Их, как важные, помечает в записной книжке И.А. Брянцев[99].

Об участии в революционных событиях Федора Григорьевича Зыкова (1886-1938) свидетельствуют его документы: удостоверения об избрании в полковой, затем дивизионный комитет, а также делегатом на съезд солдатских депутатов Юго-Западного фронта[100]. Человеком он был неординарным и примечательным во многих отношениях[101]. По происхождению – из крестьян дер. Максимовской Кенорецкой волости. На войну попал бывалым солдатом: ранее проходил службу в Кеми. С 1914 по 1917 гг. воевал в составе 145-го Новочеркасского пехотного полка им. государя императора Александра III. Воинское звание – унтер-офицер, в конце войны – подпрапорщик. За личный подвиг и проявленное мужество отмечен орденами и медалями. Имел все четыре степени ордена Святого Георгия, т.е. был полным георгиевским кавалером. Воевал в Галиции, участвовал в Брусиловском прорыве, за что получил один из крестов. Другой – за взятие австрийской батареи ударом штыка, еще один – за участие в наступлении 1917 г. На одном из фотографических портретов – поясное изображение бравого солдата Ф.Г. Зыкова. Федор Григорьевич, в военном мундире, сидит, опираясь на эфес шашки, грудь украшают ордена и медали.

Анализ документальных источников помог выявить степень участия каргопольцев в битвах и сражениях Первой мировой войны, дополнил биографии фронтовиков, но самое главное высветил личность русского солдата, простого мужика, его отношение к Родине, семье. Несмотря на разложение армии, достигшее апогея в конце войны, дух русского крестьянина не был сломлен.

Советская власть старалась предать забвению «империалистическую войну», и все же память не изгладилась. Спустя 60 лет после окончания забытой войны в дар музею был преподнесен предмет, сохранивший видимый след тех эпохальных событий. Это латунная кружка из гильзы снаряда, с выгравированной надписью: *«Иван Савинович Карпунин. В память великой войны. 1914-15-16-17 гг.»*[102]. Ее подарил участник Великой Отечественной войны[103]. Такой вот символический знак неразрывной связи поколений.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что тема далеко не исчерпана. Есть ресурсы по комплектованию, есть и не изученные источники.

---

[97]Воспоминания А.М. Фадеева о военной службе. Из семейного архива Фадеевых.
[98]Там же.
[99]КГИАХМ. КП 14138.
[100]КГИАХМ. КП 16464, КП 8680.
[101]До войны был на заработках в Петербурге, работал на заводе ген. Витовского (гор. Колпино), в т.ч. служил заведующим продовольственными складами на этом заводе. По возвращении с фронта был избран председателем Каргопольского уездного союза потребительских обществ. Затем работал уполномоченным по заготовкам в Тульской губернии, на Украине. В 1922 г. отозван в Москву. Работал в сырьевом отделе. После ликвидации сырьевого отдела перешел в Центросырье Центросоюза.
[102]КГИАХМ. КП 2411.
[103]Петр Александрович Герасимов (1909-1985), участник обороны Ленинграда, штурма Берлина.

Буковецкая О.А. (Москва)

В ПОИСКАХ ЖИВОГО НАСЛЕДИЯ. ОПЫТ РАБОТЫ СЕМЕЙНОГО ТУРИСТСКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО КЛУБА

Введение

Когда мы говорим о культурном наследии, то, о каком бы объекте ни шла речь, тема распадается на 2 аспекта: **сохранить** то, что было и **воспитать** тех, кто сможет это воспринять – понять, оценить, воспроизвести. Любая культура – это язык и, если исчезают те, кто может на нём говорить, культурные источники мертвы, как Розеттский камень или скульптуры с острова Пасхи.

Для культуры нашей страны эта тема вдвойне актуальна из-за особенностей нашей истории. Два культурных перелома: в начале и конце XX века, привели к тому, что очень многие культурные источники, которые по своему формальному возрасту никак не могут считаться архаичными, людьми воспринимаются, как таковые. Приведу забавный пример: каждый год я спрашиваю школьников, впервые пришедших с нами в Открытое хранение фондов Тотемского музейного объединения, когда могли использоваться стоящие там прялки. Типичные ответы: в XV веке, при Петре, при Екатерине. И почти никто не подозревает, что прясть и ткать могла ещё их бабушка, а уж прабабушка – наверняка.

Если мы не хотим, что через десяток лет вся наша традиционная культура воспринималась, как Розеттский камень, нам необходимо уже сейчас думать не только о сохранении культурного наследия, но и о том, чтоб воспитать наших детей его живыми носителями.

И в этом отношении Тотемское музейное объединение и, в частности, Открытое хранение фондов и Петровская ремесленная школа, являются и являлись уже много лет назад носителями уникального опыта, важность которого, как мне представляется, до сих пор не полностью осознаётся. Но об этом – дальше.

Начало. Знакомство с Открытым хранением фондов

Что такое музей советской эпохи, я думаю, все здесь помнят. Безусловно, честь и хвала музейным работникам того времени, не только сохранившим то, что сохранять было можно, но и потихоньку размещавших в фондах иконы, старообрядческие книги и прочие предметы, которые могли и сгореть в кострах «новаторской эпохи». Но, с точки зрения посетителя, музеи в подавляющем большинстве своём были крайне жёсткими и порой даже недружелюбными местами. До сих пор у многих людей, воспитывавшихся в 70-80, музей ассоциируется с «руками не трогать» и «молодые люди, отойдите на метр от картины». В результате они – люди, их – музеев, побаиваются.

Я, к сожалению, по этому признаку тоже вполне советский человек, правда сильно перевоспитанный. Но, когда я впервые оказалась в Открытом хранении, это было… Не побоюсь сказать, это было открытие мира!

Произошло это в начале двухтысячных, по дороге из Устюга, который тогда только начинал становиться интересным, как «Родина деда Мороза». Устюг тогда не впечатлил – оставалось ощущение «невзаправдашности», какого-то вранья, зато в Тотьму мы влюбились сразу.

Конечно, мне доводилось до этого бывать в хранениях музейных фондов, но это всегда был серьёзный процесс с выписыванием разрешения и массой ограничений. Конечно, в современном музейном деле многое изменилось и теперь уже не кажется фантастическим возможность взять в руки экспонат и даже попробовать, как им работали, но тогда это было очень непривычно и очень радостно.

Собственно, именно тогда, из желания показать это чудо таким же, как я тогда была, мамам с детьми разного возраста, и возникла идея нашего Семейного клуба. Так что пользуюсь случаем сказать за это спасибо Тотьме и Музейному объединению!

С тех пор утекло немало воды, а представления о том, как должен жить музей, сильно изменились. Современный музей – это, прежде всего, интерактив, это пространство взаимодействия людей между собой, людей с информацией и только потом – с предметом. Эти принципы очень хорошо заметны, например, в московском музее ГУЛАГ – одном из самых новаторских музеев России. Но, параллельно с радостью от этих изменений, от того, что музей стал дружелюбной и открытой средой, возникает беспокойство – а где в этой схеме, собственно, музейный предмет, не станет ли он вторичным по отношению к пространству музейного интерактива… Пока никто не знает ответа на этот вопрос, его даст только время. Но то, в чём можно быть твёрдо уверенным, так это в том, что в таких местах, как Открытое хранение фондов Тотемского музейного объединения, музейный предмет никогда не отойдёт на второй план.

Как учить, чему учить, зачем учить…

Я думаю, что многие обратили внимание, что сейчас в России – эпоха мастер-классов. Стоит открыть любую социальную сеть, поисковую страницу и так далее, как мы непременно увидим приглашение на 2-3 мастер-класса. Чему только не учат: медитировать, правильно дышать, раскрашивать пасхальные яйца, лить стекло, рисовать, ковать… Я не буду сейчас касаться темы о качестве многих из этих мастер-классов – как всегда, когда нечто становится массовым, качество, скажем мягко, не увличивается.

Но гораздо интереснее, на мой взгляд, сам этот феномен.

Во-первых, взрослые люди идут учиться. Иногда даже пожилые. И идут они учится тому, что почти наверняка не только не принесёт им денег, но и даст затраты. Но идут. Добровольно, с радостью, с фотоотчётами в сети. Зачем, почему, откуда это взялось?

Находятся критики, которые утверждают, что – де, не от хорошей жизни, что это способ бегства от проблем, компенсации, заполнения внутренней пустоты и проч. Но достаточно посмотреть на многие фото участников, чтоб понять, что это неправда - люди счастливы. Возможно, им не хватало возможности что-то сделать собственными руками, или это реализуются существующие в человеке, но не реализующиеся во многих современных сферах деятельности творческие способности.

И тут мы вспомним, что возможности эти всегда присутствовали в обыденной жизни наших предков, какой бы сложной она не была. Вышивка на одежде, пряничные узоры, резные наличники, роспись прялок, шкатулок, а иногда и стен. Наши предки не приглашали дизайнеров… История, совершив круг и проведя нас через отрицание красоты быта и ровные ряды безликих «хрущёвок», вернула нас обратно, к понимаю того, что важен не только результат, но и сам процесс творчества, даже если созданное никогда не станет великим произведением искусства.

Во-вторых, ещё одна важная особенность этого феномена – это разновозрастность групп, то, что рядом «на ученической скамье», оказываются отцы и дочери, матери и сыновья, а иногда даже бабушки. Часть проблем детско-родительских отношений, о которых так любят писать длинные советы психологи, при такой работе исчезает сама собой. Тут уже не скажешь ворчливо: «Петя, что у тебя в тетради, вот я в твои годы…». И наоборот, дочь, помогающая маме справиться с неполучающимся у мамы орнаментом, получает такой урок ответственности и взаимопонимания, который не дадут специальные тренировки по «тимбилдингу», то есть развитию командности, тоже модные ныне. Собственно, совместное освоение нового – это и есть самый лучший тимбилдинг!

На мастер-классах учат разному – и нашему, и зарубежному, и традиционному, и новому и на всё находятся свои любители, и всё бывает интересно, но в обучении традиционным ремёслам и искусствам, особенно там, где они возникали и существовали, есть несомненное преимущество.

И тут мы подходим к ещё одному аспекту того, **как** учить, который имеет самое непосредственное отношение к тому, о чём я говорила в самом начале: о сохранении живой традиционной культуры. Когда мы учимся чему-то живых носителей, а не по интернет-урокам, когда мы приезжаем туда, где ещё совсем недавно музейные образцы были обычными бытовыми вещами, это очень сильно меняет восприятие.

Мне бы очень хотелось сказать, что мы сами при этом становимся носителями этой культуры, но понимаю, что это будет не совсем честно – конечно, до этого далеко. Но стремиться к этому можно. И это хороший путь, чтоб излечится от очень многих социальных бед крупных городов – ксенофобии, снобизма, неоправданного высокомерия. Известная московская шуточка про то, «есть ли жизнь за МКАДом» - к сожалению, для многих людей не совсем шутка. Собирая выезды, я порой получаю от новичков родителей очень смешные вопросы, про то, как будут жить дети. В головах многих до сих пор сидит образ российской глубинки, как места, где исключительно пьют, и вся жизнь закончилась в эпоху колхозов. И, когда люди приезжают сюда учиться – учиться у тех, кто здесь вырос, у носителей местной культуры, и не только учиться – жить рядом, ходить в те же магазины, праздновать праздники, вместе петь в «Морошке» с тётей Олей (Ольгой Литвиновой) – это меняет мир раз и навсегда. Недавно в Каргополе мне сказали, что мы «неправильные москвичи». Честно говоря, считаю это комплиментом.

Как мы работаем

Наш Семейный клуб работает уже более 5 лет и каждое лето для нас начинается с приезда в Тотьму. Тотьма уникальная не только картушами «тотемского барокко», но и прекрасной возможностью освоения народных промыслов для новичков – так, чтоб не отбить у них желания заниматься этим дальше.

Во-первых, сама по себе свободно-кистевая тотемская роспись прекрасно подходит для освоения людьми, не имеющими никакой художественной подготовки. Во-вторых, опыт и позиция преподавателей Петровской школы, которая изначально, ещё в дореволюционное время была создана, чтоб учить не избранных, а тех, кому это нужно.

И, наконец, Открытое хранение фондов, где всегда можно посмотреть и попытаться скопировать старые образцы, находится совсем рядом с местом проживания – гостиницей «Монастырские кельи». Получается почти идеальный вариант погружения в культурную среду, чем мы и пользуемся.

За все эти годы у нас не было **ни одного** случая, чтобы у кого-то работа/учёба совсем не пошла. Начав с Тотемской росписи, мы потом отправляется и в Каргополь делать игрушки, и в Ветлугу ковать, и в Себеж плести из прута. А в этом году доехали даже до Нижнего Тагила и попробовали расписать крошечные подносы.

Почти вся география наших поездок так или иначе связана с севером: Вологодская, Псковская, Архангельская области. Так получается, что на севере есть и чему учиться, не рискуя получить подделку и попсу, и есть где остановиться, не используя «туристской инфраструктуры» и «современного сервиса». Последнее не менее важно, чем возможность учиться – важно для того самого погружения, о котором я говорила выше.

«А мы шагаем по дороге и не кончается она…»

Каковы же дальнейшие сюжеты развития? Формат нашего Семейного клуба, несомненно, является одним из вариантов познавательного или, как его ещё называют, событийного туризма. Туризм ныне – быстро и активно развивающаяся область. Но, увы, развитие его, по крайней мере, в нашей стране, пока проходит весьма однобоко. Виновато ли в этом желание забыть бытовые ограничения советского времени, страх быть недостаточно привлекательными для клиентов или что-то ещё, то туризм эволюционирует в сторону развития сервиса и так называемой «туристской инфраструктуры».

При этом часто забывают об аутентичности и правде жизни, появляются юрты с ватерклозетами, избы, облицованые сайдингом и микроволновки рядом с муляжом русской печи. Наверное, это тоже кому-нибудь нужно, если эти «звёзды зажигают», правда, к теме сохранения живой культуры, с которой я начала, это имеет мало отношения. Хуже то, что, как только появляется такая «инфраструктура», довольно быстро исчезает всё остальное.

Ещё лет 5-6 назад со школьниками можно было поселиться хоть в школе, хоть «у бабули», то есть остановиться в обычном доме у местных жителей. Теперь – увы, это не только запрещено правилами, но и сами люди не жаждут пускать незнакомцев, если, конечно, это не сдаваемая через агентство квартира «с евроремонтом», пластиковыми окнами и всеми прочими «благами». Чтоб переночевать в доме с русской печью, которую можно самим топить, наколов предварительно дрова, приходится прилагать такие усилия, что, наверное, проще выиграть тур на Канары. Пока выручают студенческие общежития, но с этого года группы школьников тоже стали пускать не слишком охотно: вы же туристы, для вас есть специальные туристские места. К счастью, Тотьмы это пока не коснулось, надеюсь, гостиница «Монастырские кельи» останется такой, как она есть, сохранив свой неповторимый колорит «многослойной» старины.

Одним из направлений развития, противоположных описанной тенденции, является реконструкторство, то есть движения исторической реконструкции и «Живой истории». Здесь уже речь идёт не о том, чтоб научиться какому-то одному элементу народной культуры, а о том, чтобы воспроизвести целиком быт, образ жизни, внешний вид чловека той или иной эпохи. Самый известный клуб исторической реконструкции – Ратоборцы (http://ratobor.com/), а самый интересный проект – «Один в прошлом» (http://ratobor.com/projects/odin-v-proshlom/), когда обычный московский программист по собственной воле провёл целую зиму на хуторе, в избе, воспроизводящей жилища X века. Сейчас начинается следующий этап проекта – «Семеро в прошлом», участников стало больше и это уже почти средневековая деревня. Причём, что не говорили бы про требования современных людей к уюту, но отбоя от желающих принять участие в проекте не было и организаторам пришлось ввести очень жёсткие критерии отбора участников.

Конечно, X век – это сурово и, как минимум, требует прекрасного здоровья участников. А вот переночевать в избе времён Ивана Кускова или хотя бы вернуться в начало XX века – это было бы одновременно интересно и гораздо более доступно. И, конечно, самое интересное – сделать это с сохранением семейного формата. Когда папа с сыном и его друзьями колет дрова, а мама с дочкой лепят пироги, а потом они все ужинают при свете лучины, которую нащипали младшие члены семьи или группы… Это, конечно, не суровые и брутальные проекты Ратоборцев, зато это может стать интересным гораздо более широкому кругу. И, конечно, это прекрасный вариант и интересного отдыха, и способ многому научиться, и, конечно, замечательная тренировка на командообразование («тимбилдинг»). Давайте попробуем сделать это совместными усилиями!

Быков А.В. (Вологда)

ТОТЬМА 1918-19 ГГ. В МЕМУАРАХ ДМИТРИЯ СИЛИНСКОГО

В 1966 г. житель Ставропольского края Дмитрий Михайлович Силинский закончил писать мемуары о своей юности, прошедшей в селе Верхний Спас Тотемского уезда Вологодской губернии. Рукопись он мечтал издать, но, увы, все попытки оказались напрасными.

В 1992 г. тетрадка с мемуарами Силинского попала в Тарногский музей в составе имущества краеведа М.Б.Едемского. К сожалению, по просьбе родственников, оригинал был возвращен дирекцией музея в семью. Исследователи мемуаров могут довольствоваться только машинописной копией, сделанной сотрудницей Тарногского музея Н.В. Поповой.

В 2002 г. часть текстов Силинского, посвященная дореволюционным событиям, была издана нами в книге «У Спаса на погосте». Научный мир по достоинству оценил этот интересный этнографический источник. Однако мемуары уроженца Верхнего Спаса не ограничиваются дооктябрьским периодом. В декабре 1918 г. отец привез юношу в Тотьму, где Дмитрий Силинский устроился на работу в уездный отдел милиции делопроизводителем.

В Тотьме юноша пробыл до ноября 1919 г., когда после смерти родителя вынужден был вернуться на родину. Этот в общем-то непродолжительный срок пребывания молодого человека в уездном центре тем не менее нашел отражение в мемуарах.

В 2016 г. мы издали краеведческую брошюру «Страсти по Феодосию Тотемскому», где использовали отрывки из мемуаров Силинского, посвященные вскрытию мощей тотемского святого. Силинский был очевидцем событий и подробно описал, все что видел. Данные мемуаров позволили существенно углубить знания об этих событиях. По существу, на сегодняшний день записки Силинского являются одним из основных источников по теме о вскрытии в 1919 г. мощей Феодосия Тотемского.

Будучи по природе человеком любознательным и не лишенным художественного вкуса, Дмитрий Михайлович уделил немало внимания в мемуарах и непосредственно городу Тотьме. Это впечатления о зимнем и летнем городе, описание реки Сухоны, досуга тотемских жителей летом 1919 г. Интересны зарисовки о революционных изменениях в городе.

В настоящей работе мы рассмотрим данные мемуаров в информационно-тематическом контексте, уделив главное внимание описанию Тотьмы. Проехав около сотни верст по лесам и болотам так называемого Ляпина Волока, соединявшего Кокшеньгу с Тотьмой, Силинский был поражен величием городской архитектуры:

«Мы подъезжали к Тотьме ранним морозным утром со стороны деревни Варница, расположенной недалеко от Тотьмы. Из перелеска справа, прежде чем городские дома, показалась высокая белокаменная колокольня и также две белые церкви монастыря Преподобного Феодосия, обнесенного высокой каменной стеной. А спустя минуты две прямо перед нами открылась панорама города Тотьмы. Большое количество церквей с колокольнями меньшей высоты чем монастырская, затянутых густым дымом от великого множества домовых дымоходных труб. Ни справа, ни слева не видно было конца города…

Меня очень поразило большое количество церквей в Тотьме. Хоть и громадным показался мне город, но населения в нем в то время насчитывалось не более 5000 человек, тогда как в Спасской волости проживало 7000, а церквей было только две. А тут? Нескоро пересчитаешь все церкви. И кафедральный собор, что на прибрежном крае города и три больших белых церкви в центре города, не одна часовня в скверах да еще и громадные две церкви в монастыре. К чему же так много? Для чего там ежедневного звона много и перезвона на колокольнях церквей. По воскресеньям и церковным праздникам этот церковный звон создавал сплошной оглушительный гул во всем городе».

Память изрядно подвела автора. В Тотьме в начале XX в. было 12 действующих церквей: Успения, Воскресения, Богоявленский собор, Казанская «под колоколы», Георгиевская, Сретенская, Пятницкая, Рождественская, Входоиерусалимская, Предтеченская, храм при духовном училище и Скорбященская при тюрьме. Конечно не все из них выглядели монументально. Видимо в памяти автора запечатлелись церкви на современной улице Ленина (бывшая Почтовая): Входоиерусалимская, Христорождественская, и утраченные ныне Пятницкая и Сретенская.

Интересны замечания деревенского мальчика о горожанах. Столкновение городской и сельской ментальности фиксируется Силинским в коротких размышлениях:

«На улицах города постоянно ходили люди в разных направлениях. Почему? Кто они? Мне думалось, что все они шатаются без дела, все лодыри, отлынивающие от работы».

«Впервые въехав в Тотьму, я слез с дровней и сняв тулуп, зашагал по деревянному дощатому тротуару по нескончаемо длинной улице к центру города. Я здоровался с каждым встречным взрослым человеком, поднимая при этом шапку на голове. Кое кто отвечал мне на приветствие, а большинство с удивлением оборачивалось в мою сторону, глядя мне вслед. Они очевидно хотели удостовериться, знают ли меня, а может быть думали: «Что это за чудак поздоровался со мной?»

Здоровался я со всяким прохожим потому что этому учили меня в школе с детства и родители и учителя. Я привык к этому вежливому обращению со всеми взрослыми. Так всегда поступал я у Спаса. Продолжал это делать, приехав в город.

Конечно, недоумение встречных граждан по поводу моего приветствия я заметил и подумал: «Следует ли мне здороваться с каждым?»

Это мое сомнение рассеялось после того, как въехав на постоялый двор спросил об этом у ее сына, учителя. Он, выслушав меня, улыбнулся и сказал: «Ох, братишка! Если ты будешь тут каждому встречному отвешивать поклоны, шейка твоя переломится. Здоровайся только со знакомыми людьми. Тут в городе так принято».

Вспомнились автору мемуаров детские воспоминания о тотемских гостинцах, которые привозил из каждой поездки его отец:

«Е*ще будучи малышом я с удовольствием ел лакомые куски ситного (белого) хлеба, которыми одаривал нас с братьями в семье наш отец, возвращаясь из поездки с зерном в Тотьму. Привезет бывало целый большой каравай, и угощает всех нас. Ох, и вкусным же казался нам этот ситник. Да разве можно сравнить его с домашним ржаным караваем. Глазированные пряники, которые также привозились нам отцом, были тоже хороши».*

Дмитрий Силинский мечтал найти эти сладости в послереволюционной Тотьме, но тщетно:

«*Того, что мне очень хотелось, я в Тотьме не нашел. Красивых товарных магазинов в Тотьме в начале 1919 г., какие имели купцы Киренков, Кузнецов и другие, уже не было.*

В описываемый период все купеческие магазины были закрыты. Торговали несколько небольших лавок уже государственных, да работали хлебно-продуктовые магазины, отпускавшие эти товары по продовольственным карточкам.»

Еще одно важное замечание относительно городских жителей оказалось в мемуарах:

«*Особенно меня удивляло то, что все городские жители выходили на улицы города постоянно в чистой нарядной одежде и казалось, всегда новой. «Значит все тут живут хорошо» - думал я».*

Очень скоро это благополучие исчезнет с городских улиц, товарный голод приведет к тому, что любая мануфактура станет предметом острого дефицита, а население будет вынуждено донашивать и перешивать старые вещи.

Особое внимание автор мемуаров уделил реке Сухоне.

«Хороша Тотьма летом. Пароходная пристань, курсирующие между Архангельском и Вологдой пассажирские и буксирные пароходы. Ровная гладь приветливой Сухоны, высокая набережная с бульваром вблизи пристани, зеленые скверы. Все это привлекало для отдыха после рабочего дня не только молодежь, но и взрослую публику. И катание по Сухоне на легких лодках и купание в прозрачной теплой воде реки и прогулки с веселой молодежью на бульваре — все это было замечательным приятным развлечением. Даже посмотреть причалы к пристани пассажирских пароходов, «отчаливание» их с басовитыми гудками- доставляло большое удовольствие».

Однажды молодому человеку удалось совершить путешествие вверх по Сухоне, которое он описал с неподдельным восторгом:

«*Летом 1919 г. я удостоился чести на командировку вместе с начальником управления Фоминым в село Фоминское на ревизию деятельности районного начальника милиции. Наш путь протекал вверх по реке Сухоне на пароходе.*

Это было мое первое путешествие по водному пути. С каким-то особым волнением я поднялся с Тотемской пароходной пристани по трапу на небольшой пассажирский пароход. Мы с Фоминым заняли двухместную местную каюту и, оставив в ней свои чемоданы, вышли на палубу, уселись на скамейку у рулевой будки на носовой части парохода и стали ожидать «отчаливания». Гулко прогудели с небольшими промежутками три гудка и пароход, медленно развернувшись на фарватер реки, усиленно захлопал колёсными лопастями и быстро «побежал» против течения Сухоны.

Мы плыли по широкой глади этой удивительно красивой северной реки. Лес по обеим ее сторонам сменялся широкими пойменными зелеными лугами с маленькими озерками. То вдали от берега, то на самом берегу Сухоны показывались деревни, большие и маленькие, с церквями и без них, утопающие в зелени берёз и черемух, то совсем оголенные.

Несколько раз мы останавливались у пристаней, за которыми видны были большие села, непохожие на кокшеньгские.

Наконец поздно вечером мы прибыли к месту назначения. Какое чудное это было путешествие!»

Сейчас, спустя почти сто лет, от этого пейзажа мало что осталось, разве что село Усть-Печеньга с красивой церковью по-прежнему составляет лучшую панораму этой части реки Сухоны.

В записках Силинского немало интересных материалов о первых тотемских милиционерах, кокшеньгском землячестве и других сюжетах. Но они ещё ждут своего исследователя.

Былов Г. В. (Москва)

ЕПИСКОП АРХАНГЕЛЬСКИЙ НАФАНАИЛ СОБОРОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ГЕОГРАФИИ И КУЛЬТУРЫ РУССКОГО СЕВЕРА

Памяти двоюродного прапрадеда Н. И. Соборова посвящается

Христианская вера традиционно играет важную роль в поддержании русской духовности и традиций во всех слоях общества. В церквях до революции также регистрировались акты гражданского состояния и осуществлялось элементарное народное просвещение. Не случайно православные иерархи были значимыми фигурами в царской России. Мы рассмотрим вклад епископа Архангельского Нафанаила Соборова (1824-1907) в историко-культурное наследие Русского Севера и упрочение позиций русского государства в освоении своих дальних земель.

Николай Иванович Соборов родился в 1824 году в городе Сапожок Рязанской губернии, в семье священника Скорбященской церкви. До своего служебного назначения в Архангельскую губернию Нафанаил Соборов прошел впечатляющий путь от инспектора до ректора духовной семинарии, дослужился до епископа Новомиргородского и викария Херсонской епархии. Он управлял Архангельской епархией более 8 лет, будучи 27-м и 29-м по счету архипастырем Архангельским и Холмогорским, в 1879-1882 и 1885-1890 гг. Для нас важно, что служебная деятельность Нафанаила Соборова по управлению епархией интересным образом переплетается с его активностью по изучению географии, истории и культуры подотчетной ему территории. Мы остановимся подробнее на таких аспектах его деятельности, как научно-географическое и историко-краеведческое описание Архангельской губернии и укрепление северных рубежей Российской империи посредством строительства церквей и упрочения православия.

Для целей настоящего исследования неоценимым ресурсом является периодическое издание «Архангельские епархиальные известия», которое после1888 стало печататься под именем «Архангельские епархиальные ведомости». Инициатором издания епархиальных новостей был преосвященный Нафанаил. Появление этих регулярных церковных печатных изданий значительно обогатило краеведческое источниковедение на северной окраине России.

Одним из наиболее ярких примеров географо-краеведческой деятельности епископа является составление и издание «Атласа Архангельской епархии». Он вышел в свет в 1890 году по распоряжению епархиального начальства[104]. Книга содержит 30 карт и подробные демографические сведения по приходам за 1888-1890 годы. Каждому благочинию посвящена цветная карта, которая дополняется детальной статистической таблицей по каждому приходу и его населению. В частности, приводится число деревень и домов, церквей и часовен, прихожан раздельно мужского и женского рода, а также расстояние в верстах от приходской церкви. Работа над атласом велась очень скрупулезная, собранные данные неоднократно уточнялись на местах и лишь в безупречно выверенном виде шли в печать[105]. На картах просматриваются тенденции расселения жителей вдоль линейных природных объектов – берегов водоемов и рек. Необходимо отметить, что в прошлом реки играли исключительную роль в пространственной организации населения и хозяйства страны. Данная публикация служит подтверждением достаточно высокого для того времени уровня развития картографии и статистики в России. Специалист также может отметить хорошее полиграфическое качество атласа, изданного в цвете.

Другим примером систематизации информации об Архангельской земле является указатель всех статей краеведческого содержания, опубликованных в «Архангельских губернских ведомостях» с 1835 по 1889 гг. Показательно, что библиографический список был напечатан в церковном издании[106]. Для всех интересующихся северной окраиной русской земли это довольно полезный библиографический ресурс.

Помимо сбора научных данных, архипастырь много заботился о сохранении культурно-материальных ценностей северных церквей. Так, по инициативе Нафанаила Соборова в ноябре 1888 года было открыто церковное древлехранилище в здании Архиерейского дома. Целями учреждения были сбор и хранение в особом помещении памятников церковной древности, таких как рукописи, церковно-богослужебные книги и вещи. Епископ циркуляром предписал священнослужителям доставлять в древлехранилище неиспользуемые старинные иконы, рукописи, старопечатные богослужебные книги[107].

---

[104] Атлас Архангельской епархии, состоящий из 30-ти карт. Издан по распоряжению Архангельского епархиального начальства в 1890 г. Архангельск.

[105] Нафанаил (Соборов) епископ. // Исторический Вестник. 1907. Июнь. С. 1049-1050.

[106] Указатель статей, напечатанных в Архангельских Губернских Ведомостях, со времени их основания (1838 г.) по 1 января 1889 года, и касающихся Архангельской епархии. // Приложение к Архангельским епархиальным ведомостям (далее АЕВ). 1889. №6-9. С. 1-24.

[107] АЕВ. Часть неофициальная. 1889. №1. С. 14.

Вопрос развития арктической окраины России остро стоял уже в 19 веке, ведь эта территория очень богата природными ресурсами. Иностранцы активно вели лов рыбы и промысел животных. Освоение Севера самой Россией тормозилось отсутствием продуманной политики освоения территории и недостаточностью финансирования со стороны государства. Малоразвитая инфраструктура также осложняла хозяйственное освоение богатых ресурсами обширных земель. Иностранцы пользовались привилегированным положением на Русском Севере, не ассимилировались с местным населением и сохраняли свой язык и образ жизни. Что немаловажно, они имели совершенные технологии и транспортные средства, а эффективность их труда значительно обгоняла российскую[108]. В этой ситуации требовалось вмешательство государства, и деятельность православных священослужителей была одним из естественных и очевидных инструментов духовного и культурного влияния на самобытные северные народы.

Одной из самых значимых страниц православно-миссионерской деятельности епископа Соборова является укрепление российского присутствия на Новой Земле. Хотя русские люди посещали архипелаг уже много столетий, лишь в 1877 году начался основной этап колонизации островов со строительством станции спасения мореплавателей. Однако вскоре она пришла в упадок. Летом 1887 года Нафанаил Соборов командировал на остров иеромонаха Иону вначале для изучения местности, а позже в том же году и для создания постоянной православной «базы» на этом форпосте Русского Севера. К тому времени на острове было четыре становища с общей численностью поселенцев в 50 человек.

30 августа 1887 года иеромонах Иона отбыл на Новую Землю с задачей превратить существующую часовню в церковь, а также открыть церковно-приходскую школу. Первый православный храм на острове был освящен 1 октября по приказу преосвященного Нафанаила. Летом 1888 года в Архангельске была построена новая церковь для северного архипелага, которую назвали Николаевской. Деньги на культовое здание пожертвовали купцы и почетные граждане Москвы. В том же году она была доставлена в разобранном виде в становище Малые Кармакулы на юго-западе архипелага.

Иеромонах Иона значительно упорядочил социальную и духовную жизнь переселенцев на Новой Земле. Весной 1888 года он осуществил поездку к Карскому морю для разрушения установленного там самоедами языческого идола – чурбана, имеющего «подобие человеческой головы, с изображением рта, носа и с пулями вместо глаз»[109]. Нам представляется важным отметить, что иеромонах Иона во время зимовки на архипелаге также ежедневно в течение 9 месяцев вел метеорологические наблюдения. Его дневник состояния погоды вместе с картой Новой Земли был полностью опубликован в «Архангельских епархиальных ведомостях»[110].

В 1888 году Нафанаил Соборов обратился в Священный Синод с предложением создать на Новой Земле монашеский скит, и отвести ему угодья в виде острова Пухового, Пуховой губы, озера Кармакула и реки Песцовой. Скит был открыт годом позже и приписан к Николаевскому Корельскому монастырю[111].

Участник экспедиций на архипелаг, член Императорского Русского географического общества К. Носилов отмечал, что присутствие церковных построек «на Новой Земле служит пока единственным доказательством принадлежности этого острова России», и решает задачу «не дать упасть имени России перед иностранцами, которые давно ищут способа захватить этот богатый остров в свои руки»[112]. В частности, путешественник вспомнил печальный опыт острова Шпицберген, который в итоге бездействия России перешел во владение Норвегии. Отметим, что сам Носилов провел на Новой Земле три зимовки и был активным исследователем Русского Севера – географом, этнографом, геологом, фотографом и писателем.

В конце 19 века продолжал расти интерес русских промышленников и путешественников к Новой Земле, ее ресурсам и суровой природе. Всемирно признанный живописец Русского Севера А. А. Борисов посвятил архипелагу свои многочисленные полотна, которые хорошо представлены в архангельском Музее художественного изучения Арктики.

Другим примером заботы Нафанаила Соборова об укреплении позиций России на арктической окраине является возобновление Трифонова Печенгского монастыря рядом с границей Норвегии. Обитель была основана в 1533 г. преподобным Трифоном Печенгским, но в 1590 г. уничтожена шведами, а в 1764 году вообще упразднена. В 1882 г. Святейший Синод признал желательным восстановить монастырь[113] после ходатайства Нафанаила Соборова, с целью «удержать от совращения в иноверие и раскола православных лопарей и ввиду оказания помощи трудящимся на северной окраине отечества

---

[108] Что нужно для колонизации Мурмана? // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. Журнал жизни Северного Края. 1909. №2. С. 6-18.

[109] АЕВ. 1889. № 13. С. 250.

[110] Приложение к АЕВ. 1889. №14-15. С. 1-28.

[111] Справка о командировках на Новую Землю духовных лиц в прежнее время и открытие там монашеского скита в 1889 г. // АЕВ. 1889. №14-15. Часть неофициальная. С. 265-268.

[112] К. Носилов. Русская колония и храм на Крайнем Севере. // Прибавления к церковным ведомостям. 1892. №21. С. 756.

[113] Отчет возобновляемого Печенгского монастыря за 1883-4 год. // Архангельские епархиальные известия (далее АЕИ). 1885. №1. С. 28-31.

нашего»[114]. В теплое время года тысячи рабочих людей занимались промыслами на севере Кольского полуострова и нуждались в духовной поддержке. Многие называют Трифонов Печенгский монастырь самым северным монастырем в мире.

3 сентября 1886 года преосвященный Нафанаил отправил рапорт в Священный Синод по делу о восстановлении монастыря, и 23 декабря последовал указ Синода №4615 о восстановленном Печенгском монастыре. В частности, монастырь был приписан к Соловецкой обители и настоятелем его стал ризничий иеромонах Никандр. Последнему вменялось выбрать братию для возрождаемого монастыря и окончательно найти ему удобное местоположение. Сделано это было с участием Архангельского губернатора князя Н. Д. Голицына.

Монастырь начал восстанавливаться, но теперь уже был построен на 25 км дальше от моря, чем первоначальный. Природа вокруг обители весьма сурова и предоставляет немного строительных материалов. Потому было немаловажно, что для восстановления монастыря также был выделен лес[115]. Воззвания для пожертвований в пользу возрождающегося монастыря регулярно печатались в «Архангельских епархиальных известиях».

В перерыве между управлением Архангельской епархией преосвященный Нафанаил побывал епископом Псковским и Порховским в 1882-1885 гг., и оставил после себя хорошую память своей активностью и энергией. На прощальном слове в Пскове архиепископ так описал снова ждущую его архангельскую землю: «Там природа пока пустынна, дика, не возделана, но она неистощимо богата, сокровища ее неисчерпаемы, местами нетронуты от древних лет, суровая красота ее своеобразна и поразительна; еще не совсем пробудившаяся страна ждет богатырских рук – силы, ума, истинно образованного слова и христианского подвига» [116].

3 июня 1890 г. Епископ Нафанаил был уволен «на покой», с переводом в Спасо-Суморин монастырь в г. Тотьма Вологодской епархии, где архипастырь пробыл 6 лет. 14 ноября 1896 г. он был определен Святейшим Синодом управляющим Спасо-Андрониковым монастырем в Москве, в котором Николай Иванович и скончался 29 апреля 1907 года. Похоронен архипастырь был под колокольней на входе в обитель, которая по трагическому повороту истории, была взорвана советской властью. Интересно отметить, что Спасский собор Андроникова монастыря на сегодняшний день считается древнейшим из сохранившихся московских храмов.

Архипастырь Нафанаил Соборов чутко осознавал геополитические проблемы и использовал все доступные ему инструменты церковной деятельности для упрочения российского влияния на территориях Русского Севера. В области изучения природы и культуры наших окраинных земель его личный энтузиазм явно опережал служебные потребности. Спустя столетие потомки и исследователи историко-культурного наследия Русского Севера могут отметить значимый вклад епископа в географию и краеведение этого региона. В течение своей насыщенной жизни Николай Иванович Соборов не только соприкасался со стариной в разных уголках необъятной России, но и помогал ее сохранять и восстанавливать.

Ванеева С.М. (Сыктывкар)

ДОМ ДЕДА КЕСАРЯ ИЗ СЕЛЬЫБА

Мать России целой – деревушка,
Может быть, вот этот уголок…
Н. Рубцов

Отношение россиян к дереву особое: его одушевляли, ему поклонялись, а в языческой Руси существовали обряды, связанные с рубкой и строительством.

«Страной зодчих» назвал Россию художник Игорь Грабарь. Народные постройки - от крестьянской избы до плетня у околицы, от премудроверхого храма до малой часовенки - удивительно ладны и красивы. Каждая деталь и каждая линия в них осмысленны. Плотники издревле владели на Руси всеми хитростями своего художества, срубая в правило (по линейке) не только прямоугольные стены и кровли своих зданий, но и обделывая лесной материал в кружало (по циркулю), как требовалось при устройстве всякого рода лодок и морских судов». Чтобы проникнуть в потаенную суть народного деревянного зодчества, надо понять его, потому что из дерева делали все: дома, храмы, корабли, хозяйственный инвентарь, посуду, игрушки.

В своей работе я уделила внимание зодчеству одной из деревень Республики Коми.

---

[114] Воззвания. К пожертвованию на возобновляемый Печенгский монастырь. // АЕИ. 1886. №18. С. 14.
[115] АЕИ. 1887, № 4-5. С. 9-13.
[116] Отъезд Преосвященного Нафанаила из Пскова в Архангельск. //Приложение к АЕИ. 1885. №9. С. 5-6.

С древних времен Русский Север был заселен многими народами и у каждого из них была своя манера строений, свои традиции. В северной Руси дома всегда строили деревянные, и не потому, что не умели строить каменные, а потому что деревянные дома теплее, микроклимат в нем лучше, чем в каменных, но и потому, что леса на Руси хватало. В разных регионах Севера России строили по-разному, поэтому исследователи зодчества выделяют четыре типа строительства домов: русский, половенский, словенский и угро-финский. Но все типы объединяет суровость, высокая мудрая простота и чисто крестьянское простодушие.

На территории Республики Коми выделяется угро-финский тип строительства деревянных домов. Почти все дома кажутся огромными, так как под одной крышей помещались жилое помещение и двухэтажная хозяйственная постройка, которая всегда была больше жилой части. Кровельный лес по размерам тождественен бревнам. Николай Надеждин вот так описывает традиционное жилище северного крестьянина: «*Живя в вольном лесу, крестьянин строит себе не дом, а город. У него все домашнее строение под одною огромною крышею, точно, как у Швейцарских поселян*».

Такие дома-хоромины на севере имели практическую целесообразность - долгие северные зимы с их снегами, бездорожьем, обусловленными весенними и осенними распутицами, обусловили это целесообразное удобство. Все хозяйственные работы делали, не выходя из дома. Дом – «хоромина» или дом-усадьба в северной деревне - это еще и воплощение родового строя и патриархального уклада хозяйства, выраженный вот такой архитектурной формой. А с какой любовью наши предки окружали себя миром вещей: скамейки, столы и стулья, домотканные половики, полотенца, прялки, украшенные различным орнаментом.

Даже в эпохи Петра Первого и Екатерины Великой, когда по всей России в архитектуре распространялись Европейские стили, на Севере продолжали строить свои деревянные храмы, дома в старых традициях. Дерево- материал недолговечный, поэтому мало что из прекрасных творений сохранилось, но Русский Север сохранил свои бесценные традиции в деревянном зодчестве в Вологодской, Кировской, Костромской, Архангельской областях, а так же в Коми Республике. Этому способствовало то, что Русский Север был отдален от центра России, поэтому и удалось сохранить свою самобытность.

Север служил форпостом России против иноземных захватчиков: бесчисленные города-крепости, города-остроги, укрепленные посады надежно защищали Русь от иностранных захватчиков. По сей день сохранились суровые и неприступные крепостные сооружения, возрождая у северян героизм. Республика Коми не стала исключением: практически во всех районах сохранились дома- усадьбы, больше в северных районах: в Удорском, Ижемском, Усть-Цилемском и в других районах.

Мой доклад о простом крестьянском доме, доме моих предков, хорошо сохранившемся до настоящего времени, доме, который является памятником деревянного зодчества угро-финского типа. Дом является родовым гнездом Кесария Яковлевича Ванеева из деревни Сельыб , Удорского района, Республики Коми.

Сёльыб (Сёльыб, Сёльдін), деревня в Удорском р-не. Расположена на возвышенном левом берегу реки Мезень. Свое название получила по реке Сель, которая протекает у деревни и впадает в Мезень с левой стороны. Длина 14 км. Сёльыб «возвышенность у реки Сель» (по коми «ыб» - «возвышенность»).

Местное население деревню называет еще Сёльдін «место у реки Сель» (по коми «дін» - «место, прилегающее к чему-либо»). Гидроним «Сёль» в жалованной грамоте 1485 г. записан как «речка Ёль». Значит, первичной формой гидронима «Сёль» является «Ёль», по коми «ёль» - «лесная речка.

Деревня Сёльыб возникла после 1707 г. Впервые упомянута в ревизских сказаниях 1719 г. Тогда в «деревне Сельыба» имелось всего 2 двора. Фамилии первых жителей деревни были Ванеев и Селиванов. Ванеев пришёл в Сёльыб, вероятно, из деревни Нижний Выльыб, а Селиванов из деревни Чернутьево.

В народе бытует своя легенда. Пришёл первый житель в эти места очень давно, из Москвы, фамилия была Ванеев. Место, где он жил, и сейчас называют «Лёсь карта», находится в стороне от реки. Брать воду приходил на ручей, называется «ва Сёльдін», деревню в Удорском р-не.

Деревня Сельыб (до 1970 года называлось село, об этом напоминает, чудом сохранившаяся Богоявленная церковь, построенная в 1860-1862 гг.)

Кесарий Яковлевич Ванеев 1896 года рождения, сын Якова Алексеевича и Анфисы Егоровны. Дед Кесар, женившись в 22 года на Домнике Михайловне из деревни Мучкас, Удорского района, построил дом в 1926 году. Обзавелись хозяйством, вступили в колхоз, растили пятерых детей. В тридцатые годы их семью внесли «зажиточные», отобрали весь инвентарь, коров, лошадь, выгнали из колхоза, хотели отобрать дом, но он был недостроенный, и оставили его. Дед обращался в суд с целью доказать, что они не «зажиточные, а середняки», им удалось доказать это из-за недостроенного дома, поэтому их не выслали из деревни.

Землю обрабатывать было нечем, и дед Кесар начал работать в леспромхозе заместителем главного бухгалтера, потом работал секретарем исполкома, где зарплату платили серебром, из-за серебра опять их зачислили в «зажиточные».

По жалобе в суд, их участь была пересмотрена, они были переведены в категорию «небогатых» и оставлены жить в своем доме.

В книге «Покаяние» Республики Коми вся семья расписана «раскулаченными», но оставленными в селе.

Великая Отечественная война была тяжким испытанием для страны и семьи. Дед Кесар и трое его сыновей: Михаил, Алексей и Александр ушли на фронт добровольцами. Александр погиб впервые дни войны. Михаил (1918 гг.) и Алексей (1921 гг.) воевали вместе с отцом всю войну. Дед Кесар пришел с фронта в марте 1946 года, а в июне 1946 года умер по болезни в 50 лет. Сыновья Михаил и Алексей вернулись живыми, до пенсии работали в разных отраслях народного хозяйства: Михаил Кесаревич работал председателем колхоза «Имени С.М.Кирова», Управляющим совхоза «Косланский», директором госпромхоза «Удорский» до выхода на заслуженный отдых. Имел звание «Заслуженный работник народного хозяйства Коми АССР». Прожил 93 года.Вместе с женой Глафирой Никаноровной вырастили троих детей. Сын- Валерий стал летчиком, летал 43 года, имеет звание «Заслуженный пилот России».

Дом деда Кесаря был построен в 1926 году, в непосредственной близости от церкви, является классическим примером удобного северного дома, хорошо сохранившегося, хотя и построенного на сыром месте; фундаментом служат большие камни, специально привезенные на лошадях. Селибский дом построен из сосновых двенадцатиметровых бревен. Бревна аккуратно соединены в «лапу». Нижних два венца – из лиственницы. Общая часть дома – 300 м2.

Селибский дом со всеми строениями- жилым и хозяйственными постройками вытянут в единый прямоугольный сруб, перекрытый общей двускатной кровлей с двумя избами. Жилая часть обращена на улицу и реку, большая часть – хозяйственная - крытый двухэтажный сруб, с хозяйственными помещениями уходит на задний двор. Жилье с большими с шестью окнами в обеих избах. Потолки высокие, по две комнаты в каждой избе, с русской печью в одной комнате и «голландкой» в другой. Широкие сени- коридор, с внутренней, высокой лестницей (тоже целесообразное удобство), снаружи в дом – дверь с двумя ступеньками, который в 1973 оду сын Михаил украсил верандой. Кроме входов в избы, отдельные двери с небольшой лесенкой вверх в сарай и в хлев, лесенкой вниз.

Этот дом сохранился до наших дней и является «святыней» нашей семьи. Каждое лето мы приезжаем в деревню в наше родовое гнездо, конечно, вспоминаем всех наших предков. Этот дом является памятником не только нашей семьи, но и памятником зодчества Республики Коми. Тем он нам ценен еще больше. Это все-таки связь с культурой всего народа Севера.

Варакин Е.П. (Санкт-Петербург)

РУССКАЯ СТЕНОПИСЬ 1836 – 1939 ГГ. В МОНАСТЫРЕ ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ПАНТЕЛЕЙМОНА НА СВЯТОЙ ГОРЕ АФОН (ГРЕЦИЯ)

В древности весь Русский Север и особенно Вологодский край благодатно воспринял плеяду византийских и афонских подвижников и основателей обителей. Так и современные реставраторы северных средневековых монастырей – Тихвина, Валаама, Соловков, Синозерской и Филиппо-Ирапской пустыней обратились к истокам – к Афону.

На Святой Горе Афон (Греция) многовековые монастырские ансамбли привлекали внимание своей особой ценностью в последние два века. При этом поклонение древним святыням постепенно дополнялось осознанием исторической важности икон, фресок и особенностей храмовой архитектуры - наследия Византии.

Только в XX в. сформировалось и возникло направление научного изучения, фиксации для обоснования и разработки мер консервации или реставрации. По ряду причин в комплекс «Руссикон» - в монастырь Св. вмуч. Пантелеймона, первые дипломированные и опытные реставраторы смогли попасть только в 1992.

По благословению Святейшего Патриарха Алексия II, и владыки Климента (Капалина), архиепископа Калужского и Боровского (по результату беседы в сентябре 1991 и дальнейшей подготовке документов в ОВЦС), была сформирована первая группа добровольцев профессионалов из Санкт-Петербурга.

Были собраны аттестованные специалисты, имеющие большой опыт реставрации средневековых ансамблей монастырей России (Тихвин, Валаам) и по консервации икон в музеях Петербурга (истории религии, Эрмитаж).

В состав первой группы 1992 года вошли художники-реставраторы: Евгений Большаков, Владимир Макаров, Александр Шамонин, Юрий Пименов и автор этой статьи, архитектор-реставратор Евгений Варакин. Все работы выполнялась по заданию начальства обители – священноархимандрита о.

Иеремии (Алёхина) (1915-2016) и, особо при постоянном руководстве и по Заданиям духовника иеромонаха о. Макария (Макиенко).

В основном ансамбле этого приморского монастыря 18 храмов и рядом, вне ограды еще два храма – кладбищенский и ныне при архондарике (монастырской гостиницы). Вместо последнего ранее, с 1873 и примерно до 1910 года – был храм И. Богослова при странноприимной больнице.

Собор вмуч. Пантелеймона (1812-1821) - консервация стенописи в интерьерах.

Сюжеты и состояние темперной и масляной стенописи по штукатурке.

1) «Господь Вседержитель» в куполе большого барабана (центральной главы) наоса.

2) Изображения святых на стенах и сводах алтарных апсид (например, в южной секции, над дьяконником – образ преп. Ионы).

Здесь значительные утраты красочного и штукатурного слоя от постоянных аварийных протечек кровли над конхами. Основные виды работ – восполнение утрат штукатурного слоя и грунта, а потом и красочного слоя.

3) Сюжеты в паперти (в экзонартексе).

Так как здесь велась длительная реставрация приведём перечень сюжетов. Верхний ряд – сюжеты арочной формы выше деревянных связей, с юга на север – Св. Пантелеймон с 2 львами, Покаяние Царя Давида (южная грань), пророк Натан обличает Царя Давида («писал 1939 сх Никола»); по центру – над дверью - Целитель Пантелеймон, Исцеление дочери Иаира («писал Назарий 19 (полустёрто…39 ?) февр.»), Положение Иисуса Хр. во Гроб (писал м. Назарий), на северной грани – Святая Троица.

Нижний ряд – с юга на север – «Иисусе Христе в Еммаус спутешествовавый Луце и Клеопе» «пис. 1939 г. сх (имонах) - Никола» (южная грань), западная стена – Св. вмуч. и цел. Пантел. Милосердствует к бедным, по иконному подобию Св. Пантелеймон с житиём в 14 клеймах (4 клейма горизонтально на 5 вертикально), Господь Вседержитель (за владычным мраморным троном), Царица Дева Мария (с пространной подписью схимонаха Николая … перевод с грузинской надписи, 1938), Пантелеймон врачует очи слепого, Усечение (главы) святого.

На северной стене собора за поворотом галереи – Образ Пр. Бцы Экономиссы домостроительницы с отроком Хр., 2 ангелами, с двумя избранными св. – Афанасием Афонским и Михаилом Синадским.

В этой галерее красочный слой сильно деформировался – заметно в южной и западной «П-образных» галереях из-за палящего солнца. Основной вид деформаций в этом месте - черезмерное усыхание и разрывы слоя масляной живописи – возникновение сетки кракелюр.

Оптимальное решение для повреждений – консервационное – очистка и маскировочная тонировка разрывов (по разделяющему и защитному лаку) – выполнено (по данным Е. Большакова, 2014) акварелью.

4) Реставрация иконы XIX в. из этого собора – списка иконы «в меру чудотворной» (обычно это близко к формату 66 х 90 х 2,5 см) Богоматери Тихвинской – (доски со шпонками, левкас, темпера). Основные работы – снятие сильно потемневших старых слоёв олифы. Подпись традиционна, с информацией, что у Тихвинской иконы праздник июня 26-го, и «написана сия икона 1850 году».

Данная икона через 25 дней расчисток, вновь смонтирована над главным (западным) входом в собор. Ныне эта икона - в нартексе собора, в киоте у юго-западного столба.

Итог удачной расчистки и укрепления красочных слоёв этого первого для нас отреставрированного на Афоне памятника – Тихвинской иконы 25 июня 1992 одобрен лично Святейшим Патриархом Алексием II.

Собор Покрова Б.М. (1853), с приделом Александра Невского (1868) и малые параклисы – Сергия Радонежского, Дмитрия Солунского, Св. Архангелов (XVIII в. , 1871).

Первый этап работ - летом 1992 теми же мастерами.

Последующие этапы реставрации исполнялись с 1990-х г. до 2012 г.

Основная группа художников-реставраторов постепенно преемственно пополнялась, как и артели в древности. На следующем этапе участвовали – монах о. Ефрем и его сын, Дионисий Макаров, Владимир Зверев, Анатолий Шапкин , Владимир Кузмин.

5) В алтаре, большом куполе и на антресольном ярусе - в храме Герасима Иорданского и Иеронима Стридонского - выполнялись противоаварийные укрепления масляной стенописи.

Аварийность для живописи возникала из-за частых дождевых протечек - особенно в северные верхние окна храма и барабанов при специфичном напоре афонских зимних боковых ветров.

6) При расчистках стенописи у малого параклиса св. Дмитрия Солунского выявлены Е. Большаковым слои двух разных стилей и этапов – ранний греческий темперой и поздний (видимо, русский) – масляными красками.

Из-за наклона скального основания – здание двухярусного храма раскалывалось и несколько раз в XIX в. выполнялись противоаварийные меры (установка бондажей - металлических стяжек на внешнему обводу стен всех фасадов).

Архитектором – реставратором Евгением Варакиным после обмера храма и визуальных исследований системы трещин применены меры по консервации и выведению из аварийного состояния конструкций.

Отсутствие новых деформаций позволило зафиксировать лопнувшие кирпичные своды над 1 ярусом-костницей. Применена система распорных деревянных клиньев (изготовленных в июле 1992 в столярной мастерской на соседних верстаках, одновременно с архимандритом о. Иеремией).

В этом здании применены несколько разработок архитектора - своеобразных «ноу-хау» – способ надёжной и щадящей технологии восстановления работы кирпичного свода, безопасной системы монтажа клиньев, предложен метод восстановления декоративного абриса поверхности свода под живопись.

Позднее своды костницы и были расписаны новой живописью, акрыльцо – паперть храма Петра и Павла основательно реконструировали с устройством арок уже в камне.

В 1994 году прошла реставрация стенописи в храме Преображения Господня (1895) в Архонтарике (Гостиничном корпусе) у берега моря. Состав группы - художники-реставраторы Евгений Большаков, Владимир Макаров, Анатолий Шапкин. Мастерами выполнялось противоаварийное укрепление масляной стенописи. Основные места работ - в алтаре – сюжет Успение Б.М., стены главного зала храма и особо купол.

В куполе – с верху вниз - Господь Вседержитель и в барабане - ниже - с регистрами по старшинству бесплотных сил (Архангелы, Ангелы, Серафимы, Херувимы). Аварийность для живописи возникала из-за частых дождевых протечек - особенно в верхние окна храма и барабана при зимних штормах и специфичном напоре морских ветров. Большеформатные настенные картины – монументальная стенопись маслом по штукатурке – по южной стене:

7) «Христос благословляет хлеб и рыбу»

(или «Благословение хлебов») (размеры - 5,75 х 3,70 м)

8) «Мытарства Феодоры» (размеры 9,83 х 3,62 м),

9) «Страшный Суд» (7 х 4м, северная стена близ СЗ угла). Сюжет верхней части близок к гравюрам Доре, низы – самобытный талант мастера, вероятно, пришедшего около 1924 года с Карпат.

10) Святые избранные «в рост» и поясные изображения на плоскости столбов.

11) Верхние медальоны – например, талантливо написанный сюжет «Иоанн Дамаскин», с шелушением (осыпанием) трети площади живописи. Благодаря благочинному иеромонаху о. Анфиму (Гощук, 1964 - 2008) был удачно найден точный аналог на большой доске-иконе, и живопись в этом медальоне была спасена и отреставрирована талантом мастера – художником В. Т. Зверева и альфрейщиком О.А.Пелёвиным.

Первая роспись старой малой Трапезной была выполнена ещё в 1843 - 44 гг., в 1861 году расширили зал Трапезной на запад на 8, 5 м и на север на 21 м (!?). Другие большие переделки интерьеров и живописи были после реконструкции колокольни в 1890-х гг. (вероятно, 1897-1900). Найден автограф художника - монаха Иоиля, создавшего 18 декабря 1897г. роспись «Искушение монаха» на южной стене при входе в Трапезную.

В 1996 году по реставрации живописи Трапезной работали - отец и сын Макаровы, Владимир Зверев (руководитель звена), Олег Пелёвин, Александр Шамонин, московский иконописец игумен о. Никон (Смирнов) и автор этих строк.

Реконструкция Парадной (Передней) Порты и демонтаж аварийной живописи на штукатурке купола производились в 1997 году. В связи с аварийным состоянием каменного «почти воздушного» объекта – арочно-изящного крыльца - главного входа обители - планировалась полная разборка и замена всех конструкций. Эти крайние меры и метод работ были вынужденными из–за предельной коррозии воздушных металлических связей и несущего каркаса – деструкция железа (распухший объём) – рвали на скол несущие мраморные блоки.

По согласованию со специалистами КЕДАКа, руководством обители планировалась полная переборка всех частей объекта, замена металла каркаса на нержавеющий и монтаж несущих каменных конструкций. При этом – для живописи XIX в. в куполе была предусмотрена методика демонтажа с аккуратностью, перенос на временное хранение в мастерскую и последующая сборка на новых конструкциях и финальная реставрация.

Мастерами – реставраторами выполнялся демонтаж живописного купола «Покрова Б.М. с фигурами избранных» - специальными фрагментами, противоаварийная заклейка, укрепление масляной стенописи при переносе в мастерскую. Однако по Заданию Заказчика – через сезон, после сборки в 1998 было резко изменено основное решение по живописи Передней Порты. Художник – иконописец монах о. Ефрем (Макаров) по этому заданию руководства выполнил новую живопись по штукатурному слою, правда, при этом с изменением иконографии, колористики (было с зеленоватым свечением – стало ярко покрывным, чётко декоративным - небесно-голубым) и даже уменьшением размера фигур. Таким образом, в 1998 году было закономерно (во многом преемственно) создано новое художественное произведение под сенью Порты.

Необходимо упомянуть кратко о наиболее часто употребляемой технологией реставрации мастеров из Санкт-Петербурга. Для укрепления красочного слоя применялся состав 3% рыбьего клея в смеси с мёдом (а для укрепления связки расслоившегося грунта – 7% клей). Кроме особых климатических условий на берегу Эгейского моря – чередования морских ветров, влажности, палящего солнца – большая зависимости от (весьма скудного) снабжения, поддержка только части видов работ оплатой руководства обители.

Соблюдение принятой ещё в министерстве культуры СССР методики реставрации – составление письменных реставрационных заданий, дневников, отчётов и особо – трёх-стадийной фотофиксации памятника – было отдано только на усмотрение и (весьма скромные) возможности самих мастеров - реставраторов. Не всегда удавалось придерживаться привычной «научной» устоявшейся оптимально-обоснованной методики фиксации, консервации и «разделения слоёв», наработанной ещё в 1960 - 1970-е гг. нашими старшими коллегами Р.П. Саусеном, И.В. Ярыгиной.

Особая потребность была и в составлении - до выработки оптимальных решений и направлений реставрации - хотя бы кратких исторических справок на объекты с подбором иконографии и выявлением этапов формирования памятников. Например, остаются проблемы датировки и авторства греческо-афонской традиционной и каноничной стенописи собора Пантелеймона (после 1821). Также неясны и даты второго этапа росписи новыми русскими сюжетами - например образа отрока преп. Артемия Веркольского.

В итоге первого этапа нашего изучения стенописи примерно определились – некоторые (правда, частично) даты росписей, нашлись автографы и имена профессиональных художников или талантливых самоучек монахов - «Богомазов» :

1) Живописец иеромонах о. Василий (Селезнёв, +1878) – расписывал в 1855 (вероятно, роспись наоса и притвора) собора Пантелеймона .

2) Иконописец, живописец архидиакон о. Лукиан, до 1870-х гг. заведовал литографической мастерской, украшал своими художественными произведениями гостиные.

3) Иконописец, основатель иконописной школы и, по-видимому, создавший свой узнаваемый «афонский стиль» икон - старец о. Иероним.

4) Монах Иоиль, создавший 18 декабря 1897г. роспись «Искушение монаха» на южной грани пилона опоры колокольни в Трапезной.

5) Стенописец схимонах о.Николай (пока нам известно его творчество с 1906 по 1938 гг.).

После широкой известности полотен и гравюр немецкого мастера Генриха Гофмана (1824 -1911) новый, вероятно, третий этап росписей получил нартекс собора. Новый академический дух библейских сюжетов удивительно, почти удачно, органично вошел в ансамбль старого художественного строя. В 2014 удалось уточнить даты, имена исполнителей и особенности написания стен роспись квадратного в плане храмового помещения для оглашённых – нартекса. Среди исполнителей выделяется мастер - стенописец схимонах о. Никола(й) - в 1906 много сюжетов и прясел расписывал и подписывал автографом в просторном нартексе собора. Часть сюжетов о. Николы имеет точный источник (прототип) например, именно по широко известной иконографии Г. Гофмана «Христос среди учителей» по южной стене.

На северной стене нартекса – сюжеты письма 1906 того же с подписью схимонаха Николая – «Отрок Иисус с Марией и Иосифом в дороге», «Исцеление ребенка у матери и больных на костылях».

В 1939 году, вероятно, тот же художник – схимонах Никола(й) подписывает сюжеты в экзонартексе (западной входной галерее) -

6) Стенописец монах о. Николай, и пока нам известно его творчество только в трёх подписных сюжетах от двух дат - 20 июля и февраля 1939.

Значительная поддержка всех этапов (от задумки до реализации) наших реставрационных работ была от послушника обители Вадима Яковлевича Петушкова (1949-1999). Именно этим подвижником, простым питерским пареньком, была осознана и постепенно, за десятилетия, осуществлялась идея постоянной реставрации живописи и устройства просторной художественной мастерской в пустующих больших корпусах Россикона. Вадим успел собрать в полуразрушенных корпусах ценные подлинные предметы - уцелевший специальный инструмент иконописцев к. XIX в. (тонкие кисти!), мольберты, специальные приспособления старых изографов для быстрого расчерчивания нимбов и коробочки уникальных теперь пигментов. Перед завершением земной жизни в + 1999 этого подвижника постригли в монашеский чин под именем Софроний.

Также благодарность за окормление и содействие – соборному старцу иеромонаху о. Виталию (Гришину). Благодарность за стартовые консультации и предоставление копий части графики – исторических видов зданий ансамбля обители - специалисту из Комитета по сохранению Святогорского наследия (КеДАК) госп. «архитектон-механикос» Дмитрию Сидопулосу.

Большие и малые реставрационные работы или противоаварийные локальные укрепления по живописи (стенописи и иконописи) проведены, начиная с осени 1992 - также в русских храмах вне

ансамбля Пантелеймонова монастыря – в Ксилургу, в Стефаниевской келии, Старом Русике и др. древних храмах Афона. Эти труды во многом способствовали сохранению драгоценных произведений и исторических памятников.

Художники Владимир и Дионисий (отец и сын Макаровы) так же длительно реставрировали и писали новую живопись на постоянной основе в штате монастыря Ватопед. Но это отдельная тема другой статьи…

Итоги:

1. Выявлены ценные комплексные историко - художественные объекты наследия и своеобразный сплав греческих и русских традиций иконописи и стенописи Афона.

2. Можно сделать выводы о устойчивом консервативном сохранении культуры и типов формотворчества – архитектуры храмов, ансамблевого, оборонительного и келейного зодчества, строя, стиля, прорисей и колорита – как икон, так и стенописи в обителях Афона.

3. Определились (ориентировочно) временные границы работы мастеров по стенописям в храмах Руссикона с 1836 по июль 1939 г.

Если бы у большинства художественных объектов, произведений были автографы - подписи и даты – могла бы значительно уточниться история Искусств.

4. Подтверждена необходимость соблюдения методики фиксации, консервации и действенной государственной и фактической охраны стенописи (также икон и живописи) и комплексных культовых объектов – храмов - драгоценных памятников христианской (и даже Византийской) истории.

5. Неожиданно для нас определилось новое практическое направление в Методике консервации (реставрации) стенописи и храмовых интерьеров по особым заданиям Заказчика Россикона – как «церковная реставрация» (с целью «благолепия») в отличии от «научной реставрации» (по методикам ICOMOS или аскетичных постулатов «Венецианской хартии»).

Галушкина В.Н. (Тотьма)

ЖЕНСКИЕ УКРАШЕНИЯ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Сложно точно сказать, где и когда впервые появились женские украшения. Но уже в период каменного века люди неолита полировали твердые камни, сверлили в них отверстия и нанизывали на нити. Для украшений активно использовали кости и зубы животных.

В археологическом отделе Тотемского краеведческого музея посетители могут увидеть реконструированный убор представительницы древнерусской народности XIII-XIV веков. Он дает представление о том, насколько были разнообразны женские украшения в эпоху средневековья: бронзовые височные кольца, шумящие подвески, бубенчики, шейные гривны, бусы, ожерелья, перстни. Некоторые виды украшений – гривны, подвески, височные кольца – к настоящему времени вышли из употребления, другие – женщины носят до сих пор. Безусловно, ювелирные украшения были мерилом богатства. Но, как и повсюду в мире, на Руси они, особенно дополненные драгоценными и полудрагоценными камнями, помимо своего основного, эстетического назначения, служили талисманом, оберегом, приносившим, по поверью, своему владельцу удачу, здоровье и всяческую пользу.

В музейном собрании Тотемского музея женских украшений насчитывается около двух сотен предметов («Фурнитура и украшения» - 107 ед., «Драгоценные металлы» - 51 ед., «Археология» – 40 ед.).

На Русском Севере серьги, ожерелья, браслеты, кольца были непременным атрибутом женского традиционного костюма. Ювелиры работали как с благородными, так и с цветными металлами и их сплавами, а наряду с драгоценными камнями и самоцветами использовали более дешевые жемчуг, янтарь, перламутр, поделочную кость, стекло и другие минералы и их заменители.

Украшения выполняли не только эстетическую функцию, но имели символическое значение, выступая знаками возраста, семейного и социального положения человека. Наибольшее количество и разнообразие украшений было характерно для костюма девушек и молодых женщин. Янтарные и металлические наделялись особой магической силой. Корреспондент этнографического бюро Жуков А.А., собиравший информацию в Тотемском уезде, отмечал: «Девушки и женщины носят серьги, которые помимо украшения считаются необходимостью, и серебряные кольца и перстни».[117] С возрастом украшений становилось меньше, и они почти полностью исчезали в старости.

Перейдем к обзору основных видов украшений, хранящихся на настоящий момент в фонде Тотемского музейного объединения. **Кольцо** является предметом в форме обруча, изготавливавшееся из различных материалов, которое одевается на палец. Слово «кольцо» означает в переводе - колесо. Однако существует и другое значение этого слова - от французского переводится как шея, ошейник, ожерелье. В древние времена люди считали, что любой узелок, завязанный на одежде, запястье, волосах,

[117] «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы.» . Т.5. Ч. 4. СПб. 2008. С.175.

оберегает человека от зла. Поэтому наши предки носили кольца, которые в настоящее время являются символом брака и вечности - в первую очередь, как оберег. Предпочтение отдавалось перстням, т.е. кольцам со щитком, часто еще и со вставкой из драгоценных или полудрагоценных камней. В музейном собрании есть несколько перстней с овальными камнями или кристаллами разных цветов: голубого, зеленого, оранжевого.[118]

Одним из самых распространенных женских украшений являлись **серьги.** Мода на них почти никогда не уходила, менялись лишь материалы, способы их обработки и форма изделий. Серьги на Руси носили и мужчины, и женщины: мужчины - по одной серьге, женщины — по две. Слово «серьга» - древнерусское заимствование из тюркского слова «кольцо», буквально – «ушные подвески в виде кольца». Серьги чаще всего изготавливаются парою и должны быть идентичны друг другу. Одним из прообразов серег были украшения-подвески, которые крепились к головному убору с помощью лент. Это височные кольца, колты, рясны и т.д. В разные времена на Руси носили серьги в виде полумесяца, серьги-бубенчики, лапки. Серьги обычно были довольно длинными — не меньше пяти сантиметров, а иногда и намного длиннее.

В коллекции драгоценных металлов нашего музея есть ряд старинных серег, которые специалисты связывают с культурой Новгорода XVI - XVIII веков. Это массивные серьги – «голубцы»[119] – крупные серебряные серьги в форме стилизованных птиц, покрытые с двух сторон сканным орнаментом и украшенные стеклянными бусинками. По низу серьги украшены пятью или семью подвесками в форме цилиндриков. Значительное количество и очень похожая форма говорят о большой распространенности такого типа серег в нашей местности. Интересно, что вологодские мастера в XX веке обращались к традиционным формам серег и это подтверждается несколькими образцами из поступлений 90-х г. XX века.[120]

В XV—XVII веках серег делали так много, что появились специальные мастера-сережники. Серьги стали необходимым дополнением к костюму. Без них, выполненных из серебра или другого металла, трудно было представить нарядно одетую женщину. В коллекции «Фурнитура и украшения» ряд серег украшен прозрачными или цветными кристаллами. Одна пара серег представляет собой подвески для люстры с прикрепленными дужками.[121]

На севере простые женщины любили украшать себя серьгами из мелкого речного жемчуга, нанизанного на проволочку. Они могли иметь самую разнообразную форму: с грушевидными подвесками, с подвесками в виде веток с листьями или цветов, или даже целых корзин с цветами. В нашей коллекции есть несколько серег с жемчугом особой формы, которые датируются XVIII веком. Это так называемые серьги-бабочки[122], которые представляют собой двухлопастной металлический стержень, оплетенный жемчугом ажурным узором, напоминающем крылья бабочки. Жемчужины нанизывались на тонкую проволоку или конский волос, к нижней части прикреплялась подвеска в форме капли или колокольчика. Основа детали и дужка изготовлены из латуни, сплава металлов: цинка и меди, с добавлением других элементов. «Бабочки» были самым распространенным типом серег на русском севере. Их надевали с праздничным костюмом. Чусова Н.А. в своей работе отмечает, что серьги-бабочки, выполненные из жемчуга, находились в числе обязательных элементов свадебного головного убора девушек Олонецкой губернии[123]. Жемчужные серьги были одним из самых дорогих украшений. Именно они вносили в костюм элемент роскоши и щегольства. В начале XIX века серьги стоили от тридцати до ста рублей. Несмотря на это, они пользовались большим спросом. Серьги одевались по большим праздникам и передавались по наследству от матери к дочери как большая драгоценность. Окончательная форма сережек и используемые материалы определилась к концу XVIII столетия, однако в XIX веке натуральный жемчуг заменили стеклярусом и бисером с перламутровым покрытием. В XIX веке серьги становятся более разнообразными, отходят от традиционного канона, приобретая форму розеток, бантов, виноградных гроздьев.

Еще одно из самых популярных украшений **бусы –** украшение в виде нанизанных на нитки бусин из самых разных материалов. Связка бус может состоять из деталей одной конфигурации или из ритмично нанизанных деталей, разных по форме и материалам. Бусы носили женщины разных сословий. Наиболее распространёнными были стеклянные бусы. Наиболее любимым цветом для бус считался зелёный. Знатные женщины предпочитали бусы, составленные из различных материалов (золотые, жемчужные и выточенные из драгоценных камней). Позднее для изготовления бус стали использовать янтарь, жемчуг и др. В коллекциях тотемского музея представлены бусы самых разных периодов бытования: от периода средневековья до пластиковых бус советского времени.

---

[118] ТМО. КП 7137, 7138, 16068.
[119] ТМО. КП 5593/1-2, 5758/1-2, 21440/1-2, 33199/1-2, 5589/1-2.
[120] ТМО. КП 35185/1-2, 35186/1-2.
[121] ТМО. КП 5757/1-2.
[122] ТМО. КП 6499/1-2.
[123] Чусова Н.А. Серьги-«бабочки» в Олонецкой губернии (К вопросу об истории бытования) // Кижский вестник №10.Петрозаводск. 2005. С.63-79.

Судя по фотографиям конца XIX - начала XX века, характерными украшениями девушек на Русском Севере были янтарные бусы. Их носили «рядками» — от одной до пяти ниток «янтарей», причем по центру находился крупный янтарь, а по краям янтари уменьшались. Похожие бусы из двух нитей янтарных бусин в форме дисков есть и в нашем собрании[124]. Одновременно могли надевать до пяти нитей, что считалось уже признаком большого богатства.[125]

Распространенным видом ожерелья был **гайтан** – первоначально шнурок для креста, затем нагрудное украшение. В более северных регионах гайтан еще называли «цепь колетцатая», так как ширину его составляли несколько скрепленных между собой маленьких колечек — от двух до пяти[126]. Широкие «пяти-колетцатые» цепи стоили дороже, особенно если они были серебряными. Различие в этих украшениях тоже говорило о достатке семей. На цепь навешивался массивный крест — серебряный, медный, или простой металлический. Одновременно носили от одной до трех цепей с крестами. В дальнейшем гайтан стал использоваться как самостоятельное украшение, которое носили поверх одежды. В коллекции музея есть гайтаны, как с крестами, так и без них.[127]

В XIX – нач. XX вв. распространение получают броши. **Брошь** – украшение, прикрепляемое к одежде с помощью булавки, шпильки, иглы. Особенно широкое распространение броши получили в костюме горожанок, причем их носили не сбоку на груди, как сейчас, а прикалывали к воротнику спереди. В коллекции музея есть броши различных форм, со вставками из самых разных материалов. Украшением одной из них выступает аппликация из ткани. Есть броши округлой формы с крупными стеклянными вставками, ограненными наподобие драгоценных камней.[128] В коллекции драгоценных металлов есть необычная брошь, выполненная из семи серебряных царских монет.[129]

Говоря об украшениях, нельзя не упомянуть о **подвесках или кулонах**. Еще в древние времена подвески использовали как талисманы и амулеты, приносящие удачу, также в качестве оберегов, защищающих от злого колдовства и чар. В процессе развития человечества подвески утратили свое истинное предназначение, а стали служить людям в качестве ювелирного украшения. Подвеска с рельефным изображением называется медальоном. В нашей коллекции их два. Это серебряный круглый медальон с изображенным в профиль лицом девушки (ребенка)[130], а также двусторонний медальон со вставкой из сердолика[131].

Современные ювелиры и по сей день продолжают обращаться к творчеству мастеров «русского узорочья» порою повторяя некоторые формы и элементы этого стиля или же творчески трансформируя их, создавая новые образы и композиции. Яркими образцами современного ювелирного искусства в коллекции «Фурнитура и украшения» являются комплекты и отдельные предметы, выполненные вологодскими мастерами Валерием Поповым и Владимиром Глуниным:[132] броши, серьги, кольца, украшенные финифтью, росписью, филигранью, поделочными камнями. Изделия поступили в собрание музея в 90-х г. XX в.

Женские украшения – характерная черта эпохи. Тотемское музейное объединение располагает интереснейшими экземплярами украшений, позволяющими более детально представить русскую материальную культуру и своеобразие народного творчества. К сожалению, исследователями в течение долгого периода недостаточно внимания уделялось изучению декоративных элементов женского костюма и ювелирных украшений в том числе. Крайне редко они находят место в иллюстрированных каталогах музейных коллекций и в целом народного искусства Русского Севера. Надеемся, что в дальнейшем этот пробел будет устранен.

Гордеева Т.А. (Люберцы)

СВЕТ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА – РУССКИЙ СЕВЕР В ЖИВОПИСИ М.И. СУХАНОВА

Конец девятнадцатого века отмечен всплеском интереса русских художников к Северу России – краю с удивительными пейзажами и архитектурой. Самобытная часть местной культуры – это деревянное народное зодчество, бесценные памятники которого сохранились и до наших дней.

Русский Север стал источником вдохновения для многих художников, среди которых: К.А. Коровин, В.В. Верещагин, В.А. Серов, П.П. Кончаловский, С.А. Виноградов, С.Г. Писахов. Из своих

[124] ТМО. КП 17053.
[125] "Народный костюм Русского Севера XIX- начала XX века в собрании Государственного музейного объединения "Художественная культура Русского севера"". Л.Ф. Кислуха, изд. «Северный паломник». Москва. 2006. С. 28.
[126] Там же. С. 29.
[127] ТМО. КП. 5923, 16174, 20396, 7173.
[128] ТМО. КП 7148, 7149.
[129] ТМО. КП 20096.
[130] ТМО. КП 16079.
[131] ТМО. КП 6539.
[132] ТМО. КП 35187/1-4, 35657/1-4, 35251/1-3.

путешествий они привозили не только редкие по красоте и поэтичности картины, но и живые, интересные воспоминания.

Одним из первых побывал на Русском Севере К.А. Коровин, который был восхищен гармоничным сочетанием местной архитектуры и природы. По признанию художника «нигде не встретишь такого разнообразия оттенков, как на кажущемся монохромным Севере».

В Архангельске вместе с К.А. Коровиным побывал и В.А. Серов, которого город не оставил равнодушным. Считается, что «серебристая» и «серая» гамма, присущая стилю художника, берет начало именно в этой его поездке.

В конце XIX века путешествие по Северной Двине совершил В.В. Верещагин. В результате им были созданы многочисленные этюды и рисунки, отражающие спокойную и величественную красоту края. Из них наиболее известен пейзаж «Северная Двина», который передает атмосферу простора и покоя. Этюду присущ мягкий колорит, гармоничное и тонкое сочетание цветов.

Многим известны работы старейшего живописца Степана Писахова, создавшего выразительный и поэтический образ Севера и работы московского пейзажиста Владимира Стожарова.

Север с его романтикой и героической реальностью продолжал жить в искусстве и в советский период, что отражено, например, в статье «Русский Север в осмыслении художников 1950-1970гг.» Артема Александровича Артемова (Журнал «Вестник славянских культур», Выпуск №3 (37)/2015)[133].

Среди доброго десятка имен, упомянутых в указанной статье, мы не находим имени художника Михаила Ивановича Суханова. Тем не менее, его работы являются значительным вкладом в живописное наследие Русского Севера. Судьба художника сложилась таким образом, что его первая персональная выставка, объявленная в начале 1970-х годов, так и не состоялась, хотя было участие в коллективных выставках, в частности, в Москве в Государственном историческом музее.

Первая персональная выставка, организованная Музеем истории и культуры ГП Малаховка в культурном центре Свято-Пантелеймоновского подворья в г. Жуковский Московской области, состоялась в 2013 году, когда художнику исполнилось 96 лет. Всего Музею удалось организовать 10 персональных выставок художника на различных площадках Москвы и Московской области. В 2017 году, за несколько месяцев до 100-летия ныне здравствующего художника, проходит выставка в помещении Люберецкого краеведческого музея. Цель выставок – популяризация работ М.И. Суханова и создание предпосылок для музеефикации выдающихся работ автора. К сожалению, до настоящего времени проблема музеефикации не решена.

Большинство работ, посвященных Северу, написано в 1960-е годы, первая поездка на Север состоялась в 1954 году, после смерти Сталина, что было вызвано личными причинами – отец художника Иван Петрович Суханов, архитектор, ученик Леонтия Бенуа был репрессирован, с 1942 года семья ничего не знала о его судьбе – после объявления амнистии, повинуясь душевному порыву, Михаил Иванович поехал на Соловки. В его коллекции несколько картин посвящены Соловецкому монастырю.

С тех пор художник неоднократно совершал творческие путешествия на Север: Кириллов, Ферапонтово, Кемь, Каргополь, Кижи, Мурманск, Белое море, Свидь, Сулонда. На картинах М.И. Суханова запечатлены уникальные ландшафты, храмы, деревенские пейзажи – как хорошо узнаваемые, так и те, которые время не сохранило.

«Огромные панорамы, в которых Дух веет, в которых веками шел путник от церкви к церкви – такой предстоит Россия на полотнах автора. Особую задачу ставит перед собой художник – он создает тонкую живописную летопись столь пронзительно любимых им храмов. Но посыл к документальности мастеру удается таинственно сопрягать с постижением образной природы этой великой архитектуры. Михаил Иванович как бы говорит нам – посмотрите, полюбуйтесь этой красотой, здесь и сейчас запомните их навсегда, и эти образы, раз поселившись в вашей душе, станут неизживаемым вашим сокровищем!»[134]

Картины художника можно считать культурным наследием советского времени, эти работы наверняка помогут специалистам в изучении памятников северной природы и архитектуры – это память о Русском Севере второй половины 20-го века. Будучи архитектором по образованию и по первому периоду трудовой деятельности, Михаил Иванович одновременно работал в живописи и графике в студии офорта И.И. Нивинского. Наверное, поэтому в его работах замечательно передано ощущение пространства, четкость архитектурных образов, тонкие цветовые сочетания и дыхание северного ветра. Его работы гармоничны и пронизаны светом, гений русской души отразился в произведениях художника. Долго путешествуя по Северу, посещая храмы и знакомясь с иконописными шедеврами, Михаил Иванович был потрясен культурным наследием Севера, у него возникло желание освоить секреты древнерусской живописи – большинство его работ выполнены не маслом, а в технике «левкас, темпера».

[133] (http://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-sever-v-osmyslenii-hudozhnikov-1950-1970-gg)

[134] И.А. Кызласова, кандидат искусствоведения, д.и.н., профессор. Искусствоведческий очерк «Слово о М.И. Суханове»

Первое большое произведение называется «Постижение» и представляет собой автопортрет на фоне небесного покровителя художника. Голову и фигуру мастера озаряет невещественный свет, исходящий от великого Архангела Михаила, автор держит в руках цветок незабудки – символ вечности, а за его спиной у ног Архангела цветет чертополох, символ мужества, защиты и стойкости в борьбе - это растение, отпугивающее нечисть. Картина соразмерна большой иконе и предшествует циклу работ на библейские темы, но художник написал не икону, но поведал о своей жизни и о стезе своих предков – иконописцев и священников.

Очень интересны две работы, посвященные протопопу Аввакуму и его соратникам – в них отразилось не только умение передавать сложные психологические состояния, но и философские искания художника. В ракурсе северной тематики интересна работа «Пустозерские соузники» - последняя ночь Аввакума и его единомышленников накануне казни в окрестностях современного Нарьян-Мара.

Доктор искусствоведения Г. Вагнер так отозвался о художнике: «Философские раздумья Суханова проявляются не только в тематике, но и в широкопанорамных охватах пространства, в цикличности ряда композиций, в элементах символизма.

Но это не произвольный символизм, не игра в символику, как мы часто видим в работах так называемого авангарда. Это символизм мировоззренческий, когда художнику необходимо выразить отвлеченную тему, не подвластную узкобытовой образности. Таковы его образы пророков. Таков его Аввакум, задолго предвосхитивший великую русскую литературу XIX века. Творчеству Суханова свойственно психологическое прозрение не только в прошлое, но и в будущее. Хочется пожелать ему всяческих успехов…».

С головой уйдя в живопись, Михаил Иванович создал огромное количество картин, пронизанных гармонией его внутреннего мира, созвучного необыкновенному слиянию русской природы и невиданной красоты православных храмов. В наполненных философией произведениях художника древняя русская архитектура и природное раздолье являются связующим звеном между Человеком и Вселенной. Картины Михаила Ивановича пронизывает Божественный свет Сакрального пространства Древней Руси.

Григорьева В.Г. (Амга, Республика Саха)

ТРЕТИЙ ПЕСЕННЫЙ СТИЛЬ *УЙУЛГА ЫРЫА* В МУЗЫКАЛЬНОМ ФОЛЬКЛОРЕ САХА

Традиционный музыкальный фольклор саха (самоназвание якутов) относится к культуре народов Сибири. Опираясь на современные данные этномузыкознания, этномузыколог Ю.И. Шейкин выделяет в обширном регионе Сибири восемь этнокультурных групп: югорские народы Приобья, северо-самодийские народы Тюмени, Таймыра, кето-селькупские народы Енисея, тунгусо-маньчжурские народы Приамурья и Сахалина, палеоазиатские народы Чукотки, Камчатки, Колымы, тунгусские народы Сибири и северо-тюркские народы Сибири[135]. В сравнительно-исторических параллелях исследователь отмечает, что в каждой из этнокультурных групп сложилась своя система интонационно – акустических норм бесконечного звукового пространства.

На протяжении многих веков в искусстве народа саха сформировалось несколько стилей традиционной песенности. В научных изысканиях по якутскому песенному фольклору были описаны два основных стиля *дьиэрэтии ырыа* и *дэгэрэн ырыа,* характерные для народного пения в разных жанрах. Необходимо представить эти два направления.

Импровизационный стиль якутского песенного фольклора *дьиэрэтии ырыа* (термин Ф.Г. Корнилова), сопровождающийся применением горлового фальцетного призвука *кылысах,* возник из эпоса *олонхо* и обрядовых песнопений. Это одноголосное пение, которое обладает характерным звучанием и является своеобразным «маркером» якутского вокального стиля, представляет собой «сольное двухголосие»[136], возникающее благодаря сонорному способу звукоподачи. Ритмической и ладоинтонационной основой *дэгэрэн ырыа* (термин М.Н. Жиркова) с индивидуализированными напевами, стал обрядовый круговой песне-танец *осуохай*. Характерные особенности стиля *дэгэрэн* проявляются в распевах слогов с применением мелизмов и орнаментальных опеваний звуков. Песенные стили традиционной якутской музыкальной культуры *дьиэрэтии* и *дэгэрэн* встречаются в различных жанрах многоликого национального искусства. Представления о стилях *дьиэрэтии ырыа* и *дэгэрэн ырыа*

[135] Шейкин Ю.И. Музыкальная культура народов Северной Азии. Якутск: РДНТ, 1996. с.6.

[136] Алексеев Э. Е., Николаева Н. Н. Образцы якутского песенного фольклора. Якутск: Якутское книжное издательство, 1981. с.5.

концептуально обосновали в своих работах Э.Е. Алексеев, Ю.И. Шейкин, А.С. Ларионова. В статье «О музыкальном воплощении олонхо» Э.Е. Алексеевым на примере сказительского искусства В.О. Каратаева рассмотрен также комплекс выразительных средств музыкально-поэтического сплава эпического песнопения[137].

В якутской фольклорной сфере для объяснения механизма ладообразования часто используется термин «раскрывающийся лад», который, как принято считать, был предложен композитором Г.А. Григоряном[138]. Однако, уже в своем труде «М.И. Глинка и его творчество» [1952, с.209] Б.В. Асафьев обнаруживает похожие интонационные явления и дает их музыковедческое осмысление, называя особое интонационное развитие в длительных песенных эпизодах «раскрывающейся ладовостью» или «развертывания лада»[139].

Якутский музыкальный фольклор неизмеримо богаче, чем существующие теоретические представления о нем. В частности, Н.Н. Николаева в монографии «Эпос олонхо и якутская опера» пишет о существовании еще одного самостоятельного стилевого направления в традиционном песенном искусстве. «Своеобразную ветвь…составляют различные виды сосредоточенного, самоуглубленного пения, вызываемого состоянием болезни, недуга, глубокого душевного переживания»[140]. Чтобы развить важное для нас наблюдение Николаевой, мы считаем необходимым ввести для обозначения третьего стиля специальный якутский термин «*уйулҕа ырыа*» («*уйулга ырыа*») – связанный с определенным психологическим медитационным состоянием, полученным вследствии эмоционального самоуглубления. В переводе с якутского, слово *уйулга* означает: в словаре Э.К. Пекарского – воздержность, выносливость)[141]; в словаре П.С. Афанасьева и других составителей, филологи определяют как «*киһи ис санаатын, дууһатын тулуура, тулуйар кыаҕа*»[142] – внутреннее состояние человека, душевная выносливость, терпимая воздержность (русский перевод В.Г.).

Необходимо сказать, что три песенных стиля различаются между собой, так как применяются в разных сферах и жанрах фольклора. Итак, обозначив стили: *дьиэрэтии ырыа*, *дэгэрэн ырыа* и *уйулга ырыа,* перейдем к их краткой характеристике. Рассматривая далее песенные стили якутского фольклора, мы предполагаем выявить свойственные им важнейшие элементы музыкальной выразительности: ладоинтонационной, тембровой, структурной организации, метроритмических особенностей и типы вокального интонирования.

Жанрово-содержательный диапазон песен *дьиэрэтии ырыа* разнообразен. Это: *тойук* – торжественная песенная импровизация, *алгыс* – благопожелание, *алгыс* – заклинание, *алгыс* – мольба, эпические песнопения персонажей Срединного, Верхнего миров.

Музыкально-выразительные средства жанров *дьиэрэтии ырыа* обладают рядом существенных признаков, основными из которых являются особые тембровые приемы – горловые фальцетные призвуки *кылысахи*. Предполагаемая высота *кылысах* имеет условное обозначение ◊[143]. «Расстояние»[144] *кылысаха* к звуку у каждого исполнителя разное. Наиболее часто оно располагается в пределах от секунды до квинты, но может достигать и сексты. Тембровые призвуки *кылысах,* находящиеся над основной мелодией, образовывают самостоятельный звуковысотный уровень. Исследователь А.С. Ларионова отмечает, что в виде *кылысаха* «могут звучать различные вибрато, форшлаги, глиссандо, скольжения, флажолет»[145]. К этому списку можно добавить другие тембры неоднородного характера – морденты, тремоло, подъемы и сбросы звуков.

Композиционная структура напевов *алгыса* состоит из трех разделов: вступительного зачина, повествовательного и заключительного эпизодов. Особенностью напевов *алгыс* являются зачины на традиционные слова «*Дьиэ буо*!» («Ну вот!). Применяются и реже встречающиеся слова, например: «*Эгэй! Огой*!»[146]. Ладоинтонационная организация напевов *дьиэрэтии ырыа* функционально упорядочена. Чаще всего напев состоит из звуков, имеющих функции устоя, неустоя, двух ладовых антитез. В зависимости от большой или малой терции от нижнего устоя некоторые мелодии могут восприниматься как «мажор», «минор». «…взаимодействие устоев и неустоев образует своего рода фундамент для последовательного усложнения мелодических форм… и получает надежную внутреннюю опору –

---

[137] Алексеев Э. Е. О музыкальном воплощении олонхо. //Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох». (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). Новосибирск: Наука, 1996. С.42-72.
[138] Григорян Г.А. Музыкальная культура автономных республик РСФСР. М., Музгиз,1957. С.331.
[139] Асафьев Б. Избранные труды, т.1. М.,Изд. Академии наук СССР, 1952.. 209 с.
[140] Николаева Н. Н. Эпос олонхо и якутская опера. Якутск: Полиграфист,1993. С.13.
[141] Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. СПб: Наука,2008. 3-е издание, исправленное и дополненное. С. 2986
[142] Афанасьев П.С. Саха тылын быһаарыылаах кылгас тылдьыта. (Якутский краткий пояснительный словарь), 2008, С.560.
[143] Алексеев Э. Е. Проблемы формирования лада (на материале якутской народной песни). Исследование. М., «Музыка».1976. С.8., с нот.
[144] Там же, с.180.
[145] Ларионова А. С. Вербальное и музыкальное в якутском дьиэрэтии ырыа. Новосибирск: Наука, 2004. С.133.
[146] Алексеев Э. Е., Николаева Н. Н. Образцы якутского песенного фольклора. Якутск: Якутское книжное издательство, 1981. С.47.

устойчивый ладовый центр»[147]. Заключительный текст напева содержит самые важные напутственные слова *тойука* или обряда – *алгыс*. Импровизационная метроритмическая организация напевов отражается в нотациях через переменные размеры.

В настоящий период песни стиля *дьиэрэтии ырыа* распространены повсеместно. Они исполняются круглогодично на театральной сцене, в обыденной жизни саха, когда отмечаются события календарного обрядового цикла и праздничные мероприятия.

Мелодии традиционного певческого стиля *дэгэрэн ырыа* обладают развитыми напевами. Ритмоинтонационные формулы становятся основным положением мелоса. Разновидностями лирических песен (*иэйии ырыалара*) являются песни о родине, природе, любовные песни. Шуточные мотивы звучат в песнях детей, сказках и забавных скороговорках (*чабырҕах ырыалара*). Сферу бытовых песен составляют женские песни; колыбельные (*биһик ырыата*); песни-припевания (*туойсуу ырыата*); путевые песни, исполняемые верхом на коне (*айан ырыата*); дорожные песни, исполняемые верхом на быке (*суол ырыата*); трудовые; свободные (беспечные) песни (*дьаала ырыа*). К жанру обрядовых песен причисляются военные песни-гимны, песни гадания (*таҥха ырыалара*) и ритуальные. В типовых напевах практикуется применение специфичных отличительных приемов дыхания: нёбное – *таҥалай* («пение с применением нёбных щелчков языка»)[148]; носовое –*хоҥсуо* («пение с носовой, гнусавой звукоподачей» [там же]; гортанное – *хабарҕа* («пение с хрипами в горле, часто с закрытым ртом») [там же].

Главная стилевая особенность *дэгэрэн ырыа* связана с вопросо-ответной структурой построения. Стиховое сложение песни, типичное для якутской народной поэзии – это наиболее часто встречающийся хореический семисложник, реализующийся в мелодике разных функциональных назначений. Ритмоформула напева зависит от распева слогоритмических единиц. При исполнении напевов певцы-импровизаторы, возможно, для ритмической организации, применяют внутри слов внесмысловые, асемантические слова и слоги «*галин, галин*», «*мю*», «*гу*», «*гэ*», «*гыа*», «*гиэ*», «*гыэн*» и другие.

В жанрах лирической песни широко используются распевы слогов, мелизматические элементы, орнаментальные опевания звуков. Напевы *дэгэрэн* имеют диапазон как узкий –в пределах терции, так и широкий – до септимы. Количество ладовых ступеней в народных напевах может быть различным – от трех до пяти. Необходимо отметить, что в *дэгэрэн ырыа* исполнители для придания дополнительной тембровой окраски изредка применяют *кылысах*. Тембровый прием проникает также в стиль *дэгэрэн* и в жанр шаманского пения. Например, в среднем эпизоде призывания духов эпического песнопения в исполнении олонхосута У.Г. Нохсорова[149].

Обрядовые напевы кругового танца – *осуохай* звучат на празднике летнего солнцестояния *ысыах*, а также во время торжественных событий в жизни семьи и общества. Лирические, шуточные и бытовые песни стиля – на профессиональной сцене и в художественной самодеятельности.

Стиль *уйулга ырыа* представляет собой контрастный интонационный пласт, в значительной степени связанный прежде всего с обрядовой шаманской мистерией и медитационным психологическим состоянием. Известно, что якутские шаманы совершали камлание для излечения больных, ублажения злых духов, предотвращения эпидемий, предсказания будущего, порчи людей, при посвящении в шаманы. Обряды проводились также с целью обращения к духам-покровителям для благополучия людей и приумножения поголовья скота. Содержание эпических шаманских песнопений зависит от сюжетной линии олонхо. К примеру, шаман *Айыы Быйантай* (в исполнении У.Г. Нохсорова), обращается к своей покровительнице с просьбой о ниспослании проклятия на *Илбис Кыыс Хобо Ньогой* за принесенные ею болезни, страдания народу *айыы аймаҕа* (жители Срединного мира).

Напевы в стиле *уйулга ырыа* могут рождаться и в бытовой сфере, в интимной домашней обстановке, как реакция на тяжелые жизненные ситуации, состояние физического истощения в результате болезни. Это: заспинные песни (песни, притупляющие боль) – *көҕүс ырыата*; песня-стон, песня-стенание со словами – *энэлгэн ырыа*; песня умирающей женщины – *өлөөрү сытар дьахтар ырыата*; прощальное предсмертное пение, прежде не певших – *сууланыы ырыата*; песни-причитания (оплакивание мужа) – *эр аһыыта.* Форма звукоподачи в подобных песнях отражает подавленное, депрессивное состояние человека.

Вздрагивания голоса, напоминающие не звонкий *кылысах,* записываются в нотации форшлагами[150]. Кроме шаманского пения, песен удаганок в жанры *уйулга ырыа,* исполняющиеся неординарными людьми в медитационном состоянии, также входят пение психически больных людей – *мэнэрик ырыата*; пение во сне – *түүл ырыата*. Ладоинтонационные образования в подобного рода

[147] Алексеев Э. Е. Проблемы формирования лада (на материале якутской народной песни). Исследование. М., «Музыка».1976. С.162., с нот.

[148] Шейкин Ю. И. Музыкальный фольклор // Якуты (Саха). М.: Наука, 2012. С. 89.

[149] Григорьева В. Г. Народный сказитель Устин Нохсоров. Якутск, 2012. С.59.

[150] Алексеев Э. Е., Николаева Н. Н. Образцы якутского песенного фольклора. Якутск: Якутское книжное издательство, 1981. С.61.

самоуглубленных песнях можно определить как олигохазматонные. В мелодике напевов не всегда выдерживается метроритмическая регулярность, что определяется содержанием и импровизационным характером пения. Мелизматические и тембровые проявления: форшлаги, вибрато, тремоло, сбросы звуков, бормотание становятся характерными элементами стиля *уйулга ырыа*.

В связи с социальным развитием общества бытовые песни *уйулга ырыа* утратили свое назначение. Шаманские камлания в обрядовой и театральной сфере исполняются очень редко.

В вокальном интонировании отражаются типологические черты якутской песенной традиции и ее жанровый контекст. Глубоко изучены основные типы интонирования и жанровые сферы музыкальной культуры многих народов Севера, соседствующих с саха. К примеру, о применении типов интонирования Г.Г. Алексеева сообщает, что типы интонирования кетов – вокальный, сигнальный и вокально-сигнальный аналогичны долганскому[151]. В нганасанском фольклоре О.Э. Добжанской исследованы несколько типов интонирования – вокальный, вокально-речевой, вербальный, инструментальный и сигнальный[152]. В данном работе рассмотрим типы интонирования, связанные с песенными жанрами.

Опираясь на материалы музыковедов, перечислим известные типы вокального интонирования и внесем новые характеристики в анализируемые стили *дьиэрэтии ырыа, дэгэрэн ырыа и уйулга ырыа.* Отличительными типами интонирования в *дьиэрэтии ырыа* являются вокальный – *ылланар,* речитативный – *этэн ылланар* и речевой – *этэн*. Принято считать, что божества *айыы* (покровители людей) любят пение с *кылысах*, поэтому более распространены первые два типа интонирования. Последний тип не входит в песенный стиль, но иногда избирается в зависимости от исполнителя *алгыса*.

К типам интонирования *дэгэрэн ырыа* круговой танцевальной сферы относятся: вокальный без распева слогов – *этэн ыллыыр*; вокальный с распевами слогов и вокальный с медленным распевом только зачинных слов – *тардан ыллыыр*; вокальный – *ылланар*. В сфере песни (лирической, шуточной, бытовой и обрядовой) используются типы интонирования: вокальный – *ылланар*; вокальный со специфичными приемами – *ньымалардаах ырыа* (нёбное – *таҥалай*, носовое – *хоҥсуо*, гортанное – *хабарҕа*).

В шаманских обрядах *уйулга ырыа* встречаются несколько совмещенных типов интонирования: сигнально-вокально-речевой *тыаһы үтүктэр этэр тыллаах ырыа*, с звукоподачей устрашающего пения – *кутуруу.* Вокальное интонирование в шаманском песнопении характеризуется применением особых тембровых приемов: интонационные микротоновые подъемы при речитации, разноуровневые вибрато, хроматические глиссандо в интервале терций и октавы. Общий диапазон интонирования может достигать двух октав.

Экстатическая атмосфера шаманского камлания создается во многом благодаря применению особых звуко-музыкальных тембровых средств. Например, длительные конвульсивные движения головы шаман сопровождает глиссандо. В кульминационные моменты обряда может звучать хохот, трансформирующийся в воронье карканье, вскрики и т.п.

Таким образом, в песенной культуре саха практикуются следующие основные типы интонирования: вокальный – *ылланар*, вокальный с распевом слогов – *тардан ыллыыр*; вокальный без распева слогов – *этэн ыллыыр*; сигнальный – *тыаһы үтүктэр*; речитативный – *этэн ылланар*. Мы предлагаем ввести национальную терминологию для определения специфичных национальных типов: вокальный со специфическими приемами *(нёбное, носовое, гортанное пение)* – *ньымалардаах ырыа* и совмещенный сигнально-вокально-речевой – *тыаһы үтүктэр этэр тыллаах ырыа.*

Последний тип выявлен на основе полной нотации шаманского эпического песнопения в исполнении олонхосута У.Г. Нохсорова. Особый совмещенный тип сигнально-вокально-речевого интонирования сочетает в себе несколько основных специфичных тембров звукового выражения: *тыаһы үтүктэр* – сигнальная форма (звукоподражательная имитация голосов птиц, животных); *көгүтүү* – монотонное пение; *чуораадыйыы* – пение в высоком регистре; *дьигиһитэн ыллааһын* – вибрация звука.

Для наглядного представления функционирования стилей пения и типов интонационного воплощения предлагаем рассмотреть последовательно соответствующие таблицы (таблицы 1, 2, 3). Основная цель формирования таблиц – осознание того, что стили якутского песенного искусства соотносятся друг с другом через типы интонирования. При составлении таблиц использовались также данные по жанрам и типам интонирования М.Н. Жиркова[153], Э.Е. Алексеева [там же, *30*], Г.Г. Алексеевой[154], Ю.И. Шейкина[155];[156], О.Э. Добжанской[157], С.Д. Мухоплевой[158].

---

[151] Алексеева Г. Г. Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган. Якутск: Якутский филиал Издательства СО РАН, 2005. С.67.

[152] Добжанская О. Э. Шаманская музыка самодийских народов Красноярского края. Норильск, 2008. С.93-100.

[153] Ларионова А. С. Дэгэрэн ырыа. Песенная лирика якутов. Новосибирск: Наука, 2000. С.26.

[154] Алексеева Г. Г. Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган. Якутск: Якутский филиал Издательства СО РАН, 2005. С.291.

[155] Шейкин Ю. И. Музыкальная культура народов Северной Азии. Якутск: РДНТ, 1996. С.88-89.

Таблица 1. Стиль *дьиэрэтии ырыа*

Сферы фольклора	Жанры	Типы интонирования
Обрядовая (календарные и жизненного цикла)	*Тойук* – торжественная песенная импровизация (обращение к богам, духам-покровителям природы, животных, людей и по случаю)	Вокальный – *ылланар*
	Алгыс – песенное или прозаическое благопожелание(песни церемониальные, песни-оповещения)	1.Вокальный – *ылланар* 2.Речитативный – *этэн ылланар*[159] 3.Речевой – *этэн* [там же]
	Алгыс – заклинание в песенной или прозаической форме (песня-договор, песня-повеление, песня-повествование)	1.Вокальный – *ылланар* 2.Речевой – *этэн*
	Алгыс – мольба в песенной или прозаической форме	

Таблица 2. Стиль *дэгэрэн ырыа*

Сферы фольклора	Жанры	Локальность	Типы интонирования
Обрядовая	*Осуохай* – круговой песне-танец	Вилюйский (вилюйские, верхневилюйские, сунтарские и другие)	Вокальный, без распева слогов – (*этэн ыллыыр)*[160]
		Приленский (амгинские, таттинские, усть-алданские и другие)	Вокальный с распевом слогов – (*тардан ыллыыр)* [там же]
		Северный (яно-индигиро-колымские)	Вокальный с распевом слогов – *муоралыы* называют северяне [там же, *10*]
		Олекминский	Вокальный (с распевами зачинных слов **–** *тардан ыллыыр)*[161]
	Дьиэрэнкэй[162]		Вокальный *ылланар*
Песни лирические – *иэйии ырыалара*	Песни о родине, природе Любовные песни		Вокальный *ылланар*
			Вокальный с специфичным приемом дыхания – *ньымалардаах ырыа*: нёбное пение (*таҥалай ырыата*)[163]
			Вокальный с специфичным приемом дыхания – *ньымалардаах ырыа*: носовое пение (*хоҥсуо ырыата*) [там же]
			Вокальный с специфичным приемом дыхания– *ньымалардаах ырыа*: гортанное пение (*хабар5а ырыата)* [там же]
Песни	Детские песни		Вокальный *ылланар*

[156] Шейкин Ю. И. Музыкальный фольклор // Якуты (Саха). М.: Наука, 2012. С.405.
[157] Добжанская О. Э. Шаманская музыка самодийских народов Красноярского края. Норильск, 2008. С.36.
[158] Мухоплева С. Д. Якутские народные обрядовые песни.– Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма.1993. – С.14.
[159] Шейкин Ю. И. Музыкальная культура народов Северной Азии. Якутск: РДНТ, 1996. С.62.
[160] Алексеев Э. Е., Николаева Н. Н. Образцы якутского песенного фольклора. Якутск: Якутское книжное издательство, 1981. С.9.
[161] Алексеев Э. Е. О музыкальном воплощении олонхо. //Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох». (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). Новосибирск: Наука, 1996. С.42.

[162] Мухоплева С. Д. Якутские народные обрядовые песни.– Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма.1993. – С.14.
[163] Алексеев Э. Е., Николаева Н. Н. Образцы якутского песенного фольклора. Якутск: Якутское книжное издательство, 1981. С.7.

шуточные	Песни в сказках	
	Песни скороговорок (*Чабырҕах ырыалара*)	
Песни бытовые	Женские	
	Песни-припевания (*Туойсуу ырыата)*	
	Колыбельные (*Биһик ырыата)*	
	Путевые песни, исполняемые верхом на коне *(Айан ырыата)*[164]	
	Дорожные песни, исполняемые верхом на быке *(Суол ырыата)* [там же].	
	Трудовые	
	Свободная (бессмысленная) песня *(Дьаала ырыа)*	Не зафиксированы в звучании, нотации
Песни обрядовые	Военные песни-гимны	
	Песни гадания (*Таҥха ырыалара*)	
	Родильная[165]	
	Свадебная [там же]	
	Скотоводческая [там же]	

Таблица 3. Стиль *уйулга ырыа*

Сферы фольклора	Жанры	Типы интонирования
Обрядовая	Шаманское песнопение *(Ойуун ырыата)* Песни удаганок	Сигнально-вокально-речевой – *тыаһы үтүктэр этэр тыллаах ырыа*, со звукоподачей устрашающего пения *кутуруу*. Включает тембры: *дьигиһитэн ыллааһын* – вибрирующее, тремолирующее пение[166]; *көгүтүү* – монотонное пение, когда участники вторят шаману, чтобы способствовать выздоровлению больного[167]; *чуораадыйыы* – пение в высоком регистре [там же]; *кэп туонар* – воспевание шаманского первообраза [там же].
Песни бытовые	Песня-стон, песня-стенание со словами. *(Энэлгэн ырыа)*[168]	Вокальный – *ылланар*
	Заспинные песни, песни притупляющие боль. (*Көҕүс ырыата)*- Аналог *энэлгэн ырыа* [там же]	
	Пение во сне *(Түүл ырыата*) [там же, *60*]	
	Пение умирающей женщины *(Өлөөрү сытар дьахтар ырыата*) [Архив М.Н. Жиркова папка № 6, с.56].	

[164] Шейкин Ю. И. Музыкальная культура народов Северной Азии. Якутск: РДНТ, 1996. С.89.
[165] Мухоплева С. Д. Якутские народные обрядовые песни.– Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма.1993. – С.94.
[166] Алексеева Г. Г. Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган. Якутск: Якутский филиал Издательства СО РАН, 2005. С.35.
[167] Шейкин Ю. И. Музыкальная культура народов Северной Азии. Якутск: РДНТ, 1996. С.90.

[168] Алексеев Э. Е., Николаева Н. Н. Образцы якутского песенного фольклора. Якутск: Якутское книжное издательство, 1981. С.7.

	Пение психически больных людей, преимущественно в женском исполнении *(Мэнэрик* или *таарымта ырыа*) [там же,*58*]	Вокальный – ылланар Речитативный – *этэн ылланар*
	Жалобное, прощальное предсмертное пение, прежде не певших *(Сууланыы ырыата)*[там же, *89*]	Не зафиксированы в звучании, нотации
	Пение-причитание при оплакивании мужа (*Эр аһыыта*)	

Из рассмотренных выше таблиц можно сделать вывод, что определить с математической точностью тип интонирования, особенно в стиле *дэгэрэн ырыа*, порой представляется затруднительным, учитывая, что исполнители, обладающие умением исполнять тембровый прием *кылысах*, часто используют его не только в стиле *дьиэрэтии, дэгэрэн ырыа,* но изредка и в *уйулга ырыа*. Пласт искусства трех стилей в зависимости от обстановки и окружающей среды можно отнести к публичному исполнению (стили *дьиэрэтии* и *дэгэрэн*) и интимному (стиль *уйулга*). Древние исторические военные песни *дэгэрэн ырыа*, бытовые песни *уйулга ырыа* в настоящее время забыты и потому требуют обстоятельного изучения.

Олонхо – якутский героический эпос, содержит наиболее значимые достижения музыкально-фольклорной культуры саха. В нем применяются все три из выше перечисленных стиля пения, включающих и пародийное пение (*тиэрэ хоһуйан ыллааһын*), основанное на искаженном интонировании стиля *дьиэрэтии* и *дэгэрэн* в песнях богатырей и дев Нижнего мира. Приведённая ниже таблица составлена впервые.

Таблица 4. Якутский эпос – олонхо

Жанры	Стиль интонирования	Типы интонирования
Песни персонажей Верхнего мира	*Дьиэрэтии ырыа*	Вокальный – ылланар Речитативный – *этэн ылланар*
Песни персонажей Срединного мира		
Песни коней, птиц, одухотворенных духов (духи огня, очага, леса, тайги и другие)		
Обрядовые песенные благопожелания удаганок (персонажи Верхнего мира)	*Дэгэрэн ырыа (с кылысах)*	
Песни табунщиков-посыльных юношей	*Дэгэрэн ырыа*	Вокальный – ы*лланар*
Песни дев Нижнего мира	*Тиэрэ хоһуйан ыллааһын* (пародийное пение, основанное на искаженном интонировании стиля *дэгэрэн)* [169].	
Песни богатырей Нижнего мира	*Тиэрэ хоһуйан ыллааһын* – (пародийное пение, основанное на искаженном интонировании стилей *дьиэрэтии* и *дэгэрэн)*	
Песнопения шаманов (персонажей *олонхо*)	*Уйулга ырыа*	Сигнально-вокально-речевой – *тыаһы үтүктэр, этэр тыллаах ырыа* (с применением

[169] Алексеева Г. Г. От фольклора до профессиональной музыки. – Якутск: Якутское книжное издательство «Бичик», 1994. С.78-79.

		кутуруу – устрашающее пение). Включает: *дьигиһитэн ыллааһын* – вибрирующее, тремолирующее пение; *көгүтүү* – монотонное пение, когда участники вторят шаману, чтобы способствовать выздоровлению больного; *чуораадыйыы* – пение в высоком регистре; *кэп туонар* – воспевание шаманского первообраза.

Таким образом, музыкально-песенный фольклор саха реализуется в трех самобытных вокальных стилях: *дьиэрэтии ырыа*, *дэгэрэн ырыа и уйулга ырыа*. Каждый из них дифференцирован по типам интонирования, способам звукоподачи и является типичным для определенных жанров.

Вышеизложенное позволяет нам сделать некоторые выводы:

1. Выделения песенного стиля *уйулга ырыа* в самостоятельный вокальный стиль связано с необходимостью его размежевания с традиционными стилями, в связи с противоположностью психического состояния поющего человека (пение в состоянии медитации, самоуглубления).
2. Основными типами интонирования *уйулга ырыа* являются: а) совмещенный сигнально-вокально-речевой – *тыаһы үтүктэр этэр тыллаах ырыа*; б) со звукоподачей – *кутуруу*, включающий несколько свойственных тембров; в) вокальный – *ылланар*; г) вокально-речитативный – *этэн ылланар.*
3. Сигнально-вокально-речевой тип интонирования стиля *уйулга ырыа* имеет свои особенности. Это, прежде всего, композиционная драматургическая структурность, свободная интонационная импровизация (в диапазоне квинтдецимы) с комбинированной тембровой спецификой (к примеру, в исполнении У. Г. Нохсорова впервые выявлено исполнение тремоло в диапазоне от кварты до большой сексты). Ритмические особенности сигнально-вокально-речевого типа интонирования отражены в вариационных формулах.
4. Между всеми стилями якутского пения существуют взаимосвязи, которые показаны в представленных в работе таблицах.

В целом отметим, что объект исследования данной статьи не считается исчерпанным на сегодняшний день. Еще предстоит изучать локальные традиции якутского музыкального фольклора, жанровый состав, разнообразные типы интонаций. В таком случае, возможно, научные взгляды о существующих стилях пения будут значительно расширены.

Едовин А.Г. (Архангельск)

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ СУХОНЫ И НИЖНЕГО ПОДВИНЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ X-XIV ВВ. (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

Средневековая история Средней Сухоны, так же, как и всего Подвинья, слабо освещена письменными источниками, поэтому реконструируется, в основном, по археологическим материалам.

Своеобразной группой археологических памятников является серия могильников XII-XIV вв. в междуречье Средней Сухоны и Верхней Ваги, изученная Н.А. Черницыным и Н.В. Гуслистовым.[170] Могильники имеют трупоположения, однако большинство погребенных кремировано на месте в ямах различных очертаний. Местной особенностью, отмеченной далее на Севере в могильнике Воезеро на Мошинском озере, является забутовка погребальных ям валунами, или сооружение т.н. вымосток. Такая традиция присуща, в частности, для некоторых племен Верхней Волги в эпоху средневековья. Большинство покойных в могилах с ингумациями ориентированы головой на запад, но иногда встречается юго-восточная ориентировка. Типичными для Сухоны являются такие категории находок как лунничные височные кольца, полые коньковые подвески, кольцевидные фибулы, конусовидные пронизки, ложновитые браслеты. Наиболее отчетливо прослеживается культурная близость региона с Костромским Поволжьем и марийским Ветлужско-Вятским междуречьем[171].

[170] Черницын Н.А. Угро-финские могильники на территории Вологодской области. // СА № 4. 1966. с. 196-201. Гуслистов Н.В. Материалы раскопок на р. Сондуге Тотемского района. // Послужить Северу. Вологда. 1995. с. 48-74.

[171] Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л. «Наука». 1986.

Несколько иной представляется материальная культура Нижнего Подвинья. Она датируется несколько более ранним временем – XI-XIII вв., и представлена плоскими прорезными зооморфными подвесками, умбоновидными бляшками, решетчатыми шумящими подвесками[172]. Сходными чертами для обоих регионов является использование конусовидных пронизок и трубчатых пронизок с боковыми кольцами. Однако, эти украшения относятся к поздней фазе изучаемого периода. Ниже описаны некоторые категории украшений, встреченные в могильниках Средней Сухоны и наличие их аналогов в регионе Нижнего Подвинья.

Лунничные височные кольца. Чрезвычайно широко распространены на Европейском Севере, однако, изделия, встреченные на Сухоне, имеют ограниченный ареал. В сухонских могильниках представлены изделия третьего типа и одно кольцо первого, т. н. арефинского (Пустошенский могильник, рис. 1:2)[173]. Эти ранние кольца датируются концом I тыс. н. э. и вряд ли находка из Пустоши одновременна какому-либо из изученных погребений[174]. Зато кольца 3 типа являются вполне обычным явлением для этого времени и этого региона. Помимо Пустошенского (рис. 1:6)[175], Кудринского (рис. 1:4)[176] и Семеновского могильника (рис. 1:5)[177] они найдены в могильниках Горка на Каргополье[178], Усть-Пуйском на Ваге (рис. 1:7-8)[179] и Веркольском на Пинеге (рис. 1:9)[180]. Для местного населения Нижнего Подвинья лунничные височные кольца не характерны.

Проволочные витые височные кольца. Такие украшения найдены на Сухоне в Пустошенском могильнике (рис. 1:10)[181] и находят аналогии в Каргопольском регионе (могильники Попово и Горка)[182], далее к Северу они полностью отсутствуют, зато севернее встречены петлеобразные височные кольца (Корбала (рис. 1:12)[183], Кузомень[184], Архангельский клад[185] и пр.). Этот факт наиболее всего подчеркивает разную этническую природу населения двух регионов.

Бусинные височные кольца. Такой вид украшения в целом не характерен для Севера и в Подвинье нет ни одной находки данного вида изделий. Этот факт делает находку из Марьинского могильника (рис. 1:11)[186] уникальной, а также еще более подчеркивает определенные различия в материальной культуре рассматриваемых регионов.

Витая проволочная гривна. Встречена в Кудринском[187] и Семеновском могильниках[188] в погребениях XIII века. Такие гривны на Севере встречаются не часто – можно отметить два клада серебряных гривен в устьях рек Варзуга и Кемь[189], в могильнике Усть-Пуя[190] и случайную находку в Быстрокурье близ Холмогор. В других районах Русского Севера – Кокшеньге[191], Соловках[192] и Каргополье[193] – встречены также и серповидные гривны. Пока можно сделать вывод о полиэтничном характере этого вида украшения.

Фибулы. Эти изделия представляют собой кольца с иглами для скрепления плащей и других элементов одежды. Определяющим различием в характеристике этого элемента костюма является наличие либо отсутствие фибул со слитыми концами, являющихся, по сути кольцами. Все найденные в дельте и низовьях Двины фибулы относятся к типу фибул со слитыми концами, которые, по мнению исследователей, являются местным северным вариантом подобного рода изделий. Украшения имеют шарообразные завершения и косоплетеную поверхность.

---

[172] Едовин А.Г. Бронзовые украшения как индикатор культурных связей населения Нижнего Подвинья и Поважья в XI-XIII вв. // Важский край. Источниковедение, история, культура. Вып. 7. Вельск 2016, с. 45-54.
[173] Черницын Н.А. Угро-финские могильники на территории Вологодской области. // СА № 4. 1966. с. 196-201. Рис. 1:8.
[174] Седов В.В. Лунничные височные кольца восточнославянского ареала. // Культура славян и Русь. М. 1998, с. 255.
[175] Черницын Н.А. Угро-финские могильники на территории Вологодской области. // СА № 4. 1966. с. 196-201. Рис. 1:11.
[176] Там же, рис. 2:4.
[177] Гуслистов Н.В. Материалы раскопок на р. Сондуге Тотемского района. // Послужить Северу. Вологда. 1995. с. 48-74. Рис. 16:12.
[178] Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI-XIII вв. М. «Наука» 1990.с. 196, таб. XI:10.
[179] Назаренко В.А. Овсянников О.В. Рябинин Е.А. Средневековые памятники чуди заволочской. // СА № 4. 1984. с. 212, рис. 11:1,3.
[180] Kolpakov E. M. Ryabtseva E. N. A new type of chud burial construction. // FA . XI. Helsinki. 1994. p. 77-86. P.3.
[181] Черницын Н.А. Угро-финские могильники на территории Вологодской области. // СА № 4. 1966. с. 196-201. Рис. 2:7.
[182] Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI-XIII вв. М. «Наука» 1990.с. 196, таб. XI:3, с. 198, таб. XIII:1-2.
[183] Назаренко В.А. Овсянников О.В. Рябинин Е.А. Средневековые памятники чуди заволочской. // СА № 4. 1984. с.203, рис. 5:13.
[184] Овсянников О.В. Рябинин Е.А. Средневековые грунтовые могильники Терского берега. // СА № 2. 1989. с. 201-211.
[185] Носов Е.Н., Овсянников О.В. Архангельский клад // Славяне и финно-угры. Л. Изд. ИИМК. 1997. с.146-157.
[186] Гуслистов Н.В. Материалы раскопок на р. Сондуге Тотемского района. // Послужить Северу. Вологда. 1995. с. 48-74. Рис. 9:6.
[187] Черницын Н.А. Угро-финские могильники на территории Вологодской области. // СА № 4. 1966. с. 196-201. Рис. 3:1.
[188] Гуслистов Н.В. Материалы раскопок на р. Сондуге Тотемского района. // Послужить Северу. Вологда. 1995. с. 48-74. Рис. 16:1.
[189] Ясински М.Э. Овсянников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. Т.1. СПб. 1998. С. 59, рис. 40.
[190] Назаренко В.А. Овсянников О.В. Рябинин Е.А. Средневековые памятники чуди заволочской. // СА № 4. 1984. С. 212, рис. 11:12.
[191] Рябинин Е.А. О средневековых древностях Заволочья (по находкам в бассейне Кокшеньги) // СА. № 3. 1981. с. 66-72. Рис. 1.
[192] Мартынов А.Я. Археологические памятники Соловецкого архипелага и других островов южной части Белого моря. Архангельск, 2002, с. 217, рис. 63.
[193] Овсянников О.В. Рябинин Е.А. Новые данные о культуре средневекового «чудского» населения в бассейне озера Лача. // СА № 2. 1986. с. 213, рис. 3:14.

Вообще подковообразные фибулы распространены в Нижнем Подвинье не очень хорошо - известны только две целые фибулы (Быстрокурье и Заостровье[194]) и две иглы от подобных застежек (Быстрокурье и Матигоры[195]). Экземпляр из Заостровья имеет дополнительные 4 кольца для привесок, что делает его уникальным для Севера. Еще семь изделий происходят из Среднего Подвинья (Кургонемь, рис. 2:1-3), причем три из них также имеют слитые концы. В Важском бассейне также встречены как разомкнутые, так и слитые фибулы, причем первые преобладают. Абсолютно преобладают фибулы с разомкнутыми концами и в Белозерье.

Сухонские находки двух кольцевых (Пустошенский могильник, рис. 2:4-5)[196] позднего образца и одной подковообразной (Семеновский могильник, рис. 2:6)[197] наглядно иллюстрируют разницу в материальной культуре двух анализируемых регионов.

Конусовидные пронизки. Представления ряда исследователей о широком распространении конусовидных пронизок в ряде мест Севера Восточной Европы нам кажутся преувеличенными. Так, например, в Приладожье их найдено около десятка (6 в Оятских курганах[198]), в Белозерье – единичные находки[199], в вымских могильниках всего 9 экземпляров. Достаточно много таких украшений найдено в Костромском Поволжье – 47 штук (в 37 погребениях)[200], однако, это впечатление обманчиво – общее число документированных раскопанных курганов здесь – 1670, т. е. конусовидные пронизки встречены только в каждом пятидесятом кургане (около 2 %). Серия из 20 пронизок на территории Заволочья выглядит гораздо более внушительно. Отсюда мы делаем вывод о местном характере подобного типа украшений, присущем северным финнам бассейнов Северной Двины. Отдельные находки в Вологде[201], Новгороде, Северной Карелии, на Сухоне (Марьинский могильник)[202] и Виледи, вероятно, отражают направление культурных связей населения Заволочья.

Теперь несколько слов о конусовидных пронизках, найденных на территории Подвинья. Самая крупная коллекция найдена в с. Воскресенском на реке Вага – 10 изделий, причем почти все украшения (за единственным исключением) имеют конусовидные же тройные привески. Единственный экземпляр снабжен привесками полусферической формы. Стилистически можно выделить несколько вариантов рельефной орнаментации на поверхности конусов (рис. 3:1-6)[203]. Первый вариант (3 экз.) – нижняя часть конуса украшена зигзагообразным жгутом. Второй вариант (2 экз.) – зигзагообразный жгут в верхней части дополнен розетками в нижней части конуса. Третий вариант (2 экз.) – кольцевой жгут по всей поверхности конуса. Четвертый вариант (1 экз.) – подвеска с гладким конусом. Пятый вариант (1 экз.) – с рельефным валиком посередине конуса. Шестой вариант (1 экз.) – с кольцевыми жгутами только внизу конуса. Помимо Воскресенского, конусовидная подвеска встречена среди случайных находок в д. Аксеновская[204]. Здесь представлен шестой вариант, выделенный по Воскресенским украшениям.

На Северной Двине в 30-е годы 20-го века были найдены две парные конусовидные пронизки[205], дающие представление о том, как носили подобное украшение финно-угорские женщины. Остатки кожаного шнура однозначно указывают, что именно на нем крепились эти парные украшения, причем шнур весь был унизан бронзовыми бусинами-таблетками. Можно предполагать, что украшения носили на груди в составе грудного ожерелья из бус и других украшений. К сожалению, двинские украшения не сохранили привесок, не ясно и точное их местонахождение. По нашей типологии пронизки относятся к четвертому варианту, что намечает его приуроченность к северным и западным районам Архангельского Севера. Крайне интересны недавние находки украшений этого типа в Нижнем Подвинье Они найдены в Нижних Матигорах на пахотном поле близ церкви. Первая пронизка не имеет привесок, отмечен гладкий конус (четвертый вариант)[206]. Второе изделие с привеской бубенчиком относится ко второму варианту. Косвенным подтверждением принадлежности этого типа украшений местному финно-угорскому населению является тот факт, что ни одно из них не найдено на волоковых путях.

Трубчатые пронизки с боковыми кольцами. В Нижнем Подвинье встречено всего четыре находки подобных украшений – в Холмогорах (рис. 3:7), Заостровье (рис. 3:10), Матигорах (рис. 3:8) и

---

[194] Едовин А.Г. Бронзовые украшения как индикатор культурных связей населения Нижнего Подвинья и Поважья в XI-XIII вв. // Важский край. Источниковедение, история, культура. Вып. 7. Вельск 2016, рис. 6:18,20.

[195] Едовин А.Г. Новые средневековые находки в Беломорье и Нижнем Подвинье в контексте основных проблем средневековой истории Архангельского Севера // Культурное и природное наследие Европейского Севера. Архангельск 2009, с. 533-545, рис. 12.

[196] Черницын Н.А. Угро-финские могильники на территории Вологодской области. // СА № 4. 1966. с. 196-201. Рис.1:6,10.

[197] Гуслистов Н.В. Материалы раскопок на р. Сондуге Тотемского района. // Послужить Северу. Вологда. 1995. с. 48-74. Рис.16:11.

[198] С.И.Кочуркина, А.М.Линевский. Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985, с. 107, 140.

[199] Кудряшов А.В. Поселение и могильник Кривец на Нижней Суде // Древности Русского Севера, вып. 1, Вологда 1996, с. 191.

[200] Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л. 1986. С. 78.

[201] Никитинский И.Ф. Ранние средневековые находки из г.Вологды // ИКА. вып.1. Вологда. 1994. с. 46-53.

[202] Черницын Н.А. Угро-финские могильники на территории Вологодской области. // СА № 4. 1966. с. 196-201. Рис.1:7.

[203] Едовин А.Г. Средневековые древности Важского края // Важский край: источниковедение, история, культура, вып. 2, Вельск 2004, с. 191, рис. 6.

[204] Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб. 1997, с. 130, рис. 37-10.

[205] Фонды АКМ, № 9961 КП.

[206] Едовин А.Г. Новые средневековые находки в Беломорье и Нижнем Подвинье в контексте основных проблем средневековой истории Архангельского Севера // Культурное и природное наследие Европейского Севера. Архангельск 2009, с. 539, рис. 11.

Быстрокурье (рис.3:9). Э.А.Савельева называет эти изделия цилиндрическими пронизками, экземпляр из Матигор относится к типу 5 трубчатых пронизок с шумящими привесками и варианту А – орнаментированные напаянными спиральновитыми волютами[207]. В Новгороде такие пронизки обнаружены в слоях конца XIII – первой половины XIV вв[208]. В вымских могильниках также имеется несколько украшений такого типа – например, в Кичилькосском, Кокпомъягском могильниках и из сборов А.С.Сидорова[209]. Здесь они тоже датируются XIII веком. Два подобных изделия найдены в могильнике Тихманьга на озере Лача[210]. Стоит отметить целую серию из 16 пронизок данного варианта, собранных в погребении 1 на могильнике Климушкино на Мошинском волоке[211]. Надо предполагать, что пронизки указанного варианта относятся к эпохе славянского заселения Заволочья в XIII веке, на что указывает сопутствующий инвентарь известных погребений – косорешетчатые подвески и другие типично славянские вещи.

Зооморфные подвески. Полая подвеска барашек с восьмеркообразным хвостом и пятью привесками-колокольчиками на восьмеркообразных звеньях с зигзагообразным орнаментом по подолу. Подвеска относится к типу XIX по Е.А.Рябинину[212], датируются подобные подвески XII-XIII веками. В настоящее время на северных территориях такие украшения найдены в Заакакурье на Мезени, Нижнем Подвинье (4) – Холмогорах (фрагмент), Матигорах, Заостровье (2 шт.)[213], в Лопшеньге на Летнем берегу Белого моря[214] и на Пинеге[215]. Так же часто подвески типа XIX встречаются в южных районах Архангельского Севера – в Поважье (Воскресенское (3 шт.)[216] и Самово (2 шт.)[217] и на Каргополье (Горка)[218]. Находка такой подвески на Сухоне в Пустошинском могильнике[219] не случайна, т. к. охватывает все районы финно-угорского расселения в указанное время.

Полый конек типа XX серии 4а. Датировка - XII-XIII вв. По мнению Е.А.Рябинина этот вид украшений производился в Новгороде[220]. Серия 4 представлена только одноглавыми изображениями полых коньков с вытянутой изогнутой шеей, закругленной мордой и кольчатой гривой, которой украшена и голова, и шея животного. Единственный экземпляр этого украшения в Подвинье встречен в Воскресенском на Ваге (рис. 4:9)[221]. Правда он имеет стилистические отличия – кольчатая грива охватывает не только шею, а все тулово, а само тулово, помимо этого, покрыто круглыми отверстиями. Подвески этой серии найдены в Финляндии, на р. Иньва в Прикамье, в Лоемском могильнике (2), Ольгином Кресте, Куричке, Калихновщине, Подосье, Орешке, Новгороде, Бабаево (Шексна), Городище на Кокшеньге[222], во всех четырех рассматриваемых могильниках на Сухоне[223].

Однако, в Подвинье были распространены полые коньки других серий – к первой относятся украшения из могильника Мошинский погост (рис. 4:1)[224] и Немнюге из сборов А.М.Тальгрена на Пинеге (рис. 4:2)[225]. Двуголовый вариант найден в Усть-Пуйском могильнике на Ваге (рис. 4:4)[226]. Изделия второй серии с одной головой найдены в могильнике Горка (Каргополье)[227], могильнике Климушкино на озере Моше (рис. 4:3)[228]. Двуглавые варианты известны в могильнике Усть-Пуя, погребение 5, Шенкурский район Архангельской области (рис. 4:5)[229] и Кургомени (Среднее Подвинье, рис. 4:6)[230].

---

[207] Савельева Э.А. Вымские могильники. Л. 1987, с. 91, рис. 29:93.
[208] Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода X-XV вв. М. 1981, с.33
[209] Савельева Э.А. Пермь вычегодская. М. 1971, с. 214, рис. 13:12, 36:19,21
[210] Ясински М.Э. Овсянников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. СПб, 1998, Т. 1, с.36, рис. 11:10,13.
[211] Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. М. 1997, табл. 54-55.
[212] Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв. Л. 1981, с. 38.
[213] Едовин А.Г. Бронзовые украшения как индикатор культурных связей населения Нижнего Подвинья и Поважья в XI-XIII вв. // Важский край. Источниковедение, история, культура. Вып. 7. Вельск 2016, рис. 5:11-13.
[214] Едовин А.Г. Новые средневековые находки в Беломорье и Нижнем Подвинье в контексте основных проблем средневековой истории Архангельского Севера // Культурное и природное наследие Европейского Севера. Архангельск 2009, с. 536-537.
[215] Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. М. 1997, с. 100, табл. 86:3.
[216] Едовин А.Г. Средневековые древности Важского края //Важский край. Источниковедение, история, культура. Вельск 2004, с.187.
[217] Едовин А.Г. Устьянский край в эпоху средневековья: археологический аспект. // Заволочье. Устьянская земля. Октябрьский 2012, с. 93-99.
[218] Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI-XIII вв. М. «Наука» 1990.с. 196, таб. XI:11.
[219] Черницын Н.А. Угро-финские могильники на территории Вологодской области. // СА № 4. 1966. с. 196-201. Рис.1:12.
[220] Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв. Л.1981. с. 39-43.
[221] Едовин А.Г. Средневековые древности Важского края //Важский край. Источниковедение, история, культура. Вельск 2004, с.187
[222] Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв. Л.1981. с. 39-43.
[223] Черницын Н.А. Угро-финские могильники на территории Вологодской области. // СА № 4. 1966. с. 196-201. Рис.1:1, 2:1, 3:2. Гуслистов Н.В. Материалы раскопок на р. Сондуге Тотемского района. // Послужить Северу. Вологда. 1995. с. 48-74. Рис. 9:9-10, 16:2-3.
[224] Макаров Н.А. Колонизация Северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. М. 1997.
[225] О раскопках магистра А.М.Тальгрена в Казанской и Архангельской губерниях. Архив ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. № 80 (1909). л.12-45.
[226] Назаренко В.А. Новый памятник заволочской чуди // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л. 1984, с. 147
[227] Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI-XIII вв. М. «Наука» 1990.
[228] Находка Л.Г.Андреева.
[229] Назаренко В.А. Овсянников О.В. Рябинин Е.А. Средневековые памятники чуди заволочской. // СА № 4. 1984. с. 197-215.
[230] Находка Д.Волова.

Серия 3 представляет собой изображения коньков с головой в виде крупной трубочки с прямо срезанной передней частью. В Заволочье известны две таких двуголовых находки из могильника Климушкино на Мошинском озере (рис. 4:7)[231] и в Быстрокурье в окрестностях Холмогор (рис. 4:8).

Косорешетчатые подвески. Культурооопределяющим предметом являются также решетчатые украшения круглой, каплевидной и подтреугольной формы с привесками. В данном случае речь идет не о традиционных косорешетчатых подвесках, широко распространенных в новгородских древностях, в том числе и на Русском Севере. Они встречены в Благовещенском, Корбале, Усть-Пуе[232], Мошинском волоке (3 памятника)[233], озере Лача (Горка[234]), но ни одной до сих пор не найдено в Нижнем Подвинье. Зато здесь в достаточном количестве встречаются подвески местного облика – массивные треугольной или округлой формы с кольцами для привесок – птичьих лапок. Перечислим места в Нижнем Подвинье, где они найдены – 5 разнообразных экземпляров из Холмогор[235], пять – из Быстрокурья (рис. 2:7-8), по одному в Кехте и Малетино[236]. Добавим сюда находки в Поважье – Круглый Бор близ Шенкурска, Корбала и Воскресенское[237]. Каплевидные решетчатые подвески известны в Северной Норвегии (Тисфьорд) и Каркку в Финляндии[238]. Последние датируются XI – XII столетиями. Белозерские же находки подобных вещей весьма скудны – нам известна одна каплевидная подвеска из Кемского некрополя на Белоозере[239] и экземпляр круглой формы из могильника Нефедьевское[240]. Что же касается сухонских украшений – то они представлены традиционными круглыми образцами без привесок в погребениях 8 и 30 Марьинского могильника (рис. 2:9)[241].

Шаровидные бубенчики с прорезью. Бубенчики с прорезью появляются в последней четверти XI века и выходят из употребления во второй половине XIII века, некоторые виды доживают до начала XIV века[242]. Они имеют четыре линейных резных линии в широкой части и относятся к типу 1, подтипу 1, варианту «а»[243]. На Архангельском Севере бубенчики с прорезью найдены в важских могильниках Корбала, Усть-Пуя и Благовещенское[244], могильнике Попово на озере Лача[245] и на Соловках[246]. В Нижнем Подвинье известны находки четырех бубенчиков из Заостровья, но в целом, они здесь не распространены, в отличие от крестопрорезных бубенчиков. На Сухоне они встречены в трех могильниках из четырех (рис. 1: 1-2)[247], а вот крестопрорезных бубенчиков раннего типа не найдено вовсе.

Встречаемость типов изделий в могильниках Сухоны:

Изделие	Пустошинский	Кудринский	Марьинский	Семеновский
Лунничные височные кольца	+	+	-	+
Проволочные височные кольца	+	-	-	-
Бусинные височные кольца	-	-	+	-
Проволочные гривны	-	+	-	+
Кольцевые фибулы	+	-	-	-

[231] Находка Л.Г.Андреева.
[232] Ясински М.Э. Овсянников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. СПб, 1998, Т. 1, с. 53, рис. 34-2
[233] Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. М. 1997, с. 259, 265, 266.
[234] Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI-XIII вв. М. 1990. с. 196, табл. 11-4,5,7,14.
[235] Едовин А.Г. Новые средневековые находки в Беломорье и Нижнем Подвинье в контексте основных проблем средневековой истории Архангельского Севера // Культурное и природное наследие Европейского Севера. Архангельск 2009, с. 537, рис. 5.
[236] Едовин А.Г. Бронзовые украшения как индикатор культурных связей населения Нижнего Подвинья и Поважья в XI-XIII вв. // Важский край. Источниковедение, история, культура. Вып. 7. Вельск 2016, рис. 7:1-11.
[237] Едовин А.Г. Средневековые древности Важского края // Важский край. Источниковедение, история, культура. Выпуск 2. Вельск, 2004, с. 197, рис. 10.
[238] Мейнандер К. Ф. Биармы. // Финно-угры и славяне. Л. «Наука». 1979. с. 39, рис. 1,9.
[239] Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI-XIII вв. М. «Наука» 1990. С. 212, табл. XXVII:13.
[240] Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. М. 1997, с.362, табл. 150:18.
[241] Гуслистов Н.В. Материалы раскопок на р. Сондуге Тотемского района. // Послужить Северу. Вологда. 1995. с. 48-74. Рис. 9:4, 11:7.
[242] Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода X-XV вв. М. 1981, с.156.
[243] Савельева Э.А. Вымские могильники. Л. 1987, с. 85.
[244] Ясински М.Э. Овсянников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. СПб, 1998, Т. 1. С.
[245] Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI-XIII вв. (по материалам могильников Восточного Прионежья.) М. 1990, с. 198, табл. XIII:20-21.
[246] Мартынов А.Я. Археологические памятники Соловецкого архипелага и других островов южной части Белого моря. Архангельск, 2002, с. 217, рис. 63.
[247] Черницын Н.А. Угро-финские могильники на территории Вологодской области. // СА № 4. 1966. с. 196-201. Рис.1:2, 2:2, 3:2. Гуслистов Н.В. Материалы раскопок на р. Сондуге Тотемского района. // Послужить Северу. Вологда. 1995. с. 48-74. Рис. 16:8.

Подковообразные фибулы	-	-	-	+
Конусовидные пронизки.	-	-	+	-
Трубчатые пронизки	-	-	+	-
Полые «барашки»	+	-	-	-
Полые коньки	+	+	+	+
Косорешетчатые подвески	-	-	+	-
Однопрорезные бубенчики	+	+	-	+

Определяя характер могильников Сухоны по археологическому материалу можно предполагать, что в этническом отношении часть погребений Марьинского могильника являлись славянскими, остальные могильники финно-угорские с большим влиянием Поволжского компонента. Совершенно ясно, что Сухонские и Двинские древности оставлены разными этническими группами, причем на Сухоне более заметно древнерусское влияние, что маркирует использование речной магистрали как пути торговой и поселенческой колонизации. В целом древнерусское влияние в Нижнем Подвинье прослеживается несколько позже, в монгольское время, тогда как Сухона начала осваиваться примерно на столетие раньше. Отсюда такое резкое отличие в материальной культуре населения двух рассматриваемых регионов.

Задумкин А.К. (Бирюково, Вологодская область)

РУССКОЕ СЛОВО И СЕВЕРНЫЕ ГИДРОНИМЫ

Русский Север таит немало загадок, и одна из них – гидронимы и топонимы. Многие исследователи истории России пытались обосновать гипотезу об исконном заселении северных территорий русскими людьми, собран огромный материал, который достоверно это доказывает. Но этот материал, можно сказать, повис в воздухе, а на земле уверенно расположились скептики, и на вопрос, что означают гидронимы русского Севера, вразумительного ответа пока не было. Теперь он есть.

Чтобы понять методику прочтения русских гидронимов (других нет), нужно понять гениальное (я называю это Божественным) устройство Русского слова.

Слово выполняет две функции: первая и главная – проявить объект, извлечь его из небытия, создать образ. Божественный механизм, заложенный в Русском слове, позволяет проявлять и абстрактные объекты (это относится и к т.н. индоевропейским языкам). Вторая функция – обобщающая, слово заключает в себе не только название конкретного объекта, но и обобщение, которое позволяет применить данное слово к целому ряду однородных объектов. Назвав реку Вологду - «белая вода», автор названия создал образ не конкретной реки, а воды, хотя и белой.

Конкретных гидронимов в России более двух миллионов. Главная функция слова в отношении гидронимов не исполнена. Гидронимы с одинаковыми названиями при существующих переводах (с финского и т.п. языков) не обладают одинаковыми признаками. Образы воды или просто реки самостоятельны и не относятся к конкретным гидронимам, вторая функция слова не выполняется. Воистину, убеждение заменяет знание.

А Русское слово устроено так. Некто, назовем Его А.М.Н., создал Нечто, увидел, что Это хорошо, и решил Его проявить. Он взял простые, всем известные слова и назвал Это: «Первая, (значит, доселе не было),
межрегиональнаянаучнаяконференцияопытизученияисохраненияисторикокультурногоиприродногонаследия». Прочитав или услышав (мы говорим, не разделяя слов паузами) эту фразу-слово, мы представили определенный образ собрания интеллектуалов, изучающих Русский Север.

Так устроено Русское слово, в нем в действительности нет приставок, корней, суффиксов, окончаний. Оно сложено из отдельных слов-кирпичиков и представляет собой законченную фразу, проявляющую суть объекта. Это в полной мере относится и к гидронимам Русского Севера (и России).

Если это так, то почему некоторые гидронимы имеют русские названия, а рядом с ними не русские? «Научное» объяснение такое: русские заселили эти места недавно, жили вместе с вепсами, чудью и т.п., часть гидронимов оставили угро-финскими, часть переименовали. Причем, некоторые умудрились переименовать наполовину, например, река Песья Деньга, на берегах которой мы сегодня находимся.

Русским гидронимам-фразам тысячи лет, за это время часть их забыта (спросите у сегодняшнего

школьника, что значит фраза «Вперед, к победе коммунизма!»), но слова-кирпичики прекрасно чувствуют себя в современном русском языке. Часть фраз перешла на объекты, и мы считаем их новыми, русскими (реки Осиновка, Березовка, Лебяжья, Утиная и др.), но их возраст такой же, как у рек Сухона, Вологда, Леденьга, Еденьга, Москва. Значение слов-кирпичиков сохранили для нас индийские лингвисты, значение старых слов, оборотов, говоров – русские лингвисты.

Важный момент: чтобы сложить из кирпичиков правильный ответ, его нужно знать заранее. Когда А.М.Н. создал Нечто, он знал, что это такое, и подобрал нужные слова-кирпичики.

Правильный ответ заключен в мировой истории, накопленной за тысячи лет, русских сказках, Библии, мифах разных народов, индийских Ведах, работах краеведов, картографии, космоснимках. Ключевыми понятиями, записанными в русских гидронимах, являются Божественная Троица и Время. Русские люди познавали мир, созданный Богом, и записывали эти знания именами-фразами рек, озер, болот, ручьев. Они создали гигантскую книгу, и эта рукопись не сгорела. На этих знаниях основана современная цивилизация, а ее основатели жили на берегах Сухоны, в Тотьме.

Каждая группа гидронимов представляет повесть на какую-то тему, в основном, духовную (район Соловецкого монастыря, бассейн Сухоны), нравоучения, актуальные и сегодня, популярную литературу (Шексна-путешествие аргонавтов, озеро Тоджа, Тыва – легенда о Минотавре), шутки на гендерные темы.

Присвоение названий гидронимов происходило на строго централизованной основе. Центром этой работы были русские монастыри. Начальная точка – Тотьма, Спасо-Суморин монастырь, где сложился этот уникальный метод, а затем распространился по всей России. Две тысячи переводов русских гидронимов позволяют четко видеть грандиозный замысел наших гениальных прародителей. Все русские реки измерены, центр всегда отмечен рекой с названием Сухая – это метка, бренд людей с Сухоны.

Очень важные объекты отмечены Сухоной, это, можно сказать, адмиральское звание. Центр дельты Волги – протока Сухонская банка, «Агнец» - Окольная Сухона (р. Вологда).

Применение методики в целом рассмотрим на примере реки Песья Деньга. Сегодняшние знания об этом гидрониме содержатся в материале замечательного тотемского краеведа А.Кузнецова. «*Ну, «еденьга» переводится как «передняя река». «Ед» значит «перед». «Коченьга» - вероятнее всего, «река, протекающая среди мелкого ельника». А Песья Деньга – название действительно оригинальное. Оно впервые упоминается в грамоте Ивана Грозного, которую он дал Феодосию Суморину на постройку монастыря. Потому что монастырь возник на мысу Ковды и Песьей Деньги. Может быть, поэтому возникла эта народная легенда. Будто бы Иван Грозный ехал в Тотьму, и перед самым городом его карета его карета застряла посреди речки. Местные мужики на руках перенесли возок на сухое место, и царь решил расплатиться с ними. Достал деньгу, а она выскользнула и упала в реку. «А пес с ней, с деньгой-то. Главное – на Царя осмотрели!*»- великодушно воскликнули мужики. Но на самом деле название реки Песья Деньга известно по документам еще до Ивана Грозного. Да и не бывал Иван Грозный в Тотьме.

Понятно, что «еньга» значит «река», «д»- это префикс для согласования звуков в этих словах. А «песья»- это уже древнерусская часть и означает «песчаная». Само сочетание древнерусского чудского в названии примечательно – оно могло возникнуть там, где жили представители двух разных народов. И действительно, в силу того, что тут был соляной промысел, это место стало одним из первых славянских поселений, соль же привлекала и чудь местную, и мерю. Они, видимо, жили рядом, и возникло такое гибридное название».

Представленная нами методика, включающая информацию с космоснимков, библейские сюжеты, переводы с санскрита в составе слов-кирпичиков, позволяет создать новый образ слова. Песья Деньга – идут победившие в светлую середину навечно (Откр.3:1:…побеждающий сядет со мной на престоле)

В дополнение предлагаем другие переводы по заданной теме: (Слова-кирпичики взяты из санскритско-английского словаря Моньера с сайта www.yukta.oro).

Рус – небу внемлющий
Сухой – рожден небом этот
Сухона – обладает верховной властью дать освобождение от смерти
Еденьга – Всевышний в светлой середине пребывает
Леденьга - «Агнец» в светлой середине пребывает
Десятина (на Цареве) – четыре стороны света воздают должное повелителю
Царева – власть неба на земле
Ковда – сочинять (как поэт), изображать (как художник) – дар
Остров Внуков – птица-корабль изображен
Северная Двина – служит входом благоразумным человекам в рай
Москва – отмеряет время царям
Суморин – назначаю обращенным ко мне идти, быть повелителями
Монастырь – дом подчиненных небу
Тотьма – этот мир приводит в порядок

Зенкова О.Б. (Великий Устюг)
Копытков В.В. (Москва)

НЕИЗВЕСТНЫЙ ТОТЕМСКИЙ СВЯТОЙ – ФИЛИПП СУХОНСКИЙ

В XVII в. северо-восточные уезды Русского Севера (Устюжский, Тотемский, Сольвычегодский, Яренский) всё активнее осваивают православные подвижники и миссионеры. На это столетие выпадает наибольшее число учреждённых ими монастырей и «пустыней». Часто основателями мелких монастырьков становились не монахи или священники, а обычные миряне, земледельцы или ремесленники, а причиной строительства, по словам самих «заводчиков», служили либо откровения свыше, либо явление чудотворных икон. Со временем стихийно появившиеся пустыни либо повышали свой статус, либо исчезали, либо сливались с другими. Полноценной монашеской общины во многих из них так и не появлялось, и они выглядели, по образному выражению одного из исследователей церковной жизни, как «общество пайщиков-дольщиков». В 1764 г. все мелковотчинные и малолюдные обители были обращены в приходские церкви или упразднены вовсе.

Ни одна официальная или легендарная история в Устюжском уезде не вызывает столько вопросов, как история Знамено-Филипповского монастыря, в начальном периоде – пустыни. Удивительно, но при наличии немалого объёма документов, в первую очередь челобитных и земельных актов, в церковно-исторической литературе был возведён в ранг святых человек, не имевший никакого отношения к основанию данной обители. Созданная в начале XIX в. версия о некоем святом Филиппе Яиковском, мощи которого находятся под каменной двухпрестольной церковью, видимо, по аналогии с другими, связывала с его именем и название самого монастыря.

Не редактировалась версия и позднее, когда основные документальные источники, связанные с открытием монастыря и всеми перипетиями судьбы его основателя, стали известны и даже частично опубликованы.[248]

Старинное церковное сказание «Чудо св. Филиппа о исцелении некоего древодела от лютой болезни» хранилось в монастырском архиве и оттуда вошло в две устюжских летописи: «Вторая редакция Устюжского Летописца» 1746 г. и «Летописец Льва Вологдина» 1765 г.[249] Позже это сказание было дополнено монахами Яиковской обители открывшимися им «новыми сведениями» и уже в таком виде в 1888 г. опубликовано на страницах «Вологодских епархиальных ведомостей».

Согласно этой версии в 1654 г. «бысть во граде Устюге древодел Лука Васильев сын Голубев» – «простолюдин», одержимый шесть месяцев «лютым недугом», которому в пост Апостолов Петра и Павла в одну из ночей явился святой Филипп, митрополит Московский, и повелел для выздоровления приобрести у одного из устюжских купцов его икону, идти с ней на Яикову гору и поселиться там. Поутру, проснувшись в полном здравии, Лука Васильев сделал всё так, как «заповедал ему святый»: приобрёл у купца икону святителя Филиппа, отправился с ней на Яикову гору, выкопал в земле пещеру и, поставив в ней святой образ, поселился там же. Вскоре после этого жительствовавший неподалёку преподобный Филипп Яиковский постриг его в иноки под именем Лонгин. Представился Лонгин, согласно сказанию, дожив в богоугодных делах до глубокой старости.[250]

Не исключено, что в основу данного сказания был положен реальный рассказ самого старца Лонгина, но несколько изменённый и подкорректированный автором текста, упустившим, в частности, сведения о том, что Лонгин был постриженником Теплогорской Богородицкой пустыни, самовольно её покинувшим для исполнения своего обета. Видимо, в миру, до пострижения в монахи, Лонгин действительно был тем самым устюжским простолюдином Лукой Васильевым сыном Голубевым, только святитель Филипп явился ему в видении в то время, когда он был уже иноком Теплогорской обители, а не мирским жителем.

Сведения о том, что постриг Луку преподобный Филипп Яиковский, являются, на наш взгляд, поздним вымыслом автора церковного сказания, относящимся к началу XIX в. Скорее всего, это отголоски известных речей старца Лонгина о том, что строить пустынь на Яиковой горе ему разрешил сам святитель Филипп Московский. Изложенные в интерпретации автора церковного повествования, они были призваны дополнительно «освятить» деятельность старца Лонгина именем получившего в XIX в. известность в церковных кругах «приписанного» к Яиковскому монастырю местночтимого святого.

---

[248] Суворов Н.И. Знамено-Филипповский Яиковский монастырь Вологодской епархии. // ВЕВ. – 1888. – Прибавления к № 3. – С. 38–39; Шляпин В.П. К истории Устюжского Знамено-Филипповского Яиковского монастыря. // ВЕВ. – 1903. – № 13. – С. 374–375; Шляпин В.П. Материалы к истории Устюжского Знамено-Филипповского Яиковского монастыря. // ВЕВ. – 1903. – № 14. – С. 409.

[249] Очевидно, указанное сказание было записано в конце XVII в., уже после составления «Первой редакции Устюжского Летописца» 1679 – 1680 гг., так как в тексте последнего нет даже упоминания об Яиковской обители, существовавшей к тому времени много лет. – *Прим. авт.* – См.: Власов А.Н. Устюжская литература XVI–XVII веков. Историко-литературный аспект. – Сыктывкар, 1995. – С. 76–78.

[250] ПСРЛ. – Т. 37. – Л., 1982. – С. 123, 140; Суворов Н.И. Указ. соч. – С. 38–39; ВУЦА. – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 123. – Л. 15 об.–16.

Опираясь на приведённый выше материал и обнаруженные новые исторические факты, мы попытаемся изложить свою точку зрения по данной проблеме, и обратим внимание на один очень важный момент затронутой темы, касающийся личности «преподобного Филиппа Яиковского». Этот более века лежащий на поверхности и известный ряду исследователей истории Русского Православия вопрос всегда оставался без ответа, либо подгонялся под традиционную церковную версию, которая не находила какого-либо состоятельного документального подтверждения.

Итак, кто же такой этот местночтимый святой Филипп, которого в церковной истории принято считать основателем Яиковской пустыни?

Первоисточником сведений о нём, на основании которого сложилось известное церковно-историческое предание, послужили «древние святцы» Вологодских святых, помещённые в рукописной книге XVIII в., хранившейся в своё время в Софийском кафедральном соборе Вологды. В этой рукописи в одном списке с прочими святыми мужами земли Вологодской имелась запись о неком чудотворце Филиппе буквально следующего содержания: ***«пр. Филипп, бысть на Сухоне реце новый чудотворец»***.[251] Каких-либо других сведений о названном святом, уточняющих время и место его подвижничества, в данном источнике не сообщалось.[252]

Как известно, Сухона – самая длинная река, протекающая по территории Вологодчины, её протяженность составляет примерно 560 км. Поэтому о месте, где подвизался новоявленный чудотворец Филипп, исходя из приведённой записи, можно было гадать сколько угодно. Признанный учёный и литератор XIX в. епископ Евгений (Болховитинов), занимавший Вологодскую кафедру в 1808–1813 гг., на основании попавшей в его распоряжение рукописной копии «древних святцев» в 1811 г. составил расширенный «Топографический список святых Вологодских чудотворцев», в который включил и преподобного Филиппа. Не имея какой-либо достоверной информации о времени и месте подвижничества этого святого и исходя из того, что Филипп в «древних святцах» значился как «преподобный», то есть возможный основатель монастыря, епископ Евгений, очевидно, подобрал эти данные самостоятельно. Скорее всего, он попросту выбрал, «для привязки» упомянутого Филиппа-чудотворца к местности, Яиковский Знамено-Филипповский монастырь, выросший в своё время из Филипповской пустыни, схожий в названии с именем указанного святого, к тому же стоящий на берегу Сухоны. Вологодский владыка Евгений просто взял и записал новоявленного Сухонского чудотворца Филиппа в «основатели» данной обители и там же обозначил «под спудом» место его погребения.[253]

Таким образом, в составленном в 1811 г. епископом Евгением (Болховитиновым) «Собрании разных известий о Вологодской епархии и губернии» появилась запись следующего содержания: «Преподобный Филипп, пустынник на Сухоне реке, основатель Филипповского монастыря на Яицкой горе. Жил около половины XVII в. Мощи его под спудом в сём монастыре». В этот же рукописный сборник автором были включены, в числе прочих, и краткие сведения о самой Яиковской пустыни, с тем указанием, что она была основана в 1654 г. означенным преподобным Филиппом.[254]

Затем экземпляр рукописи Вологодского епископа Евгения (Болховитинова) попал в руки духовного писателя архимандрита Амвросия (Орнатского), работавшего в 1807–1815 гг. над созданием многотомной «Истории российской иерархии». Последний включил сведения о Яиковской Знамено-Филипповской пустыни в шестой том своего капитального труда, вышедший в свет в 1815 г. При этом он немного подправил, по своему усмотрению, текст рукописи епископа Евгения о возникновении Филипповской пустыни, написав, что она была основана в 1654 году «неким монахом пр. Филиппом, и от его имени получила прозвание своё».[255]

Так в начале XIX в. родилось известное церковно-историческое предание, которое живо и в настоящее время. Благодаря ему некоторые исследователи истории Русского Православия в наши дни уверенно считают, что Яиковская пустынь называлась Филипповскою по имени «её основателя», а не по

---

[251] Верюжский И.П. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местно чтимых. – Вологда, 1880. – С. 690.

[252] Здесь уместно упомянуть один исторический документ конца XVIII столетия, касающийся данного вопроса. В сентябре 1797 г. Устюжское духовное правление получило из Вологодской духовной консистории указ епископа Вологодского и Устюжского Арсения, предписывавший собрать и предоставить сведения обо всех устюжских «прославившихся чудесами и явлениями угодниках Божиих». Духовному правлению надлежало также объяснить, когда началось почитание того или иного святого, есть ли ему служба, занесено ли имя в «Месяцеслов», «Пролог» или «Четьи Минеи». О тех же местночтимых святых, о которых «ни в святцах, ни в прологах, ни в четьих минеях памяти не положено», предписано было разыскать достоверную информацию: «какого они звания были, когда преставились, по каким случаям, по чьим повелениям и когда началось их почитание…». По результатам исполнения данного указа в Консисторию был направлен рапорт с «кратким списком» устюжских угодников Божиих, в котором имя преподобного Филиппа не упоминалось. – *Прим. авт.* – См.: ВУЦА. – Ф. 364. – Оп. 1. – Д. 1501. – Л. 2–22.

[253] Верюжский И.П. Указ. соч. – С. 7–16.

[254] ГАВО. – НСБ. – № 7846. – Л. 8, 112 об. –113.

[255] ОР РНБ. – ОСРК. – F.XVII-56. – Л. 8, 112 об.–113; Архимандрит Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. – Т. 6. – М., 1815. – С. 593–594.

первому освященному там храму – во имя святителя Филиппа митрополита Московского, а мощи Преподобного «почивают под спудом» где-то на месте монастырского храма.[256]

Далее события развивались следующим образом. В 1840 г. на Вологодскую кафедру прибыл новый владыка – епископ Иннокентий (Борисов), который сразу же обратил своё пристальное внимание на почитание святых подвижников Вологодской земли, справедливо заметив, что не всем им совершались положенные службы. По этой причине владыка Иннокентий принял решение установить общее празднование Вологодскому Собору святых в третье воскресение по Пятидесятнице, для чего составил специальную службу и молитву, в которой в одном ряду с иными Вологодскими чудотворцами упоминался и преподобный Филипп. Таким образом, начиная с 1841 г., его имя стало официально употребляться в епархиальной богослужебной практике.[257]

Однако при установлении празднования Памяти преподобному Филиппу была допущена серьёзная оплошность. Днём его преставления, согласно существовавшей в Русской Православной традиции, по причине невозможности определения точного времени события, по святцам было выбрано 17 августа, на которое как раз выпадала память древнехристианских мучеников Стратона, Филиппа, Евтихиана и Киприана, пострадавших в Никомидии в IV в.[258] Временем же преставления Сухонского чудотворца определили 1662 г., который, на наш взгляд, также был подобран либо случайно, либо благодаря возможному событию (например, кончине кого-либо из троих соратников Лонгина, хотя об их судьбе никаких сведений не имеется). Возможно, при выборе даты Епархиальное начальство ориентировалось на ближайшее время в году основания Яиковской обители, о начальной истории которой тогда ещё было мало что известно. На поверку же оказалось, что празднование Памяти преподобного Филиппа приходится как раз на то время, когда Яиковская пустынь находилась под церковным запретом. Часовня в ней, согласно имеющимся историческим документам, в период с 23 июня по 29 августа 1662 г. была «запечатана» по указу «митрополичьих приказных» игумена Троице-Гледенского монастыря Афанасия и протопопа Устюжского Успенского собора Владимира, всё имущество отдано в распоряжение Теплогорской пустыни, а сам строитель находился «в железах».[259]

Начиная с середины XIX в., утвердившиеся таким образом «основные» сведения о преподобном Филиппе, многократно перепечатывались во всех месяцесловах и других аналогичных церковно-исторических изданиях, обрастая при этом дополнительно всё новыми, характерными для житий святых, общими подробностями. В некоторых изданиях преподобного Филиппа, ко всему прочему, называли «Янковским».

На рубеже XIX–XX вв., когда стали доступны подлинные документы, связанные с историей основания Яиковской пустыни, и стало очевидным, что основал её отнюдь не преподобный Филипп, а другой инок, церковные историки выдали версию, что Филипп Яиковский «по своему смирению» не принял на себя сана и управления «наполнившейся братиею» обителью и предпочёл остаться простым иноком. А кое-кто даже предположил, что Преподобный лично благословил строителя Яиковской пустыни старца Лонгина на её обустройство и управление.[260]

Стоит отметить ещё одно, относящееся к затронутой теме, важное обстоятельство – ни в одной из редакций «Устюжских летописей» нет не единого упоминания о преподобном Филиппе Яиковском, в то время как о других устюжских святых там имеются многочисленные свидетельства. Зато в данных летописных сводах дважды упоминается «древодел Лука Васильев сын Голубев» – он же старец Лонгин, причём он указан как основатель Филипповской обители.[261] На сегодняшний день исследователями не

---

[256] Между тем, точное место погребения Филиппа Яиковского, впрочем, как и реального основателя обители Лонгина, не было известно никому. Об этом писали и сами монахи в подаваемых в епархию ежегодных сведениях о Знамено-Филипповском монастыре. В указанных отчётах, между прочим, прямо сообщалось, что им неизвестно, где именно находится могила «инока Филиппа», и высказывалось только предположение – «вероятно, под зданием церкви». При этом даже давалась ссылка на источник информации: «Историю российской иерархии» архимандрита Амвросия. – *Прим. авт.* – См.: ВУЦА. – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 123. – Л. 15; ВУЦА. – Ф. 437. – Оп. 1. – Д. 205. – Л. 1.

[257] Верюжский И. П. Указ. соч. – С. 7, 14; Камкин А.В. Православная церковь на Севере России. – Вологда, 1992 . – С. 152–153; Служба всем святым земли Вологодской. // Минея. Май. – Ч. 3. – М., 1987. – С. 458–468; Служба Вологодским святым. – Грязовец, 1991. – С. 1–9.

[258] Патриарший календарь на 2016 г. – М., 2015. – С. 198.

[259] ГАВО. – Ф. 1260. – Оп. 3. – Д. 106. – Л. 1–10; Шляпин В.П. Материалы к истории... – С. 405–410.

[260] Существует ещё одна гипотеза о происхождении преподобного Филиппа, согласно которой упоминаемый в Устюжских летописных сводах основатель Яиковской пустыни Лука Васильев сын Голубев принял в основанной им обители монашеский постриг с именем Филиппа «в честь своего святого патрона». – *Прим. авт.* – См.: Архимандрит Амвросий (Орнатский). Указ. соч. – С. 593–594; Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. – М., 1852. – С. 68–69; Архимандрит Игнатий (Малышев). Краткие жизнеописания русских святых. – Т. 17. – СПб., 1875. – С. 62; Архиепископ Сергий (Спасский). Полный месяцеслов Востока. – Т. 2. – М., 1876. – С. 216; Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. – СПб., 1877. – Стб. 777; Верюжский И.П. Указ. соч. – С. 690; Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. – СПб., 1882. – С. 575; Архимандрит Леонид (Кавелин). Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII в.) обще и местно чтимых. – СПб., 1891. – С. 88 –89; Архиепископ Филарет (Гумилевский). Жития святых, чтимых Православною церковию со сведениями о праздниках Господских и Богородичных, и о явленных чудотворных иконах. Август. – Т. 8. – Изд. 3. – СПб., 1900. – С. 142–143; Власов А.Н. Указ. соч. – С. 76.

[261] ПСРЛ. – Т. 37. – Л., 1982. – С. 123, 140.

обнаружено никаких упоминаний о преподобном Филиппе Яиковском и в массиве «мирских» документов XVII в., относящихся к Великому Устюгу и его ближайшим окрестностям. Всё сказанное свидетельствует о том, что общепринятая в XIX в. церковная версия, связавшая Сухонского чудотворца с историей Яиковского Знамено-Филипповского монастыря, сомнительна, так как не подкреплена историческими фактами.

Между тем, ответ на вопрос о том, кем в действительности был преподобный Филипп и где он подвизался, был известен ещё с начала XVIII в. Источник информации об этом святом был доступен церковным историкам и находился в одном из центров православной культуры – библиотеке Московской духовной академии при Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Рукопись, о которой идёт речь, написана полууставом XVII в. и называется: «Книга глаголемая описание о российских святых, где и в котором граде или области, или монастыре и пустыни поживе и чюдеса сотвори всякого чина святых».[262] Копии, снятые с этого источника, распространялись в XVIII столетии по различным духовным центрам России и время от времени дополнялись разными лицами.[263] Одним из таких «отредактированных» списков рукописи в своё время воспользовался и Вологодский епископ Евгений (Болховитинов). Будь в его распоряжении оригинал источника, возможно, церковно-историческое предание о преподобном Филиппе сложилось бы по-другому.

Достоверно установлено, что оригинал рукописной книги из библиотеки Московской духовной академии был известен Иоанну Петровичу Верюжскому, в семидесятых годах XIX в. работавшему над «Историческими сказаниями о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии». Однако по какой-то причине Верюжский не воспользовался данным источником при написании статьи о преподобном Филиппе. Указав на эту рукопись в своём труде, он, тем не менее, предпочёл развить уже сложившееся церковно-историческое предание о Преподобном как основателе Яиковской обители.[264]

Ничего не изменилось даже после того, когда в 1887 г. рукописная книга о русских святых из библиотеки Московской духовной академии вышла в тираж и стала доступна исследователям и читателям. Правда, при подготовке книги к печати её издатель М.В. Толстой расширил повествование известными дополнениями о российских чудотворцах XVIII–XIX вв., сохранив при этом основной текст источника в первоначальном виде. Таким образом, в этой книге были совмещены противоречивые сведения о преподобном Филиппе, которые опять же остались никем не замеченными.[265]

Вкратце изложив историю возникновения и распространения церковно-исторического предания о преподобном Филиппе, обратимся к той самой рукописной книге из библиотеки Московской духовной академии, в которой содержится, как мы уже упоминали, ключевая информация об этом местночтимом святом. В данном источнике о нём сообщается буквально следующее: ***«Преподобный Филипп, иже бысть на Сухоне реце, строитель Сученскаго монастыря, туже и положен бысть»***.[266]

Приведённые сведения прямо указывают нам на место подвижничества преподобного Филиппа – Сученгский монастырь на реке Сухона. Из древних документов известно полное историческое название этой православной обители – Негренская Успенская Богородицкая Сученгская Федосеева мужская пустынь. Основана она была в самом начале XVII в. неким старцем Феодосием и располагалась в 90 верстах от Великого Устюга, на левом берегу реки Сухона, около устья речки Негра в Сученгской волости Тотемского уезда.[267]

В обители имелось два деревянных храма: холодный – в честь Успения Пресвятой Богородицы и тёплый – во имя праведного Прокопия Устюжского. В 1620 г. в пустыни жили строитель Ефрем и пять старцев. Монастырь владел несколькими дворами крестьян-половников в деревне Медведково Сученгской волости Тотемского уезда. По «Генеральному свидетельствованию» 1722 г. в Негринской Богородицкой пустыни проживало всего 2 монашествующих (настоятель в сане строителя и монах) и 23 «бельца» – служителя. Неокладной доход составил в том году 42 рубля 20 копеек; все деньги и хлеб, полученный со своей земли, полностью тратились на пропитание и содержание: «хлеба и денег в остатке не бывает». В 1764 г. Федосееву пустынь упразднили. 29 сентября 1774 г. устюжскому владыке Иоанну

---

[262] В настоящее время книга находится на хранении в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ, в составе Фундаментального собрания библиотеки МДА – *Прим. авт.* – См.: НИОР РГБ. – Ф. 173.I. – № 209. – Л. 1–81 об.

[263] Исследователям известно несколько копий этой рукописи. Укажем здесь дополнительно на два её списка, один из которых, относящийся к началу XIX в., находится на хранении в РНБ. В нём о преподобном Филиппе сообщается буквально следующее: «Святый преподобный Филипп пустынник, иже на Сухоне реце, новый чудотворец»; и второй из собрания П.И. Савваитова, опубликованный Н.П. Барсуковым в приложении к «Источникам русской агиографии», с точно такой же записью – *Прим. авт.* – См.: Толстой М.В. Книга глаголемая Описание о российских святых, где и в котором граде или области или монастыре и пустыни поживе и чюдеса сотвори, всякого чина святых. // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. – Кн. 4. – М., 1887. – С. 1–2; ОР РНБ. – ОСРК. – Q.I.603. – Л. 64 об.; Савваитов П.И. Книга, содержащая в себе собрание всех Российских Святых Чудотворцев и всякий от них в коем граде или монастыре или пустыни и весе поживе и где святые их мощи погребены суть и прочее. // Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. – СПб., 1882. – Л. V.

[264] Верюжский И.П. Указ. соч. – С. 693.

[265] Толстой М.В. Указ. соч. – С. 152.

[266] НИОР РГБ. – Ф. 173.I. – № 209. – Л. 40.

[267] Бывший населенный пункт Пустынь (Монастырёк) Нюксенского района Вологодской области. – *Прим. авт.*

из Консистории был подан доклад о том, что церкви Негринской пустыни остаются безприходными. За неимением паствы и средств для содержания желающих служить при них не находилось, поэтому «присудствующие» предложили их закрыть и из ведомостей исключить, оставив их со всем имуществом при волостных Архангельской и Воскресенской церквах. На докладе того же числа Преосвященный оставил резолюцию: «Быть по сему». Прокопиевскую церковь из пустыни в скором времени перевезли в деревню Борщовик, а Успенскую – в деревню Верхняя Тозьма Сученгской волости.[268]

Скорее всего, преподобный Филипп подвизался в Сученгской пустыни в середине XVII столетия.[269] Из указанной рукописной книги о российских святых точно известно, что он был строителем Сученгской обители и после кончины был погребён на монастырском кладбище. Поскольку других сведений о Преподобном в настоящее время ещё не обнаружено, то лучше не высказывать здесь каких-либо необоснованных предположений, связанных с его земной жизнью. Тем не менее, теперь, зная точное место подвижничества Преподобного, у исследователей истории Русской Православной Церкви появился реальный шанс разыскать о нём хоть какие-то подлинные документальные свидетельства и на их основании попытаться написать краткое житие Святого. Исследовать предстоит, прежде всего, материалы Российского государственного архива древних актов в Москве. Именно там в нескольких фондах хранится ряд документов XVII столетия, связанных с далёким прошлым Сученгской Федосеевой пустыни, и её строитель Филипп, как настоятель обители, просто не мог не оставить свой письменный след в монастырском делопроизводстве. Но оставим этот вопрос открытым, так как он выходит за рамки рассматриваемой здесь темы. Он ждёт своего пытливого исследователя. Надеемся, что уже в недалёком времени последуют новые открытия, связанные с именем тотемского святого – преподобного Филиппа Сухонского.[270]

Особо подчеркнём, что изложенная нами версия не имеет целью ставить под сомнение существование чтимого Русской Православной Церковью святого, а прежде всего исправляет ошибки, допущенные историками прошлого. По сути, сегодня мы возвращаем имя Преподобного к подлинному месту его подвижничества, которое сей святой муж возлюбил всем сердцем при своей земной жизни и прославил посмертными чудотворениями. И даже несмотря на то, что место это ныне находится в полном запустении и не освящено храмостроительством, в нём пребывает благодать Божия, ибо именно там почивают мощи святого Филиппа, Сухонского чудотворца[271].

Список принятых сокращений

ВЕВ – Вологодские епархиальные ведомости.

ВУЦА – Великоустюгский центральный архив (г. Великий Устюг).

ГАВО – Государственный архив Вологодской области (г. Вологда).

ГАВО – НСБ – Государственный архив Вологодской области. – Научно-справочная библиотека (г. Вологда).

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва).

ОР РНБ – ОСРК – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Основное собрание рукописных книг (г. Санкт-Петербург).

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва).

Приложение

Опись Негренской Успенской Богородицкой мужской пустыни[272].

// (л. 157) «Опись учиненная в силу присланнаго Ея Императорскаго Величества из Духовной Преосвященнаго Иоанна Епископа Великоустюжскаго и Тотемскаго консистории в Тотемское Духовное

[268] РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 480. – Л. 423–424; ВУЦА. – Ф. 363. – Оп. 1. – Д. 52. – Л. 25 об.; ВУЦА. – Ф. 363. – Оп. 1. – Д. 2390. – Л. 1; Кузнецов А.В. Необычное путешествие по Сухоне от Кубенского озера до Устюга Великого. – Вологда, 2005. – С. 81–82; Ратшин А. Указ. соч. – С. 77; Строев П.М. Указ. соч. – Стб. 785; Попов А. Село Бобровское и его Августейшие посетители. // ВЕВ, 1909. – Прибавления к № 6. – С. 108.

[269] Из архивных документов известно, что в период между 1621–1634 гг. игуменом Сученгской обители был старец Ефрем. Поэтому Филипп, предположительно, был в числе последующих строителей пустыни. – *Прим. авт.* – См.: РГАДА. – Ф. 1455. – Оп. 4. – Д. 440. – Л. 1–1 об.; РГАДА. – Ф. 1455. – Оп. 4. – Д. 443. – Л. 1–1 об.

[270] Некоторые из документов, связанных с историей Сученгской Федосеевой пустыни находятся на хранении в Великоустюгском Центральном архиве. Так, например, в одном из архивных дел, в числе различных материалов по духовному ведомству Великоустюжской епархии за 1769 г., сохранилась «Опись упразднённой Богородской Негринской пустыни, церковного благолепия и священнического облачения». – *Прим. авт.* – См.: ВУЦА. – Ф. 363. – Оп. 1. – Д. 1530. – Л. 157–158.

[271] Материалы, касающиеся этой темы, частично рассматривались нами также в разделе исследования, посвященного начальной истории Устюжского Знамено-Филипповского монастыря, опубликованном в книге «Знамение на Волчьем ручье. По следам утраченной святыни». – *Прим. авт.* – См.: Копытков В.В. Знамение на Волчьем ручье. По следам утраченной святыни. – М., 2016. – С. 42–73.

[272] ВУЦА. – Ф. 363. – Оп. 1. – Д. 1530. – Л. 157–158. Документ в ветхом состоянии, по краям истлел. – *Прим. авт.*

правление июля 21 дня 1769-го года указу онаго Духовнаго правления присудствующим протопопом Яковом Богоявленским, коликое число имеется Тотемскаго уезда в упраздненной Богородицкой Успенской Негринской пустыне причисленной в приходскую церковь во святых церквах святых образов с прикладом и всякаго церковнаго благолепия священническаго облачения и протчаго всякаго казеннаго имущества а чего имянно значится ниже сего.

Церквей деревянных две, а в них престолов два.

В холодней Успения Пресвятыя Богородицы церкви во святом олтаре на престоле и на жертвеннике одежды бумажныя, на жертвенничкой одежде верх камчатой красной.
Покров и завеса над царскими дверми бумажные, токмо на покровех окрайки пестрые.
Антиминс новый. Литон полотняный белый.
Евангелие напрестолное дестевое евангелисты сребряные.
Крест напрестолной обложен по дереву сребром с позолотою.
Священные сосуды сребряные с чернедью одне.
Ковчег и дароносица оловянныя.
Воздухов камчатых разных цветов трои. Кресты вышиты золотом и серебром.
Покровов три шелковых.

Святых образов:

Во святом олтаре Пресвятыя Богородицы Владимирской крест на нем написан.
Образ Распятие Господа нашего Иисуса Христа на красках.
Над жертвенником образ Богоматери да святителя Николая Чудотворца.
Против святаго престола Спасителев, другой Богоматери, третий святаго Пророка Иоанна Предтечи.

В церкви святых образов:

Царские двери гладевые писанные на красках.
Над оными Вечеря тайная по полям вызолочено листовым золотом.
Подле оные Царские двери, по правую страну Спасителев <.?.>щей в кругу на херувимех, на нем венец медной, а гривна серебряная басмянная.
Храмовой Успения Пресвятыя Богородицы в киоте обложен листовым золотом, в круг по полям господские дванадесятые праздники, на оном образе два венца сребрянные маленкие.
Подле онаго образ святителя Николая Чудотворца, святых праведных Прокопия и Иоанна устюжских чудотворцев.
По другую страну Царских дверей между врат Пресвятыя Богородицы с Предвечным Младенцем, венец и гривна сребрянные на скобах <.?.> в подножие шитой камки, а кругом обложена черной камкой.
// *(л. 157 об.)* На пономарских дверях святаго первомученика и архидиакона Стефана.
Подле оные пономарские двери Пресвятыя Богородицы, и в молении святаго праведнаго Иоанна Устюжскаго чудотворца.
Над ними в средине образ Спасителев венец медной полужен.
В углу образ Богоматери Воплощение Сына Божия.
Образ святаго славнаго пророка Илии Фезвитянина.

Над Царскими дверми:

Образ Господа Бога Саваофа, а по обе стороны в тяблах праотцы и пророки.
В верхнем ставу дванадесятыя праздники писаны на красках.
В восмерике образ Пресвятыя Богородицы Печерския и в молении преподобных отец Печерских же.

В олтаре церковных вещей:

Ковшичек сребрянной.
Четыре блюдца оловянные.
Чаша водоосвящалная, и блюдо, два кадила, ковшичек меленкой, укропник медные,
паникадило медное ж.
Лампад висячих болших и малых семь, осмая стоячая переносится из церкви в церковь.

Священническаго облачения:

Риз шелковых камчатых трои разноцветные, китайные одни крашенинные двои, два подризника бумажные, третей крашенинной.
Пояс служащей нитяной один.
Епитрахилей камчатых ветхих четыре, поручей шелковых разноцветных шестеры.

Книг дестевых:
Псалтирь со следованием, Апостол, Минеи общая святых и праздничная, две книги Триоди, постная и цветная, Пролог вовну<.?.> четыре книги.

В полудесть:
Ирмологий, Псалтирь

В четверть:
<Д>ва Октоиха, Часослов, Служебник, два Требника, Канонник, <.?.> книги все новоисправные.

Колоколня ветхая:
На ней колоколов пять болшей в 11, «2» в 3 с половиной, «3» в 3, «4»в 1 с половиной, «5» в 1 пуд.
// *(л. 158)* Во второй во имя святых праведных Прокопия и Иоанна Устюжских чюдотворцев церкви во святом олтаре, на престоле одежда самцовая, покров отласной черной средина желтой камки.
На жертвеннике одежда кумашная, покров крашенинной.
Над Царскими дверми завеса бумажная.
На святом престоле освященный Антиминс новый. Литон белый чистый.

Святых образов:
На горнем месте Пресвятыя Богородицы с ручкою, над жертвенником святителя Николая Чудотворца.

В церкви:
Царские двери гладевые над оными сень писанныя на красках.
По правую страну оных дверей образ Вседержителя венец и гривна на нем сребрянныя с позолотою.
Подле онаго храмовой святых праведных Прокопия и Иоанна Устюжских чудотворцев, да образ святаго славнаго пророка Илии.
По другую страну Царских дверей между врат Пресвятыя Богородицы с Превечным Младенцем в подножиях пелены ветхие.
На пономарских дверях святаго первомученика и архидиакона Стефана.

Над Царскими дверми в одном ставе:
В средине Деисус, а по сторонам онаго лик святых апостол.

В трапезе:
Образ Спасителев, на левой руке Пресвятой Богородицы, на пятнишной дцке».

Коренева Н.И. (Тотьма*)*

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ТОТЕМСКИЙ КРАЙ: ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Интерес к истории Первой мировой войны продолжает неуклонно расти. Наблюдается расширение тематики рассматриваемых вопросов – от событий повседневности военного времени до политических и социально-экономических аспектов. На сегодняшний день историография Первой мировой войны находится на стадии формирования, появляются новые темы исследований, для которых необходимо расширение источниковедческой базы. К великому сожалению, фонд Тотемского по воинской повинности присутствия[273] не сохранился до наших дней, поэтому и героев-тотьмичей выявлено так мало и недостаточно статистических материалов по рассматриваемой теме.

Для дальнейшего изучения процессов, происходивших в период Первой мировой войны на территории Тотемского уезда, необходимо введение в оборот новых документов, в том числе и Государственного архива Вологодской области, касающихся периода 1914-1918 гг., в частности, это:

Ф. 685 Тотемский уездный съезд.

Ф. 480 Тотемская городская управа. 1867-1917.

Ф. 54 Тотемская уездная земская управа. 1870-1918.

Ф. 750 Пятовское волостное правление Тотемского уезда.

[273] Орган по организации отбывания воинской повинности, куда входили председатель уездного съезда, уездный исправник, уездный воинский начальник, председатель управы, городской голова, секретарь, два медика, аналог современной призывной комиссии.

Ф. 676 Земский начальник I участка деревни Игумновская Шевденицкой волости.

Ф. 679 Земский начальник IV участка село Вожбальское Вожбальской волости.

Ф. 750 Пятовское волостное правление;

а также вновь выявленных архивных и фотоматериалов из фонда Тотемского музейного объединения.

Документы вышеуказанных фондов содержат информацию, охватывающую многие сферы жизни Тотемского уезда – от обеспечения армии призывниками и продовольствием до решения бытовых вопросов. В циркулярах, рапортах, распоряжениях, постановлениях отложились сведения о мобилизации, сборе средств и пожертвований для войск, пострадавших воинов и их семей, для беженцев; о создании лазаретов; размещении, охране и использовании на работах военнопленных, об оказании помощи беженцам. Так же имеются такие документы, как списки, объявления, обращения, просьбы, приговоры; заявления разных лиц о выдаче им свидетельств для приписки к призывному участку, списки нижних чинов запаса, объявления о сборе средств, приговоры сельских сходов и др.

Первое, с чем встретился Тотемский уезд в годы Первой мировой войны, — это всеобщая мобилизация. Начало войны было для большинства населения неожиданным, потому что мало кто выписывал газеты и знал, что происходит в мире. Мобилизация в армию прошла в основном спокойно, так как мобилизуемые, в основном, крестьяне, считали, что война – дело царское и не простым людям обсуждать такие решения. В первый год войны из Тотемского уезда было призвано на военную службу свыше 4 000 чел. [274]

Большая часть военнообязанных (до 68 %) отправилась на фронт именно в первый год военных действий. Основную тяжесть мобилизации понесло сельское население. Как указывают многие исследователи, доля мобилизованных в городах не превышала 4-5 %.

В первую мобилизацию 1914 года из числа земских служащих призваны на действительную военную службу следующие лица: член земской управы И. И. Розанов, земский врач В. И. Белянин, 17 учителей земских училищ, один агроном, один огородник, один аптекарский помощник, 6 медицинских и 8 ветеринарных фельдшеров, помощник бухгалтера управы, старший писарь бухгалтерии, счетовод кассы мелкого кредита, смотритель арестного помещения, дорожный десятник и два рассыльных[275].

В военное время призывом чинов запаса, сбором лошадей и отправкой на пополнение войсковых частей, приёмом ратников ополчения, наблюдением за эвакуированными больными и ранеными, а также содержанием военнопленных занимался Уездный воинский начальник. В период Первой мировой войны в Тотемском уезде таковым являлся подполковник Николай Георгиевич Соломатин[276]. В фонде ТМО сохранилось две фотографии воинского начальника, иными сведениями об этом человеке не располагаем.

14 августа 1915 года в Тотьме было созвано Чрезвычайное заседание земского собрания. Тотемские земцы послали императору патриотическую телеграмму и высказались за совместную работу власти и общества для победы над врагом. За что впоследствии Государь император высочайше сердечно благодарит ТУЗС за верноподданнические чувства, выраженные по поводу военных действий[277].

В августе 1914 года по случаю объявления войны в Тотьме на Торговой площади был проведен молебен.

С 25 ноября по 2 декабря земское собрание собралось на очередное заседание. Особое внимание уделялось вопросам военного времени. Из доклада: «обстоятельства военного времени налагает на Земство обязанность прийти на помощь как семействам призванных на действительную военную службу, так больным и раненым воинам, отдающим свою жизнь за честь и достоинство нашей родины»[278].

Один из рассматриваемых на земском собрании был вопрос о сокращении сметных расходов. Сокращение расходов коснулось, главным образом, дорожно-строительных работ (отложено строительство моста через реку Равжа по В-Устюгскому тракту, ремонтные работы по Кадниковскому и Солигаличскому трактам). По этой статье сокращение составило 8200 рублей, а также части агрономических мероприятий (на 2393 рубля). Общая сумма сокращений выразилась в размере 10593 рубля. Земцами было решено эту сумму направить на продовольственную помощь семействам призванных, на мероприятия по оказанию помощи семействам запасных и в пользу больных и раненых воинов. Ремонтные работы земских зданий в уезде, начатые ранее, были продолжены в 1914-1915 гг. Это Арестный дом и заразный барак в городе Тотьма, ремесленные отделения в Минькове, Шуйске и в деревне Игумновской.[2]

---

[274] Журналы чрезвычайных и очередного Тотемских земских собраний созыва 1914 года. Вологда.1916. С. 244.

[275] Там же. С. 144.

[276] Памятная книжка Вологодской губернии на 1915 год. Вологда.1915. С.134.

[277] Журналы чрезвычайных……- С. 148-149.

[278] Там же. С. 13.

[2] Там же.

В свою очередь, постепенно увеличиваются расходы бюджетов земских и городских органов самоуправления на военные нужды. Из отчета Тотемской городской управы о приходе и расходе денежных сумм *за 1915 год*:

- статья общественное призрение – пособие жителям, пострадавшим от военных бедствий в Галиции - 10 руб. и русскому населению Царства Польского – 10 руб.

- пожертвования на военные нужды – 500 руб.[279]

В 1917 году:

статья общественное призрение – пособие жителям, пострадавшим от военных бедствий в Галиции и русскому населению Царства Польского – 50 руб.

- пожертвования на военные нужды - 500 руб.[280]

В *1916 году* Земским собранием были отпущены следующие суммы на нужды войны:

- содержание 20 коек в лазаретах Общины Красного Креста – 2400 руб.
- на пособие Всероссийскому Земскому Союзу – 1000 руб.
- на содержание Вологодского транспортного отряда – 2000 руб.
- на устройство дома инвалидов – 1000 руб.
- на содержание призреваемых – 1000 руб. А всего 15 400 руб.[281]

К началу 1915 года увеличивается поток раненых, прибывающих в Вологодскую губернию. На территории Тотемского уезда лазарет предполагалось открывать только на летний период, в связи удалённостью от железных дорог и губернского города Вологды (130-205 верст). Лечебные заведения Тотемского уезда возможно было использовать для размещения раненых только с наступлением весенней навигации, доставляя больных по реке Сухоне.

20 апреля 1915 года в Тотемскую земскую управу пришла телеграмма от Всероссийского земского союза с запросом о том, когда можно будет отправить на излечение больных и раненых в Тотемский уезд. В качестве мест для размещения больных и раненых предлагались - Тотемская городская больница, Шуйская земская больница и Леденгский курорт.

Лазарет на 25 человек при Тотемской городской больнице был открыт 30 мая 1915 года. Он находился в ведении Тотемского земства и содержался за счет средств местного бюджета. На земство ложилась обязанность снабжать одеждой произвольного образца бельём и обувью выписываемых из лазарета раненых, уволенных на родину в отпуск или вовсе освобожденных от службы. Если, выздоровевший направлялся в действующую армию, то снабжение необходимой одеждой военного образца входило в обязанности уездного воинского начальника. Лечение для раненых предоставлялось для раненых и больных бесплатно. В 1916 году стоимость одного койко-места составляла 35 рублей. Но этого было недостаточно, требовалось увеличить расходы по больничному содержанию в 1917 году до 60 рублей[282].

Обслуживали раненых в лазарете в военный период врач Пётр Михайлович Кулепетов, фельдшера Т. Черепанов, А. Соснина, С. Лобков, В. Малевинская, А. Маракова.

Патриотическое настроение, охватившее население Вологодской губернии, вызвало мощный подъём движения благотворительности. Самым массовым направлением общественной благотворительной деятельности был сбор средств на «военные нужды». Сбор средств производился либо по подписным листам, либо путем кружечного сбора. На местах организацией сбора средств занимался земский начальник.

В городе Тотьме проводились благотворительные акции в форме лотерей и спектаклей. Так, 21 октября 1914 года в Тотьме был организован День «Красного креста». 19 сентября 1914 года проведено организационное собрание по поводу этого мероприятия в здании Общественного собрания, где присутствовало 25 человек. Для организации кружечного сбора из Вологды было направлено 30 кружек, а также 4 000 бумажных, 2 000 жестяных значков Красного креста. Сбор средств прошёл 21 октября. Собрано за один день 725 руб. 12 коп. Жертвователи получали значки Красного креста. Деньги были переданы в Главное управление Красного креста[283].

В разгар войны в июле 1916 года, губернская газета «Вологодский листок» писала, что 26 июня в Тотьме в помещении Общественного собрания был дан спектакль с благотворительной целью. Собранные 260 рублей были переданы для больных и раненых воинов[284].

В день св. великомученика Георгия, 26 ноября 1916 года, местное сообщество решило организовать народный праздник с угощением для нижних чинов, георгиевских кавалеров, проживающих на тот момент на территории Тотемского уезда. В этот день с утра была произведена

[279] ГАВО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 377.
[280] ГАВО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 378.
[281] ГАВО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 236. Л. 135.
[282] ГАВО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 234.Л.50.
[283] ГАВО Ф. 685. Оп. 1. Д. 2053.
[284] Соболев И. А. Тотьма – город театральный //Тотьма. Историко-литературный альманах. Выпуск 2. Вологда, 1997. С. 207-208.

литургия, затем был организован кружечный сбор на 12 участках (собрано 202 руб.68 коп.) и в здании Общественного собрания проведен народный праздник с чествованием участников войны и их семей[285].

Одна из характерных черт Первой мировой войны — небывалое количество военнопленных по обе стороны фронта, исчислявшееся многими миллионами. Уже в августе 1914 года в Вологодскую губернию стали прибывать немецкие и австрийские военнопленные, отношение к которым у населения было настороженное и враждебное. В дневниках крестьянина А. А. Замараева встречаем сведения о том, что в Тотьму прибывают сотни военнопленных. Имеются сведения, что военнопленные, прибывшие в Тотемский уезд, использовались в качестве рабочей силы, в основном для выполнения дорожно-строительных работ[286].

И еще один любопытный факт – в фонде Тотемского музейного объединения обнаружена графическая работа «Похороны Германии»[287], выполненная немецким военнопленным Рудольфом Прибе в 1916 году в Тотьме. Прибе Рудольф (1889-1964) - немецкий и русский живописец, маринист, график. Родился на Украине. В раннем возрасте переехал с семьей в Гамбург. Учился в школе искусств во Вроцлаве, окончил Мюнхенскую Академию художеств. С 1914 по 1921 годы был депортирован в Россию. С 1924 года жил и работал в Гамбурге. Получил широкую известность как мастер морского пейзажа. Работа военнопленного Рудольфа Прибе была передана в музей художником Ф. М. Вахрушовым.

Рост патриотизма, всеобщего воодушевления был сдержан серьёзными неудачами русской армии (конец 1914). Война явно затягивалась. Она не сняла социальных и экономических противоречий, наблюдавшихся в аграрной жизни особенно остро. Недовольство текущими поражениями на фронте обострило положение с трудовыми ресурсами в деревне. К зиме 1914-1915 гг. в уезде предельно обострилась продовольственная ситуация. Сократились посевные площади. Засуха 1914 года вызвала неурожай трав, хлебов, что болезненно отразилось на экономике края. Сократилось число маслодельных заводов с 157 до 146, что было вызвано уменьшением молочного скота. Ухудшилось снабжение деревни промышленными товарами. Наблюдался рост цен на продовольственные и промышленные товары. Цены на продукты выросли на 30%. В начале 1917 года в Тотемском уезде мука ржаная стоила 5 рублей фунт, овес – 3 рубля, горох – 4 рубля фунт, мясо - 20 рублей пуд[288].

Хозяйственная разруха, топливный голод, недостатки сырья привели к сокращению или полному прекращению работы многих предприятий. В конце 1916 года началась массовая безработица. В целом, война сильно ударила по экономике Тотемского уезда.

В сложное время Первой мировой войны, 14 мая 1915 года в городе создается Тотемское отделение ВОИСК. Основными его задачами должны были стать научно-просветительское краеведение и организация публичных исторических лекций. В этом же году в одной из комнат земской библиотеки на ул. Миллионной (ныне Красной) открывается музейное отделение, положившее начало музейному делу в Тотьме. У истоков создания краеведческого музея в Тотьме стояли известные и образованные люди: преподаватель Тотемского духовного училища Д. А. Григоров, начальник судоходного участка г. Тотьмы И. М. Богданов, преподаватели Тотемской учительской семинарии Н. В. Ильинский и Н.И. Альбов.[289]

Несмотря на тяжелое финансовое положение в период войны в феврале 1916 года Тотемская Земская управа выделяет средства в размере 400 рублей на приобретение библиотеки В. Т. Попова.

Вологжане принимали в войне активное участие. 30 тысяч уроженцев Вологодской губернии сражались на фронтах Первой мировой. Около тысячи из них награждены Георгиевскими крестами. 70 человек стали полными Георгиевскими кавалерами. Среди них были и уроженцы Тотемского уезда. Долгое время имена участников Первой мировой войны находились в забвении. Ни одна война не оказалась так затёрта в памяти потомков, как эта. Сейчас пришло то время, когда имена героев Первой мировой войны мы должны вернуть в нашу память. В 2014 г. нам были известны имена 80 тотьмичей – участников Первой мировой войны. Многие из них стали известны благодаря исследованию архивных материалов Тотемского музея, поисковой деятельности обучающихся школ города и района – участников экспедиции «Тотьмичи - участники Первой мировой войны» (школы города и Верхне-Толшменская, Никольская, Камчугская, Советская, Юбилейная школы). К исследованию подключились тотьмичи, которые по воспоминаниям своих родных, фотографиям, хранящимся в семейных архивах, предоставляли информацию о своих родных, участвовавших в последней войне Российской империи. Сбор материала продолжается. На данный момент составлен подробный биографический список уроженцев Тотемского уезда – участников Первой мировой войны, в нём около 400 человек.

[285] ГАВО Ф. 685 Оп. 1. Д. 2100.Л.10.
[286] Журналы чрезвычайных и очередного Тотемских земских собраний созыва 1914 года. Вологда.1916. С. 42.
[287] ТМО. КП 8329.
[288] 1 фунт равен 0,40951241 килограмма, 1 пуд равен 16 кг.
[289] Отчет о деятельности ТО ВОИСК за 1915. Вологда.1916. С.3.

Работа по сбору материалов, посвященных истории Первой мировой войны, продолжается, и мы надеемся, что будет выявлено немало интересных фактов, касающихся истории Тотемского региона периода 1914-1918 гг. и имён её участников.

Кортович А.В. (Москва)

О ШРИФТОВЫХ КОМПОЗИЦИЯХ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ НАБОЙКЕ И ВЫШИВКЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И СЕВЕРНЫХ ОБЛАСТЕЙ

Практически все виды русского народного декоративно-прикладного искусства взаимопроникаемы друг в друга и связаны между собой общими композиционными и семантическими истоками. Существуют единые устойчивые архаические композиции и орнаменты, встречающиеся в вышивке, набойке, деревянной резьбе, росписи предметов домашнего обихода, изразцах и т.д. Это древние геометрические орнаменты, символически связанные с солярными знаками и фигурами, обозначающими плодородие и новую жизнь; зооморфные, антропоморфные и флоральные орнаменты; трехчастная композиция с центральной женской фигурой или Древом жизни и расположенными по флангам всадниками. Изначально подобные орнаменты и композиции носили определенный смысл, благопожелательное послание, зашифрованное условным графическим языком. Существовали комбинации орнаментов на одежде и полотенцах, связанные с определёнными обрядами и отражающие важные события в жизни человека: рождение, свадьба, встреча весны, первый сев, осенний сбор урожая. Подобные мотивы и композиции выражали древние космологические представления человека, не отделявшего себя от природы и имели охранительное значение. Они встречаются в материальной культуре многих цивилизаций: Месопотамии, Древнего Египта, Сирии, Древней Греции, Индии, скифов, славян. Со временем такие орнаменты и сюжеты потеряли исходный сакральный смысл и стали выполнять лишь орнаментально-декоративную функцию. Прямое магическое значение этих знаков-символов забылось, но по традиции их изображали как доброжелательные мотивы[290]. В связи с развитием науки и техники древний знаковый язык потерял свою актуальность. При этом в устойчивые архаические композиции и орнаменты народного искусства стали проникать новые элементы. Это позднехристианская символика, сцены из повседневной жизни, западноевропейские орнаменты, заимствованные композиции из книг и станковых произведений. Начиная с XVIII века до начала советского периода оформление бытовых предметов становится всё более эклектичным. Традиционные композиции приобретают поздние напластования. Нередко можно встретить полотенце, где синтезируются различные по стилю, смыслу и технике элементы. Знаки плодородия и солярные знаки-свастики, барочные флоральные орнаменты, бытовые сцены и шрифтовые композиции оформлены разными приемами исполнения: крестом, строчкой, тамбурным швом. Существенную роль в развитии новых тенденций русского декоративно-прикладного искусства и в забвении славянских древних традиций сыграла петровская эпоха с её социальными преобразованиями, реформой календаря, активной вестернизацией и прочими изменениями[291].

С конца XVII века во всех слоях русского общества большой популярностью стали пользоваться лубки — повествовательные эстампы с простыми и понятными образами. Не удивительно, что лубочные мотивы постепенно стали проникать в различные способы украшения тканей. Первые лубки или «немецкие потешные листы» были привезены в Россию из западной Европы. Оттуда пошла мода на коврики и салфетки с вышитыми текстами. Искусство гравированного лубка и набойки объединяет принцип высокой печати. В обоих случаях для тиражирования изображения вырезается из древесины печатная форма. Затем с неё при помощи краски и давления изображение переносится в зеркальном виде на бумагу или ткань. Чаще других лубочных мотивов в оформлении набивных тканей встречаются композиции со всадниками и с птицами. Подобные персонажи бытовали и в древних народных вышивках, но в лубочной трактовке они превратились в сказочных богатырей и райских птиц.

В набойках XVIII века появляются мотивы, заимствованные из лубочных картинок. Это изображения всадников-богатырей, заключенные в квадратные клейма с орнаментальным заполнением и поясняющими надписями, часто даны зеркально. Ритмическое чередование клейм, помещенных в несколько рядов и заключенных в орнаментальную раму, составляло декор занавеса[292].

В собрании русских народных картинок Д. А. Ровинского можно встретить героя русского фольклора Бову Королевича. На гравированном лубке слева от всадника в окружении картуша в четыре

[290] Смолицкий В. Г. и др. Народные художественные промыслы РСФСР. М., Высшая школа. 1982. С. 135.
[291] Кортович А. В. Трехчастная композиция архаического типа в оформлении русского народного текстиля // Культурное наследие России №1 (12) январь-март 2016. С. 37-43.
[292] Коршунова Т. Т. (сост.) Русская набойка семнадцатого — девятнадцатого веков : каталог временной выставки. Л., Гос. Эрмитаж, 1979. С. 12.

строки написано: «ХРАБРЫI БОГАТЫРЪ БОВА КОРОЛЕВИЧЪ». Картуш деликатно касается рамки изображения, копья и плаща богатыря. В набивной ткани XVIII века из собрания The Metropolitan Museum of Art, New York повторена та же композиция, но в упрощенном виде. Главный персонаж показан в наряде петровского времени, вместо поверженных врагов изображен цветочный орнамент, надпись оказалась скромно зажатой между рамкой и копьем героя. Шрифтовая композиция «ХРАБРЫБОВАКОРОЛЕВИЧЪ» выстроена в одну строку без пробелов. В обоих примерах шрифт напоминает полуустав, который использовался в русских первопечатных книгах.

Следующий герой эстампа — богатырь Соловей Разбойник помещен в тесное пространство между двумя надписями в богато украшенных рамках: «СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК» и «СИЛНЫ БОГАТЫРЬ». Та же самая композиция, но в зеркальном виде, повторена в набивной ткани из собрания Смоленского музея кн. Тенишевой. Здесь рядом с главным персонажем включена в композицию птица и надпись в рамке «ОЛОПЕI РАЗБАИ».

Лубочное изображение богатыря Усыни Горыныча выполнено по аналогичной схеме. В гравюре из альбома Д. А. Ровинского декорированая картушем четырехстрочная надпись гласит: «СИЛНЫ СЛАВНЫ БОГАТЫРЬ УСЫНЯ ГОРИНЫЧ». В композиции части набивного занавеса XVIII века из коллекции Государственного Исторического музея изображены два всадника, скачущие навстречу друг другу. Слева изображён просто «СИЛЬНЫЙ БОГАТЫРЬ», справа — «СИЛЬНЫЙ БОГАТЫРЬ УСЫННЯ ГОРЫННЫЧЪ», о чем говорят надписи в рамках по углам композиций. Любопытно отметить, что на этом и других клише этой эпохи при резьбе надписей не принято в расчёт, что вырезанные на доске как следует для чтения, при набивке ткани они выйдут наоборот[293]. Вряд ли это можно объяснить неумением или отсутствием привычки резать буквы. По всей видимости, подражая в данном случае лубку, мастер-набойщик остается верен орнаментальным принципам в украшении ткани. Надписи, как элементу эпиграфики, не придавалось значения, она стала частью орнамента[294].

Излюбленными персонажами декорирования тканей были райские птицы Алконост и Сирин. На фрагменте набивной ткани XVIII века изображена птица Сирин. Первое слово «АЧИТП» зеркально читается как «ПТИЧА», второе слово отпечатано нормально: «РАЙСКА».

Одним из источников художественных форм для мастеров-набойщиков являлись гравированные книжные иллюстрации. В Государственном Историческом музее имеется набивная ткань с изображением дамы с веером, которой кавалер подносит цветок. Вверху надпись: «Каво люблю, того и цветиком подарую». Дама и кавалер одеты в пышные платья конца XVII — начала XVIII века[295].

Сохранились образцы набоек, имитирующих разные ткани и технические приёмы. В музее льна Вологодского села Сизьма представлены рушники первой половины XX века, оформленные масляной набойкой в два цвета. «КАГО ЛЮБЛЮ ТАМУ ДАРЮ», «ЛЮБИ МИНЯ КАК Я ТИБЯ», «НА ПЯМЯТЬ» и другие доброжелательные надписи встречаются в оформлении крестьянских и городских текстильных изделий. В представленном примере виден синтез советских акцидентных шрифтов (буквы Г, И, Б, Т, Р) и свободной авторской интерпретации (буквы У, К, Я, Л).

Полотенца-рушники, салфетки, платочки, подушки, подзоры, скатерти, кисеты, рубахи, сарафаны декорировались разными способами вышивки. Традиционно в русском быту и в ритуальных действиях важное место занимало полотенце-рушник из домотканого холста, украшенное вышивкой. Рушник выполнял охранительные функции, использовался в календарных обрядах, символизировал дорогу и прочные семейные узы. От рождения и до смерти рушники сопутствовали человеку, их передавали по наследству. В качестве приданого каждая невеста должна была расшить несколько десятков таких полотенец. Вышитый узор концов рушников имел свой сакральный смысл, сочетание элементов орнамента не допускало случайностей. С XVIII века в оформлении рушников стали появляться бытовые сцены, не имеющие отношения к славянским ритуалам и благопожелательные тексты. В основном тексты шили двумя техниками — крестом и тамбуром. Техника шитья крестом давала четкие геометрические контуры, удобные для чтения текста. Шрифт создавался в строгой модульной системе, напоминающей современную группу пиксельных шрифтов. Свободные вариации рисунка букв можно было достичь с помощью тамбурного шва в виде цепочки. Такой приём позволял превосходно сочетать рукописные надписи и вольный рисунок. Часто композицию завершали буквы ШМ — шила мастерица и её имя.

В надписях отмечалась дата изготовления вещи, имя мастера или хозяйки, которой принадлежала вещь, а иногда и место изготовления — деревня. Кроме того, были надписи, указывающие на подарочное значение вещи, выражавшие добрые пожелания. На полотенцах вышивали: «Кого люблю — тому дарю»; «Люблю сердечно — дарю навечно»; «В знак благодарности»; «Кому честь — тому слава». <…> В некоторых надписях указывается на непосредственное назначение вещи. <…> Более частое

[293] Соболев Н. Н. Набойка в России. М., 1912. С. 70.
[294] Корсун Э. А. Набивные ткани // Добрых рук мастерство / Произведения народного искусства в собрании Гос. Русского музея / сост. И. Богуславская Сборник 2-е изд., перераб. и доп. Ленинград, 1981 г. С. 130.
[295] Якунина Л. И. Русские набивные ткани XVI – XVII вв. М., 1954. С. 8.

включение текстов в вышивку в конце XIX — начале XX в. связано, по-видимому, с распространением в деревне грамотности, книг. Однако изготовлявшие эти надписи вышивальщицы далеко не всегда были грамотными (чем объясняются встречающиеся искажения слов и орфографии) и прибегали к помощи грамотных людей[296].

По содержанию текстов полотенца-рушники можно условно разделить на несколько групп.

1. Парадные поздравительные или дарственные («подносные») полотенца. Примером может служить полотенце начала XX века из собрания Государственного Эрмитажа, преподнесённое в дар Императорской семье, с надписью: «БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ». Такой же вышитый титул встречается и на праздничных крестьянских полотенцах. В эту группу рушников можно отнести свадебные полотенца. На них вышивали инициалы жениха и невесты, пышно украшенные картушами, вензелями, коронами и цветочными орнаментами.

2. Полотенца с признаниями в любви: от простого: «Я ВАС ЛЮБЛЮ» до торжественного: «ПРИМИ ПОДАРОКЪ СЕЙ ВЪ ЗНАКЪ ЛЮБВИ МОЕЙ» или даже настойчивой просьбы: «ЕСЛИ ЛЮБИШЬ ДУНЯША СКАЖИ А НЕ ЛЮБИШЬ ДУША ОТКАЖИ». На этих полотенцах можно встретить мужскую и женскую фигурки, сцены дарения букета, инициалы.

3. С предыдущей группой тесно связаны полотенца с доброжелательно-утилитарными надписями: «С ДОБРЫМЪ УТРОМЪ», «УМЫВАЙСЯ БЕЛЕНЬКО УТИРАЙСЯ СУХЕНЬКО», «МЫЛО СЕРО ДА МОЕТЪ БЕЛО», «НЕ ДУМАЙ БЫТЬ НАРЯДНЫМЪ А ДУМАЙ БЫТЬ ОПРЯТНЫМЪ». Шрифтовые композиции могут сочетаться с разнообразными орнаментами, поздними вариациями трёхчастной композиции, жанровыми сценами и именами владельцев. Иногда можно встретить надпись о принадлежности данного предмета: «ЕТО ПОЛОТЕНЦЕ ПРИНАДЛЕЖИТ…»

4. Рушники-набожники, украшавшие иконы в красном углу дома. Они были праздничные и будничные, могли быть расшиты христианскими мотивами и текстами. Сюда можно отнести полотенца с текстами молитв ангелу хранителю, тропари святым, поздравления с великими церковными праздниками: «ХРИСТОС ВОСКРЕС!» В этой группе шрифтовое оформление может быть разнообразным — от простых рубленых букв до замысловатой русской вязи.

5. Бытовые повседневные зарисовки запечатлевались в народных вышивках. Полотенца украшались сценами застолья, гуляния, охоты, полевых работ, сбором ягод. В них мастерицы стремились к правдоподобной передаче событий, старались найти портретные сходства изображаемых персонажей. Нередко рядом с изображёными людьми вышивались их имена. Вышивки могли сопровождаться текстами, описывающими конкретное событие, место действия и точную дату, что придавало сходство подобных композиций с лубочными.

6. Мотивы, заимствованные из лубочных картинок, были излюбленным поводом для создания вышитых композиций на полотенцах, подзорах, а то и просто на самостоятельных панно. Здесь присутствует свободная интерпретация известного образа, его художественная переработка. Райские птицы Сирин и Алконост, сцена «Рейтар на петухе», всадники-богатыри, воплощённые в вышивке и соединённые с причудливым узором текста из Хронографа, приобретают совершенно новые образы.

7. Пословицы, поговорки, частушки, песни, приметы и другие виды устного фольклора нашли отражения в народных вышивках: «ОВСЫ ЗАЗВЕНЕЛИ ОРЕХИ ПОСПЕЛИ», «НЕ ПО ХОРОШУ МИЛЪ, А ПО МИЛУ ХОРОШЪ», «В КОМЪ ЧЕСТЬ, В ТОМ И ПРАВДА». Отдельного внимания заслуживают ставшие почти каноничными сцены гуляний и хороводов с весёлыми текстами: «ПЛЯШИ ВАРЮШКА НА МОЕЙ ПИРУШКЕ», «ВОСЕМЬ ДЕВОК ОДИН Я КУДА ДЕВКИ ТУДА Я», «СОБИРАЙТЕСЬ ДЕВКИ КРАСНЫ СОБИРАЙТЕСЬ ВЪ ХОРОВОДЪ». Это многофигурные динамичные композиции, где персонажи запечатлены в танце. Мотивы хороводов были очень популярными почти во всех регионах России.

8. Встречаются вышитые полотенца, оформление которых напоминает комиксные иллюстрации к литературным произведениям. Здесь последовательно даны серии рисунков, сопровождаемые текстом. Например, источником для творческой фантазии мастериц были различные вариации и пересказы басен И. А. Крылова. Особой любовью пользовалась в народе

[296] Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., Наука, 1978. С. 26—28.

басня «Ворона и лисица». Вероятно, полотенца с вышивкой на сказочные и басенные мотивы, посвящались детям.

Искусство народного лубка невозможно представить без шрифтового оформления. Как элемент художественного языка текст здесь выполняет не столько смысловые, сколько композиционные функции. В русских гравированных лубках шрифтовое оформление связано и с западноевропейскими традициями «фряжских листов» и с появлением текстов в иконописи XVII века. Зачастую лубочные надписи и шрифт писаных и печатных икон был малограмотным и трудно читаемым. Если учесть, что подавляющее большинство людей того времени не владело навыками чтения, тексты ими воспринимались как часть композиции, существенно дополняющая сюжетный образ. Сохраняя каноничность лубочных и иконных композиций, гравер печатных форм для набивных тканей не отказывался от надписей, но придавал им второстепенное значение, уделяя особое внимание проработке главных персонажей. С одной стороны, устный стиль повседневной речи и недостаточная грамотность мастеров отразились в оформлении текста как гравированных лубков, так и набивных тканях, и вышивках. С другой стороны, такая неграмотность носила черты некой нарочитости. Это, своего рода, одна из типичных форм комизма — балагурство, в котором преобладает лингвистическая сторона и которое черпало свои средства в лубочных искажениях слова[297]. По-видимому, такой обычай «письменного просторечия» укоренился в декорировании тканей.

Традиционно в оформлении текстильных изделий орнамент носил символический характер. С помощью обрядов и орнаментов люди общались с природой, выражали просьбы и благодарности. С XVIII века словесные послания постепенно входят в текстильные композиции. Для нового, десакрализованного мышления слово, облеченное в графический знаковый образ — шрифт, начинает приобретать важное значение, а древним композициям и орнаментам отводятся декоративные функции. В XX веке в оформлении предметов быта и агитации массивы текста становятся самодостаточным композиционным элементом. В наше время постмодернизма мы можем видеть текстильные изделия, содержащие некие короткие послания-месседжи, оформленные разнообразными шрифтами или вообще бессмысленные наборы букв и символов, превращённые в причудливые орнаменты. Но это уже тема другого доклада.

Кочерган Л.И. (Сыктывкар)

СОЦРЕАЛИЗМ КАК МЕТОД ОТРАЖЕНИЯ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН (НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИИ А.Н. БЕЗУМОВА ИЗ СОБРАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГАЛЕРЕИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

На протяжении 1990-х – 2000-х годов мы стали привыкать к отрицательным характеристикам, которые были связаны с искусством социалистического реализма. Наверное, метод, господствовавший на протяжении нескольких десятилетий как единственный официальный и, конечно, суживающий возможности «творческого полета», не мог не пройти через полосу собственного отрицания в постсоветском пространстве. Но время идет вперед, и сейчас уже слышны голоса, которые призывают вновь обратиться к интерпретации советского искусства. Сегодня, оставляя несколько в стороне идеологическую составляющую, все больше обращаются к творчеству тех художников, кто выходил за пределы двух мощных полярных составляющих: лидеров официального искусства и советского андеграунда. Идеология официальная и неофициальная просто выбрасывала за борт тех, кто не был признан «своим», и, наверное, художники более всего боялись оказаться в этой прослойке, означающей общественное прижизненное забвение.

Между тем, произведения изобразительного искусства являются мощным источником, создающим наше представление об ушедшем времени. Источником зримым, колоритным, образным, воздействующим на многие сферы нашего понимания. Возможно, что наиболее яркие картины той жизни созданы в произведениях, которые время отнесло к классике изобразительного искусства рассматриваемого периода, но как нам не хватает запахов, тактильных ощущений, чувств в понимании времен, нами не пережитых, там необходимы и художественные образы, создающие картину обычной, повседневной жизни. И здесь не стоит проводить прямую параллель с передвижничеством, когда художник, садясь за картину, бытописал жизнь, считая красотой все, что его окружает. Все равно получается так, что мастера, вырабатывавшие в своем творчестве каноны соцреализма, не взялись ниоткуда, он прошли или хотя бы соприкоснулись со всей предыдущей школой искусства, включая и полноту ощущений импрессионизма, и математический язык абстракции, и приемы формотворчества, и многие другие веяния, отражающие, прежде всего, изменения в человеческом мировоззрении.

[297] Соколов Б. М. Автореферат диссертации «Художественный язык русской народной гравюры XVII—XIX веков». М., МГУ им. М. В. Ломоносова, 1994. С. 14.

Таким образом, сегодня оказываются интересными те художники, кто в своем творчестве обращался к темам бытовым, «мелким», как говорили в советские годы, кто просто описывал окружающую действительность, не столько опираясь на идейные вещи, сколько на собственные чувства в восприятии окружающего мира, кто раскрывал в произведениях не тему, скажем, великой любви к Родине, а собственное принятие каждодневной обыденной жизни. Конечно, такие работы есть в творческом наследии каждого художника: они писались не на заказ, не становились программными, не прибавляли званий и почета, но составляли свой, особый мир, и как правило, были согреты теплом чьих-то воспоминаний.

Наше обращение в этом плане к А.Н. Безумову опирается на характер его коллекции, хранящейся в Национальной галерее Республики Коми. Нельзя сказать, что имя этого художника было подвержено забвению или, наоборот, в какой-то период вознесено: ряд его работ прочно вошли в сокровищницу коми изобразительного искусства, вместе с тем, его коллекция, рассматриваемая цельно, дает удивительное представление о периоде 1940-х – начала 1980-х годов, отражая жизнь такой, какой она была на уровне повседневности.

Александр Николаевич Безумов (1926-1983) – художник, заслуженный деятель искусств Коми АССР, его творчество непосредственно связано с Республикой Коми. Уроженец Ненецкого автономного округа, А.Н. Безумов приехал в Сыктывкар в 1958 году после окончания Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. В.И. Мухиной. Он сразу заявил о себе как серьезном художнике, тонко чувствующем живопись и стремящемся к высокому профессионализму в работе. На каждой из республиканских выставок художник участвовал новыми произведениями. В 1962 году А.Н. Безумов вступил в Союз художников СССР, с 1964 по 1966 год возглавлял Коми отделение СХ. Здесь, в Сыктывкаре, обзавелся семьей. На жизнь и активную творческую деятельность ему было отведено судьбой немногим более 20 лет…

Коллекция произведений А.Н. Безумова в собрании Национальной галереи Республики Коми насчитывает более 200 единиц хранения, 145 ед. хр. отнесены к основному фонду, из них большинство (113) – живопись, графические работы – в основном рисунки и наброски карандашом. При жизни художника было закуплено менее трети от общего количества работ, это произведения, которые, как правило, отбирались после их показа на республиканских выставках. Мощным дополнением коллекции являются живописные этюды и графические рисунки, переданные вдовой уже после смерти художника. Хронологически коллекция охватывает весь период творчества художника: первые работы были сделаны еще в Нарьян-Маре, во время учебы в школе, последнее из произведений датировано 1982-м – годом ухода художника из жизни. Именно такой состав коллекции, включающий, как сейчас популярно говорить, «кухню» художника, позволяет приблизиться к его ощущению окружающего мира и пониманию своего места в нем.

Стремление к изобразительному описанию того, что находится рядом, и вложению в художественный образ своих чувств проявилось у Безумова еще в школе: его первые работы – это виды Нарьян-Мара, один из которых сделан весной 1942 года, второй – осенью 1943-го. Районы эти в настоящее время видоизменены настолько, что старожилы города определяют их местоположение, сохраняя за собой право ошибаться. Работы, передающие человеческое ощущение приподнятого весеннего настроения и наоборот, осеннего «уныния», сопровождаются и небольшими текстами на обороте: в первом случае, словосочетанием «навозная весна», вероятно, включающим авторские ощущения запаха, сопровождавшего пейзаж, во втором – строчки «робко, темно и глубоко» из стихотворения А. Блока «Ветер принес издалека…». Строка с автографом, написана не автором, скорее связана с определенными чувствами, поскольку стихотворение Блока – из любовной лирики поэта, одно из первых, посвященных его встрече с Л. Менделеевой. Да и датировано произведение временем мобилизации художника, он – один из художников-фронтовиков Республики Коми, кому выпало счастье вернуться домой живым и невредимым. Память чувств позволила художнику использовать первый из этюдов спустя годы – на его основе в 1969 году было создано произведение «Нарьян-Мар в 1942 году», которое в настоящее время хранится в Ненецком краеведческом музее.

Следующий раздел коллекции А.Н. Безумова представляют фронтовые рисунки, и здесь мы можем говорить об отражении в художественных образах повседневности войны. А.Н. Безумов был призван в ноябре 1943-го, военную присягу принял 1 марта 1944-го, на фронт попал в декабре предпоследнего года войны, освобождал Польшу, Германию, демобилизован же был только в 1950 году. Условно к произведениям военных лет мы относим рисунки, выполненные А.Н. Безумовым во время военной службы. Из немногим более 20, самый ранний датирован 1943 годом, последние – 1949-м.

Уже сама общая характеристика работ дает представление о нюансах военной жизни. Во-первых, почти все рисунки – это портреты сослуживцев художника, вернее, наброски портретов, сделаны они, как правило, во время привычных занятий, бóльшая часть из них не окончена, поскольку военный регламент не предполагает достаточного количества свободного времени. Все изображенные заняты своим делом – разговаривают по телефону, сидят на политзанятиях, читают литературу, греются у печи, спят, среди работ есть и автопортрет. Интересно, что на обороте одной из работ подписано даже время,

затраченное автором на рисунок, - 2 минуты. Во-вторых, практически все изображенные лица конкретизированы – подписаны фамилии, звания, дата, иногда должность, и местность, где располагалась военная часть. По-видимому, соответствующие подписи рождала сама атмосфера жизни в военных частях, несмотря на то, что война закончилась, мобилизованный человек был не волен распоряжаться своей судьбой. В-третьих, в коллекции нет рисунков того времени, когда А.Н. Безумов был на фронте. Дело, скорее, не в том, что художник в это время не рисовал своих товарищей, а в том, что рисунки эти для изображенных были «на вес золота» - их берегли, отправляли домой, и здесь ценились не мастерство и образование, в умение рисовать быстро и похоже. Война отодвинула для А.Н. Безумова мечту стать художником, и он, скорее, относился к своим рисункам как к возможной практике, столь необходимой для поступления в художественное учебное заведение.

Как и в случае с нарьян-марским эскизом, один из рисунков послужил основой для создания более позднего произведения. Речь идет о живописной работе «Девочка», созданной автором в 1956 году. Этот портрет не выглядит написанным с натуры этюдом, создается ощущение, что на холсте воспроизведен образ, уже где-то ранее запечатленный. И действительно, среди рисунков военных лет есть похожий портрет Светланы, дочери полковника Евдокимова, 1948-го года. Картина «Девочка» привлекает внимание своей цельностью, лаконичностью, осмысленностью, при сопоставлении же работ создается ощущение, что эмоциональное впечатление, полученное художником по время создания карандашного наброска, было настолько ярким, что сохранило в памяти всю живость и непосредственность детского образа, позволив спустя десятилетие воспроизвести его в столь убедительной цветовой гамме.

Советская школа живописи, наследуя традиции классического искусства, «основой основ» профессии художника считала именно этюдную работу. Этюд создавал правду живописи, соотносимую с верностью натуре, с глубиной ее осмысления и мастерством передачи. Что означали этюдные зарисовки для А.Н. Безумова, можно судить по его коллекции – их там подавляющее большинство. Прежде всего, они говорят о требовательном отношении художника к себе, из многих зарисовок он отбирал единицы, с которыми продолжал дальше работать. С другой стороны, его «кухня» была необычайно богатой, наполненной массой самых разнообразных впечатлений, и, возможно, преждевременный уход художника из жизни не дал возможности реализовать многие из задумок.

Монументальщик по образованию (закончил факультет монументально-декоративной живописи), А.Н. Безумов в первые годы тяготел именно к этой области изобразительного искусства. Его диплом – проект росписи выставочного павильона «Советский Север» был отмечен экзаменационной комиссией и показан на выставке в честь I Ленинградского фестиваля искусств. Руководителем диплома был профессор П.Д. Бучкин – художник, воспитанный на дореволюционной школе живописи, окончивший Академию в 1912 году, стажировавшийся в качестве пенсионера в Европе, который стремился передать ученикам собственное понимание искусства. Руководство профессора старой закалки во многом определило ту тщательность и трепетность, с которой подходил А.Н. Безумов к выбранной профессии.

В Советском Союзе профессия монументального декоратора в художественном мире была востребованной, отвечала тем задачам искусства, которые ставило перед ним государство, связав его напрочь с идеологической составляющей. Школ, где учили монументальному искусству, было немного, и приезд на периферию дипломированного специалиста значил многое для художественной жизни региона. В Сыктывкаре, как и везде, существовал заказ на монументальное творчество, многие из художников, работавших в коми отделении Художественного фонда РСФСР, участвовали в создании масштабных изображений с эскизов, подготовка же самого эскиза считалась работой, требовавшей большого художественного мастерства. Практически сразу после приезда художник стал обдумывать тему монументальной росписи, которая в конечном итоге превратилась в 5-метровый фриз «Восстановление народного хозяйства в Коми крае». Работа была показана на I зональной выставке «Советский Север» в Архангельске в 1963 году. Попадание работы молодого, только начинающего художника на «зону» свидетельствовало об успехе, В.В. Поляков, председатель Коми отделения Союза художников, представляя А.Н. Безумова, отметил его хорошую подготовку, образность и лаконизм решения фриза. В Национальной галерее Республики Коми есть эскиз к еще одному монументальному произведению, с изображением трех девушек-граций на фоне суровой природы севера и пармы. Существует предположение, что этой росписью был украшен вестибюль Дворца культуры бумажников Сыктывкаркого ЛПК, но до настоящего времени она не сохранилась.

Вместе с тем, в творческом наследии А.Н. Безумова не так много монументальных произведений. Возможно, собственные склонности, а также взгляды учителя, привитые ученику, условия работы в Сыктывкаре, - все это повлияло на то, что художник все более работал к станковой живописи. Первая картина, которую он представил на Коми республиканской художественной выставке, посвящена хорошо знакомой автору теме – труду рыбаков. «Конец навигации» (1960) был задуман на материале Нарьян-Мара, а написан уже в Сыктывкаре. Интересно, что один из первых этюдов, созданных здесь, вписывается в эту же тематику – это изображение вставшего на берегу Сысолы на зимнюю стоянку катера.

В советском искусстве жанр сюжетно-тематической картины считался негласной вершиной, и обращение Безумова к нему на протяжении всего творческого пути отличалось особой тщательностью разработки. Он всегда старался писать о том, что хорошо знал, что было пропущено через собственные чувства. В таких композициях художник стремился рассказать о том, чтобы было наиболее значимо для его современников, – здесь невозможно не коснуться темы труда. Сейчас в обществе иное отношение к труду, но в те годы общественное признание человека шло, прежде всего, через его труд, через труд в те годы раскрывалась и красота человека, человеческих отношений.

Второе большое сюжетно-композиционное произведение А.Н. Безумова – «Осень», рассказывающее об уборке капусты. Для художника это был новый материал, наработанный в поездках по районам Коми республики. Картина далась не так легко, в ней не чувствуется той опоэтизированности, которой наполнен нарьян-марский сюжет. Художник писал картину три года, дополняя новыми наблюдения, создав несколько разновременных этюдов в ходе работы над ней.

Вообще в советские годы художнику полагалось «знать республику». «Знать республику» - это означало ездить в творческие командировки по ее районам и городам, искать интересные сюжеты для художественного воплощения, создавать портреты людей, живущих здесь, описывать то, чем живет простой человек, показывать, как меняется и улучшается жизнь. Кого-то из художников притягивал суровый север, экзотика жизни оленеводов, геологические изыскания и покорение природы, Безумову же был интересен человек в самой обыденной, привычной жизни. Его поездки – в коми деревни, откуда возвращался он с массой этюдов с изображением деревенских улиц, портретов жителей, занимающихся обычной для них работой, с зарисовками красивейших окрестных пейзажей.

Однако лучшее произведение, описывающее привычную жизнь, художник создал в Сыктывкаре - «Заречье» (1965). Заречье - это окраинный район города, расположенный за рекой и сохранивший старую застройку. В нем живут люди, налажен их быт, сотканы человеческие взаимоотношения. Рассказывая о Заречье, художник передает атмосферу неторопливого, размеренного ритма, по которому течет здесь жизнь. А за рекой – сам город, с масштабной застройкой, где над домами возвышаются силуэты труб, и порядок жизни иной – промышленный, ускоренный, «на бегу». Раскрыть тему автору помогает и природа – в картине воспроизведен один из ноябрьских дней, когда на землю ложится первый снег. В Сыктывкаре, как правило, долгая и слякотная осень, от которой горожане устают. Когда первый снег белым пухом покрывает землю, это воспринимается как праздник, поскольку в душе появляется какое-то особое умиротворение. Вновь в картину проникает поэтическое начало, как гармония внутреннего состояния человека и окружающей действительности.

Еще одно сюжетное полотно, на котором хочется остановиться, – картина «Военные дороги». Интересно, что картина имеет несколько названий: «Гитлер капут!», «Солдаты», «Враги», долгое время, находясь в галерее, она не была включена в основное собрание. Еще более интересен факт, что и выставляться она начала только в 2000-е годы. Картина изображает четырех солдат – трех красноармейцев и одного пленного немца, которому протягивают эмалированную кружку, скорее, горячительного напитка и, возможно, со словами: «Гитлер капут». На заднем плане – приставленные к полуразрушенной стене автоматы, настроение персонажей подчеркивает, что война уже близится к Победе.

В дневниках А.Н. Безумова, которые он вел на войне, есть рисунок композиции картины. Эта сцена – одна из увиденных автором на войне, с не меньшим реалистическим мастерством она передана и на холсте. Вместе с тем, уже по своей заявке сюжета, она не вписывалась в каноны, окружавшие тему войны в советском изобразительном искусстве. И только уже в постсоветское время, когда героика войны стала принимать другую направленность, полотно оказалось востребованным с точки зрения зрительского обсуждения. Работа с успехом показывалась на четырех последних юбилейных выставках, посвященных Победе, нередко становясь центром внимания.

Жанр, в котором художнику удалось сделать больше всего, объединив лирику собственного восприятия мира, наблюдательность, поэтическое чутье, профессиональную подготовку, соединив все это с многолетней этюдной практикой, – это пейзаж. Среди пейзажей А.Н. Безумова есть и хорошо продуманные, завершенные композиции, и быстро набросанные этюды, есть монументальные виды и камерные, обращенные к сердцу человека, лирические изображения, в отношении времен года – художнику подвластны все сезоны, есть виды «чистой» природы, и есть пейзаж деревенский и городской, архитектурный. А.Н. Безумов – один из немногих художников, кто в своем творчестве постоянно обращался к образу Сыктывкара.

Профессиональная направленность, которую получил А.Н. Безумов в стенах Мухинки, не могла не привести его к жанру монументального пейзажа-картины. Этот вид пейзажа складывается в советском изобразительном искусстве в 1930-е годы, своего расцвета достигает в 1950-е, а в 1960-1980-е годы сохраняет свою значимость, несколько видоизменяясь. Монументальный пейзаж, как правило, писался на основе переосмысления этюдного материала, в процессе которого конкретная местность приобретала черты, в целом представляющие образ Родины. Темы, которые интересовали художников – это взаимодействие природных и индустриальных форм, изменения в восприятии окружающего мира, связанные с ускоряющимся темпом современной жизни. Образ природы, создаваемый в

монументальном пейзаже, мог включать бескрайние дали, или изображение с высоты птичьего полета, он обладал и особой эмоциональностью, не камерно-душевной, а душевно-патетической, сродни чувству, объединяющему в себе любовь к Отечеству и гордость за него.

На взгляд автора статьи, в творческом наследии А.Н. Безумова обязательно выделить три монументальных пейзажа: «Встреча Вычегды и Сысолы» (1968), «Огни» (1971), «Северный пейзаж» (1976). Самый лирический из них – первый из обозначенных, посвящен он красивейшему виду слияния Вычегды и Сысолы, открывающемуся с высокого берега в местечке Тентюково, пригороде Сыктывкара. Это место – одно из любимых у сыктывкарских художников, его самые разнообразные виды встречаем в творчестве многих из них. В работе Безумова поражает, прежде всего, настрой – светлый, оптимистичный, наполненный красотой места, создающейся за счет бескрайности просторов, ленты рек, двойной радуги во всю небесную ширь, ярко освещенных солнцем далей. Самого города не видно, присутствуют только деревянные дома его окраин, но ритм его задан идущим на посадку самолетом, плывущим вниз по течению теплоходом.

Второе из произведений написано тремя годами позже, здесь более звучит индустриальная тема: это вид со стороны Сыктывкара на быстрорастущий Эжвинский район, где недавно заработал промышленный «гигант на Вычегде» - Сыктывкарский ЛПК. Об особом, промышленном ритме жизни эжвинцев говорит насыщенность световой иллюминации, упирающиеся в небо лпковские трубы, масштаб занимаемой территории. Обжитой человеком, компактный район показан вдалеке, вырастающим на фоне лесов, через которые петляет лента заснеженной реки. Последняя из работ – самая эпическая, с изображением полноводной реки, текущей сквозь бескрайнюю парму. В ней тоже присутствуют знаки современной, индустриальной жизни (катера на реке, самолет в небе), однако ритм здесь задает сама природа, ее мощь настолько велика, что становится для человека недосягаемой. В тоже время насколько величественна и гармонична природа по своей сути, в своем величии она близка к статичной вечности, жизнь ей задает ритм условно-концентрических кругов, которые образовываются на огромной заводи, соединяя в своем предполагаемом движении холодное спокойствие воды, тепло осеннего наряда деревьев и покрытых снегом берегов.

Разговаривая со зрителем о личном, камерно-душевном, художник чаще всего обращается к пейзажу, могущему настроить на подобный лад. Прежде всего, это парковая зона – любимые аллеи, скамейки, местечки Кировского парка, расположенного на берегу Сысолы. Удивительно, как художнику удается передать ощущение влюбленности, приближающегося весеннего тепла, просто какого-то жизненного оптимизма («В парке», 1961; «Парк. Оттепель», 1962; «В парке», 1969-1970). В его работах сохранились и дворовые уголки Сыктывкара 1960-х – 1970-х годов с играющими детьми и присматривающими за ними мамами («Двор», 1963; «Выпал снег», 1967). Все это – обыденная жизнь, наполненная теплом человеческих отношений, спокойствием за завтрашний день, гармонией внутренних чувств, переданных через изображение на холсте. «Кульминационной картиной» городской жизни стал его «Новый микрорайон» (1980) – взгляд из окна собственной квартиры на окружающее пространство, в котором «кипит» каждодневная, привычная жизнь, дающая человеку живительный тонус ощущения причастности к ней.

Деревенский пейзаж также занимает немалое место в творческом наследии А.Н. Безумова. Все работы – это результат его творческих поездок по районам Республики Коми. Это и панорамные изображения бескрайних просторов с раскинувшимися деревнями («Снежная зима», 1972), и деревенские улочки с покосившимися домами («Улица в Усть-Куломе», 1960), и сами деревянные постройки, получающиеся у автора невероятно теплыми, как будто деревья, впитав в себя солнечную энергию, сохранили ее в возведенных срубах, («В деревне Додзь», 1972), и весенние разливы рек с подступающей к участкам водой («Разлив на Вычегде», 1974). Непременным условием работ художника является явное или опосредованное присутствие в них человека, скорее, они рассказывают о том, в каких условиях живет человек, какие виды его окружают, как он преобразовывает окружающую природу, создавая свой мир, предоставляя в тандеме человека и природы ведущую роль людям.

Что касается сезонов и состояний природы, то у А.Н. Безумова безукоризненное чутье в распознавании ее нюансов. Так, у художника есть удивительная работа «Весна в Лемью» (1972), на которой запечатлен очень непродолжительный момент распускания первых листочков: здесь, на севере, он длится не более пары дней, и листва в это время имеет свой особый нежно-зеленый цвет, который более не повторяется за весь период до ее опадания. Из летних пейзажей привлекает внимание акварель с изображением уходящей за реку грозы, которая, кажется, просто наполнена наступившим послегрозовым спокойствием и особым, озоновым, воздухом («После грозы», 1972). Но более всего интересует художника время, когда землю покрывает снег, он любит работать с белым цветом, одним из самых сложных в живописи. В работах Безумова он мягок и укутывающе-тепл в сочетании с еще не опавшей листвой или на фоне пробуждающихся, с потемневшими стволами, деревьев, пушисто-холоден в увеличивающихся за зиму сугробах, искристо-звенящ в суровую стужу, как, например, в работе «Морозное утро», где солнце и снег просто ослепляют, создавая восхитительно-приподнятое настроение.

Умение чувствовать природу, быть с ней на одной эмоциональной волне часто является характеристикой людей, не стремящихся транслировать свои чувства вовне, нередко внешне такие люди выглядят закрытыми. По воспоминаниям родных, именно к такому типу людей относился А.Н. Безумов. Обращаясь в творчестве к изображению человека, такое право он оставлял и за портретируемыми. В этом жанре он не ставил перед собой задачи открыть в человеке что-то необычное, или, взяв за основу какую-то его черту, превратить в типаж, под который можно подвести и других представителей рода человеческого, не стремился предвосхитить в образе будущее изображенного. Его изображения людей реалистически приближены к их индивидуальности, спокойны по своему настрою, описательны по внешней характеристике.

Более харизматичными у художника выходили портреты пожилых людей и детей. В образе пожилого человека велся неторопливый, обстоятельный рассказ о нем, о прожитом и пережитом – как известно, внутренние характеристики с возрастом находят все больший отпечаток на внешности человека. Интересны портреты ветеранов Великой Отечественной войны, один из них, П.С. Политова, художник написал в 1975 году, когда силами коми художников стала создаваться портретная галерея героев и участников Великой Отечественной, второй, Н.Н. Массальского, чуть позже, в 1979-м. В обоих работах художник придерживался точки зрения, пропущенной через себя, через свое отношение к войне: ветеран – это человек, для которого война давно закончилась, уже прожита значительная часть мирной жизни, наполненной трудом, но она осталась в памяти навечно. В работах каким-то невидимым настроем художнику удалось связать воедино закрепленные на пиджаке военные награды и взгляд, устремленный в воспоминания о пережитом.

Портретов в творческом наследии А.Н Безумова не так много, видимо, художник не считал этот жанр «своим», но и нем он также нашел свою «отдушину», обращаясь к образам тех людей, кого хорошо знал и любил. Любимыми моделями стали для него жена и дети, соприкасаясь с миром детства, он, кажется, сам «погружался» в него, включал образную наблюдательность, соотнося ее с собственной памятью, позволяющей прочувствовать и передать то неуловимое, что несет в себе этот период жизни. Его работы подобны «живым картинкам»: одна из них изображает сына Григория, остановившегося на мгновение и взглянувшего на отца во время уличной игры на морозе («Портрет сына», 1971), или дочери Екатерины в новогоднем маскарадном костюме, всецело захваченной действом этого «волшебного» праздника («Новогодний костюм», 1976).

Таким образом, завершая этот небольшой обзор творчества А.Н. Безумова, можно сказать, что перед нами художник, получивший прекрасную школу живописи и оставивший значимое, в первую очередь для нашей республики, наследие. А.Н. Безумов – представитель послевоенного поколения художников, чье профессиональное формирование шло в уже сложившихся канонах соцреализма, именно с этих позиций и рассматривается его творчество. Получив монументально-декоративное образование, он, скорее, и в силу внешних обстоятельств, и внутреннего стремления, более работал в станковой живописи. Жанром, в котором художник достиг наивысшего признания, стал монументальный пейзаж. Мастерство в сюжетных композициях, портретах достигало своей вершины в тех случаях, когда изображенное было близко автору, пережито им, прочувствовано. Свойственная автору обостренность чувств надолго удерживала в памяти ощущения, позволяя сквозь годы обращаться к ушедшей во временном отношении теме, или сюжету, или образу, воссоздавая их такими же, как и по свежим впечатлениям. Возможно уже сейчас, а скорее, позже, большой интерес будут представлять не программные произведения художника, олицетворяющие те задачи, которые ставил перед собой соцреализм, а работы, описывающие повседневность – такой, какой ее видел автор. Именно они могут дать более верное ощущение времени, обстоятельств и колорита жизни, характеризующие эту эпоху тем, для кого она уже станет историей.

Кошелева М.Н. (с. Никольское, Вологодская область – Москва)

МИФОПОЭТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО «ТОЛШМА - ДОЛИНА ДЕТСТВА» В КАЧЕСТВЕ БАЗЫ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО ТЕРРИТОРИИ МО «ТОЛШМЕНСКОЕ»

«Со мною рядом синяя долина
Как будто чаша, полная питья…»
(Н. Рубцов)

Широко используемый в России термин «брендинг территории» (place brand) в настоящее время наполняется новым содержанием. Из внешней, чисто «подражательной» моды он становится инструментом развития. В его основу закладываются технологии, интегрирующие экономические, социальные, культурные и политические аспекты управления территорией, направленные на создание устойчивого образа, привлекательного для туристов, инвесторов, местных жителей и переселенцев.

Бренд территории позволяет «осмыслить, перевести преимущества территории на язык, понятный этим группам, подчеркивает значимость этих преимуществ, их стратегические возможности». Бренд, имя и миссия территории и связанные с ними идентичность, «уникальные достоверные истории» могут помочь обеспечить социальную стабильность, повысить удовлетворённость жизнью и уровень самооценки местных жителей, развить самодостаточность территории и их меньшую зависимость от «центра», осмыслению себя «столицами» тех или иных событий. Иными словами, бренд выступает как стратегический план развития территории, отражающий её миссию и ресурсы.

Первая, ещё не осознанная авторами, попытка брендинга территории МО «Толшменское» была предпринята в книге Марины и Андрея Кошелевых «Что вспомню я? Фотосюиты на стихи Николая Рубцова». В главах «Долина детства», «В звёздную ночь» и «На правом берегу» строки Николая Рубцова были привязаны, через художественные фотографии, к тем местам, в которых они родились.

Вторая, уже осознанная, попытка брендинга территории МО «Толшменское» через строки «гения места» Николая Рубцова была предпринята АНО «Бирюзовый дом» при выпуске в 2013 году буклета «Окунись, душа, в чистую волну». В вводной части этого издания была отражена характерная особенность «тихой родины» поэта Николая Рубцова – возникающее на ней ощущение животворной и животворящей связи человека с природой: «Душа, как лист, звенит, перекликаясь, / Со всей звенящей солнечной листвой, / Перекликаясь с теми, кто прошёл, / Перекликаясь с теми, кто проходит…». В этом же издании был приведён текст Николая Рубцова, отражённый в эпиграфе настоящей статьи: «Тень от меня летит по полю длинно… / Так вот она, вся прелесть бытия: / Со мною рядом синяя долина, / Как будто чаша, полная питья!».

Следует особо отметить, что и в поэзии Николая Рубцова, и в фольклоре синий цвет означает чистоту, святость. Поэтому образ «синяя долина» можно соотнести не только с утренней дымкой, но и с чистейшей, целительной водой многочисленных родников долины реки Толшмы. Следует иметь в виду также, что синий цвет – это цвет поспевающего льна. Если учесть, что основное направление хозяйства колхоза «Никольский» по состоянию на момент обследования в 1973 году - « молочно-мясное животноводство с производством льна», то можно увидеть, что предлагаемый бренд соответствует и сложившимся на территории хозяйственным традициям.

В 2015–2016 годах в концептуальное пространство МО «Толшменское» автором был введён образ «Заволжская Фиваида». Данный термин, предложенный историком В.О. Ключевским в XIX веке в лекции 34 Курса истории России для территории, находящейся на водоразделе рек Костромы и Сухоны, хорошо отражает особенности долины реки Толшмы как географически (по реке Толшме издавна шёл старинный Солигаличский тракт, связывающий Русский Север с Поволжьем), так и сакрально (стоящий на реке Толшме Храм Николая Чудотворца начинался, судя по тексту жалованной грамоты 1528 года как монастырь, а вдоль реки Толшмы протянулась цепочка православных храмов).

Сакральная особенность территории долины реки Толшмы отражается во многих текстах Николая Рубцова, среди которых хотелось бы особенно выделить «библейские» строки поэта, вспоминавшего «пустынные стога» села Никольского: «О вине подумаю, о хлебе, о птенцах, собравшихся в полёт…» («На вокзале»). «Пустынные стога» Николая Рубцова – это не забытость и не оставленность. Это - приметы мира, наполненного тихой, таинственной энергией. Вспомним Лермонтовское: «Выхожу один я на дорогу. / Сквозь туман кремнистый путь блестит. / Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу. / И звезда с звездою говорит». В мифопоэтическом пространстве «Заволжская Фиваида» Рубцов всегда – в диалоге с Лермонтовым и другими поэтами – классиками. Здесь можно увидеть «пустынный свет на звёздных берегах» и услышать – в тишине - музыку: «Словно слышится пение хора./ Словно скачут на тройках гонцы. / И в глуши задремавшего бора / Все звенят и звенят бубенцы».

Рубцовская «глушь», если не считать пограничных состояний, когда человек остаётся «один, совсем один», - благодатная. Она наполнена плодоносящими лесами, «высокими немеркнущими небесами», «полной рекой», несущей «небесный свет», «ивовым навесом» и идущими дремать под него «стадами». Все это – приметы Толшменской картины мира, о которой поэт Николай Рубцов сказал: «Здесь души моей родина». Раскрытие символики образа приведено в докладе М.Н. Кошелевой «Образ Николая Рубцова «глушь» в мифопоэтическом пространстве «Заволжская Фиваида», представленном автором 25 февраля 2016 года в Москве на международной научно-практической конференции «Творчество Николая Рубцова в контексте развития литературы и искусства».

Заметим, что в мифопоэтическом пространстве «Заволжская Фиваида» такой недостаток территории МО «Толшменское», как его большая удалённость от районного и областного центров, превращается в достоинство, если говорить о возможном размещении здесь образовательных площадок. Отечественная традиция, представленная такими известными учебными заведениями, как царскосельский лицей под Санкт-Петербургом, Александровское техническое училище в Череповце, Петровская ремесленная школа в Тотьме и другими, предполагает размещение учебного заведения на территориях с уникальными природными ландшафтами. Это качество, соединённое с тишиной, почти монашеской уединённостью и с такими исконно российскими средствами воспитания, как экспедиции и

мастерские, издавна помогали в России в воспитании ответственных и гармонично развитых людей, укоренённых в отечественной культуре.

Опираясь на концепцию «Бирюзовое кольцо Русского Севера», АНО «Бирюзовый дом» организовал в период с 2012 по 2015 годы, при финансовой поддержке Управы района Старое Крюково Зеленоградского округа города Москвы и организационной поддержке партнёров в Тотемском районе, четыре экспедиции московских подростков в долину реки Толшмы. В это же время на территории получило развитие инициированное АНО «Бирюзовый дом» общественное движение «Школа Русского Слова».

Экспедиции и мероприятия «Школы Русского Слова» в различных форматах (выставки, концерты, экскурсии, встречи с интересными людьми, мастер-классы, совместные походы гостей и жителей, сплавы по реке Толшме) привнесли в МО «Толшменское» позитивный настрой, положительное, заинтересованное отношение к местности. Теоретико-философский анализ такого явления дан Ю.Л. Балюшиной: «Коренные жители как бы заражаются» подобным настроением и новым взглядом, видят те аспекты бытия…, которых не замечали ранее…» Территория предстаёт перед коренными жителями в новом свете - «в качестве объекта интереса, наблюдения, восхищения, познания. Окружающие человека привычные объекты обретают новое позитивное смысловое наполнение».

В период с 2012 по 2016 годы происходила своеобразная «примерка» различных образов для территории МО «Толшменское» с поиском такого, который был бы привлекательным для основных заинтересованных лиц – туристов, инвесторов, местных жителей и переселенцев. В фото-брошюре М.Н. Кошелевой «Заволжская Фиваида», выпущенной в декабре 2016 года АНО «Бирюзовый дом» при поддержке Московского дома общественных организации, была размещена история из цикла «Загадки церковной горы». В ней отражён один из самых притягательных рубцовских образов местности: «Здесь парни ЛАДят стремена». В этой строчке из стихотворения «По вечерам» можно увидеть глубинные народные идеалы, которые отражены в творчестве Николая Рубцова и Василия Белова – символов «Вологодской литературной школы».

На начало 2017 года основным образом, который можно было бы заложить в качестве базового в брендинге территории МО «Толшменское», был признан образ «Толшма – долина детства». В нём отражается и тема малой родины человека («Память возвращается, как птица, в то гнездо, в котором родилась»), и животворное и животворящее единство человека и природы. В образе «Долина детства» содержится, в скрытом виде, слово «река». В неё – реку жизни - не войдешь дважды. Отсюда – тема ответственности. Мир «дольний» (мир людей) в мифопоэтическом пространстве «Долина детства» соседствует с миром «горним», мечтой возносящим душу.

В образе «Долина детства» можно также увидеть пересечение рубцовского: «Я клянусь – душа моя чиста!» с библейским «Будьте как дети». Если учесть успешный практический опыт организации образовательных (пленэры, мастерская словесности, познавательные экскурсии, мастер-классы) и оздоровительных поездок иногородних подростков в долину реки Толшмы, то можно сказать, что эта территория будет восприниматься как «долина детства» не только местными жителями, но и приезжими туристами - теми, кто успел полюбить её во время своего гостевания. Наконец, образ «Долина детства» весьма интересно сопрягается с другими образами, которые способствуют раскрытию миссии (предназначения) долины реки Толшмы.

Процесс формирования бренда территории связан с процессом «конструирования туристических достопримечательностей», которые должны быть аутентичными - отражать «локальные особенности местности». Этот процесс идёт во всех культурных учреждениях села Никольского. В мемориальном Доме-музее Н.М. Рубцова есть многочисленные экскурсионные программы, как в самом Музее, так и за его пределами (экскурсия по селу, знакомство с Храмом Николая Чудотворца). В Никольской школе им Н.М. Рубцова есть два музея – литературный и этнографический, школьный театр, киностудия, мастерская по производству никольских сувениров из палочек для мороженого. В Доме культуры села Никольского есть библиотека с большим разделом краеведческой литературы, два хора и театральный коллектив «Балаганчик». Все вместе позволяет отмечать, в очень тёплой атмосфере, все праздничные события.

Одной из достопримечательностей села Никольского считается появившийся в 2013 году культурно-просветительский центр «Бирюзовый дом». В отличие от выше перечисленных организаций, АНО «Бирюзовый дом» (зарегистрирован в 2009 году в Москве) не имеет бюджетного финансирования. Уставная деятельность АНО «Бирюзовый дом» (библиотечная, архивная, клубная, фотографическая, издательская, туристическая) осуществляется за счёт собственных и привлечённых средств. В «Бирюзовом доме» сформировано музейно-выставочное пространство, в котором уже проводятся экскурсии. Идёт формирование «арт-резиденции», в которой АНО «Бирюзовый дом» сможет принимать партнёров по проектам, включая заинтересованных туристов.

В АНО «Бирюзовый дом» подготовлены и опробованы экскурсионные и туристические маршруты: «Загадки Церковной горы» (с установкой «Рубцовского камня» на площадке «Между берёзой и сосной» на берегу реки Толшмы), «На отдых, на мёд с молоком» (знакомство с укладом жизни в

деревне Слобода, стоящей в месте впадения реки Толшмы в реку Сухону), «По лягам к Серому камню» (дорога к грибным местам, на сенокосы и к местам расположения посёлков спецпереселенцев), «Толшменские подворья» (знакомство с укладом жизни в селе Никольском и деревне Манылovский Погост), «Толшменская кругосветка» (поход по двум берегам реки Толшмы в окрестностях села Никольское, включая прохождение трёх километров по «Старой дороге» Николая Рубцова с выходом к Храму Николая Чудотворца), «Толшменская регата» (знакомство, в ходе мини – сплава с характером реки Толшмы), «Толшменская палитра» (показываются наиболее живописные места долины реки Толшмы, интересные для художников), «Монзенская железная дорога» (с проездом на мотовозе). Фоторепортажи об испытаниях маршрутов а также фото-зарисовки местности отражены в социальных сетях.

Большие потенциальные возможности учреждений образования и культуры в МО «Толшменское» могут быть полноценно реализованы лишь при наличии стратегического плана развития территории. 28 января 2017 года в Тотьме состоялась стратегическая сессия по развитию территории средствами культуры и туризма, которую провели эксперты всероссийского уровня: директор АЦСТ "Гарант", эксперт по грантмейкингу и стратегическому развитию территории Марина Михайлова и эксперт в сфере социального предпринимательства Владимир Вайнер.

На сессии было предложено различным группам – власть, бизнес, культура, активные жители и туристы – сформировать, с учетом имеющихся ресурсов, образ будущего района (каким он будет в 2022 году), проанализировать, какие проблемы надо решить, чтобы выбранный образ стал реальностью, и указать, какими способами можно было бы начать решать проблемы уже в 2017 году. Поскольку состав участников был преимущественно городской, то сельские проблемы практически не рассматривались, а между тем именно здесь накопились самые острые вопросы и именно здесь есть хорошие возможности для настоящего прорыва в будущее. Попробуем нарисовать образ будущего села Никольского и МО «Толшменское».

Год 2022. В селе Никольском возрождено традиционное направление деятельности, зафиксированное при оценке в 1973 году – «молочно-мясное животноводство и производство льна» [14]. Крупный рогатый скот и другие животные находятся на личных подворьях. Для личных подсобных хозяйств, содержащих крупный рогатый скот, введены льготы: бесплатный элитный молодняк, бесплатные пиломатериалы для строительства и ремонта подворий, беспроцентные ссуды, стимулирующие закупочные цены, учёба в сельскохозяйственных ВУЗах на полном обеспечении, поддержка СМИ.

Налажено производство местных продуктов питания. В Боярово создан колбасный цех, а также цех по переработке грибов и ягод. В селе Никольском запущен в эксплуатацию мини-завод по производству масла и сыра. Уникальные местные пекарни на Верхней Толшме и в Манылово, являющиеся интересной местной гастрономической и исторической достопримечательностью, сохранены. Местная продукция (хлеб, молоко, масло, сыр, колбасы, мед, грибы, ягоды, овощи) продвигается не только среди жителей, но и среди туристов. Для последних на вывоз – в «фирменных» подарочных упаковках.

Лес в долине реки Толшмы добывается не частниками, а государственным предприятием. Часть средств поступает в местный бюджет, и на них обеспечивается поддержание в качественном состоянии дорожного покрытия. На федеральном уровне решена проблема строительства дороги между Гремячим (Вологодская область) и Куземино (Костромская область). Долина реки Толшмы стала туристической Меккой. Часть туристов едет через село Никольское транзитом – из Москвы, Костромы и Галича в Тотьму и в Великий Устюг к Деду Морозу. Но большая часть гостей приезжает целенаправленно в «Долину детства».

На базе партнёрства хозяйственного кооператива и учреждений культуры в селе Никольском создан культурно – исторический и природно – ландшафтный заповедник им Н.М. Рубцова. Программа «Как рубашка в поле выросла» вышла за пределы здания музея. Традиционное для местности производство льна и льняных изделий осуществляется прямо на глазах у местных жителей и туристов.

В селе Никольском возрождён Конный двор. Лошади, в соответствии с их породой, используются как для хозяйственных нужд (в том числе - вспашки огородов сельских жителей и перевозки грузов), так и для туристов (уроки верховой езды, иппотерапия, катание на лошадях в праздники).

Среди туристических маршрутов в селе Никольском и МО «Толшменское» - «Конь в село соседнее понесёт меня», «Я буду долго гнать велосипед» и «Плыть, плыть, плыть…» И конь, и лодка, и велосипед для человека не просто средства передвижения. Глубинные значения рубцовских символов раскрываются и в музеях села Никольского, и через знакомство гостей с местными жителями и историко - культурными и ландшафтными достопримечательностями края.

Почему люди поедут в «Долину детства»? Потому что у этой земли есть высокая миссия, предназначение – дать возможность россиянам увидеть землю не как товар, а такою, какой её видели наши предки: «Земля – Матушка», «Земля – Опора», «Земля – Кормилица». А ещё потому, что только здесь, в преображённой «Долине детства», можно постигнуть истинное значение поэзии Николая Рубцова – возрождение и утверждение глубинных народных идеалов.

Кузнецов А.В. (Усть-Печеньга, Тотемский район)

ВОДНО-ВОЛОКОВЫЕ ПУТИ ИЗ БАССЕЙНА СУХОНЫ В БАССЕЙН ВАГИ (по данным топонимики)

Бассейн реки Сухоны по площади – самый крупный на Вологодчине. Он занимает почти всю восточную половину области. В северной части бассейн Сухоны отделяется водоразделом от бассейна другой большой северной реки – Ваги, левого притока Северной Двины. Линия сухонско-важского водораздела проходит по территории современных Тотемского, Тарногского, Нюксенского и Великоустюгского районов. Водораздел представляет собой систему невысоких полого-волнистых мореных возвышенностей, абсолютные высоты которых находятся в пределах 150-200 метров над уровнем Мирового океана. Только в одном месте, близ истока Ваги в Тотемском районе имеется отметка в 240 метров. Крупных болотных массивов на сухонско-важском водоразделе почти нет, большая часть его поверхности покрыта среднетаёжными еловыми и сосновыми лесами. Эти, в целом благоприятные для людей, природные особенности способствовали тому, что, начиная с древних времён, через водораздел Сухоны и Ваги была создана целая сеть водно-волоковых путей (ВВП). В настоящее время память о них сохранилась в топонимах как русского, так и финно-угорского происхождения.

Древнерусский термин «волок» имел значение «пространство между судоходными реками или озёрами, через которое суда переволакивались по суше» [МСДЯ 1: 291]. Позднее в русском языке у слова «волок» появилось и несколько иные толкования – «лесная гужевая дорога между двумя гнёздами деревень» или «отрезок пути» [СВГ 1: 79]. Данные значения имеют явно вторичное происхождение и к ВВП уже не относится.

В финно-угорских языках было несколько «волоковых» терминов. Прибалтийско-финские народы (финны, карелы, вепсы, эстонцы) использовали для обозначения волока слова *matka* – «путь, путешествие, поездка», *matk* – «путь, дорога» (в топонимах это основы *мат-/матк-*), родственные им саамы применяли слово *muotke* – «перешеек между двумя озёрами; волок, перетаск» (из которого в топонимах возникали основы *мот-/мотк-*). У древнего поволжско-финского народа меря были слова **mat*, **matkoma* – «путешествие» [СГВО: 132-133].

Более древним финно-угорским «волоковым» термином является **ohta* – «волок; перетаск лодок с одной реки на другую» (современные мансийское *аχт*, хантыйское *оγət* – «тж») [ОФУЯ 1: 402]. В топонимах он представлен в виде основ *ухт-/уфт-*, или *охт-/вохт-/бохт-*.

Рассмотрим на конкретных примерах сухонско-важского водораздела некоторые ВВП.

1. ВВП с Вожбала на Кулой. Вожбал – это река в центре Тотемского района, одна из двух составляющих реки Царева, левого притока Сухоны. Верхнее течение Вожбала носит русифицированное название Вожбалец (т.е. «малый Вожбал»). Чуть выше посёлка Крутая Осыпь в Вожбалец слева впадает речка Матковица, в которую через 3 километра от устья справа впадает речка Ночная Маткова. Форматы *-ица* и *-ова* в обоих топонимах свидетельствуют о том, что прибалтийско-финский термин *matk* – «волок» был хорошо знаком и древнерусскому населению этих мест. Не исключено даже, что топонимы Матковица и Маткова возникли в условиях русско-чудского двуязычия. Определение «ночная» означает «текущая с севера (с ночи)», что соответствует и географической реалии. Более того, из водораздельного болота, кроме Ночной Матковы, в противоположном направлении вытекает речка Полднёвая Маткова, которая впадает в озеро Сондугское недалеко от истока из последней реки Кулой. «Полднёвая» значит «текущая с юга (с полдня)». Волок по болоту между истоками Ночной и Полднёвой Матковых не превышает 2 километров. Не исключено, что в древности на болоте были водяные окна или даже небольшие озёра, которые способствовали более быстрому и лёгкому перетаску лодок и грузов через водораздел. Кулой – один из крупных притоков Ваги, поэтому весь ВВП от Сухоны включал в себя следующие объекты: река Царева – река Вожбал (Вожбалец) – речка Матковица – речка Ночная Маткова – волок – речка Полднёвая Маткова – озеро Сондугское – река Кулой. Нужно отметить также, что недалеко от волока, в истоках Кулоя располагается небольшое гнездо деревень под общим названием Борок с Ильинским погостом. Из документов конца XV века известно, что весь Кулой от истока до устья (включая Борок) принадлежал князю Ивану Владимировичу Ростовскому, что подтверждает древнерусское участие в освоении этого ВВП.

В связи с ВВП с Вожбала на Кулой нельзя не отметить и ещё один путь с реки Царевы на запад, в бассейн Кубены. Вторая составляющая Царевы – река Тафта в верховьях, как и в случае Вожбал-Вожбалец, тоже имеет особое название своего верхнего течения – Тафтица (т.е. «малая Тафта»). Водораздел между Тафтицей и Нишмой, правым притоком Шиченьги (далее – реки Сямжена и Кубена) уже к XVI веку был довольно плотно заселён, а одна из деревень носила необычное название Ездунья или Ездуха (последний вариант – из переписной книги Сянжемской волости 1670 года). Ездунья стоит на высоком холме, с вершины которого были видны истоки ручья Вахрунинского, левого притока Нишмы и Тафтицы, между которыми и находился перетаск. Топоним Ездунья редкий, ничего подобного

больше на Русском Севере не встречается. Он связан со словом «езда» в значении «перевозка людей и грузов» и отмечает собой место сухопутного волока. Вероятно, жители этой деревни подрабатывали тем, что помогали проезжавшим по ВВП с помощью ручной или конной тяги. Любопытно, что в 1532 году казанские татары (вместе с отрядами ногайцев и черемисов) направились на север от города Солигалича и прошлись по беззащитным деревням Толшменской и Тиксненской волостей: «в полон взяли и изсекли полсемы тысящи христиан». Более того, чувствуя безнаказанность, они проникли дальше на реку Тафту, а через верховья этой реки – в Сянжемскую волость, где разорили Спасо-Евфимьев монастырь. Татары в XVI веке как раз и использовали трассу старинного ВВП.

2. ВВП с Еденьги на Кулой. Гнездо деревень под общим названием Мосеево находится на севере Тотемского района, как раз на водораздельном пространстве бассейнов Сухоны и Ваги. Большинство тотемских волостей располагаются по берегам рек, и только Мосеево занимает необычное положение на водоразделе. Видимо, это чем-то было обусловлено. В старину мосеевские деревни входили в состав волости Кулой – по названию реки, текущей севернее Мосеева в 6 километрах. Всё пространство между Мосеевым и Кулоем занимает болото Большое, по которому течёт речка Кигреш (Тигреш), правый приток Кулоя. Кигреш начинается в озере Запольное, от которого до реки Еденьги, левого притока Сухоны, всего 3 км. Именно на этом участке водораздела и протекает небольшой ручей с характерным названием Волочёк (левый приток Еденьги). Более того, вплоть до недавних пор на месте древнего волока по болоту существовала дорога-зимник, по которой вывозили заготовленный лес. Весь ВВП включал в себя следующие объекты: река Еденьга – ручей Волочёк – волок – озеро Запольное – речка Кигреш – река Кулой.

3. ВВП С Пельшмы на Уфтюгу. Пельшма – довольно крупный левый приток Сухоны на востоке Тотемского района. Она упоминается даже в «Книге Большому Чертежу» в следующих строках: «В реку в Сухону ниже Тотьмы 30 вёрст пала речка Пельшма, протоку 40 вёрст». Загадкой является тот факт, что другие притоки Сухоны, размерами значительно больше Пельшмы, в этом источнике не фигурируют. В наши дни на реке не осталось ни одной жилой деревни, хотя в начале XX века на её берегах стояли деревни Верхняя Пельшма и Нижняя Пельшма. Возникли эти деревни во второй половине XVIII века на пустующих землях. Однако в старину река Пельшма была густо заселена: на карте Московии Г. Делиля 1709 года, в основу которой был положен русский чертёж начала XVI века, река Polsma резко выделяется среди иных притоков Сухоны тем, что только на ней отмечено несколько деревень. Такое пристальное внимание к Пельшме в старину объясняется её важной ролью в составе ВВП из бассейна Сухоны в бассейн Ваги. От верховья Пельшмы лодки и грузы перетаскивали на реку Лохту, правый приток Уфтюги, а далее плыли по Кокшеньге в Устью и Вагу. Уже в XVII веке данный маршрут утратил актуальность, и старинные деревни по берегам Пельшмы запустели. Топоним Лохта, вероятно, связан с древним финно-угорским «волоковым» термином **ohta* (из более ранней формы **Лоохта*), хотя, имеется и другое толкование названия этой реки: ср. русское диалектное *лохта* – «залив в реке или озере», а также – «сырой покос на берегу реки или озера», которое, в свою очередь, связано с финским *luhta* – «заливной луг» или с саамским *lūht* – «залив, заводь». Но важнейшим топонимическим индикатором данного ВВП является название Лохотская Речка – левый приток Пельшмы, как раз ведущий к волоку на Лохту. Таким образом, ВВП включал в себя следующие объекты: река Пельшма – речка Лохотская Речка – волок – река Лохта – река Уфтюга (тоже в переводе «Волоковая река», см. ниже пункт 4) – река Кокшеньга – река Устья.

4. ВВП с Уфтюги на Лойгу. Неподалёку от Уфтюги, левого притока Кокшеньги (см. выше пункт 3) есть ещё одна река Уфтюга, левый приток Сухоны (в Нюксенском районе). В старинных документах топоним Уфтюга фиксировался как Ухтюга, что подтверждает его связь с древним «волоковым» термином **ohta*. В верховьях Уфтюга сближается на расстояние всего в 1 км с речкой Боровая, правым притоком Лойги, которая впадает в Кизиму, а та в большую реку Устью, правый приток Ваги. В наши дни через волок с Уфтюги на Боровую проходит Северная железная дорога, и именно на нём стоит станция Уфтюга. Волок очень короткий и удобный. Косвенным подтверждением того, что этим ВВП пользовались в древности, служит необычный факт. Летом 1908 года крестьянин В.С. Буторин из деревни Алферовская, что стоит на берегу реки Устья близ впадения в неё Кизимы, нашёл необычный клад. Он состоял из маленьких карманных весов, четырёх разновесок, двух кусков воска, железного наконечника копья, одиннадцати ножевых клинков и точильного бруска. Вещи эти явно принадлежали какому-то мелкому торговцу, выходцу из Волжской Булгарии – государства в среднем течении Волги (это предположение высказал краевед М.Б. Едемский, опубликовавший артефакты клада, но возможны и другие версии). Купец, видимо, скупал пушнину у местного финно-угорского населения и собирался вернуться на Север за новой партией, а своё немудрёное богатство припрятал. Единственным путём, по которому он мог попасть с Сухоны на Устью, был водно-волоковой, с Уфтюги на Лойгу. Клад в настоящее время хранится в фондах Тотемского музейного объединения. Объекты ВВП: река Уфтюга – волок – река Боровая – река Лойга – река Кизима – река Устья.

5. ВВП с Сулонги на Мехреньгу. Сулонга – река на северо-востоке Тарногского района, правый приток Уфтюги (см. выше, пункт 4), а Мехреньга – река на юго-востоке Устьянского района, левый

приток Устьи. На водоразделе между ними протекает речка с интересным названием Которость (правый приток Мехреньги). Она берёт начало в болоте Которском, через которое, возможно, в старину проходил сухопутный волок на речку с не менее интересным и редким названием Серебряная (левый приток Сулонги). По мнению топонимиста А.К. Матвеева, название Которость могло быть перенесено в бассейн Устьи с территории Ростово-Суздальского княжества, где имеется река Которосль – правый приток Волги близ Ярославля. Эта ярославская Которость начинается от слияния рек Вёкса и Устье (Устья). Последний топоним аналогичен названию реки Устья, самого большого притока Ваги. Названия могли перенести на Север переселенцы из Ростово-Суздальского княжества. В подтверждение своей гипотезы учёный А.К. Матвеев приводит целый комплекс заимствований и топонимических параллелей, сближающих Волго-Окское междуречье с бассейном северной реки Устья. Это гидронимы Кубол (с притоком Каменным), Сюньгирь, Которость, а также Ростовская волость, одна из старинных Устьянских волостей на Русском Севере [МО: 173]. Таким образом, «Волоковая река» Уфтюга имела в своих верховьях два ВВП: один с явно финно-угорскими истоками (см. выше, пункт 4), а другой – с древнерусскими. Объекты последнего ВВП: река Уфтюга – река Сулонга – река Серебряная – волок – река Которость – река Мехреньга – река Устья.

6. Наконец, нужно отметить и сам топоним Устья, который уже неоднократно упоминался выше. В старинных источниках этот гидроним нередко записывался как Усья [АХУ 3: 685], хотя и форма Устья в XVII веке была обычна. Топоним пытались толковать от вогульского (мансийского) слову *ушья* – «лесная река». Однако если мансийское *ja* действительно означает «река», то «лес» на языке манси не *уш*, а *вор*. Более того, схожие названия рек *Уса* (приток Печоры в республике Коми) и *Усья* (приток Чусовой на Урале), а также *Усва* и *Оус* в Зауралье не находят мансийских параллелей в своих основах. Последние гидронимы сопоставляли с хантыйским *ŏwəs* – «нижний». Кроме того, никаких свидетельств проживания предков современных манси (*вогулов*) или ханты (*остяков*) в древности в бассейне Устьи просто не существует. Эти народы жили в древности в Предуралье.

Гипотезу А.К. Матвеева о переносе топонима Устья из Ростово-Суздальского княжества на север можно расширить за счёт предположения, что первоначально река Устья называлась **Ухтоя* или **Ухтюга*, а уже после того, как русские заимствовали этот гидроним в свой язык, они «подправили» данное финно-угорское название, «уравняв» его с именем реки *Устья* из родных ростовских мест. Финно-угорский гидроним *Ухтюга* (> *Уфтюга*) встречается на Русском Севере до десятка раз. Так называются крупные притоки Северной Двины, Сухоны, Кубенского озера и др. Река Устья в самом деле через свои притоки способна была выводить древних финно-угорских охотников, рыбаков и торговцев в бассейны Сухоны и Северной Двины кратчайшими путями. Любопытно также, что один из небольших притоков Устьи называется Уфтюга. Таким образом, название главной реки русскими людьми было не забыто, а просто перенесено на один из её притоков. Подобные случаи переноса известны в топонимии иных регионов России. В поддержку этой версии можно привести такой факт: в описании Вологодской губернии И. Пушкарёва, изданном в 1846 году, названия двух рек Уфтюга (одна впадает в Кубенское озеро, другая – левый приток Кокшеньги) даются в форме Устюга, что близко и к основе гидронима Устья. Один из возможных ВВП с верховьев Устьи вёл на реку Верхняя Ёрга (в Великоустюгском районе), левый приток Сухоны. Косвенным подтверждением этого пути являются названия деревень Починок Абрамовский и Илатовская на Верхней Ёрге. Фамилии Абрамов и Илатовский характерны для жителей деревень по реке Устье; на Ёргу они могли попасть, только используя ВВП между этими реками в старину.

Таким образом, данные топонимики убедительно свидетельствуют в пользу существования на водоразделе сухонского и важского бассейнов целой системы ВВП. К сожалению, до сих пор, ни на одном ВВП и ни на одном сухопутном волоке не были проведены археологические разведки или раскопки. Думается, земля хранит там немало интересных артефактов, подтверждением чему является находка клада в деревне Алферовская.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АХУ – Акты Холмогорской и Устюжской епархий. – Части 1; 2, 3. // Русская историческая библиотека. – Тома XII, XIV, XXV. – СПб., 1890; 1894, 1908.

МО – Матвеев А.К. Ономатология. – М.: Наука, 2006.

МСДЯ – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – В 3 томах. – СПб., 1893, 1902, 1912.

ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания. – В 3 выпусках. – М.: Наука, 1974; 1975; 1976.

СВГ – Словарь вологодских говоров. – Вып. 1-12. – Вологда, 1983 – 2006.

СГВО – Кузнецов А.В. Словарь гидронимов Вологодской области. – Тотьма-Грязовец, 2010.

Кузнецова С. В. (Тотьма)

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА ТОТЕМСКОГО РАЙОНА В XX – НАЧ. XXI ВВ. ТОТЕМСКИЙ ЛЕСХОЗ.

Развитие и становление Тотемского района тесно связано с предприятиями лесной отрасли, которые оставили яркий след в истории края в XX веке. Советская система новых лесных отношений строилась сложно, зачастую имея неоднозначные последствия.

Первые обследования лесов Тотемского уезда по отдельным дачам проводились в 1894 году и частично в 1915 году, но, к сожалению, планов и таксационных материалов того времени не сохранилось. С начала советского времени на территории уезда отпуском леса занимался уездный инспектор. Известно, что в 1923 году таковым являлся товарищ Шорохов.[298]

К 40-ым г. XX века всё лесное хозяйство Вологодской области было разделено на три части. Основная часть лесов находилась в ведении леспромхозов Наркомлеса СССР, остальные площади вологодского леса принадлежали лесхозам Вологодского территориального управления лесоохраны и лесонасаждений и Вологодскому областному управлению лесами местного значения. Значительная площадь лесов находилась в безвозмездном пользовании колхозов.

С целью объединения лесного фонда и упорядочения его эксплуатации 4 апреля 1947 года было организовано союзно-республиканское Министерство лесного хозяйства СССР. В этом же году на территории Вологодской области на базе лесов, находившихся в ведении леспромхозов и райлесхозов, образуются лесхозы. Так в соответствии с приказом Управления лесного хозяйства за № 159 от 31 октября 1947 года на территории Тотемского района Вологодской области создаётся Тотемский лесхоз.[299] На тот период времени в лесной фонд Тотемского лесхоза вошли леса Тотемского и Михайловского леспромхозов и Тотемского лесного техникума. Общая площадь лесов составила 586,1 тыс. га. Из 36 сформированных на тот момент лесхозов Министерства лесного хозяйства СССР по Вологодской области, Тотемский лесхоз находился на первом месте по занимаемой площади. Основными задачами предприятия являлись:

- организация и ведение лесного хозяйства,
- охрана и защита лесов государственного значения, их восстановление на вырубленных площадях,
- улучшение качественного состава лесов в административных границах Тотемского района.

Серьёзная ответственность возлагалась на вновь назначенного директора предприятия Двойнишникова Николая Ивановича.

Николай Иванович родился в 1911 году в деревне Выдрино Пятовского сельсовета в крестьянской семье. В 1932 году закончил Тотемский лесной техникум и был направлен на работу на Урал. Он был участником Великой Отечественной войны, охранял рубежи страны в Заполярье. Известно, что он долгие годы был Тотемским членом-корреспондентом фенологической группы Географического общества СССР.[300]

Для выполнения лесохозяйственных работ и осуществления хозяйственной деятельности вся территория лесхоза была разделена на 10 лесничеств, которые, в свою очередь, подразделялись на 24 объезда и 90 обходов. [301]

Наименование лесничества	Местонахождение конторы лесничества
Заозерское	**д. Данилов Починок**
Матвеевское	**д. Федотово**
Камчугское	**пос. Камчуга**
Михайловское	**пос. Михайловка**
Вожбальское	**пос. Крутая Осыпь**
Тотемское	**г. Тотьма**
Погореловское	**д. Горбенцево**
Калининское	**д. Конюховская**
Маныловское	**с. Красное**
Усть-Печенгское	**пос. Чуриловка**

[298] ГАВО.Ф.1455.Оп.1.Д.41.Л.16.
[299] ТМО. НА. 870. С. 2.
[300] ТМО. АПИ. Д.516.Л.4-5.
[301] Юричев Е.Н. Очерки истории лесного хозяйства Вологодской области. Вологда, 2009 г. с. 127-128

Значимость и ответственность создаваемого предприятия определила штат работников Тотемского лесхоза, в который вошли 10 лесничих, 10 помощников, 24 объездчика, 90 лесников, специалисты управления лесхоза 12 человек, 10 бухгалтеров; всего 156 человек.

Тотемский лесхоз создавался в тяжёлые послевоенные годы. Предприятие начинало свою работу в условиях полного отсутствия финансирования, недостатка производственных и жилых помещений, средств связи, транспорта, бездорожья. Тотемский и Михайловский леспромхозы пожертвовали лесхозу 4 лошади. Но, не смотря ни на что, коллектив лесхоза скрупулёзно обустраивал производство и налаживал учёт лесного фонда, грамотный отвод лесосек, контроль над лесопользованием и др.

Первоначально контора Тотемского лесхоза располагалась в деревянном здании по ул. Кирова, 43 (в наст. время жилой дом). На селе лесничества располагались в крестьянских домах, арендованных у местных жителей. Николай Иванович позднее вспоминал, что работать было очень сложно, в большинстве лесничеств должности лесничего исполняли объездчики, имеющие общее образование 2-3 класса. В обязанности лесничих входили подготовка площадей под рубки, закладка питомников, заготовка хвойных семян, содействие естественному возобновлению лесов (рыхление почвы), уход за противопожарными просеками, придорожными полосами и др. Основным орудием труда в тот период времени была только обыкновенная мотыга. [302]

Уже в 1948 году Тотемский лесхоз заготовил 50 кгсемян сосны. Собранные шишки лесничие сушили на русских печах, затем выколачивали из них семена вручную, перетирали, освобождая семена от крылаток, и продували от мусора. Первые механизированные работы в лесхозе по лесовосстановлению начали проводиться путём аэросева весной 1951 году, в большинстве своём, на подготовленной почве в местах концентрированной вырубки.

За период существования Тотемский лесхоз неоднократно реорганизовывали. В январе 1948 года предприятие было разделено на два лесхоза Тотемский и Толшменский (рук. Анатолий Васильевич Клеопатров). С сентября 1954 года по приказу начальника Вологодского областного управления сельского хозяйства предприятия вновь стали функционировать как единый Тотемский лесхоз. [303]

В 1959 году при очередном слиянии лесного хозяйства и лесной промышленности СССР все леса Вологодской области передаются в ведение леспромхозов, с целью расширения возможностей использования различных механизированных машин на лесовосстановительных работах.[304]

С 1960 года, на протяжении 5 лет, Тотемский лесхоз входил в состав Тотемского леспромхоза на правах отдела лесного хозяйства с сохранением лесничеств и службы государственной лесной охраны. В этот период времени успешному выполнению многих лесовосстановительных и лесозащитных мероприятий способствовала серьёзная материальная база Тотемского леспромхоза. Именно тогда впервые стали применять механизмы с использованием прицепных орудий (гусеничных борон), пилы «Дружба» и др. В период проведения посева леса и содействия естественному возобновлению лесных культур лесопункты выделяли от 30 до 75 рабочих в день, что обеспечивало проведение лесокультурных работ в сжатые сроки. Всё большую популярность приобретают питомники, в которых размножали и выращивали хвойные породы деревьев. Значительно выросли и объёмы заготовок семян хвойных пород деревьев, где помимо специалистов лесной охраны и рабочих лесопунктов, активно участвовали школьники и местное население. К примеру, в 1960 году было заготовлено 856 килограммов семян, в 1961 году – 1500 килограммов семян.[305] Заготовка семян специалистами лесного хозяйства проводилась уже в специальных шишкосушильниках, хотя в некоторых лесничествах продолжал сохраняться кустарный способ – сушка на русских печах, что сильно ухудшало качество будущего посадочного материала.

В пожароопасный период предприятиеморганизовывались регулярные авиапатрулирования. С аэродрома в Тотьме пожарный самолёт делал не менее двух вылетов по маршрутам над лесами Тотемского леспромхоза. Сроком на три месяца дополнительно нанимались дежурные сторожа. При тушении пожаров активно использовалась техника предприятия. Кроме того, специалисты лесного дела проводили большую профилактическую работу с местным населением: беседы, лекции, статьи в местной газете, выступления на радио. В лесах повсеместно развешивались противопожарные аншлаги, устраиваются места для отдыха и курения. Во всех населённых пунктах района организуются добровольные пожарные группы.

В 1960 году в Тотемском лесхозе числился следующий штат работников: директор – 1, главный лесничий - 1, инженер лесного хозяйства - 1, инженер охраны и защиты леса – 1, лесопатолог – 1, лесничий – 10, помощник лесничего – 9, техник – 15, лесник – 82, конюх – 4, бухгалтер – 1, машинистка – 1. Всего 127 человек. [306]

---

[302]ТМО. АПИ. Д.516.Л.13.
[303]АО ТМР. Ф. 37. Л. 1
[304]Юричев Е.Н. Очерки истории лесного хозяйства Вологодской области. Вологда, 2009 г. С. 136
[305]АО ТМР. Ф. 37. Л. 9-10
[306] ТМО. НА. 870. С. 29.

В первые годы существования Тотемский лесхоз взрастил немало профессиональных кадров. Это Александр Иванович Мишуринский (главный лесничий лесхоза с 1954 по 1968 год), Михаил Павлович Протопопов и Павел Васильевич Капустин (Калининское лесничество), Алексей Иванович Брагин и Сергей Алексеевич Абанин (Тотемское лесничество), А. П. Дуров (Заозерское лесничество), Р. Н. Михеева (Погореловское лесничество), С. М. Нечай (Михайловское лесничество), А. Н. Трофимов (инженер охраны и защиты леса) и мн. др.

Пятилетнее сосуществование двух «лесных» ведомств (лесного хозяйства и лесной промышленности) оставило разные суждения в кругах специалистов лесного хозяйства. С одной стороны значительно улучшилась материально-техническая база и усовершенствовались условия работы, с другой - лесозаготовительное ведомство, получив право «хозяйничать» в лесах, осваивало лесной фонд нерационально, зачастую с грубыми нарушениями.

В декабре 1965 года Тотемский лесхоз был выделен из состава Тотемского леспромхоза и вновь обрел самостоятельность. Процесс реорганизации двух ведомств позволил повысить материально-техническую базу лесхоза. В 1966 году из транспортных средств в лесхоз поступают: машина ЗИЛ-151, два мотоцикла ИЖ, трелёвочные трактора, а также бензопилы «Дружба», передвижные шишкосушилки, пожарно-наблюдательные вышки, сеялки и др.

В 1968 году решением Собрания уполномоченных колхозов и совхозов в районе наряду с Тотемским лесхозом для удовлетворения нужд населения и сельских товаропроизводителей в древесине был образован Тотемский межхозяйственный лесхоз (или сельлесхоз). Оба лесхоза работали параллельно друг с другом, оказывали взаимопомощь и содействие лесоустроительным организациям в проведении лесоустройства лесов, обменивались посадочными материалами.

Тотемский лесхоз в августе 1970 года согласно приказу Министерства лесного хозяйства РСФРС № 290 был переименован в Тотемский механизированный лесхоз.[307] Лесхозу приходилось организовывать отпуск леса семи крупным леспромхозам Вологодской области и многим другим производителям.

В 1970 году директором Тотемского механизированного лесхоза становится Николай Михайлович Романовский, который руководил предприятием в течение 19 лет. В период его руководства в состав лесхоза входило 10 лесничеств, работал цех деревообработки, большое внимание уделялось выращиванию посадочного материала для лесовосстановления, огромную помощь в уходе за сеянцами оказывали ученики школ Тотемского района. В 1974 году в состав Тотемского лесхоза влились еще два лесничества (Погореловское и Больше-Дворское). В этом же году к Тотемскому лесхозу был присоединён учебно-опытный участок, ликвидированного Тотемского лесного техникума.

С 1981 года под руководством Николая Михайловича на предприятии началось интенсивное промышленное строительство, увеличивалисьобъёмы заготовок, росли производственные мощности. На предприятии трудилось не менее ста человек. В лесхозе производили пиломатериалы для завода «Дормаш», клепку для «Мясомолмаша», тарную дощечку для ГПЗ, брусковые, берёзовые заготовки, изготовлялись веники и лопаты, заготовлялись ягоды, грибы.

Значительный подъём лесохозяйственного производства был обусловлен в первую очередь стремлением руководства к получению дополнительных финансовых средств для реализации основных задач, поставленных перед предприятием. К основным мероприятиям относились отвод в рубку лесосечного фонда, лесные культуры, меры содействия естественному лесовозобновлению, рубки ухода, охрана лесов от пожаров и лесоосушительная мелиорация.

В течение 10 лет с 1989 года предприятием руководил Дмитрий Александрович Рябев. С декабря 1998 года лесхоз возглавил Александр Михайлович Скрябин, работающий в данной отрасли с 1986 года - знающий специалист, умелый организатор, принципиальный и требовательный руководитель. По его инициативе и под его непосредственным руководством в лесхозе внедрили постепенные рубки леса, а также рубки реконструкции лиственных насаждений. Александр Михайлович принимал активное участие в создании ландшафтных заказников на территории Тотемского района.

В декабре 2009 года путём слияния Государственного учреждения «Тотемский лесхоз» и Тотемского сельского лесхоза было образовано новое предприятие Государственное учреждение Вологодской области «Тотемский лесхоз». Возглавил предприятие Вадим Валентинович Черноусов, человек с большим опытом работы в лесной отрасли.

В августе 2015 года Тотемский лесхоз возглавляет Алексей Анатольевич. Капустин. В настоящее время предприятие включает в себя участок по переработке древесины, семь лесохозяйственных участков, современную пожарно-химическую станцию. На предприятии трудится более 120 человек. Для повышения качества работ по отводу и таксации лесосек лесохозяйственные участки укомплектованы GPS-навигаторами и ноутбуками.

[307]Из воспоминаний Синицыной Н.П., 1940г.р., бухгалтера Тотемского лесхоза с 1984 по 1998гг.

В 2017 году Государственное учреждение Вологодской области «Тотемский лесхоз» отметит свой 70-й день рождения. История с благодарностью обязывает нас вспоминать имена лесоводов Тотемского края и их вклад в историю лесного хозяйства. Хочется верить, что благое дело, начатое тотемскими лесоводами в конце XIX века, с годами будет только преумножаться.

Поршунова Л.С. (Ханты-Мансийск), Кузыбаева М.П. (Москва)

НОВОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ И МУЗЕЙ. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА «МЫС СВЯЩЕННОЙ СОБАКИ» г. ХАНТЫ-МАНСИЙСК

Когда в детстве нам читают русские народные сказки и предания, то на всю жизнь вместе с образом матери или бабушки в сердце живет образ конька-Горбунка, златовласого коня богатыря Ильи Муромца, спутника князя Олега – его коня, от которого он принял свою смерть. В настоящее время определение «конь» перенесено на коня железного, т.е. на автомобиль, без которого мы не представляем своей жизни. Однако тяга к прекрасному животному, общение с ним и использование в повседневной деятельности ещё сохранились в некоторых регионах Российской Федерации.

Не менее значимы для отдельных народностей Русского Севера ездовые собаки, спутники и охранители людей в суровых условиях их проживания. На планете Земля существует много мест, в которых на человека сильно воздействует окружающая природа. Этим местам присуща особая энергетика. Питлорские юрты в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого Автономного Округа (ЯНАО) - такой заповедный уголок. Там много священных мест, на которых проводятся обряды и жертвоприношения, а сакральные знания передаются жителями из поколения в поколение в сказаниях и легендах. Именно там летом 2012 года удалось побывать и собрать материалы для пополнения фондов музея и будущей выставки членам экспедиции Научно-исследовательского проекта «Этнографика» - «Этнографика 9: Земля Упавшего с неба». Много интересного встретилось творческой группе в окрестностях села Питлор, где по преданиям северян находится «Мыс священной собаки». Именно сюда коренное население отправляло искупительные жертвы за случайно убитых собак, так как это животное почиталось как особенное, святое.

В экспедиции 2012 г. в селение Ханты-Питлор и окрестности участвовали различные специалисты: этнографы Л.А. Просяник и Л.С. Поршунова, студенты-дизайнеры Алена Абитова и Таня Блязикова, аспирант-антрополог Марина Байдуж, скульптор, уроженец этих мест, Г.Е. Хартаганов. Результатом путешествия стало множество эскизов, фотографий, записей легенд и рассказов.

В фонды музея семья Хартагановых передала уникальные родовые вещи – детскую дневную колыбель, деревянное весло с тамгой для управления лодкой-калданкой, и другие раритеты. Собранные материалы и впечатления гармонично выстроились в выставочный проект, объединивший музейные коллекции, графические работы и творчество коренных народов Югры и Ямала. Литературную канву проекта, получившего название «Мыс Священной Собаки» составили произведения местного жителя, писателя Романа Ругина[308]. За легкий слог, красоту образов, сказочность и трогательность персонажей, созданных в его работах, Романа Прокопьевича называют «Пушкиным» обских угров[309].

Краткое описание проекта, данное выше, позволяет отнести его к удачным работам творческих коллективов по направлению «новое краеведение», провозглашенному недавно Российским Фондом культуры (РФК) как путь на обновление и реэкспозицию краеведческих региональных музеев. Принципиальное отличие от рекомендательных установок РФК заключается, на наш взгляд, в том, что «Мыс Священной Собаки» является инициативой самих музейных сотрудников и построен на основе трансдисциплинарного подхода, что ещё очень редко в современной музейной практике. Не случайно, что представление проекта в Москве вызвало большой интерес публики и специалистов. А результатом экспонирования стал Специальный приз жюри фестиваля «Интермузей-2015» «За яркую и бережную интерпретацию самобытной культуры народа ханты». Перед зрителем воссоздана картина жизни целого народа, его прошлое, история развития промыслов и ремесел, современные национальные типажи в монументальных и трогательных одновременно образах А. Мако, рожденных впечатлениями от поездки и общения с носителями древней культуры.

Жителям Тотьмы и другим участникам конференции было бы полезно познакомиться с выставкой из г. Ханты-Мансийска в связи с местными событиями: состоявшимися недавно соревнованиям по зимним видам ездового спорта «Русский Север-2017», постоянным местом прописки

[308] Ругин Р.П. Легенды и мифы народа ханты. Средне – Уральское книж. изд-во, 2003. Их приворожил Север. Ругин Р.П., сост. Средне - Уральское книж. изд-во,2000.
[309] Бард снежной державы. Страницы жизни и творчества Романа Ругина. Екатеринбург, 2000.

которых планируется сделать столицу барочных картушей. Выставка «Мыс Священной Собаки» адресована широкому кругу посетителей. Она будет интересна как детям, так и взрослым. К ней специалистами специально разработана детская Программа. На интерактивных площадках можно поиграть, узнать научные биологические факты о псовых, попробовать себя в театральных зарисовках по произведениям Романа Ругина и получить подарки от Музея Природы и Человека. Местное сообщество получает возможность общения на пространстве проекта заводчиков собак северных пород и спортсменов, занимающихся ездовым спортом.

Таким образом, публика сможет составить достоверное мнение о значении псовых в жизни коренного населения Севера, погрузиться в чудесный мир сказок и преданий народа Ханты, сопоставить культуру немногочисленного этноса со своей, выявить общее и отличающее их друг от друга, благодаря новому подходу авторов выставки к репрезентации регионального наследия. Проект несет в себе большой потенциал для дальнейшего развития и совершенствования. Продолжением работы авторов над ним может стать локальная история этого региона РФ на рубеже XX –XXI вв., а затем выстраивание постоянной экспозиции по хронологическому принципу.

Выставочный проект «Мыс Священной Собаки» является успешным стартом в актуализации местного исторического и культурного наследия. Он способствует сохранению коллективной памяти, привлекает новые аудитории, консолидирует наше общество, обеспечивает его устойчивое развитие, популяризирует научные знания, обращает внимание людей, лишенных в силу объективных причин нравственных ориентиров, на вечные человеческие ценности, что делает его прорывным проектом музея будущего. Расширяется география представления проекта «Мыс Священной Собаки». Он побывал в городах: Ханты-Мансийск, Москва, Симферополь, Мегион, Покачи. Впереди новые горизонты межмузейного сотрудничества и показа его в городах постсоветского пространства и за рубежом. Готовится альбом о работе над проектом и публикация предметов, вошедших в состав выставки, а их используется около 100 единиц хранения (ед.хр.) фонда этнографии, 7 ед. хр. биологической коллекции, 20 листов графики (тушь по кальке, резная калька) из экспериментального фонда. На месте экспонирования авторы всегда предоставляют возможность подключить в экспозицию местные коллекции, следуя тезису "Культура - без границ". Например, в Крыму была использована местная таксидермия (лиса, чайки, ворон), платки (ведь ханты с удовольствием носили покупные на ярмарках яркие платки и шали).

Постулаты «нового краеведения», которое не является новым термином, а скорее обозначает попытку поиска новых смыслов, новых способов разговора, нового языка в музейной работе стали характерной особенностью в деятельности Музея Природы и Человека, что ярко продемонстрировал проект «Мыс Священной Собаки». В профессиональном сообществе работников культурной сферы, среди архивистов, библиотекарей и музейщиков словосочетание «новое краеведение», мало используется. Не приходится пока говорить о новокраеведческих методологических принципах – философии места, локальной истории, рассказанной в масштабе человека современным, актуальным языком, понятным для зрителя, достоверности фактов и сюжетов, как теоретическому фундаменту в повседневной работе. Выразительный язык «нового краеведения» предполагает в первую очередь внимание к человеческому масштабу, к индивидуальности личности, к людям, которые живут на какой-либо территории. Разговаривать с публикой об истории, культурном наследии этноса через конкретные человеческие судьбы, образные художественные обобщения совсем не просто. В настоящее время весь мир живёт в необычной ситуации, когда интеллект, разнообразие интересов и разнообразие возможностей стали гораздо более востребованы, чем десять лет назад. Люди могут ходить в музеи, читать в Интернете, происходят стремительные перемены, что в целом отличает общество информационных технологий XXI столетия и побуждает бесконечное обновление горизонта исторических и краеведческих знаний, методов.

Народ Ханты смог сохранить до XXI века своё редкостное отношение к собакам, использование их в практической деятельности, которая породила новую форму взаимоотношений Человека и Животного – спорт, ездовые виды состязаний и они распространились далеко за пределами своей прародины - ЯНАО! Среди зимних видов спорта – гонки на собаках одни из самых популярных. Они привлекают немало зрителей, позволяют на себе испробовать пользу канистерапии. Мобильность проекта «Мыс Священной Собаки» открывает возможность введения в его контекст новых компонентов и предметов о современном дне и торжественном шествии по миру собачьей упряжки и её погонщика Человека, связывая прошлое и современность, старинные предания и рассказы о последних гонках и их участниках, которые постепенно превращаются в мифы.

К сожалению, для Европейского Русского Севера, в том числе и Вологодской области, веками живущее рядом с человеком животное – конь – остался лишь героем преданий и сказок. Практически полностью он исчез из повседневной жизни, за редким исключением. А ведь ещё в середине прошлого века родились чудесные строки у нашего соотечественника, воспитывавшегося в детском доме села Никольское, что на Вологодчине:

Зачем ты держишь кнут в ладони?
Легко в упряжке скачут кони,
И по дорогам меж полей,
Как стаи белых голубей,
Взлетает снег из-под саней…

Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они - и где-то у осин
Подхватит это медленное ржанье,
И надо мной -
бессмертных звёзд Руси,
Высоких звезд покойное мерцанье...

Воспрянув духом, выбегу на холм
И все увижу в самом лучшем свете.
Деревья, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг — везде о них тоскую.
И, разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверное, другую…

Звени, звени легонечко,
Мой колокол, трезвонь,
Шагай, шагай тихонечко,
Мой добрый старый конь!

Для Николая Михайловича Рубцова лошади в его деревенском детстве были самым обычным явлением, которое отражено в творчестве поэта много раз. Когда в наши дни руководитель АНО «Бирюзовый дом» М.Н. Кошелева инициировала территориальный проект «Долина детства», нацеленный на восстановление и сохранения облика рубцовских мест вокруг Николы и развитие событийного и познавательного туризма в этих местах, то с конями их привозом и организацией содержания возникли непреодолимые пока трудности и препоны. И как результат - какая же «Долина детства» без лошадей!

Приостановилась реализация очень важного и нужного начинания для поселений района р. Толшма – прочтение локальной истории с опорой на принципы «нового краеведения». Возможно, что необходим совместный с Тотемским музейным объединением и библиотеками, с мемориальным Музеем Н.М. Рубцова в с. Никольское выставочный проект «Долина детства», который поможет осознать местному сообществу перспективу дальнейшего развития здешних мест, сохранения и воссоздания своего культурного наследия, его популяризации на всероссийском и мировом уровне? Работа над проектом в с. Никольское продолжается и очень надеемся, что она будет столь же успешной как «Мыс Священной Собаки», о котором ещё долго будут говорить и писать, как о проекте для Музея Будущего, яркой и своеобразной находке на музейном поприще дружного творческого коллектива из города Ханты-Мансийск.

Кулешова М.Е. (Москва)

МЕСТО КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ В ОХРАНЕ НАСЛЕДИЯ (на примерах Соловков и Кенозерья)

Мало кого удивит сегодня постулат, что любой памятник архитектуры, истории, археологии, равно как и их ансамбли, требует своего пространства, находится в ландшафте и нуждается в сохранении определённых параметров окружающей среды. Помимо эстетических, планировочных, функциональных мотиваций, традиционно используемых в градостроительной деятельности, существует долгая история охраны памятников и учреждения вокруг них зон охраны, в ряду которых принято выделять охранную зону, зону регулирования застройки и зону охраняемого природного ландшафта (последняя при ближайшем рассмотрении часто оказывается лесо-полевым культурным ландшафтом). Первые целенаправленные действия по сохранению российских культурных ландшафтов связаны с созданием института музеев-заповедников в 60-х годах XX века. Но тогда этот термин –

культурный ландшафт – не использовался, либо имел иное смысловое наполнение[310]. Исключительный интерес к этому понятию возникает начиная с 90-х годов, когда для обеспечения выполнения Конвенции ЮНЕСКО о Всемирном наследии разрабатываются руководящие методические документы и в 1992 г. вводится особая категория объектов всемирного наследия – культурные ландшафты[311]. В соответствии с конвенциональными соглашениями под культурными ландшафтами понимаются «совместные творения человека и природы. <…> Они иллюстрируют эволюцию человеческого сообщества и поселений во времени, происходившую под влиянием вынужденных обстоятельств и/или возможностей, заключающихся в окружающей природной среде, а также последующих социальных, экономических и культурных процессов, как внешних, так и внутренних»[312]. В том же 1992г. под руководством Ю.А. Веденина создаётся Российский НИИ культурного и природного наследия (Институт Наследия им. Д.С. Лихачёва), который плодотворно развивает концепт культурного ландшафта и устанавливает связи со многими музеями-заповедниками, историческими городами и национальными парками России[313]. СССР ратифицирует Конвенцию о Всемирном наследии в 1988г., первая «партия» российских объектов вносится в Список всемирного наследия в 1990г., вторая – в 1992г., в их числе – и историко-культурный комплекс Соловецких островов. Категория «культурный ландшафт» только что введена, и страны осмелятся применять её только через несколько лет. Следует обратить внимание, что, невзирая на природно-культурную сущность культурного ландшафта, зафиксированную в конвенциональном определении, он по формальным основаниям относится к объектам культурного наследия.

Среди российских учёных существуют различные трактовки культурного ландшафта. Мы понимаем под культурными ландшафтами природно-культурные территориальные комплексы, сформировавшиеся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности, компоненты и элементы которых находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности и образуют характерные пространственные сочетания. Данный концепт имеет свои особенности, в числе которых следует обозначить:

1. Культурный ландшафт – функционально-историческая целостность, а не только и не столько фон/вместилище отдельных памятников и ансамблей;

2. Культурный ландшафт не тождественен гармоничному/ ухоженному/ рациональному антропогенному ландшафту, последний является инвариантом первого; культурный ландшафт запечатлевает трагедии и катастрофы, пример тому – поля сражений;

3. Культурный ландшафт может быть, как антропогенным, так и природным по генезису, главное – он должен быть присвоен и освоен определённой культурой, например такие природные образования как горы, озёра, долины, если они имеют сакральный статус – «святой» - являются культурно-ландшафтными феноменами; или - территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера – типичные культурные ландшафты, а не «дикая» тундра;

4. Материальное и нематериальное наследие в культурном ландшафте образуют единое целое, поскольку многие ландшафтообразующие процессы детерминируются нравственными, религиозными, этическими представлениями, технологическими традициями, нормами обычного права;

5. Велико значение концепта наследия для культурного ландшафта, но не менее велико значение концепта культурного ландшафта для наследия; культурный ландшафт – «рамочная» методическая конструкция, в которой найдёт себе место любой элемент наследия.

В российском федеральном законодательстве культурный ландшафт упоминается трижды. Первый законодательный акт, в котором он был назван – Земельный кодекс РФ 2001г., в связи с выделением особо ценных земель в категории земель особо охраняемых территорий. Затем, в 2002г, он был назван в профильном законе о наследии - №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Это основной закон, регулирующий охрану культурных ландшафтов, когда они отнесены к достопримечательным местам. Наконец, в 2013г. были внесены дополнения в №33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», в ряду которых к числу оснований создания охраняемых природных территорий было отнесено наличие ценных культурных ландшафтов. Отметим, что не последним основанием к данному дополнению послужило многолетнее сотрудничество исследователей Российского НИИ культурного и природного наследия со многими

---

[310] Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. *Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой.* – М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с.; Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию (под ред. М.Е.Кулешовой). М.: ЭкоЦентр «Заповедники», 2013. – 220с.

[311] World Heritage Cultural Landscapes. A Handbook for Conservation and Management. World Heritage Paper №26. 2010. Электронный ресурс: режим доступа http://whc.unesco.org/en/series/26/ ; World Heritage Cultural Landscapes / Ed. by *Ana Luengo, Mechtild Rossler*. UNESCO. WHC. Ayuntamiento de Elche, Spain. – 2012. – 362p.

[312] Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. WHC. 15/01. Электронный ресурс: режим доступа http://whc.unesco.org/en/guidelines/.

[313] реформирован в 2013г. и утратил многие свои связи и функции

национальными парками России, и внедрению в практику их работы представления о культурном ландшафте как феномене наследия.

Среди культурных ландшафтов именно в качестве наследия существует большое типологическое разнообразие. Изучение состава Списка всемирного наследия показало, что наряду с официально значащимися в нём культурными ландшафтами существует обширная группа латентных – официально так не называемых, но по своим характерным признакам имеющих основания так называться[314]. Причём среди официально признанных культурных ландшафтов доминируют сельские – земледельческие, пасторальные, винодельческие, а среди латентных культурных ландшафтов преобладают городские и сакральные. В систематике культурных ландшафтов можно выделить следующие типологические подразделения:

- категории ЮНЕСКО – ландшафты рукотворные, эволюционирующие и ассоциативные
- культурный «водораздел» - ландшафты городские и сельские
- эволюционный «водораздел» - ландшафты исторические и археологические/ палеокультурные
- функциональная типология – ландшафты селитебные, сельскохозяйственные, индустриальные, промысловые, сакральные, дворцово-парковые, курортные, фортификационные, мемориальные, музейные и пр.
- типология по видам культурных практик – ландшафты винодельческие, польдерные, монастырские, крестьянские, усадебные, военно-исторические, заводские, литературные, этнокультурные (народная культура) и пр.

Среди 26 российских объектов Списка всемирного наследия есть только один «официальный» культурный ландшафт – российско-литовская «Куршская коса», демонстрирующая уникальные примеры защитного лесоразведения и традиционных рыболовецких поселений. Другой официальный номинант (за пределами списка из 26 объектов) – Херсонес Таврический, относящийся к ландшафтам археологическим, прекратившим своё эволюционное развитие и демонстрирующим следы ушедших цивилизаций. Последние несколько лет в качестве городского культурного ландшафта рассматривается Санкт-Петербург – он был номинирован во Всемирное наследие в числе первых, в 1990г., но только конфликты в его управлении и требования периодической инвентаризации качеств выдающейся универсальной ценности выявили необходимость применения ландшафтного подхода к данному объекту.

В качестве культурного ландшафта стали рассматривать и Соловки – благодаря последним миссиям ЮНЕСКО на архипелаг и под непосредственным влиянием научных исследований и аргументов, посвященных культурно-ландшафтной специфике Соловков[315]. Соловецкий архипелаг представляет собой типологически сложный ландшафтно-исторический палимпсест, в его основе – монастырское природопользование и пустынножительство, но, кроме того, здесь выдающуюся ценность представляют археологический и мемориальный, связанный с трагедией ГУЛАГа, «слои» ландшафта.

Процедура включения объектов в Список всемирного наследия предусматривает составление их предварительных перечней. Такой перечень от России включает пока единственный перспективный культурный ландшафт – «Заповеданное Кенозерье». Подготовкой его номинационного досье по заказу Кенозерского национального парка занимается творческий коллектив под руководством проф. Ю.А. Веденина.

Россия – страна с удивительным разнообразием культурных ландшафтов, как этническим, так и по типу культурных практик. Однако на мировом уровне она позиционирует, прежде всего, свою имперскость и державность – о том свидетельствует Список всемирного наследия, где от России в числе её культурных объектов превалируют столицы, кремли, дворцы и ставропигиальные монастыри. Сельская провинциальная Россия ещё ждёт своего открытия в системе мирового наследия. Кенозерье с его крестьянским патриархальным реликтовым ландшафтом – одно из таких открытий.

Во-первых, здесь представлены шедевры храмового деревянного зодчества Русского Севера (Порженский и Почозерский погосты, многочисленные часовни), здесь находится уникальное по численности и сохранности собрание храмовых и часовенных потолочных росписей-«небес». Во-вторых, территория Кенозерья - выдающийся по составу и сохранности архаичный крестьянский ландшафт, место бытования живой реликтовой крестьянской культуры с уникальными её элементами, не имеющими аналогов в других регионах. В третьих, это выдающийся пример традиционного землепользования и обустройства жизненного пространства крестьянских сообществ русского севера,

[314] Кулешова М.Е. Культурные ландшафты в списке объектов всемирного наследия // Известия РАН, серия географическая. №3. 2007. – с.7-17; Кулешова М.Е. Культурные ландшафты и перспективы расширения представительства России в Списке всемирного наследия // Известия Русского географического общества. т.144, №5. 2012. – с.71-80

[315] Кулешова М.Е. Монастырский ландшафт: пример острова Анзер, Соловецкий архипелаг. // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. с. 197-229

сохранившихся с XVI века и ставших уязвимыми под влиянием процессов депопуляции и урбанизации, а потому требующих признания и защиты. И, наконец, это один из ключевых реликтовых центров русского былинного творчества, обогативший всю мировую фольклористику, место сохраняющихся духовных практик и способов сакрализации пространства. Всё перечисленное позволяет номинировать Кенозерье по 4-м из 6-ти вариантных критериев ценности, применяемых для оценки претендентов к включению в Список всемирного наследия.

Своеобразие Кенозерья – в исключительно высокой сакрализации пространства, проявляемой в разных формах (реликтовая функция); в исключительной сохранности и своеобразии исторических деревянных сооружений - жилых, хозяйственных, молитвенных (исторические материал, технологии, функции); в бытовании живой культуры[316], обеспечивающей процессы поддержания традиционного облика ландшафта. Важнейшая черта – унаследованность системы расселения и структуры угодий подтверждается картографическими источниками XVIII-XIX вв.

Целостность культурного ландшафта Кенозерья определяется **сохранностью** и **полнотой представленности** его составляющих, а также исторической **преемственностью развития**. Площадь национального парка составляет 140 тыс. га, в границах которых выделяются три участка (Кенозерский, Лекшмозерский, Порженский), взаимосвязанных между собой **исторически, функционально, планировочно, геосистемно**. Здесь представлен весь набор элементов, которые иллюстрируют ход и результаты эволюции северорусского крестьянского ландшафта. Историческая система расселения с традиционными сельскохозяйственными, лесными и водными угодьями, коммуникациями, сакральными центрами и объектами сформировались в процессе многовекового освоения территории и на основе гармоничного взаимодействия человека и природы Кенозерья.

Аутентичность (подлинность) крестьянского культурного ландшафта Кенозерья подтверждается документами и материальными свидетельствами сохранности системы расселения начиная с XVI века, унаследованности планировочной структуры деревень и ландшафта, достоверностью архитектуры храмов и часовен, большинство из которых было построено в XVIII–XIX вв. и до настоящего времени сохранило свой исторический облик, сохранностью народных традиций домостроительства и природопользования, широким распространением сохранившихся со времён язычества традиций бережного отношения к священным рощам, сакральным деревьям и камням.

Условиям аутентичности соответствуют полностью или в достаточно высокой степени:

- система расселения, планировка и застройка деревень
- структура/мозаика/рисунок/характер использования угодий
- архитектурные формы и конструкции: храмы и часовни, домовладения с хозяйственными постройками
- традиционные техники в строительстве и ремесле
- святые рощи, кресты, кладбища, пути сообщения
- духовные практики

Рассматривая состояние сохранности необходимо отметить, что ключевые элементы культурного ландшафта взяты под охрану и контроль благодаря огромной работе, осуществляемой под руководством и по программам Кенозерского национального парка. Однако процесс запустения сельских угодий и дальних деревень пока не может быть остановлен в силу наблюдаемых социально-экономических стратегий и общих процессов глобализации. В значительной мере ценности традиционной культуры противостоят давлению частнособственнических интересов при низком культурном уровне новых обладателей недвижимости. Как было отмечено, состояние сохранности пространственной структуры ландшафта непосредственно коррелирует с подлинностью культурных ландшафтов Кенозерья. Мозаика ландшафта и основные типы угодий в целом сохраняют преемственность историческому природопользованию. Эта структурная устойчивость имеет природные предпосылки.

Несмотря на серьёзные риски и утраты, культурный ландшафт Кенозерья продолжает быть репрезентативным образцом патриархального уклада жизни и традиционной пространственной организации жилой крестьянской среды. Условия для его естественного воспроизводства весьма ограничены, однако, при грамотной стратегии управления, он может быть длительно сохраняем[317].

А теперь обратимся к Соловкам с их историко-архитектурным и природным музеем-заповедником 1967 г. создания, отнесённым к особо ценным объектам культурного наследия народов РФ в 1995 г., и ставропигиальным Спасо-Преображенским монастырём 1992 г. возобновления. В том же

[316] Ведерникова Н.М. Фольклор как способ отражения культурного ландшафта: по материалам экспедиционных выездов 2000-20002 гг. // Культурный ландшафт как объект наследия – М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – с.286-312; Мелютина М.Н., Теребихин Н.М. Сакральный ландшафт Кенозерья. Архангельск, 2013. – 203с.

[317] Кулешова М.Е. Культурный ландшафт Кенозерья как перспективный объект Всемирного наследия. Критерии выдающейся универсальной ценности // Кенозерские чтения-2013. «Культурные ландшафты: традиции для развития». – Архангельск, 2014. – С.68-74.

1992 г. Соловецкий историко-культурный комплекс с его 500-летней монастырской историей и выдающимися памятниками был включён в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Что такое Соловки для россиян? Выдающаяся святыня, связанная с историй монастыря, и место величайшей трагедии XX в., связанное с периодом сталинских репрессий. То, что это ещё уникальный археологический комплекс – люди знают меньше, но это подтверждено отечественными исследованиями и оценками международных экспертов. То, что Соловецкие острова – это и богатейшее природное достояние, воспринимается людьми на уровне эстетического чувства, никто не посмеет этого оспаривать, в то же время защита этого природного достояния остаётся уделом исключительно специалистов. То, что всё это находится и существует в определённом природно-культурном ландшафтном контексте и находится в системной взаимосвязи – воспринимается как само собой, а утраты этой целостности и аутентичности с трудом осознаются современным обществом.

Наши исследования культурных ландшафтов архипелага начались в середине 1990-х гг., они легли в основу оценки выдающейся универсальной ценности, предпринятой экспертами миссии Nordic Heritage Center в 1998 г.[318] и широко использовались миссиями ЮНЕСКО 2013 и 2015 гг., которые однозначно идентифицировали Соловки как культурный ландшафт. Соловки были номинированы в Список Всемирного наследия в 1992 г. по одному из 10 критериев, установленных ЮНЕСКО, это критерий iv, в соответствии с которым объект наследия должен представлять собой выдающееся сооружение, архитектурный ансамбль либо ландшафт, иллюстрирующий важные этапы истории. Однако к культурному ландшафту Соловецких островов может быть применен гораздо более широкий спектр критериев, нежели к культурно-историческому ансамблю. Это не значит, что надо срочно проводить реноминацию, но значит, что предмет охраны должен быть расширен, и подходы к юридической защите объекта и его управлению должны быть изменены.

Культурно-исторический ансамбль, значащийся в Списке объектов всемирного наследия, – неотъемлемая составляющая ландшафта, зависим от него и занимает в нём предопределенное природными условиями положение[319]. Архитектурные сооружения взаимодействуют с ландшафтом, подчеркивают его формы и пропорции. Окружающие луга, огороды, дороги, парковые посадки используют преимущества ландшафта, адаптированы к нему с помощью террасированных склонов, подпорных стенок, дренажных сетей. Уровень и конфигурация озёр изменились в результате целенаправленного перераспределения стока, поэтому многие водоемы не могут считаться уже исключительно природными образованиями. Межозёрные каналы, особенно транспортные, стали существенным пейзажным и функциональным элементом ландшафта. Мелиоративные сети изменили гидрорежим обширных территорий. Морские и межозерные дамбы адаптированы к рельефу морского дна. Всё это – выдающийся пример исторического традиционного монастырского землепользования. Расположенные на островах археологические памятники I–II тысячелетий до н.э. также неотъемлемая часть культурного ландшафта, уникальное собрание свидетельств исчезнувших культур Северной Евразии. По насыщенности и разнообразию форм археологических артефактов Соловки вряд ли могут сравниться с каким-либо иным районом Севера и представляют универсальную научную ценность. Согласно оценке ИКОМОС, Соловецкий комплекс – это «выдающийся памятник, представляющий собой апогей русской православной стойкости и мужества; выдающийся пример монастырского поселения в суровых условиях Северной Европы, являющийся прекрасным примером веры, целеустремленности и мужества религиозных общин позднего средневековья»[320]. А это означает, что нематериальное, духовное наследие Соловков также признано на международном уровне. На Соловках работали множество учёных и экспедиций, оставивших прекрасные научные и проектные разработки. На основании многолетних экспедиционных исследований Соловецкого отряда МАКЭ Института Наследия им. Д.С. Лихачёва под руководством В.П. Столярова был опубликован непревзойдённый по комплексности и объёму представленного материала фундаментальный труд «Соловецкие острова. Духовное, культурное и природное наследие» с прилагаемой к нему картой (2005) – к этому источнику постоянно обращаются современные исследователи и проектанты.

С конца 1990-х гг. идут затяжные позиционные бои за признание всего архипелага неделимым объектом наследия. Две миссии ЮНЕСКО в 2013 и 2015 гг. (эксперты ИКОМОС) обращают особое внимание на то, что Соловки – это именно культурный ландшафт, что объектом всемирного наследия является весь архипелаг полностью, а не отдельные локусы[321]. На четырёх последних сессиях Комитета

---

[318] Отчёт о проведении мониторинга объекта Всемирного наследия «Соловецкий историко-культурный комплекс» // Информационный бюллетень «Экология культуры». Архангельск, 2000. № 4 (17). С. 27–79.

[319] Кулешова М.Е. Соловецкие острова – природное и культурное наследие // Природа. 2015. № 7. С. 28–41.

[320] Комплект номинационных документов по Соловецкому историко-культурному комплексу: http://whc.unesco.org/archive/advisory_body_evaluation/632.pdf

[321] Report of the Joint UNESCO-ICCROM-ICOMOS Reactive Monitoring Mission to the Cultural and Historic Ensemble of the Solovetsky Islands Russian Federation. 2013. 65 p.: http://whc.unesco.org/en/list/632/documents/ ; Rapport de la Mission de Conseil de l'ICOMOS pour l'Ensemble historique, culturel et naturel des îles Solovetsky (C. 632). 2015, 22–28 juillet: http://whc.unesco.org/en/list/632/documents/

всемирного наследия подчёркивалось несоответствие между ценностью объекта и системой его сохранения, развития и управления.

Что же препятствует полноценной защите природного и культурного наследия Соловков? Ведь разработано множество документов, приняты управленческие решения, выделяются огромные бюджетные средства, предназначенные для решения задач охраны наследия на архипелаге. Однако анализ этой документации показывает, что она делается второпях, небрежно, грешит серьёзными ошибками и неточностями и, что самое главное, компромиссна в отношении несущего угрозы наследию градостроительного развития, перспективы которого обозначены в документах территориального планирования – Генеральном плане пос. Соловецкий, Генеральном плане поселения Соловецкое, планах планировок отдельных частей поселка. Под цели градостроительного развития адаптированы все правовые и стратегические документы, призванные защитить архипелаг – в первую очередь это проекты зон охраны отдельных ансамблей, утверждённые Министерством культуры в 2014 г., а также Концепция сохранения духовного, культурного и природного наследия Соловецкого архипелага, утверждённая в 2015 г.[322]

Именно по инициативе Министерства культуры РФ начиная с 2013 г. реализуется наиболее скандальный проект строительства нового здания музея в непосредственной визуальной доступности к главному монастырскому ансамблю, с восточной стороны оз. Святого. В результате разрушаются ландшафтные панорамы от стен монастыря, уничтожается мемориальное пространство единственного сохранившегося со времён ГУЛАГа барачного комплекса, гигантскими объёмами своими новое здание становится антитезой самому монастырскому ансамблю. Согласованы в 2015 г. изменения в Генплан пос. Соловецкий с увеличением площади посёлка в два раза, согласовано Генплан поселения Соловецкое с выделением кластеров по всему архипелагу общей площадью 1200 га, которые из земель гослесфонда и госзапаса переводятся в земли поселений. Прогнозируемые последствия – жестокая трансформация ландшафта, создание инфраструктуры религиозного туризма, сделки с землёй и постепенная субурбанизация, превращение паломнических путей в скоростные автомагистрали, зарастание мелиоративных систем и сельхозугодий. Увеличение площади собственно пос. Соловецкий в два раза имеет последствием увеличение площади застройки, плотности застройки, плотности уличной сети, коттеджное строительство, перекрытие визуальных бассейнов на поселковых входах-выходах, рассечение зеленого окоёма оз. Святого пятнами застройки, уничтожение целостности мемориального квартала ГУЛАГа.

Культурно-ландшафтный подход к охране наследия не поддаётся осмыслению уполномоченными российскими ведомствами вот уже более 20 лет. Если бы на ведомственном уровне наконец осознали, что весь Соловецкий архипелаг, а не собрание отдельных разрозненных объектов и локусов, – это уникальное национальное достояние, выдающийся культурный ландшафт, то политика в отношении этой хрупкой целостности приобрела бы более осмысленные и гуманные черты. А наиболее подходящей организационно-правовой формой защиты территории следовало бы признать достопримечательное место, известное российскому законодательству с 2002 г., с соответствующим расширением функций Соловецкого музея-заповедника и параллельным учреждением особо охраняемой природной территории (природного заказника).

Ландшафтная концепция позволяет выявить природные и культурные ценности территории наиболее полно и целостно, в их системной взаимосвязи. И это далеко не праздный вопрос, ведь от обоснования системы ценностей зависит предмет охраны, а значит – стратегия будущих действий.

Кутенков П.И. (Санкт-Петербург)

РУССКИЙ СЕВЕР – ПРАРОДИНА ЯРГИ-КРЕСТА И СВАСТИКИ

С середины девятнадцатого столетия навязывается мнение о получении индоевропейцами Европы ярги-креста (свастики) с востока, с Индии. Изначально это мнение зиждилось и продолжает основываться только на общих рассуждениях и не располагает доказательной базой.

Занимаясь широким исследованием ярги-креста предпочтительно на материалах народной культуры земель Русского Севера и Северно-Восточной Руси, и осуществляя сравнение полученных результатов с известными по другим славянорусским землям, в том числе по свастике Индии, мы получили совершенно иные итоги. Замечу, в названном исследовании основная цель состояла в выявлении общего характера и частностей бытования ярги-креста в культуре славянорусов. Решение вопроса о прародине крючковатого креста базируется на достоверных материалах, на результатах

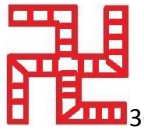
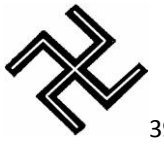
[322] Что происходит на Соловках? // Электронный ресурс «Хранители наследия»: http://hraniteli-nasledia.com/articles/diskussii/chto-proiskhodit-na-solovkakh/; «Соловки – невелика крепостица, вам молиться бы пока да поститься…» // Электронный ресурс «Хранители Наследия»: http://hraniteli-nasledia.com/articles/diskussii/solovki-nevelika-krepostitsa-vam-molitsya-by-poka-da-postitsya/

решения многих частных задач о бытовании яргических знаков у славяно-русов, прежде всего Русского Севера и Северно-Восточной Руси. Основными методами изучения стали описательный, картографирования, сравнительный, историко-культурный, культурологический и знаковый.

Что необходимо знать для решения вопроса о истоках бытия яргического знака и яргических образований в какой-либо культуре и его происхождении? К основным вопросам отнесены следующие: 1. Каково разнообразие начертания изучаемого знака. 2. Разнообразие рисунков сложных яргических вязей (образований). 3. Местности их распространения. 4. Области вещного бытования в культуре ярг. 5. Способы изображения яргических вязей. 6. Имена яргических знаков. С позиции таких подходов и методов изучение яргических знаков в науке о культуре русского народа до настоящего времени не осуществлялось, хотя успешные попытки постановки вопросов в этом направлении известны с 19-го и 20-го столетий. Подчеркну, нами изучались не только яргические знаки, а яргические образования.

Очень кратко покажем результаты исследования по обозначенным шести позициям. 1. Общественно-государственное сознание в 20 ст. созидалось таким образом, что многие исследователи при изучении ярги на первое место выдвигали простое начертание – равноконечный крест с загнутыми концами в одну из сторон, другие начертания прятались в тени споров о левом и правом загибов креста. Учитывая смысловое различие в содержании знака от его цвета, мы установили, что на Вологодской земле существует свыше 108 различных изображений яргического знака (табл. 1); на Архангельской земле их обнаружено свыше 153 (табл. 2). Всё разнообразие ярг-знаков исследуемых земель приближается к двумстам. 2. Среди яргических образований (вязей) мы выделили четыре вида изображений: а) ярг звенья, б) ярг цепи, в) ярг узлы и г) ярг картины. а) Выделено около сотни различных звеньев, например: – двухзнаковое однородное вертикальное звено; – трёхзнаковое разнородное озорное звено; – трёхзнаковое однородное озорное звено.

Таблица 1 Ярги и яргические образования в народной культуре Вологодской земли

1	2			5	6
7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30
31	32	33	34	35	 36
37	38	 39	40	41	42

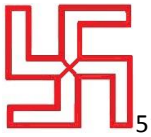
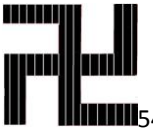
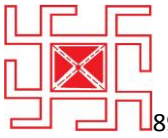
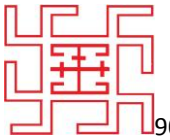
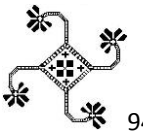
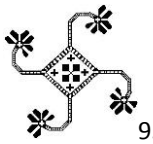
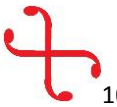
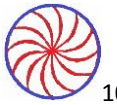
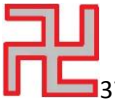
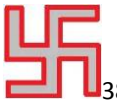
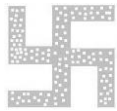
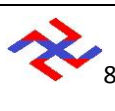
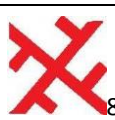
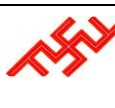
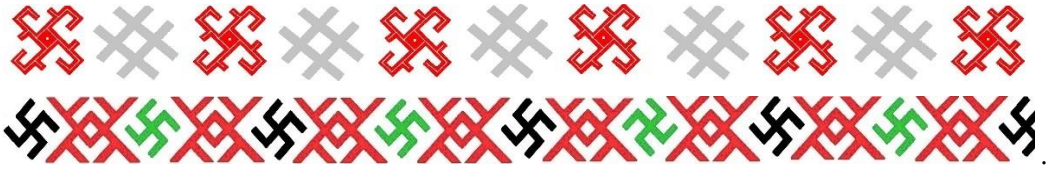
43	44	45	46	47	48
49	50	 51	52	53	 54
55	56	57	58	59	60
61	62	63	64	65	66
67	68	69	70	71	72
73	74	75	76	77	
78	79	80	81	82	83
84	85	86	87	88	 89
 90	91	92	93	 94	 95
96	97	98	99	100	 101
102	103	104	 105	106	107
108					

Таблица 2 Ярги и яргические знаки северновеликорусов на Архангельской земле

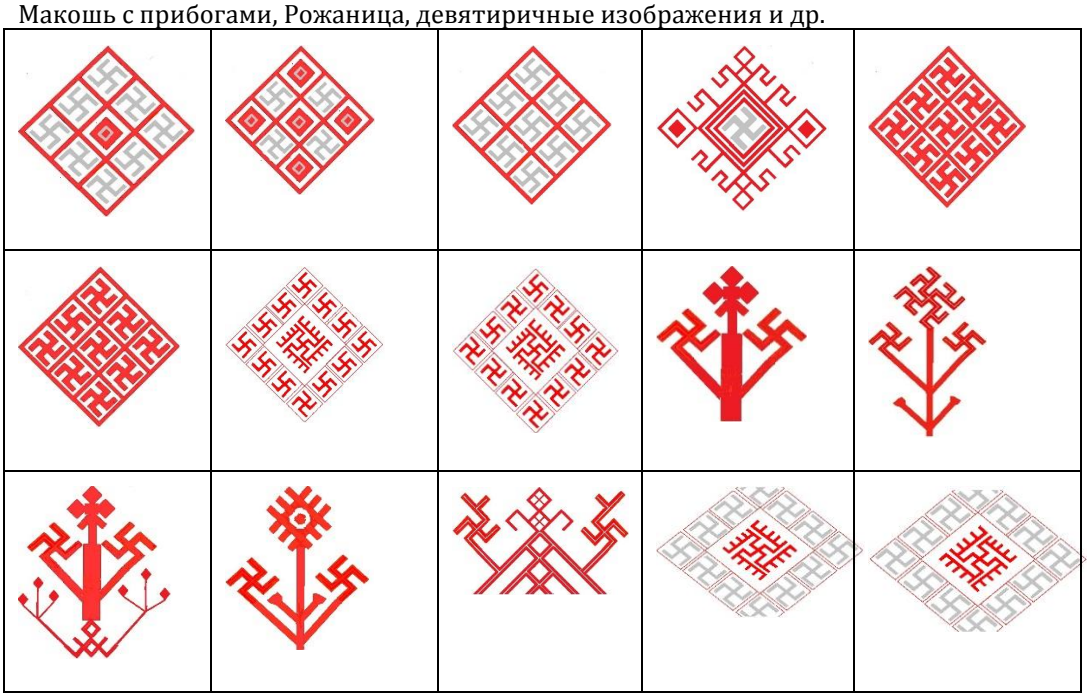
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30	31	32	33	34	35
36	 37	 38	39	40	41	 42
43	44	45	46	47	48	49
50	51	52	53	54	55	56
57	58	59	60	61	62	63
64	65	66	67	68	69	70
71	72	73	74	75	76	77
78	79	80	 81	82	83	 84
85	86	 87	88	89	90	91

92	93	94	95	96	97	98
99	100	101	102	103	104	105
106	107	108	109	110	111	112
113	114	115	116	117		
118	119	120	121			
122	123	124	125	126	127	
128	129	130	131	132	133	134
135	136	137	138			
139	140	141	142	143	144	145
146	147	148	149	150	151	152
153						

б) Ярг цепи, составленные из звеньев, по количественному составу не уступают общему числу звеньев:



в) Ярг узлы , , , , , сосредотачивают в себе не простое выражение смыслов народного узорочья. Насчитываются десятки различных узлов. г) Ярг картины занимают особое место среди народного узорочья и сложны в прочтении смыслов. Обнаружено несколько десятков таких рисунков, содержащих древнейшие искони культуры, раскрывающие смыслы бытия человека и картины мира: среди яргических картин распространены Древа Жизни, Древа Рода, Макошь с прибогами, Рожаница, девятиричные изображения и др.



3. Местности нахождения яргических образований выделены не по отдельным селениям, а на основе содержания строения народной культуры русского народа, восточных славян.

Культура восточных славян есть целостное явление единого народа. Она состоит из земельно-культурных образований различного уровня, созданных соответствующими славянорусскими общностями. Народная: малорусская, белорусская, великорусская, русинская; родоплеменная: южновеликорусская, северновеликорусская, средневеликорусская (Северо-Восточная Русь); земельная: Вологодская, Новгородская, Рязанская, Владимиро-Суздальская, Смоленская, Полоцкая, Псковская и др.; уездно-краевая: Каргопольская, Мезенская, Пинежская, Касимовская, Скопинская, Рославльская и др.; родовая крестьянская и боярско-казацкая: Вяземская, Лещуконская, Черевковская, Глухово-Иловская и др.

Исследование выявило, что яргические образования повсеместно распространены во всех землях Русского Севера и Северо-Восточной Руси: Новгородская земля, Вологодская, Архангельская, Олонецкая земли, Тверская, Костромская, Владимирская, Ярославская, Ивановская, Московская, Пермская и др. области и земли. Великой насыщенностью яргическими знаками выделяются следующие уездно-краевые культурные образования: Каргополье, Мезень, Пинега, Тотемско-Никольский край, Сольвычегодский, Вельский и Лешуконский края, Пудожье и Заонежье, Поморье идругие. Среди крестьянских родовых культур – заметным своеобразием ярг-знаков и их количеством выделяются Кичменьгско-Городецкая, Черевковская, Нюксенская, Уфтюгско-Кокшеньгская и другие.

4. Вещные области бытования яргобразований охватывают весь круг бытийно-обрядовой жизни человека: бабьи родославные(детородные) рубахи; бабьи родославные рубахи годовых(больших) праздников; бабьи будничные рубахи; обрядовые рубахи сенокосницы; рубахи свадебные печальные; рубахи праздничные девичьи; рубахи погребальные; подола праздничные; передники праздничные женского пола; мужские рубахи; праздничные бабьи пояса; будничные бабьи пояса; девичьи пояса; праздничные бабьи головные уборы; праздничные косынки; праздничные девичьи головные уборы; годовые скатерти; праздничные скатерти; будничные скатерти; скатёрки; праздничные родославные полотенца; печальные праздничные полотенца; ширинки родославные подавальные; ширинки

подножные; покровцы; подзоры (подвесы) кроватные; варежки; перчатки; чулки мужские; набилки ткацкие; сундуки; шкапы; прялки; вальки; рубели; трепала льна; ключи от замков; замки; сани конской упряжи; украшение изб; коробья; подстолья; гвозди; обрядовый свадебный хлеб; обрядовый колядный хлеб; обрядовое печенье (жаворонки, тетёрки); обрядовый пасхальный кулич; детские игрушки и др.
Вещи с яргическими образованиями присущи семейным обрядам высокого уровня, прежде всего обрядам Закона русского духа – рождение, свадьба, смерть, а также используемым в обрядово-праздничных действах больших праздников, сопровождавших солнцестояния и равноденствия.

Яргические образования в количественном отношении имели множественность в какой-либо единичной вещи. Так одна рубаха могла иметь до тысячи ярг-солнц, а вся сряда бабы могла содержать несколько тысяч ярг. В каждой семье находились десятки вещей с крючковатыми крестами.

5. Важной родокультурной и этнокультурной характеристиками являются способы нанесения яргобразования. Среди них – вышивка: набор, роспись, тамбур, крест, строчение (строчка, перевить), верхошов, двойной шов; тканьё: браное тканьё, многоцапковое тканьё, выборное тканьё, тканьё в верхнем зеве; кружевоплетение: плетение на коклюшках, крючком; вязание: вязание на спицах, вязание крючком; резьба: резьба трёхгранная выемчатая; пропильная резьба; роспись: роспись кистевая; выпечка: обрядовая выпечка, повседневная выпечка и др. По сути, ярг образования наносились всеми способами известными славянам и всему человечеству.

Многие из перечисленных способов и приёмов изображения узорочья известны в русской народной культуре и у других славян. Это позволяет считать крючковатый знак славянским по происхождению. В то же время на Русском Севере и Северо-Восточной Руси земле способы изображения узоров проявляют свою самобытность, подчёркивающую их исконное местное происхождение, восходящее к истокам искусства Средневековья «Древней Руси».
Разнообразные вещи и способы изображения крючковатых крестов обусловили широкий круг материалов, с помощью которых воплощались яргические образы. Это лён, конопля, шёлк, кумач, кожа, бумага, золотные и серебряные нити, дерево, краски, хлеб, металл и др.

6. Имена яргических знаков в каждом культурном образовании многочисленны, в славянорусском мире обнаружены следующие. Приведём их в азбучном порядке (всего 90 названий ярги):
– баранчики, бараний рог, барани роги, безконешник, двойной безконечник, безконечник, бесага двойная; – вітрячок, ворон, восьмикрюшный, враток, вращенец, вращенка, вращун, вітрячки, двойной wuzi, вьюха, большой вьюн, малый вьюн; – гуськи; *– жгун, жмеи*; *– заяц, заюшка, зайцы, змія*; *– космач, косматый ярко, крючья, козелки, конегонь, кони, конёвные голяшки, крест, завивастый крест, ковыль, кривонога, кривоношка, круг, косиці, косарь, косовик, ключ, костыль, крутороги, крывульки, крюк, крюки, крючьки, крутяк, крутороги, четырёхрожковый, четырёхкрюшный*, *костыль восьмирожковый, восьмикрюшный, шестнадцатикрюшный, тридцатидвухкрюшный; – листочки*; *– мельник, мельница, мотовило*; *– огниво, огнивец; – павучки, півники, пылань; – репей, арепей, рыпей, рипей, рэпей, рыжик, рута; – сонце, соньце, солнышко, солнышко лучистое, солнышко-высоколнышко, сороки, двойная саква с бараньими рогами;– утиные шейки, утиные шейки с грабельками, безконечный узел; – цыганская дорога; – чертогон, четыреног; – хер, хрест, завивастый хрест*; *– юрки; – ярко, ярга, ястреб* и др.
Эти имена раскрывают широкие смысловые поля значений ярг образований, связанных с бытием человека и картиной мира. Местные названия «позабыты» наукой вследствие необоснованной их замены одним понятием свастика.

Сравнение яргических образований между уездными, краевыми культурами по пяти позициям – знаки, звенья, цепи, узлы и картины – показывает поразительные результаты. Все **пять позиций** для земель Русского Севера и Северно-Восточной Руси оказываются существенно отличными друг от друга. Есть общие, единые знаки для всех, к которым относятся образцовые, косые, полные ярги. Однако многие сложные образования (яргические звенья, цепи, узлы, картины) часто неповторимы. Это стало следствием глубокого понимания в каждой культуре великорусов смыслов крючковатых крестов и производных от них образований. Высокое творческое начало русского человека, проявленное в родовых, краевых, земельных культурах есть и следствие и причина, порождающие узорное многообразие земли, включая яргическое. Огромное количество яргических знаков и образования свидетельствуют о необычайно развитых духовных творческих возможностей северно- и средневеликорусов. Оно показывает исконную, изначальную принадлежность ярги-солнца племени северных славяно-русов. (Этим выводам мы не лишаем южновеликорусов, малорусов, белорусов и русин на такое же право).

Выявленное нами культурное многообразие яргических образований, жившее и продолжающее жить на Русском Севере и Северно-Восточной Руси, исключает жёстко и однозначно отдельные необоснованные мнения о заимствовании яргического узорочья северновеликорусами у кого-либо, о влиянии на эту область культуры каким-то образом и неясно кем. Многообразие яргических образований, наполненных глубоким смысловым содержанием, включённых в обряды переходов Закона русского духа, делает несостоятельным редкие, а главное необоснованные мнения о воздействии со стороны иных народностей на яргическое наследие северновеликорусов.

Историко-временное рассмотрение вещей с яргическими образованиями показало, что это явление востребовано присутствует в самом древнем наследии индоевропейцев и славян, в материалах северо-западной, срединной и южной частей Восточной Европы. Были обнаружены существенные в этом отношении исторические связи славян с ираноязычными «андроновскими» племенами, а затем со скифами и сарматами, которые прослеживаются в исконной культуре Руси на протяжении всей Древности, Средневековья, а также в русской культуре Нового времени и Современности. Это свидетельствует о том, что яргические образования играли основополагающую роль в духовной культуре наших предков. Вместе с тем, углубленное изучение культуры северно- и средневеликорусов, с позиции яргических образований, выявило высокий уровень их бытования, имеющих различную степень сложности начертательного и смыслового характера.

Высокая степень сходимости яргических образований северно- средне- и южновеликорусов с узорочьем Средневековой Руси и индоевропейских народов, в частности индо- и ираноариев, а также их самобытное богатство и своеобразие позволили выдвинуть идею о самостоятельности древнейших истоков наследия восточных славян.

Яргическое наследие восточных славян-земледельцев по отношению к свастическому наследию индо- и ирано-арийских народов не может выступать вторичным, а обладает самобытной первозначимостью в общей индоевропейской культуре. Более того, древнейшие славяно-русские яргические образы были тем истоком, из которого в последующем питалось свастическое узорочье всех иных индоевропейцев, включая индийцев и иранцев.

Луцковская Е.Ф. (Северодвинск)

НАСЛЕДИЕ СЕВЕРНОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА В КОЛЛЕКЦИЯХ СЕВЕРОДВИНСКОГО МУЗЕЯ

Старообрядчество на Русском Севере существовало со времён известного в истории «Соловецкого сидения». После церковной реформы, проведенной в XVII в. патриархом Никоном, началось переселение на отдаленный Север сторонников тех, кто протестовал против исправления богослужебных книг, порядков, церковного управления, обрядов в церковной службе. Раскольники основали многочисленные поселения – старообрядческие скиты, которые отличались особым укладом жизни, определяемым старыми воззрениями, обычаями и обрядами. На Русском Севере был 31 старообрядческий скит – в Подвинье, на Мезени, на Печоре и по всему беломорскому побережью[323]. Основанные здесь скиты ещё в начале XX в. были заселены, в них имелись молельни и значительное число построек. Располагались они, большей частью, среди непроходимых летом болот.

Пертозерский, Белозерский, Большекородский, Малокородский, Амбурский скиты относились ко второму стану Архангельского уезда Архангельской губернии (в настоящее время – это окрестности современного Северодвинска).

Официальная политика государства и церковных властей, направленная на уничтожение скитов как религиозных центров, привела к значительному сокращению в них населения. Также этому способствовала и индустриализация крайнего Севера в советский период. Так, в 1930-е гг. близость к строящемуся городу[324] предопределила дальнейшую судьбу Большекородского скита. Постепенно бывшие скиты превращались в дачные посёлки. Среди перечисленных – наиболее известным был Амбурский скит, о котором знали в обеих столицах Российской империи, откуда поступали богатые дары.

Цель данной публикации – рассказать о предметах, составляющих коллекцию северного старообрядчества, которые были выявлены, отобраны, исследованы в процессе научного комплектования и о её использовании.

Начало её формированию было положено в 1972 г. В тот год из бывшей амбурской старообрядческой молельни Тамарой Александровной Ивановой[325] было вывезено более 60 предметов. Особый интерес представляют 35 старопечатных книг XVII – начала XX вв. Это богослужебные книги Требник 1625 г., Октоих 1638 г., Служебник 1777 г., Часослов 1823 г., Псалтыри разных годов выпуска: 1786 г., 1805 г., после 1806 г. и другие.

Среди привезённых – предметы, бытовавшие в моленной: самовар тульский[326], ключ старинный от сундука, прялка мезенская, дорожная корзинка с крышкой, медные: кружка, котёл и чугун, и другие. А также культовые предметы: покровцы с вышитым в центре голгофским крестом и криптограммами[327],

[323] Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М, Архангельск, 2004. С. 70.
[324] Имеется в виду посёлок Судострой, с 1938 г. – г. Молотовск, с 1957 г. – г. Северодвинск.
[325] Иванова Т. А. (1946-1999) – первый директор Северодвинского историко-краеведческого музея (1970-1974). В 1972 г. совершила свой первый поход в Амбурские.
[326] Северодвинский городской краеведческий музей (далее – СГКМ). КП 198.
[327] СГКМ КП 548, 549.

пояс, расшитый бахромой, тарель оловянная с гравированным изображением Богоматери с Христом[328], подлампадник.

В то время в деревне ещё оставались проживать последние её жители, которых по их просьбе в 1973 г. вывезли в Северодвинск, где им предоставили жильё. Сохранились их персональные фотографии: дед Алексей (Алексей Дмитриевич Попов) и его жена бабка Анна (Анна Дмитриевна), Вера Васильевна Корельская и её сестра Анна Васильевна Хвиюзова. А также две фотографии: общий вид Амбурского скита и вид на молельный дом. Все они относятся к концу 1960-х – началу 1970-х гг.

Из привезённых документов тогда на музейный учёт были поставлены только два. Это список членов Амбурского старообрядческого толка от 10 октября 1928 г. и ордер Т.В. Корытовой на заготовку дров от 22 мая 1938 г. Т.А. Ивановой также была привезена папка с уникальными документами, которые находились в амбурской моленной. Это документальный комплекс первых лет Советской власти, касающийся политики новой власти в отношении к религиозным обществам, и, в частности, старообрядцев-христиан филипповского толка религиозного общества, находившегося в выселке Амбурском Кудьмозерской волости Архангельского уезда Архангельской губернии. Архив состоит из 19 документов, датируемых с 1922 по 1929 гг. Наиболее интересные и показательные из них: Договор о передаче религиозной общине молитвенного дома с богослужебными предметами от 1 марта 1922 г., Устав старообрядцев-христиан филипповского толка религиозного общества, удостоверение о регистрации коллектива верующих, акты осмотра моленной и проверки имущества, протоколы общих собраний и т.д[329].

На учёт они поставлены не были. 40 лет папка пролежала нетронутой и не разобранной, так как в советские атеистические времена история этого поселения ни научному сообществу, ни горожанам не были известны. В эти места не организовывались экспедиции, не было и тематических публикаций в каких-либо научных изданиях и в прессе. Следовательно, предметы и документы востребованы не были. Тогда музей назывался музеем истории социалистического города с соответствующими этому задачами и проблематикой. Исследованием темы по истории старообрядческих скитов, как собственно и краеведением в целом, никто не занимался. Ещё в конце 1960-х г.г. в моленной оставалось достаточно большое количество предметов. Кое-что её хозяйки сами предлагали взять на память приходящим туда туристам. Так, в один из таких походов Анатолий Петрович Кочергин[330] привёз 12 вотивных серебряных подвесок, которые датируются второй половиной XIX – началом XX вв. На многих имеются клейма известных мастеров: Петра Екимова Мамонтова, мещанина из г. Мезени Архангельской губернии[331], мастера золотого и серебряного дела Степана Яковлева Самохвалова, архангельского мещанина[332], мастера «мелочных» золотых и серебряных дел Елены Васильевой Самойловой, архангельской мещанки[333]. Среди них – фигурки людей (мужские и женские), домашних животных (кони, коровы), различные части человеческого тела (ухо, рука, нога, сердце). Все они переданы в фонды музея.

Несмотря на сложность пути, труднопроходимые болота, моленную не раз посещали «любители старины». После её закрытия в 1969 г. в связи со смертью последних её жительниц, она неоднократно обворовывалась. В начале 1970-х гг. зимой в Амбурских произошла кража. Кто-то украл иконы, книги. Очевидно, вывозили всё на санках, но воров так и не нашли. Впоследствии часть из того, что ещё оставалось в моленной, было разобрано вновь пришедшими сюда туристами, которые купили оставшиеся дома и стали обживать эту местность.

К сожалению, специальных, профессиональных экспедиций сотрудников музея с целью сбора предметов в то время больше предпринято не было. Не все поступившие тогда предметы были атрибутированы. Ни записей рассказов последних жителей Амбурских, ни полной информации о предметах тогда собрано не было.

Полевые исследования вновь начались спустя 30 лет, в начале XXI в. Основным способом поступления предметов в фонды музея стали этнографические экспедиции, большей частью в бывший Амбурский скит. Первая состоялась в 2002 г. Затем были обследованы территории расположения бывших скитов: Пертозерского (2005), Белозерского (2005) и Кородского (2010). В 2015-2016 гг. были организованы и проведены экспедиции в Большую Кудьму[334], селение, стоящее на Онежском тракте, где также существовала старообрядческая община. На сегодняшний день проведено 20 этнографических и городских экспедиций. Собрано более семисот музейных предметов, характеризующих

[328] СГКМ КП 484.

[329] См. подробнее: Луцковская Е.Ф. Архив Амбурского старообрядческого религиозного общества Архангельской губернии в 1920-е гг. в фондах Северодвинского музея // Материалы XI Международной научной конференции «Старообрядчество: история, культура и современность». Москва, 2014. С. 188-197.

[330] Кочергин А.П. – руководитель клуба туристов «Жень-шень» МП «Звёздочка» в 1960-е гг. (г. Северодвинск).

[331] СГКМ КП 19084, 19085, 19087.

[332] СГКМ КП 19093.

[333] СГКМ КП 19095.

[334] Большая Кудьма – это неофициальное название трёх близкорасположенных деревень: Таборы, Волость, Лахта, относящихся к муниципальному образованию «Северодвинск» Архангельской области. Расположена она в 15 км. к югу от города, на берегу Кудьмозера.

старообрядческую культуру и быт северных скитов. Эта коллекция стала составной частью музейного собрания. И тот факт, что с небольшой по площади территории в начале XXI века было собрано такое количество предметов музейного значения, само по себе в настоящее время уникально! Сложность в сборе информации состояла в том, что коренных жителей указанных поселений уже не было. На смену им пришли их потомки и туристы популярных в 1970-е гг. походов выходного дня.

Пути формирования предметов старообрядческой коллекции шло по трём направлениям: 1. Непосредственно в местах расположения бывших скитов; 2. Комплектование персональной коллекции старообрядческой семьи Мамоновых-Хвиюзовых; 3. Обследование деревень Большой Кудьмы.

Музейные предметы по старообрядческой тематике вошли составной частью в 16 музейных коллекций. Самой большой по количеству является коллекция фотографий. Из восьми первоначально поступивших в фонды она выросла до 220. Коллекция разнообразна по жанрам. Она включает в себя видовые и бытовые снимки, одиночные и групповые портреты. Фотографии выполнены как профессиональными мастерами, так и любителями. Профессиональная съёмка представлена работами известных архангельских фотографов конца XIX в. Яна (Ивана) Юрьевича Соберга, Якова Ивановича Лейцингера, Михаила Сорокина, современная – экспедиционными работами Владимира Владимировича Бербенца[335]. Большой редкостью являются интерьерные фотографии жилых зданий и собственно моленной. В нашей коллекции всего лишь два таких снимка: интерьер дома В.В. Корельской и интерьер амбурской моленной. Последнее фото сделано Леонидом Фёдоровичем Добрыниным[336] в 1967 г., когда в ней ещё проживали три старушки. На фотографии видно, что моленная и предметы, находящиеся в ней, используются. Хорошо просматривается богатый иконостас, большое количество икон, лампады, подсвечники, книги.

Значительная часть фотоколлекции – это фотографии: туристические походы в Амбурские, Пертозеро 1950-1980-х г.г.; советские праздники в бывших скитах; экспедиции музея разных лет, дороги, старообрядческие кладбища.

Несмотря на то, что в разные годы во время копки огородов новыми поселенцами Амбурских было найдено большое количество монет, в фонды музея были взяты только отдельные экземпляры. Дело том, что долгое время они пролежали в земле, на многих изображения стёрты, номинал некоторых не просматривается, наблюдается сильная коррозия металла, в связи с чем, экспозиционного значения они не имеют. Л.Ф. Добрыниным составлен список монет, найденных в Амбурских с 1971 по 2016 гг. В него вошло 195 экземпляров[337]. В основном – это медные монеты массового производства. Самая старая из них денга 1731 г., а также есть две серебряные: номиналом 5 копеек 1757 г. и денежка 1853 г.

Другой замечательной находкой явилось большое количество бутылок и бутылочек разных форм и размеров, найденных во время чистки одного из заброшенных амбурских колодцев: аптечных, винных, из-под уксуса, минеральной воды, одеколона, которые вошли в коллекцию «Стекло». Датируются они концом XIX – первой половиной XX века.

Из культурного слоя Амбурских были извлечены фрагменты глиняной, фарфоровой и фаянсовой посуды известных российских фабрик от Гарднера до Кузнецовых. Из шести найденных разрозненных частей впоследствии была собрана и склеена глиняная лампада. Там же было обнаружено основание тарелки с вдавленными в тесте буквами «СМ» – клеймом Соловецкого монастыря.

Экспедициями были собраны целые комплексы предметов, касающиеся быта жителей скита: деревянная, плетёная, глиняная посуда, утварь, предметы кузнечной ковки, орудия труда, одежда. Мебель собственноручного изготовления, которую можно было часто встретить в деревнях: стол обеденный со съёмной столешницей[338], табуретка трёхногая[339], длинная скамейка[340], бытовавшая в амбурской моленной, подставка[341] для подъёма на лежанку русской печи. Привлекает внимание невысокая скамеечка[342] на двух плоских фигурных ножках, на оборотной стороне сиденья которой вырезаны инициалы «ММА» и дата «1914».

Меднолитая пластика представлена: створками складней XIX в. «Двунадесятые праздники», восьмиконечными крестами «Распятие с предстоящими», треугольными дробницами Евангелистов Матфея, Марка, Луки и Иоанна[343].

Во время одного из летних туристских походов в Амбурские в первой половине 1960-х гг. была найдена и извлечена из кострища небольшая медная иконка «Спас Вседержитель»[344]. На её лицевой

---

[335] Бербенец В.В. – фотожурналист газеты «Северный рабочий», участник экспедиции в Амбурские в 2002 г.
[336] Добрынин Л.Ф. – житель г. Северодвинска. В 1970 г. купил дом на Амбурских. До настоящего времени регулярно посещает эти места. Даритель коллекции, связанной с крестьянским бытом Амбурских.
[337] В список вносились только те монеты, которые можно было атрибутировать.
[338] СГКМ КП 19903.
[339] СГКМ КП 19902.
[340] СГКМ КП 19905.
[341] СГКМ КП 19392.
[342] СГКМ КП 18907.
[343] СГКМ КП 16312/1-4.
[344] СГКМ КП 23112.

стороне поясное изображение Господа Иисуса Христа. Правой рукой он благословляет, а левой держит открытое Евангелие с текстом.

В 2016 г. впервые коллекция пополнилась медными нательными крестиками.

Культовые предметы представлены двумя колоколами. Один из них – чугунный[345], находился в колокольне, под полом. Второй – двухпудовый медный колокол XIX в. известного в прошлом товарищества Оловянишникова и Сыновей[346] с рельефной надписью по нижнему краю. Этот колокол туристы – новые владельцы моленной хранили в течение почти сорока лет.

Ещё во время экспедиции 2006 г. на чердаке моленной случайно была обнаружена икона с изображением Богоматери с младенцем. Прошло восемь лет, прежде чем она поступила в фонды музея. Это единственная икона из амбурской моленной.

Уникальным предметом является деревянный восьмиконечный киотный расписной крест XIX в. с изображением Распятия Христа[347]. Подобного предмета в музейной коллекции не было.

Большое значение в поиске новых предметов, особенно в настоящее время, имеет инициатива научных сотрудников, их эрудиция, терпение, интуиция, умение убедить владельца передать тот или иной предмет в музей. К примеру, только через четыре года, благодаря систематической работе с группой туристов походов выходного дня, ими было принято коллективное решение о передаче на хранение в музей целой коллекции предметов, поступивших в 2008 г. на выставку «Амбурские: новые находки и открытия» с последующей передачей на постоянное хранение в фонды музея. Это настенное зеркало[348] в деревянной раме с резными накладками из дома последней жительницы поселения В.В. Корельской, покров[349] на аналой с вышитыми в центре золотными нитями старообрядческим крестом, ломберный стол[350] для игры в карты и целый комплекс бытовых предметов. Интерес представляют: валёк[351] с фигурной ручкой для стирки белья, на верхней стороне которого чёрной краской написаны буквы «А.Ф.К.», рубель с катальной палкой[352] с вырезанной датой «1903». Долгожданной новостью стала передача киота для креста[353] с амбурской моленной в виде деревянной рамы с вырезанным углублением в форме восьмиконечного креста. Этот киот находился над входной дверью в моленную и был сфотографирован художником Владимиром Александровичем Плотниковым в 1906 г. во время его путе-шествия по Архангельской губернии, когда он посетил, в том числе, и Амбурский выселок. Со временем он был перенесён на здание новой моленной, где и находился вплоть до его передачи в фонды музея.

Среди наследия Амбурского скита особый интерес вызывают намогильные кресты и столбики. В Амбурских сохранилось три места захоронения, которые назывались: старое кладбище, новое кладбище, кладбище для местных жителей. Кресты простые, восьмиконечные, с двускатной кровлей, а также и с рельефными надписями. Со временем, оказавшись бесхозными, многие обветшали, некоторые из них упали. Люди, живущие здесь, стараются по мере возможности сохранить то, что ещё осталось. Многие из крестов находятся вне могил и стоят, прислонённые к деревьям. В 1980-е гг. часть могил была разрыта в поисках предметов, представляющих интерес, а кресты выкопаны и брошены. Такая участь постигла и намогильный крест Екатерины Яковлевны Семёновой[354]. Он сделан из толстых четырёхгранных брусьев, соединённых между собой, высотой более трёх метров. На лицевой стороне его вырезаны криптограммы. На верху креста двускатная кровля, по сторонам копьё и трость. В центре углубление – гнездо для иконки.

Участниками экспедиции 2006 г.[355] было принято решение о сохранении двух намогильных столбиков[356], относящихся к концу XIX и первой четверти XX в.в. и намогильного креста Е.Я. Семёновой 1902 г.

В течение пятнадцати последних лет в фондах музея сформировалась персональная коллекция семьи старообрядцев Мамоновых – Хвиюзовых. Даритель – Иван Михайлович Мамонов (01.11.1928 – 17.12.2016) – уроженец д. Новое Лукино под Архангельском, потомок рода Хвиюзовых из бывшего Амбурского старообрядческого скита, проживал в г. Северодвинске, почётный ветеран Севмашпредприятия.

---

[345] СГКМ КП 19486.
[346] СГКМ КП 20136.
[347] СГКМ КП 22110.
[348] СГКМ КП 20759.
[349] СГКМ КП 20233.
[350] СГКМ КП 20758.
[351] СГКМ КП 20229.
[352] СГКМ КП 20230.
[353] СГКМ КП 20682.
[354] СГКМ КП 19395.
[355] Состав участников этнографической экспедиции в Амбурские 2006 г.: волонтёры: А.И. Власова, Л.Ф. Добрынин, Т.М. Кольцова, доктор искусствоведения, заведующая отделом древнерусского искусства ГМО «Художественная культура Русского Севера» (г. Архангельск), Е.Ф. Луцковская, руководитель экспедиции.
[356] СГКМ КП 19393, КП 19394.

На протяжении всей своей жизни Иван Михайлович бережно хранил фамильные реликвии, доставшиеся по наследству. Это не просто вещи, свято хранимые, как память о прошлом, но ещё и предметы, которые могут многое рассказать об истории семьи. Коллекция насчитывает более 80 музейных предметов, состоящих как из документальных, так и вещевых памятников. Её хронологические рамки 1581-2003 гг. В неё входят старопечатные книги, культовые и бытовые вещи, документы и семейные фотографии.

Особую ценность представляют старопечатные книги XVI-XIX вв. Одними из самых старых и уникальных изданий являются Апостол 1597 г.[357] и Острожская Библия 1581 г. типографии К.К. Острожского, печатника Ивана Фёдорова[358]. Она является шестым, последним известным Острожским изданием. Книга выпущена форматом в лист, в ней 628 листов. Тираж издания составил 1000-1200 экземпляров. В семье книгу берегли и даже пытались реставрировать. На некоторых страницах есть фрагменты, переписанные от руки. По обычаю, в такие книги на свободные страницы вписывали наиболее значимые события в жизни.

Апостол 1597 г. является шедевром книгопечатного искусства Андроника Невежи. Эту книгу А. Невежа печатал немногим больше года. В послесловии книги он указал её тираж: "А напечатано книг сих вкупе тысяча пятьдесят". Это единственный случай, по которому можно судить о размере тиража изданий того времени. В библиографии известны 50 экземпляров. Экземпляры Библии и Апостола Северодвинского городского краеведческого музея упомянуты лишь в Сводном каталоге книжных памятников Архангельской области.

Их книг XIX в. переданы: «Псалтырь Толковая»[359] с гравюрой царя Давида и «Апостол Толковый»[360], перепечатанный с книги Почаевской типографии, датированный 1784 г. Оба издания – переплет доски в коже, на крышках тиснёный узор, с металлическими застёжками. Поражают размеры книг! Их толщина достигает до 17 см, а вес – до пуда!

К числу уникальных экспонатов старообрядческой культуры относятся предметы из Выго-Лексинского общежительства, на протяжении почти 150 лет являвшегося духовным центром староверия не только Русского Севера, но и всей России. В семье сохранился целый комплекс предметов, связанных с Выговской пустынью. Это литография с изображением Поморского Выгорецкого общежительства женского монастыря[361], книга И. Филиппова «История Выговской старообрядческой пустыни» (СПб., 1862)[362] и рисованный лубок XIX в. «Древо рода Андрея и Семена Дионисиевичев господ Вторушиных Выгорецких предводителей» (древо рода Денисовых из Выгорецкого монастыря)[363]. Возможно, что когда-то эти предметы были приобретены на месте бывшего Выгорецкого старообрядческого монастыря староверами Мамоновыми.

Значительный интерес представляет печатный гравированный лубок "Книга глаголемая Космография…» (XVIII-XIX вв.)[364], который состоит из четырех листов, склеенных между собой. Космография – своеобразная карта, в которой отражено представление людей того времени о мире.

Ценными для фондового собрания стали литографии: "Райские птицы Сирин и Алконост"[365] (вторая половина XIX – начало XX вв.) и "Соловецкий монастырь"[366] (1901 г.).

Среди переданного – фотографии и документы, причем ценность их ещё и в том, что они не только наглядно свидетельствуют об ушедших эпохах, но и являются интересной документальной историей этого семейства. В семейном альбоме сохранилось много фотографий родственников и членов семей Хвиюзовых – Мамоновых. На снимке конца XIX – начала XX в.в. известного архангельского фотографа Я. Лейцингера изображена А.В. Хвиюзова в молодом возрасте, двоюродная тётя И.М. Мамонова по матери, которая была последней наставницей в амбурской моленной[367]. Также редкими можно считать и видовые снимки Амбурских, относящиеся к предвоенному 1940 г. Несмотря на то, что качество их невысокое, что обусловлено временем съёмки, тем не менее, они имеют огромное значение для изучения жизнедеятельности поселения того периода времени.

Среди документов есть уникальный – это Свидетельство Финляндского Горного Артиллерийского парка Интендантскому каптенармусу[368] Михаилу Мамонову в том, что он в продолжение 3 лет службы в парке отличался всегда трезвою жизнью и примерным поведением, исполняя все возложенные на него обязанности честно, аккуратно и добросовестно, и, при отличном знании своего дела, усердии и любви к

[357] СГКМ КП 16673.
[358] СГКМ КП 16859.
[359] СГКМ КП 19656.
[360] СГКМ КП 19657.
[361] СГКМ КП 17381.
[362] СГКМ КП 21237.
[363] СГКМ КП 16488.
[364] СГКМ КП 16487.
[365] СГКМ КП 16560.
[366] СГКМ КП 16561.
[367] СГКМ КП 20681.
[368] Каптенармус – должностное лицо в батарее, отвечающее за учёт и хранение оружия и имущества в ротном складе.

службе, всегда пользовался полным доверием начальствующих лиц[369]. Датирован он 15 декабря 1909 г. и выдан был по окончании военной службы.

Интересны визитные карточки Михаила Николаевича Мамонова, изготовленные в 1910-х гг. в г. Архангельске, простые по своему оформлению, с золотым обрезом по краям.

Из бытовых предметов поступили: маслобойка в виде двухлитровой стеклянной банки и вращающимся механизмом с ручкой[370], форма для приготовления творожной пасхи, на внутренней стороне которой вырезаны буквы "ХВ", на противоположной – крест[371].

Из культовых предметов интересна кация – старообрядческое кадило[372]. В основании её чаша на поддоне, с откидывающейся крышкой в виде главки церкви с крестом и длинной рукоятью.

Из личных вещей отца передан мужской кафтан из тёмно-коричневого сукна[373]. Сшит он был вскоре после женитьбы по его заказу для отправления службы.

Третья группа исследуемых деревень – Большая Кудьма. Настоящим открытием для нас стало наличие старообрядческой часовни в д. Лахте. Примечательно, что находится она на территории частного владения. Возможно, что ранее она относилась к Амбурскому старообрядческому скиту, но письменных источников, подтверждающих это, пока не обнаружено. В музей был передан целый комплекс предметов, находившихся в ней ранее. Это старинный деревянный подсвечник на высокой ножке[374], покровцы[375] – матерчатые платы, которыми на аналое накрывают книги, три подручника[376] – маленькие подушечки для рук (прикосновение к земле во время молитвы расценивалось как грех), две деревянные скамеечки[377]. Одна из них уникальна тем, что содержит надпись: «Алекс. Сер. Корельской» и латинскими буквами дату: «1911 г.»[378].

К сожалению, не все переданные предметы дошли до нас в идеальном состоянии. Многие из них долгие годы хранились на поветях, в неотапливаемых помещениях, находились на улице, в земле. Большинству из них требуется реставрация. Музей организует работу по реставрации собранных предметов, которая проводится реставраторами Архангельского филиала Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени академика И.Э. Грабаря.

Итоги работы экспедиций и научного комплектования коллекций были показаны на различных выставках, связанных с туристскими походами в места расположения бывших скитов, комплектованием музейных коллекций, историей старообрядчества и реставрацией предметов. Собранные и изученные материалы легли в основу постоянно действующей экспозиции «Поморский край с древнейших времён до начала XX в.», где один из разделов посвящён истории старообрядчества.

Кроме традиционных экскурсий и лекций, проводились самые разнообразные мероприятия с приглашением сдатчиков и информантов по данной теме; встречи групп туристов 1960-х-1970-х гг. Популярными стали музейные гостиные. Это своего рода встречи-отчёты со сдатчиками, на которых подводились итоги собирательской деятельности, также организовывались совместные встречи с участием реставраторов.

Таким образом, в результате проведённых экспедиций, коллекции Северодвинского музея пополнились как типичными, так и уникальными предметами, характерными для старообрядческой культуры Севера России. В связи с тем, что научными сотрудниками была проведена большая комплексная работа по выявлению, научному исследованию, атрибуции, реставрации, экспозиционной интерпретации старообрядческой коллекции в настоящее время появляется перспектива и в дальнейшем эффективно использовать её в научной, экспозиционно-выставочной и просветительской деятельности музея.

[369] СГКМ КП 16559.
[370] СГКМ КП 19622.
[371] СГКМ КП 19624.
[372] СГКМ КП 19626.
[373] СГКМ КП 19448.
[374] СГКМ КП 23711.
[375] СККМ КП 23705-23707.
[376] СГКМ КП 23708-23710.
[377] СГКМ КП 23713.
[378] СГКМ КП 23712.

Мальцева Н.А. (Москва)

БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ ГЕРОЕВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В МОСКВЕ: К ВОПРОСУ О ПЕРСОНИФИКАЦИИ ПАМЯТИ

Несмотря на обилие научных и околонаучных публикаций на популярную, по понятным причинам, тему Первой мировой войны, павшим до сих пор приходится доказывать свое право на память. Ни установленные по всей стране мемориалы, ни масштабное производство качественного контента, увы, не переводят интерес из плоскости абстракции в реальность. Сосуществуя в параллельных измерениях, символ не выдерживает конкуренции при столкновении с повседневностью.

О Братском кладбище героев Первой мировой войны в Москве до сих пор общественность осведомлена слабо. Официальные лица вспоминают о нем лишь по красным датам календаря, да и то без особого усердия, не избалован мемориал и вниманием СМИ. По мнению чиновников, формальная установка десятка безликих столбов и табличек равноценна восстановлению памятника. А между тем, один из крупнейших военных некрополей (около 20 тыс. захоронений) расположен всего в 15 минутах езды от Кремля, у Ленинградского проспекта, бывшего Петроградского шоссе.

Мысль об увековечении памяти погибших воинов возникла еще в сентябре 1914 года. С инициативой по созданию некрополя выступила Великая княгиня Елизавета Федоровна, покровительница богоугодных заведений.

С самого начала Братское кладбище задумывалось как памятник всероссийского значения, именно поэтому вопросы его устройства и содержания были возложены на московские власти, а не на военные ведомства, что в то время одновременно облегчало и задачу поиска средств финансирования.

Специальную комиссию для разработки планировки и решения оперативных организационных вопросов по устройству кладбища возглавил Сергей Васильевич Пучков, главный врач Александровской больницы, председатель Совета городской общины сестер милосердия «Утоли моя печали», член различных попечительств и врачебных обществ. [379] Пучков предложил назвать кладбище «Братское кладбище для воинов, умерших в войну 1914 года, и для сестер милосердия Московских общин».

Конкурс на предоставление земельного участка выиграло имение площадью 11 десятин 279 квадратных сажен земли (примерно 12,12 га), находящееся в собственности полковницы Голубицкой А.Н. в селе Всехсвятском (ныне район Сокол, Северный административный округ г. Москвы).

«Вековой парк, преимущественно липовый с примесью березняка и крупных пород ели и сосны»[380], недалеко от Тверской заставы и прямо у Петроградского шоссе, с удовлетворяющим санитарным требованиям составом почв и приемлемой ценой (271 тыс. рублей), к тому же располагался в непосредственной близости к другому патронируемому Великой княгиней Елизаветой Федоровной учреждению – Сергие-Елизаветинскому трудовому убежищу для воинов русско-японской войны.

Имение Голубицкой А.П. сохранило в себе элементы планировочной структуры усадьбы 18 века, доставшейся ей в конце 19 века от племянницы молдавского господаря Маврокордато, графини Санти. Частично эта планировка, вкупе с уцелевшими кладбищенскими аллеями, обнаруживается в плане парка и сегодня. Современное очертание границ мемориального парка почти повторяет, хотя и с утратами, первоначальные границы участка, приобретенного городской Управой у Голубицкой А.Н. 27 ноября (10 декабря) 1914 года.

Проектно-планировочные работы были поручены главному инженеру по благоустройству Москвы Шестакову С.С., главному заведующему озеленением Кельху А.Н. и гласному Московской Городской Думы, архитектору Клейну Р.И.

Московский некрополь, мыслившийся его зачинателями как Всероссийский памятник войны 1914 года, должен был быть четко организованным, торжественным и демонстрировать мощь русской армии.

Первоначально предполагалось непосредственно под могилы отвести 10 десятин земли, в центре участка возвести храм, именно к нему по проекту должна была вести широкая дорога от съезда с Петроградского шоссе (сегодня это улица Луиджи Лонго и Чапаевский переулок).

Клейн Р.И. предложил также организовать музей на территории кладбища, в 1917 году Пучков С.В. развил его идею, говоря не только о музее «под крышей», но и под открытым небом, с демонстрацией всех видов вооружений, фортификационных сооружений, инсталляциями и реконструкциями, например, действия отравляющих газов на человека. Эти мечтам не было суждено сбыться.[381]

Кладбище было всесословным, а места для захоронения – бесплатными. В планировке выделялись кварталы спецназначения – для общественных деятелей, офицеров, воинов Московского гарнизона, не

---

[379] Пирогов В.Ю. Московское Братское кладбище. Утраченный и вновь обретенный памятник великой войны//Кадашевские чтения: сборник докладов конференции. Выпуск XV. [Гл. ред. протоирей Александр Салтыков]. – М.: Луг духовный; Об-во сохранения лит. наследия (ОСЛН); издательство ОРПК «Кадашевская слобода». 2014. С. 54.

[380] Пучков С.В. Московское городское Братское кладбище. – М., 1915. С. 7.

[381] Катагощина М.В. Музей Великой войны//Московский журнал. 1992. №5.

православных. Позднее появилась аллея летчиков, могилы которой оформлялись крестовыми пропеллерами самолетов.

Торжественное открытие Братского кладбища, освящение временной часовни и погребение на нем первых пяти погибших воинов состоялось 15 (28) февраля 1915 года при большом стечении публики. В церемонии и шествии с гробами участвовали Великая княгиня Елизавета Федоровна, послы союзнических держав, все высшие и средние чины городского управления, генералитет, георгиевские кавалеры, члены кладбищенской комиссии.[382]

С этого дня начались скорбные будни кладбища: ежедневные захоронения, иногда масштабные (например, 31 июля (13 августа) 1915 года – 50 погребений).

В апреле 1915 года дополнительно приобрели два участка площадью 8 десятин и 2100 квадратных сажен земли. В результате стало возможным отвести отдельный квартал под погребения сестер милосердия и больший земельный участок под храм. Во второй половине 50-х годов прошлого века эта зона практически полностью ушла под застройку.

Кладбище стало местом паломничества горожан и близких похороненных здесь воинов. Около 6 тысяч поминальных свечей было зажжено на могилах в ночь Пасхи 9 (22) апреля 1916 года.[383] Специально для посетителей был пущен дополнительный поезд по МКЖД до станции «Серебряный бор», на который было предварительно продано до 900 билетов.

6 (19) августа 1915 года заложили камень в основание храма. Деньги пожертвовала семья Катковых, чьи оба сына, Андрей и Михаил, погибли 6 (19) августа 1914 года в боях в Восточной Пруссии. Освещение главного престола храма, возведенного по проекту Щусева А.В., состоялось только в канун Рождества 1918 года. В конце 1940-х храм был снесен.

В 1917 кладбище стало свидетелем революционных преобразований и стихий смутного времени. В августе кадры кинохроники запечатлели похороны юнкеров Алексеевского училища, погибших при подавлении военного бунта в Нижнем Новгороде. [384] 13 (26) ноября 1917 года здесь были преданы земле павшие в боях за Кремль юнкера и студенты. Затем у каменной ограды проводились расстрелы с последующим погребением на месте. Некрополь пополнился красноармейцами, чекистами, священниками, белогвардейцами и контрреволюционерами, а также военнопленными.

Авиаторов, теперь уже красноармейских, продолжали хоронить на аллее летчиков до 1923 года, появились и погребения гражданских жителей Москвы. В 1925 году кладбище для захоронений закрыли и передали Москоммунхозу в качестве парка, тогда же была разобрана и деревянная часовня.

Архивы Братского некрополя были спасены членами кладбищенской комиссии, сформированной участниками общества «Старая Москва».

Исследованием Братского кладбища активно занялась Вера Николаевна Арнольд. К 1926 году многие могилы утратили таблички, другие были сровнены с землей. Арнольд В.Н. пришлось заново составлять актуальный план и выверять картотеку, в результате чего ей удалось идентифицировать более 3 тыс. захоронений. В июне 1927 года Арнольд В.Н. была назначена уполномоченной Комитета по охране могил выдающихся лиц, созданного при обществе изучения Московской губернии. Комитет просуществовал до марта 1930.[385] Немногим дольше прожило общество «Старая Москва», а его архивы вместе с материалами по Братскому кладбищу поступили на хранение в Исторический музей.

Массовое строительство в районе Братского кладбища началось в 50-х. Речку Таракановку спрятали в трубу, территория кладбища сократилась до первоначальной, которую благодаря ее пейзажности оставили под сквер. В сквере появляются два кафе и кинотеатр «Ленинград». В озеленение добавляют яблони, пересаженные из садов, попавших под застройку, и пушистые кусты сирени (усадьба и питомник известного сиреневода Колесникова Л.А. находились напротив Братского кладбища). Могилы окончательно сровнены, уцелело лишь надгробие Сергея Шлихтера, скончавшегося 25 июня 1916 года после ранения под Барановичами.

В 1980-х отдел письменных источников ГИМ начал работы по обработке архивов «Старой Москвы». Молодые сотрудницы музея Нина Леонидовна Зубова и Мария Всеволодовна Катагощина по собственной инициативе принялись за фонды Братского кладбища.[386]

Примерно в тоже время вокруг некрополя активизировалась и общественность, был создан Общественный совет по защите и сохранению территории Всероссийского военного Братского кладбища.

---

[382] РГАКФД. № 11671. (Фонд кинодокументов); О киножурнале «Военное обозрение»: Малышева Г.Е. Журналы «Военное обозрение» фирмы «Братьев Патэ» 1915-1917 гг. //Вестник архивиста. 2013. №4. С. 50-61.

[383] Яблоновский С. У братских могил/предисл. и публ. М.В. Катагощиной. Рассказ о Пасхальной заутрени на Братском кладбище в Москве в 1915 году//Московский журнал. 1992. №4.

[384] РГАКФД. № 12738. (Фонд кинодокументов).

[385] Иванова Л.В. Общество «Старая Москва» и его борьба за московский некрополь// Людмила Васильевна Иванова – краевед, москвовед, усадьбовед. – М.: НП «Русская усадьба», 2012. С. 210-228; Иванова Л.В. История изучения московского некрополя//Там же. С. 127-137.

[386] Петров Ф.А. Обзор фонда Музея «Старая Москва». М., 1991.

Первая попытка выявить и публично огласить имена захороненных здесь героев была сделана в 1992 году группой исследователей, издавшей по материалам русской прессы времен Великой войны биографический словарь.[387] Несколько памятных плит и три мемориальных креста были установлены Общественным советом в период до 1995 года. Параллельно в историко-культурных и военно-исторических журналах появились научные публикации о Братском кладбище.

Не вдаваясь в подробности затяжных и до сих пор ведущихся боев общественников с городскими властями по поводу мемориала, коротко отмечу только некоторые их результаты. В 1994 года парк получил статус памятника истории, а в 2002 году – объекта историко-культурного наследия регионального значения. С 1996 по 2004 г. на территории Братского кладбища реализовывался проект восстановления исторической планировки и организации мемориальной зоны в юго-западной части парка.

Небольшая часовня-памятник во имя Спаса-Преображения в качестве композиционного центра возведена на естественном возвышении. Рядом размещены часовенный столб и памятный каменный крест с надписью: «В память вождей и воинов, на поле брани за веру и Отечество живот положивших». Композицию дополняют: «Стена памяти» с рельефом из двуглавого орла и посвящением: «Москва павшим российским воинам» и обелиск «Павшим за свободу и независимость Родины», увенчанный позолоченным гербом России, с объемными изображениями Георгиевского креста, звезды ордена Святого Георгия и ордена Красной Звезды.

В 2002 году Главному Управлению охраны памятников г. Москвы предписали подготовить полный пакет документов по объекту. Кафедрой геофизики Геологического факультета МГУ им. Ломоносова М.В. летом 2003 года были проведены геофизические исследования и археологические зондажи. Исследования выявили, что захоронения сохранились на большей территории парка, только первые две линии у бывшей кладбищенской стены и аллея летчиков оказались под асфальтом проезжей части Песчаного переулка. Места погребений практически полностью совпадают с планом 1926 года, составленным Арнольд В.Н., что позволило утвердить размещение мемориальных знаков.[388]

В северной части парка также был установлен ряд стел и обелисков (с названием комплекса, авиаторам, сестрам милосердия и т.д.), носящих скорее декоративный, нежели реальный мемориальный характер. На месте снесенной в 1925 году кладбищенской часовни – белокаменная стела, верх которой стилизован под церковные купола с православным крестом: «На этом месте в 1915-1925 гг. находилась часовня Московского городского Братского кладбища».

Все работы предполагалось закончить к 90-летней годовщине начала Великой войны. Примерно в то же время Мосгорнаследием совместно с ГИМ был завершен 10-томный труд по Братскому кладбищу, в который вошли и именные списки погребенных, выверенные и систематизированные Марией Всеволодовной Катагощиной.

1 августа 2004 года состоялось торжественное открытие мемориального комплекса при непосредственном участии городских властей, представителей общественных организаций и делегаций стран – бывших союзниц России в Первой мировой войне.

Фанфары смолкли и потекли серые будни. К 100-летней годовщине установили информационный стенд, освещающий краткую историю мемориала. В местной прессе юбилейные мероприятия удостоились двух микроскопических заметок.

Общественный совет самостоятельно ухаживает за сохранившейся могилой Шлихтера, организует памятные акции, ведет розыскные и исследовательские работы, устанавливает мемориальные доски по просьбе потомков погребенных. Так, например, в ноябре 1915 года в храме Всех Святых и в парке прошла акция памяти юнкеров и акция «Бессмертный полк Братского кладбища», в финале которой рядом с надгробием Шлихтера была установлена небольшая коллективная плита «Примирения и памяти» с именами нескольких героев Первой мировой войны, жертв «красного террора», участников Белого движения и бойцов Красной армии, чью историю удалось восстановить общественникам.

Вопрос же установки масштабной стены памяти с именами всех погребенных на Братском кладбище до сих пор остается открытым. А между тем, данный некрополь в отличие от многих других обладает полным историческим документальным обеспечением, на основании которого и был создан десятитомник Мосгорнаследия. Впрочем, последний существует только для служебного пользования и хранится в архиве указанной организации.

В 2013 году издательство «Русскій Міръ» обратилось к старшему научному сотруднику отдела письменных источников ГИМ Катагощиной М.В. с предложением опубликовать этот список. После соответствующей подготовки свет увидело двухтомное издание «Братское кладбище в Москве. 1914-

[387] Московское городское Братское кладбище. Опыт биографического словаря. Сост. И.М. Алабин, А.С. Дибров, В.Д. Судравский. – М., 1992.
[388] Пирогов В.Ю. Указ. Соч. С. 81-82.

1924. Некрополь», состоящее из именных списков, погребенных с предисловием и послесловием составителя.[389]

Архив кладбища, поступивший на хранение в ГИМ и легший в основу этого издания, имеет в своем составе списки и картотеки, книги регистрации, свидетельства о смерти, публикации о похороненных в прессе, фотографии и письма родственников.

Именные списки словаря организованы в алфавитном порядке. В первый том вошли обладатели фамилий с первыми буквами от А до Л, во второй – от М до Я, соответственно. Информация по каждому погребенному приводится по формулярам регистрационных книг и кладбищенских картотек с сохранением последовательности указанных в них данных: ФИО (полностью), возраст, вероисповедание, воинское звание, наименование воинского подразделения, социальный статус, место рождения, место, дата и причина смерти, дата погребения, номер участка и могилы, порядковый номер захоронения в журнале регистрации погребений. Например:

«БОДАНИН (БАДАНИН) Николай Николаевич, 22 года, православный. Рядовой. 15 гренадерский Тифлисский полк. Крестьянин Вологодской губернии и уезда, Бойдаровской волости деревни Строгино. Сконч.: Москва. Госпиталь при Солдатенковском училище, 23 августа 1917 г., ранение левого бедра. Погр.: 26 августа 1917 г., № 62, 8 ряд, № 15574».[390]

Таким образом, в каждой записи словаря содержится широкий диапазон данных, могущих послужить отправной точкой для многочисленных исследований.

Вот что пишет об организации регистрационной работы на Братском кладбище Катагощина М.В.: «*В конторе кладбища сохранялись свидетельства на погребение, выдававшиеся медицинскими учреждениями, и документы на перевозку тел погибших. Кроме того, попечителю кладбища С.В. Пучкову присылались родными и сослуживцами фотографии и некоторые биографические материалы о похороненных на Братском кладбище офицерах. Часть из них сохранилась до настоящего времени. Письмоводитель и его помощник составляли именные карточки и вели регистрационные книги, в которые информация о погребенных заносилась в хронологической последовательности*». [391]

Предположительно, тела погибших в местах сражений направлялись в Москву по распоряжению командования или руководства полевых госпиталей, умерших же в московских лечебницах и невостребованных родственниками хоронили автоматически; остальные, в том числе и офицеры, получали места по заявлению. Всего в 1915-1919 гг. на Братском кладбище было похоронено 17, 5 тыс. рядовых, 581 чел. командного состава, 51 сестра милосердия и 14 врачей. Документы за 1920-1924 годы не всегда обладают ясностью и полнотой, тем не менее, составителям удалось проверить и представить значительное количество имен погребенных в этот период. [392]

Подавляющее большинство имен, представленных в словаре, принадлежит воинам Великой войны всех родов войск, отдельную подгруппу составляют вернувшиеся из плена русские солдаты, а также военнопленные из армий противников и участники Белого движения, хоронившиеся по документам, предоставленным московскими патронатами по делам военнопленных и беженцев (именно эти документы содержат минимум личных данных). Значительную группу составляют имена сестер-милосердия. Встречаются единичные имена городских обывателей.

В группе воинов наибольшую долю занимают православные рядовые крестьяне со всей территории России, от Севера до Забайкалья. Значительное число составляют уроженцы Украины, Белоруссии, Молдавии, Грузии, Армении, Кавказа (Кабардино-Балкарии, Дагестана, Чечни и прочих республик). Также даже при беглом просмотре списка впечатляет количество погребенных на Братском кладбище сынов Прибалтики и Польши, католиков и лютеран. Кроме них, здесь нашли пристанище чехи, сербы и словаки, участники национальных воинских формирований, сражавшихся за Россию.

Безусловно, учитывая военное время, не все записи содержат полные данные об умерших. Однако, основной их массив обладает достаточной полнотой для идентификации личностей погребенных.

Составителями была проведена практически исчерпывающая (в рамках находящегося в их распоряжении фонда архивных документов некрополя) по расшифровке и сверке сведений о каждом захоронении. Явные ошибки и описки, в том числе в географических названиях, наименованиях воинских подразделений по возможности были ими исправлены. Все спорные моменты ими особо отмечены (дополнительно указаны в скобках, сопровождаются знаком вопроса или комментариями). Медицинская терминология, естественно, не проверялась. Места погребения приводятся либо по исходной картотеке, либо, в случае получения ими новых номеров в результате сверки, проведенной Арнольд В.И. в 1926 году, по данным этой сверки; при отсутствии оных вовсе - проставлены прочерки (скорее всего, это были некие коллективные захоронения, по неизвестной причине не получившие

[389]Братское кладбище в Москве, 1915-1924. Некрополь. [В 2 т.]: [слов.-справ.]/ФГУК «Государственный исторический музей», отд. письм. источников; подгот. Н.Л. Зубова и М.В. Катагощина. – М.: Русскій Міръ, 2013. – 768 с. , 744 с.
[390] Указ. соч. Т.1 (А – Л). С. 143.
[391] Там же. С. 12.
[392] Там же. С. 16.

точного указания места). Обозначения мест захоронений не отличаются единообразием. В некоторых карточках встречается и дополнительная информация о покойных (например, об орденах, ранениях, подробности жизни). Таковые вынесены за основной текст и выделены курсивом. Кроме того, в предисловии отмечено, что составители стремились максимально сохранить структуру и стилистику источников.[393]

Однако, обладая большим исследовательским потенциалом, опубликованные списки являются сырым материалом и по форме представления, и по достоверности указанной в них информации, поскольку основываются на единственном, пусть и обширном, источнике – архиве некрополя. В том виде, в котором он опубликован, список пригоден только для поиска похороненных на Братском кладбище предков.

Для поименования всех погребенных на настоящей стене памяти требуется дополнительная перекрестная проверка опубликованной информации, прежде всего по архивам, хранящим данные о физических лицах. В связи с этим работу подобного масштаба целесообразно организовать в административно-территориальном разрезе и по проектному типу, где в группе будут совместно участвовать как краеведы, историки и архивисты на местах, так и московские исследователи.

Целью проекта является не только подготовка максимально выверенных списков, погребенных для установки персонифицированной стены памяти, но и поиск их потомков, сбор дополнительных сведений о них. Каждый имеет право быть нормально оплаканным и возрожденным в памяти.

С учетом вышесказанного и пользуясь представившимся в виде настоящей конференции случаем, я предлагаю начать эту трудоемкую, но крайне необходимую, работу с актуализации имен уроженцев Русского Севера, лежащих в земле мемориального парка.

Путем ручной выборки из списка словаря будут извлечены данные воинов, происходящих из Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерний. Получившийся список будет преобразован в базу данных, дающую возможность создавать выборки по всем признакам, содержащимся в исходном списке, фактически по разделам формуляров кладбищенской картотеки, что позволит подготовить первоначальный список имен в виде, удобном для работы в местных архивах с группировками по административно-территориальному признаку и годам рождения. На следующем этапе список необходимо привести в соответствие с современным административно-территориальным делением для выявления актуальных мест нахождения архивов, и затем инициировать запросы.

Параллельно работе на местах, получившийся список требуется сверить непосредственно с источниками в фондах ГИМ на предмет выявления описок и ошибок, допущенных при наборе столь масштабного текста как сотрудниками ГИМ, так и издательством. Также надлежит изучить, при их наличии, все дополнительные материалы архива Братского кладбища в отношении погребенных, вошедших в выборку.

Отдельный массив работ связан с выверкой топографии захоронений, для чего следует изучить принципы обозначения и нумерации всех топографических единиц (кварталов, участков, линий, рядов, могил), а также имеющихся планов кладбища на всем протяжении его функционирования. В результате на плане Братского кладбища от 1926 года предполагается получить сетку из мест погребений лиц, поименованных в списке. Последующее наложение этого плана на современный опорный план района позволит с достаточной степенью достоверности установить места захоронений на местности, при необходимости и возможности с последующим подтверждением данными геофизической разведки.

В случае выявления несоответствий информации, указанной в списке, как на местах рождения, так и при работе с архивами Братского кладбища в Москве, авторский коллектив проекта обменивается такими «находками» и корректирует дальнейшие поиски. При необходимости данные уточняются в военных архивах и архивах медицинских учреждений и пр. Кроме того, в архиве Мосгорнаследия предполагается изучить весь массив информации по кладбищу, изложенный в их десятитомнике.

Результатом данного проекта станет максимально проверенный, достоверный список погребенных, с примерным (а в некоторых случаях и точным) установлением мест их захоронения. Этот итог, безусловно, можно будет использовать и для дальнейших более глубоких исследований по тематике, но главное, он будет готовым к претворению в реальность плана установки именной стены памяти. В случае, если власти города устранятся от реализации этого плана, представляется перспективной альтернативная, менее масштабная, идея, на осуществление которой можно будет легко привлечь частные источники финансирования – отдельная мемориальная стена с именами витязей Русского Севера, сложивших головы на благо Отечества.

Поскольку данный проект появился почти что экспромтом, за две недели до срока сдачи материалов докладов конференции в печать, говорить о каких-либо объемах исходной информации, подлежащей обработке, рано (сообщу только, что при черновом подсчете по произведенной ручной выборке имен из первого тома – фамилии от А до Л – выявлено примерно 230 уроженцев Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерний, со значительным преобладанием представителей последней).

[393] Там же. С. 21-22.

Но на самой конференции будут уже представлены предварительные результаты обработки списков словаря и, в случае заинтересованности местного профессионального сообщества, работа над ними будет продолжена в русле коллективного труда. Это позволит памяти обрести лицо, и, может быть, тогда она перестанет быть абстракцией.

Мартюкова Г.А. (с.Никольское, Тотемский район, Вологодская область)

ИСТОРИЯ НИКОЛЬСКОЙ ЗЕМСКОЙ БОЛЬНИЦЫ

В 70-е годы XIX века активизировалась деятельность земств в области здравоохранения. Уездные управы стали открывать фельдшерские школы, больницы, активно велась работа по закупке лекарств. Земские больницы были открыты для всех слоев крестьянства, ранее практически лишенного какой бы то ни было медицинской помощи. В волостях и селах земства начали устраивать небольшие больницы. Истори**я** одной из таких больниц, открытой в Никольской волости Тотемского уезда, посвящена данная статья.

До 1887 года в селе Никольском Тотемского уезда работал небольшой фельдшерский пункт. Более пятнадцати лет им заведовал фельдшер Степан Иванович Иванов. Известно, что с 1 января по 1 сентября 1878 года за врачебной помощью обратилось 1113 человек. Болезни терапевтического характера были выявлены у 601 человека, 454 больным требовалось хирургическое вмешательство, пятидесяти восьми обратившимся был поставлен диагноз сифилис.[394] (*прим. авт*. – форма бытового сифилиса, в то время заболевание встречалось во многих российских губерниях, как среди городского, так и среди сельского населения). В 1880 году за девять месяцев в Никольской волости было выявлено 267 больных, из них 90 детей.[395] Заболевание стало носить эпидемиологический характер. Для выявления полной картины эпидемии из Тотьмы был отправлен в волость земский врач Вишняков. После осмотра больных он сделал вывод, что заболевшие большею частью дети, страдающие чисто местным поражением слизистых оболочек. У взрослой части населения имеет место хроническое поражение костей.[396]

В 1881 году Никольскую и Трофимовскую волости посетил студент 5 курса Казанского университета 5 курса , медицинского факультета Иван Бурцев, который осмотрел жителей 71 деревни. **Им было выявлено 1267 больных сифилисом, 800 из них требовалось больничное лечение.** [397]

В виду столь сильно распространившейся болезни, подрывающей здоровье и благосостояние Никольской волости с населением 7,5 тысяч человек, Тотемская уездная управа ставит вопрос об открытии в селе Никольском особой сифилитической лечебницы[398].

В апреле 1883 года для строительства больницы было выделено полдесятины церковной земли Николаевской Толшемской церкви.[399] В этом же году Управою было заготовлено для строительства более 300 деревьев, а также 12 тысяч штук кирпича и мох.[400] Постройка дома была поручена члену управы П.П. Фоминскому. Местные крестьяне пожертвовали для строительства 158 деревьев. Чтобы уменьшить затраты на постройку у причетнической вдовы Поповой **была куплена изба** для разбора и использования строительного материала. В 1884 году дом был срублен и покрыт тесом.[401]

К осени 1886 года строительство деревянного двухэтажного дома на каменном фундаменте было завершено, также была окончена постройка надворных строений: кладовой, погреба, бани и прачечной. Вокруг дома и хозяйственных построек был установлен новый забор. Для лечебницы были приобретены мебель, бельё, постельные принадлежности, хирургические инструменты. На содержание больницы с зарплатой для персонала в смету 1887 года было внесено 2737 рублей. Общая сумма затрат на постройку Никольской больницы обошлась земству в сумму 5088 рублей. [402]

11 января 1887 года Никольская земская больница была торжественно открыта. **После Божественной литургии, прошедшей в местном храме, состоялся крестный ход из церкви в больничное здание, где было отслужено молебствие.** На открытии с речью выступили попечитель больницы священник Викентий Белков, врач больницы И.А.Голубев и студент семинарии Прокошев.

---

[394] Журналы Тотемского уездного земского собрания созыва 1878 года. (далее ЖТЗС) Вологда.1879. С.57.
[395] ЖТЗС созыва 1880 года. Вологда. 1881. С. 88.
[396] Там же. С.52-54.
[397] ЖТЗС созыва 1881.Вологда. 1882. С.163-177.
[398] ЖТЗС созыва 1880.Вологда 1881. С.11.
[399] ЖТЗС созыва 1883.Вологда.1884. С.114-115.
[400] Там же. С.43-44.
[401] Там же. С.84-85.
[402] ЖТЗС созыва 1886 года. Вологда. 1887.С.166-168.

Никольская больница была рассчитана на 20 **койко-мест**. С января по 1 сентября 1887 года на излечение поступило 212 человек. В марте и сентябре помещения были осмотрены председателем управы, который нашёл, что в лечебнице всё в порядке. [403]

В октябре 1887 года попечитель больницы священник Викентий Белков сообщает: «*Обстановка в больнице хотя не может быть названа чересчур блестящей, но на первых порах и не бедна. Всего зараз и нельзя требовать, за то однажды и навсегда установленный порядок заслуживает похвалы: утренняя и вечерняя визитация, своевременный прием больных, уход за больными, дружеское обращение с ними всем этим больница обязана своему хозяину уездному врачу Голубеву…… Никольская больница производит самое приятное впечатление. Отзывы пациентов хорошие*».[404]

Первоначально врач и два земских фельдшера жили в комнатах при больнице, что было крайне неудобно. Поэтому вскоре в земство были направлены прошения о строительстве специального дома под квартиры для медицинских работников и больничную кухню. Прошения были удовлетворены и в 1896 постройка хозяйственного флигеля была осуществлена. На его строительство было израсходовано 3597 рублей.[405]

В 1893 году было начато строительство специального заразного барака на 12 мест для изоляции инфицированных пациентов. К осени этого года барак был срублен, для полного завершения строительства требовалась установка дверей, рам, печей.

В 1896 году за Никольской земской больницей числятся следующие здания:

- деревянный двухэтажный дом земской больницы длиною 9 саженей и шириною 5 саженей с пристройкою на каменном фундаменте для ватерклозетов и двумя прирубленными крыльцами;
- новый деревянный двухэтажный флигель **для квартир медицинских работников и больничной кухни** длиною 6 саженей шириною 5 с пристройкою во всю длину здания, для помещений крыльца, двух чуланов, двух балконов и ретирадных мест;
- деревянная одноэтажная постройка для бараков, приспособленная и для помещения больных в зимнее время, длиною в 5 саженей, шириною в 3 с прирубленным крыльцом;
- деревянная одноэтажная постройка для помещения часовни длиною 3 сажени, шириною 2;
- деревянный одноэтажный флигель для помещения амбара и погреба, длиною 5 саженей и шириною 3 сажени;
- деревянный одноэтажный флигель для помещения бани и прачечной, длиною 4 сажени, шириною 3 с пристроенным к нему крыльцом.

Все эти помещения были застрахованы от огня в губернском земстве.[406]

Первым врачом Никольской больницы был Иван Абрамович Голубев. Далее врачебной практикой в больнице занимался Виктор Александрович Попов. В нач. XX века врачом был Александр Алексеевич Верхушкин.[407] В разное время фельдшерами в больнице работали Алексеев, Янусов, Феодосий Забродин, Константин Попов, Анна Попова, Соколов, акушерка Якушева.

В 1894 году попечителем больницы был тотемский купец 2 гильдии Константин Иванович Замяткин. В означенном году он пожертвовал больнице 30 рублей на чай и сахар, а также на приобретение книг. В 1896 году пожертвовал 25 рублей также на приобретение книг.[408] В 1904 году Константин Замяткин пожертвовал 35 рублей на выдачу больным к чаю: сахару, кулича и сушки на праздник святой Пасхи.

С 1912 года попечителем больницы являлся Шумляев Константин Семёнович.

Ежегодно на своих заседаниях Тотемское земское собрание заслушивало отчеты о состоянии земской городской и участковых больниц, расположенных на территории уезда. Вот как выглядела Никольская земская больница согласно отчета 1903 года земского врача Н.М. Шохиной: «*Никольская больница во время строительства была с краю деревни, теперь же очутилась в черте деревни, продолжая улицу, вытянулись здания: дом призрения, волостное правление и земская школа. Первый этаж двухэтажного здания больницы заключает: приемную, аптеку, две большие сифилитические палаты, ванную, кухню, кладовую для вещей больных, 3 сеней, из которых один занят баком для воды, рядом с которым размещаются 2 клозета, и узким т-образным коридором. Второй этаж при таком же коридоре, параллельном нижнему, разделяется на четыре палаты, операционную, комнату для рожениц и два клозета. Узкие темные коридоры с закоулками, кроме своей прямой коридорной обязанности, несут еще и следующие: в нижнем этаже самая темная половина коридора, первая от входа служит ожидальной, где на двух трех аршинной длины скамьях сидят больные, пришедшие пораньше., ожидая своей очереди приема; пришедшие же попозже первых ожидают стоя, сбиваясь в кучу напирая на дверь аптеки и приемной. Вторая, более светлая половина коридора, представляет столовую для*

[403] ЖТЗС созыва 1887года. Вологда. 1889.С.102-103.
[404] Там же. С.29-30.
[405] ЖТЗС созыва 1895 года. Вологда. 1896.С.382-383.
[406] Там же. С.146-148.
[407] ЖТЗС созыва 1909. Вологда.1910.С.226.
[408] ЖТЗС созыва 1896. В- Устюг. 1897. С.417.

сифилитиков, а весь коридор вообще - место прогулок их. Верхний коридор - он же столовая для больных второго этажа, по субботам приспосабливается к ***отправлению*** *всенощной, в тёплое время всенощная служится в часовне. Никольский медицинский участок распространяется на 175 верст с населением в 28 тысяч человек и обслуживает участок один врач, 4 фельдшера, один оспопрививатель и две повивальные бабки… И понятно, что такое количество медицинского персонала слишком незначительно, чтобы деятельность его, доведенная даже до последней степени своего напряжения, могла бы хоть сколько-нибудь сносно удовлетворять насущную потребность населения в медицинской помощи*».[409]

В начале XX века в стационаре Никольской земской больницы в среднем в год пролечивалось около тысячи человек, общее число обратившихся за год больных было более 6000 человек .Регулярно в Никольской волости отмечались вспышки разнообразных эпидемиологических заболеваний (натуральной оспы, брюшного тифа и сифилиса). Старый барак, к тому времени пришел в негодность, не отвечал медицинским требованиям. Больные стали отказываться туда ложиться, а если и согласившись, то на другой день решительно выписывались. Тотемское уездное земское собрание в 1912 году ставит вопрос о строительстве нового заразного барака для инфекционных больных. Из доклада Земству 1912 года по этому вопросу: «*Ввиду того, что при Никольской больнице не имеется заразного барака, население 1-го врачебного участка при появлении в этом районе заразных заболеваний испытывает крайнее неудобство, так как таких больных в больницу не принимают, а, оставаясь, дома они способствуют развитию эпидемиологических заболеваний среди окружающего населения. Причём меры борьбы с эпидемиями крайне затрудняются отсутствием помещений для изоляции больных. Между тем главнейшая мера борьбы и заключается именно в изоляции*»[410]. Земская управа выносит постановление построить барак на 12 койко-мест. Половину стоимости работ обещает принять на себя Губернское земство. На заготовку строительных материалов в 1913 году от Тотемского земства было внесено 1000 рублей, столько же было получено и от Губернского земства. В 1914 году все строительные материалы были подготовлены. Комиссия, представившая доклад о постройке барака при Никольской больнице на рассмотрение земского собрания, в 1914 году предложила приступить к строительству, внеся в смету на 1915 года 4692 рублей. Когда же точно было завершено строительство барака, установить, пока не удалось. Можно лишь предполагать, что строительство барака затянулось еще на несколько лет, т.к. шла Первая мировая война и земству постоянно приходилось сокращать расходы на внутриуездные нужды.

В 1913 году в здании самой больницы был произведен ремонт: переложены печи, установлены ватер-клозеты в хозяйственном флигеле, здание больницы было покрашено снаружи.

Никольская больница продолжала функционировать и после ликвидации земства в 1918 году. **В 20-40-е** годы XX века в больнице врачами работали Полина Алексеевна Медолазова, Софья Абрамовна Финкельштейн, Ольга Арсеньевна Рожина, Вера Ивановна Тарасова. Фельдшером трудился Владимир Александрович Попов.

С 1956 по 1974 **года заведовал больницей** Василий Алексеевич Чудинов. Военный фельдшер Чудинов пользовался большим авторитетом среди земляков. Тамара Васильевна Игошева проработала в Никольской больнице акушеркой 44 года. Из воспоминаний Т.В.Игошевой: «Коллектив больницы насчитывал 17 человек, из них три медсестры. Население Никольского сельсовета в то время составляло 1500 человек, деревень было 33. У больницы было своё хозяйство - 2 лошади и коровы. Сенокосили, сеяли сами служащие лечебного заведения». Более сорока лет проработала медсестрой Галина Александровна Упадышева.

Стационар Никольской больницы был закрыт в 1971 году. Для медицинского обслуживания населения был оставлен фельдшерско-акушерский пункт, который размещался на первом этаже здания больницы. На втором этаже какое-то время располагался школьный интернат. С 1990 году в здании бывшей земской больницы располагается администрация Никольского сельсовета (в наст. время администрация муниципального образования «Толшменское»). Фельдшерско-акушерский пункт в 1994 году был переведён в новое кирпичное здание. Более двадцати лет им заведует Ирина Юрьевна Лапина.

В помещении больничного барака после 1971 года размещался школьный интернат. После перевода интерната в другое помещение дом пустовал более 30 лет. В настоящее время в здании располагаются продовольственный магазин «Никола» и АНО «Бирюзовый дом».

[409] ЖТЗС созыва 1903. Вологда.1904. С.384-389.
[410] ЖТЗС созыва 1912. Вологда.1913.

Мелехова Г.Н. (Москва)

РОЛЬ ЖЕНЩИН В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В СЕРЕДИНЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

Столетье промчалось. И снова,
Как в тот незапамятный год —
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.
Ей жить бы хотелось иначе,
Носить драгоценный наряд…
Но кони все скачут и скачут.
А избы горят и горят…

Наум Коржавин. 1960.

Он смотрел на эту Нюру и удивлялся: да что же такое эта Россия? Откуда у нее такая неизбывная сила?

Федор Абрамов // Крутикова-Абрамова Л.В.
Федор Абрамов: его книги, прозрения и предостережения.

…когда предстоятель возносит молитву Богу… лицом на восток, то по его правую руку оказываются мужчины. Когда же из царских врат в благословении или через Святые Дары к нам исходит Сам Христос, то по Его правую сторону стоят именно женщины. Таким образом, если мы представим себе Христа, стоящего в царских вратах и отделяющего овец от козлищ (Мф. 25:32), то именно женщины стоят одесную, а мужчины — ошуюю.

Свящ. Сергий Свешников. О роли женщины в Церкви

В XVIII–XIX вв. главной фигурой в волостной, общинной, приходской жизни был, безусловно, мужчина. Мужчины избирались в волостные органы, были сотскими и десятскими, старостами и сборщиками, порученцами и посыльщиками, составляли группу грамотеев и книжников, главенствовали на сельских и деревенских сходах. Почти исключительно мужчины (кроме просвирниц, выпекавших просфоры) были церковными причетниками, церковными и часовенными старостами, трапезниками, вкладчиками, книговладельцами[411]. До 1860-х гг. монашествующих мужчин было больше, чем женщин[412]. Обобщенная личность мирского и церковного деятеля до 1917 г. — это мужчина.

К середине XX в. ситуация меняется, прежде всего в связи с изменением половозрастной структуры в русской провинции. Скорбную жатву среди мужского населения собрали войны XX в. — Русско-японская, Первая мировая, Гражданская, Великая Отечественная; много жизней унесли репрессии 1920–1930-х гг. Велика убыль мужчин в советские годы в результате меньшей, по сравнению с женщинами, продолжительности жизни из-за болезней, преждевременных смертей, пьянства, меньшей психологической устойчивости к жизненным испытаниям в сложных социально-экономических условиях конца XX в. Свою роль сыграл отъезд мужской молодежи из деревень.

Но есть и причина чисто духовного свойства. По мнению О.В. Кириченко, XIX–середина XX в. — период особого подъема женского православного подвижничества, выразившегося в открытии и строительстве сотен монастырей, искании и достижении в них первохристианских аскетических идеалов, тяге к строгим формам монашеской жизни, развитии православной художественной и художественно-ремесленной культуры. Накопленный к 1917 г. духовный потенциал позволил именно женскому монашеству в советское время стать «беспрецедентной опорой» Церкви, противостоя и богоборчеству, и церковному обновленчеству. «Свои небесные монастыри и общины, — пишет исследователь, — они выстроили в мирное время подвижнического труда и защитили в суровое время гонений на Церковь… стали хранителями Православия, церковной культуры и традиции»[413].

Видимо, немаловажна и особая духовная чуткость женщин, что отметил в день жен-мироносиц епископ Архангельский и Холмогорский Даниил: «Жены-мироносицы являются апостолами для апостолов, они пришли и проповедовали о том, что Христос воскрес, Бог им первым явился, они

[411] См.: *Камкин А.В.* Православная церковь на Севере России. Вологда, 1992; *Он же*. Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII веке. Диссертация на соискание ученой степени д.и.н., защищена в Москве в 1993 г. С. 153–185, 188–211; *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2000. С. 196–232.
[412] См.: *Зырянов П.Н*. Русские монастыри и монашество в XIX — начале XX века // Монашество и монастыри в России. IX–XX века: Исторические очерки. М.: Наука, 2002. С. 305–306.
[413] *Кириченко О.В*. Женское православное подвижничество в России (XIX — середина XX века). М., 2010. С. 13–15.

оказались самыми верными, и Господь воздал им. Женщины имеют самое главное — сердце, аккумулятор любви, света и доброты, это мощная энергетическая установка, она более чувствительная, нежная, восприимчивая к духовным вопросам»[414]. Примерно то же отметил и Святейший Патриарх Кирилл: доверие к Церкви и готовность участвовать в церковной жизни связаны с общностью служения Церкви и женщины. Она, считает Патриарх, «является в значительной степени ответственной за передачу нравственных ценностей из поколения в поколение. Она делает в семье то, что делает Церковь в народе. Ведь Церковь называют Матерью не потому, что слово «церковь» женского рода, а потому, что Церковь, подобно матери, сохраняет и передает из поколения в поколение нравственные ценности и воспитывает в этих нравственных ценностях каждое последующее поколение людей»[415].

Так и на Русском Севере. Как уже выявлено, одна из особенностей процессов духовного возрождения — замедленное включение в духовную жизнь мужчин[416]. В связи с этим роль женщин-северянок чрезвычайно важна. И если до 40-х гг. XX в. стержень православной жизни на Русском Севере, безусловно, составляли мужчины, то ныне можно сказать, что Православие держится на женских плечах.

В период новомученичества 1920–1940-х гг. женщины разделили с мужчинами подвиг страданий за Христа: немало их было сослано, расстреляно, умерло в узилищах. Среди арестованных монашествующих закрытого Кирилло-Челмогорского монастыря (Каргопольского района Архангельской области) были и женщины. Монахиня Анна (Мишина Анна Александровна 1873 г.р.) арестовывалась дважды: в 1932 г. (5 лет исправительно-трудовых лагерей, далее — ИТЛ) и 1937 г. (расстреляна). Новинкина Дарья Богдановна (1876 г.р.) арестовывалась трижды: в 1928 г. (3 месяца лишения свободы), 1932 г. (3 года ссылки) и 1935 г. (3 года ИТЛ); в местах лишения свободы в 1937 г. она умерла. Монахиня Анна (Боголепова Анна Павловна 1881 г.р.) была арестована в 1937 г. (10 лет ИТЛ); в 1947 г. она вернулась в родную деревню Казариновская и умерла в 1985 г. Монахиня Евдокия (Михнова Евдокия Григорьевна 1890 г.р.) тоже 1937–1947 гг. провела в ИТЛ. Монахиня Валентина (Горбунцова Лидия Афанасьевна, 1905 г.р.), осиротевшая в 12 лет и нашедшая приют в Кирилло-Челмогорском монастыре, в 1932 г. не была арестована, но добровольно последовала за своим духовным отцом схиархим. Кириллом (Пилюгой) в г. Сыктывкар, где была его келейницей; там она и умерла в 1989 г.[417]

Они предвидели свою судьбу и готовились к ней. В деле монахини Агафьи (Ширяевой Агафьи Филипповны 1891 г.р.), арестованной и расстрелянной в 1938 г., хранится дореволюционный бланк, на котором от руки написано:

«Готов на всякия страдания, даже на смерть во имя веры Христовой.

Если пошлет Господь нам испытание гонений, уз, мучений и даже смерти, будем терпеливо переносить все, веруя, что не без воли Божией совершается это с нами и не останется бесплодным подвиг наш, подобно тому, как страдания мучеников христианских покорили мир учению Христову.

Житейския молвы отринув, безмолвное житие скончал еси, Крестителя подражаяй всяким образом, преподобнейший, с ним убо тя почитаем, отцев начальниче, Антоние»[418].

Это — слова Святейшего Патриарха Тихона и кондак преподобному Антонию Великому, которому молятся о покровительстве немощных[419]. Всем женщинам, испытавшими тяготы исправительно-трудовых лагерей и ссылок, в г. Инта (республика Коми) на месте бывшего лагерного пункта установлен памятник (открыт 2 сентября 2000 г., автор — бывший узник ГУЛАГа И.М. Хорол). В нижней части плиты — посвящение: «Безвестным и бесчисленным женщинам — жертвам сталинского террора. Имена Ваши бессмертны»[420].

Множество жен репрессированных, оставшись без супругов-кормильцев, понесли тяготы тревог за мужа, выхаживания детей, материальной скудости, голода, холода, одиночества. Сын арестованного священника Александра Тервинского из Успенской церкви с. Вершинино (Плесецкого района Архангельской области) рассказывал, что когда в 1930-е гг. после ареста мужа его мать с четырьмя детьми выселили из дома, она хотела утопиться вместе с ними. От задуманного ее отвел старик-сторож,

---

[414] *Митрополит Архангельский и Холмогорский Даниил (Доровских)*. «Жизнь — это школа, в которой мы учимся главному — любить». 29.04.2011. URL: http://www.arh-eparhia.ru/publications/14388/?sphrase_id=3680 (дата обращения 20.09.2016).

[415] *Святейший Патриарх Кирилл*. Слово на церемонии открытия Международного форума «Православные женщины: единение, служение, любовь» 27 июля 2011 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/1587152.html (дата обращения 20.09.2016).

[416] См.: *Мелехова Г.Н*. Современные тенденции приходской жизни на Русском Севере (по полевым материалам 2000-х годов) // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции (Республика Карелия, Водлозерский национальный парк, 4–9 августа 2008 г.) М., 2008. С. 172–177.

[417] См.: *Мелехова Г.Н., Фаркова Л.И.* И был Господь убежищем гонимому. М.–Каргополь, 2013. С. 48–49, 67–73.

[418] Архив Регионального управления ФСБ России по Архангельской области (АРУ ФСБ РФ АО). Д. П-16440. Л. 48.

[419] См.: Житие святителя Тихона, патриарха Московского и всея Руси. URL: http://www.pravoslavie.ru/41953.html (дата обращения 10.12.2016); Открытое письмо Святейшего Патриарха Тихона священнику Томской епархии Николаю Троицкому // Церковные ведомости. 1918. № 5. 30 января/12 февраля; Молитвы о покровительстве немощных. URL: http://www.pravoslavnim.narod.ru/molitvi/molitvi1.htm (дата обращения 10.12.2016).

[420] Памятники жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР. URL: http://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/?t=pam&id=620 (дата обращения 20.09.2016).

увидевший, что она делает прорубь: «Ты, Марья Григорьевна, что делаешь?»[421] Подвиг жен новомучеников запечатлен на иконе Собора новомучеников Церкви Русской: в ее нижней части есть эпизод, в котором уводят арестованного священника, а в дверях стоит его жена с прижавшимися к ней детьми.

В этот период женщины, особенно оставшиеся монахини закрытых монастырей, были хранителями веры. Они становились неформальными центрами религиозной жизни: к ним тайком собирались верующие в праздники, на библейские чтения, на духовно-религиозные собеседования. Живя своими рукоделиями, монахини крестили детей, провожали в последний путь умирающих, облегчали душевные и телесные страдания, учили молитвам, лечили травами, поддерживали попавших в тяжелые обстоятельства. Они оставались образцом верности Богу и любви к людям. О.В. Кириченко пишет: «Храня устав, чистоту монашеской жизни в мирском окружении (а не где-то в далекой пустыни и скиту), оставаясь при этом не озлобленными и рассерженными, а любвеобильными, щедрыми на помощь многим простым людям, эти монахини не только хранили и спасали себя, они продолжали плодотворно влиять на мир вокруг них»[422]. До нашего времени дошла память о живших в Каргополе монахинях и послушницах закрытого Каргопольского Успенского девичьего монастыря: «Всю жизнь они прожили без пенсии, с огородов, плодами рук своих, усердно молясь Богу и посвящая ему жизнь свою. Горожане называли монахинь ласково “Христовыми невестами”. <…> осталась светлая память об <…> их завете — покаянием искупать грехи, очищаться от всякой скверны и стремиться к праведной жизни»[423].

В течение всех советских лет в деревнях отмечали праздники, почитали иконы, молились, в том числе совместно, «отпевали», как могли, усопших, ухаживали за часовнями и крестами. Все это преимущественно совершали женщины. В храмы ходили редко — их на Севере почти не осталось. Но там, где они действовали, их общины составляли тоже, в основном, женщины. Из 22 человек, вошедших в актив прихода церкви Казанской иконы Божией Матери в Сыктывкаре (селении Кочпон, республика Коми), открытой в 1944 г., было 16 (73%) женщин[424]. Как выразился один из иерархов Русской Церкви, наши бабушки (хранящие веру) бессмертны[425]. Они были примером жизни по вере, хранили голос совести, чувство долга, сострадательность и милосердие.

Образом благочестия была Анна Андреевна Старова (Макарьевский район Костромской обл.), собственным примером показывавшая, «что можно жить, не меняя своих убеждений, при любой власти». Став добровольным сторожем Воскресенского храма с. Нежитино, она в течение 50 лет берегла и охраняла его, ухаживала за кладбищем. Ее инициативы были поддержаны другими жительницами села. В 1960-е гг. попытка колхоза засыпать в закрытый храм зерно вызвала их организованное противостояние. Тайно предупрежденные председателем сельсовета (тоже женщиной: «Что бы я вам ни говорила завтра, машины к церкви не пускайте»), женщины встали стеной и, сменяя друг друга, сторожили храм трое суток. В перестроечные годы «грозная Анна» — так прозвали А.А. Старову — возглавила борьбу за храм, еще до регистрации в селе общины выхлопотала его постановку на учет как памятника архитектуры[426].

Примеры хранения и восстановления сельских святынь (часовен, крестов) многочисленны: за ними ухаживали, в них молились, ходили в праздники; они стали центрами духовной жизни населения[427]. В д. Орлово (Каргопольского района Архангельской области) после войны таким центром была часовня Владимирской Божией Матери на кладбище. «К Владимирской Божией Матери пойдешь, дак чтоб никто не знал, — рассказывала одна из жительниц 1913 г.р. — Днем недосуг, в колхозе, дак сходим вечером, по 2–3 человека… Мы, бабы, собрались: “Давай, пойдем, бабы, часовенку закроем”. Мужья убиты на войне, куска нету, горя своего закрывали. Купили шиферу на пожертвования. Полна деревня народу было, накладем денежек. Шифером закрыли — <его> мужики на конях отвезли»[428]. Удивительна история двустороннего Распятия из часовни д. Михайлово (Макарьевского района Костромской обл.): установленный в XVIII в. в честь избавления от засухи, крест сохранялся почти все советские годы. «Как пройдет слух, что придут часовню “зорить”, женщины все иконы уносили по домам,

[421] Полевые материалы автора (ПМА). 2002 г. Анатолий Александрович Тервинский (1926 г.р., с. Вершинино Плесецкого района Архангельской области).
[422] *Кириченко О.В.* Женское православное подвижничество… С. 456.
[423] *Кимаев Ю.И.* Понятие греховности и праведности в бытийности Каргопольского Успенского девичьего монастыря // Святые и святыни северорусских земель (по материалам VII научной региональной конференции). Каргополь, 2002. С. 195–204.
[424] См.: Национальный архив республики Коми (НАРК). Ф. Р-1451. Оп. 1. Д. 2. Регистрационное дело на действующую православную церковь Казанской Божией Матери в г. Сыктывкар Коми АССР. Л. 10–10 об.
[425] *Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поярков)*. «Наши бабушки бессмертны!» URL: http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=monitor&id=2387 (дата обращения 20.09.2016).
[426] См.: *Харитонова Мария, Мешерякова Дарья*. Судьба церковной традиции с. Нежитино (по материалам экспедиции) // Архив Всероссийского конкурса юношеских исследовательских работ им. В. И. Вернадского. http://vernadsky.info/archive/2006_2007/. Работа 071141 (дата обращения 20.09.2011).
[427] См.: *Мелехова Г.Н.* Православные часовни Русского Севера в XX веке (по полевым материалам Каргополья и Кенозерья 2000-х гг.) // Научный православный журнал «Традиции и современность». М., 2006. № 4. С. 69–96.
[428] *Она же*. Православные традиции русской деревни в XX веке (по полевым материалам Каргополья и района Куликова поля) // Исторический вестник. 5. Научный журнал. М.–Воронеж, 2000. №1 (5). С. 125–126.

и Крест месяцами мог храниться в чьем-то доме»[429]. В 1972 г. часовню все-таки разорили, а Крест увезли, но благодаря поискам жителями своей святыни и борьбе за нее, через 20 лет она была вновь обретена.

Конечно, сохранению православных устоев жизни способствовали и мужчины, но их было значительно меньше[430]. Особой сферой благочестия мужчин была установка (нередко по своей инициативе, а также по просьбе или найму женщин) новых и ремонт стоящих крестов и часовен.

В перестроечные годы провозвестниками возрождения Православия стали представители старшего поколения (1920–30-х г.р.), начавшие в конце 1980-х–начале 1990-х гг. хлопоты о приспособлении к службам сохранившихся разоренных, освобождавшихся от торговых и складских функций храмов и часовен. Пожилые жительницы первыми откликнулись на возможность открытого исповедания православной веры, стали собирать средства, нанимали для помощи и ремонта мужчин, выносили мусор из помещений, расчищали территорию. Помимо строительства и ремонта храмов (все они были переданы Церкви в руинированном или крайне ветхом состоянии), приходы, постепенно восстанавливали приходскую топографию — часовни, кресты, святые источники. Об открытии Ошевенской церкви ап. Иоанна Богослова, община которой была зарегистрирована в начале 1990-х гг. одной из первых в Каргополье, рассказывали: «А вот таких нас много было — хотели, чтобы службы были. Спросили разрешения: что, можно ли, нет открыть церкву? Объяснили, что можно. Ну, собрали денег... по деревням... Ну, тогда, конечно, попроще было с деньгами... Помыли сначала — там ведь... картошку, зерно, и все — что туда и не сыпали, чего там и не было. Все-таки собрались, покрасили все»[431]. Вычистив сохранившийся храм, женщины регулярно собирались на воскресные и праздничные молитвословия, привозили за свой счет на богослужения священника из города, самостоятельно осуществляли косметический ремонт храма, перекрыли кровлю трапезной; в ремонтных работах им помогали молодые мужчины села.

Общину церкви св. Параскевы Пятницы (с. Измайловская Плесецкого района) возглавила Александра Егоровна Волгарева (1945 г.р.), учительница, вышедшая на пенсию, бывшая в своей школьной жизни членом партии. Так — «коммунистка-учительница строит храм» — о ней и рассказывали в округе. Каменная церковь начала XIX в. поддерживается местными силами и чем Бог пошлет, состоятельных членов общины и постоянных благотворителей нет. Труды Александры Егоровны во благо церкви начались «случайно»: она откликнулась на просьбу приехавшего осмотреть храм священника навесить на двери замок, чтобы избежать новых разорений. Как рассказывает Александра Егоровна, средства поступают, по молитвам св. мц. Параскевы, от разных лиц, узнающих о храме из публикаций газеты «Вера–Эском», причем именно в тот момент, когда они крайне необходимы[432].

При решающей организационной роли женщин построена новая деревянная церковь прор. Ильи в с. Лекшма, оборудована домовая церковь в здании клуба с. Тихманьга, обустроены молитвенные помещения в с. Хотеново, сооружены часовни Сретения Господня в с. Архангело и прп. Кирилла Челмогорского в пос. Печниково (все примеры из Каргопольского района). Ныне печниковцы строят деревянный храм во имя свв. бессребренников Космы и Дамиана — этим руководит тоже женщина, директор школы Давыдова Татьяна Викторовна. С прихожанками связаны начальные этапы строительства церкви свт. Николая в с. Федово (Плесецкого района), храмов в Шале и Водле (Пудожского района республики Карелии)[433]. Организатор строительства часовни иконы Скорбящей Богоматери (Плесецкого района) — Алевтина Истомина — над дверью выстроенной часовни написала обращение к землякам: «Благодарю всех, кто жертвовал в это дело, и большое спасибо тем, кто шел на уступки и участвовал в строительстве. Прошу, берегите такие дорогие места. А.А. Истомина»[434]. Подсчеты показывают, что у истоков организации примерно половины приходов стояли женщины, еще в четверти случаях женщины являются женами и активными помощницами глав приходов[435]. Безусловно, что все подобные инициативы развиваются при благословении, а по возможности, и руководстве священников.

Сфера деятельности современных прихожанок весьма широка: они помогают священникам, работают с детьми в воскресных школах, посещают детские дома, больницы, дома-интернаты для престарелых. Развивается исследовательская деятельность краеведческого характера: в Печниковском

---

[429] *Харитонова Мария, Мешерякова Дарья*. Судьба церковной традиции…

[430] См.: *Мелехова Г.Н*. Православные традиции русской деревни… С. 131.

[431] *Она же*. Современное возрождение православной топографии Каргополья // Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения и использования. Материалы IX Каргопольской научной конференции. Каргополь, 2006. С. 252–253.

[432] См.: ПМА. Плесецкий район Архангельской области. 2004 г. Александра Егоровна Волгарева (1945 г.р.)

[433] См.: Там же. Каргопольский район Архангельской области. 2005 г.; 2010–2011 гг. Людмила Ивановна Фаркова (1952 г.р.); 2011–2016 гг.; Храм в честь святителя Николая Чудотворца с. Федово Плесецкого района. URL: http://www.arh-eparhia.ru/monasteries_and_parishes/temples/14748/ (дата обращения 20.09.2016); *Мелехова Г.Н*. Современное возрождение православной… С. 259.

[434] ПМА. Плесецкий район Архангельской области. 2004 г.; *Мелехова Г.Н*. Современное возрождение православной… С. 259.

[435] См.: Архангельская епархия. Храмы и монастыри. Благочиния. URL: http://arh-eparhia.ru/monasteries_and_parishes/ (дата обращения 20.09.2016).

приходе выявлены и изучены судьбы тех, кто встал на защиту храмов и Церкви в советский период. Член ревизионной комиссии прихода Людмила Ивановна Фаркова в ходе нескольких поездок в архив ФСБ Архангельской области выявила десятки имен пострадавших за веру, среди них — монашествующие Кирилло-Челмогорского монастыря, многие из которых в те годы трудились приходскими священниками. В ходе работы выяснилось, что закрытие печниковских храмов сопровождалось серьезным сопротивлением. Для увековечивания защитников храмов в селении возле креста и часовни поставлен мемориальный камень (освящен в 2012 г.) с перечнем имен репрессированных за веру. Выпущена книга, раскрывающая судьбы подвижников по материалам архива ФСБ[436]. Постепенно в приходскую деятельность более активно включается и мужское население.

Свою лепту в восстановление исторической топонимики г. Пудожа (ныне районного центра республики Карелии) внесла Татьяна Петровна Кубасова, активный член общины храма св. кн. Александра Невского, являющегося подворьем Муромского монастыря. Она — владелица магазина «Ольгинский» напротив храма-подворья, на его вывеске — портрет царевны Ольги Николаевны Романовой, старшей дочери царя-страстотерпца Николая II. Дело в том, что храм и магазин стоят на бывшей ул. Ольгинка, когда-то названной так по размещавшемуся здесь Ольгинскому приюту, открытом в 1902 г. В качестве детского дома (с 1995 г. имени заслуженного учителя КарАССР А.М. Логинова) он просуществовал более 100 лет и был закрыт в 2009 году[437]. Таким образом магазин напоминает о святой царевне Ольге и бывшем замечательном названии улицы.

В Каргополе есть попытка организации сестричества в сохранившемся игуменском корпусе бывшего женского Успенского монастыря. Число сестер меняется, ныне здесь живет лишь старейшая жительница Каргополья Алла Михайловна Лепетухина (ей пошел 9-й десяток). Алла Михайловна до сестричества была активным членом Ошевенской приходской общины, пекла просфоры, награждена митрополичьей грамотой. Алла Михайловна исполняет молитвенное правило, на службы ходит в каргопольский храм; по дому и хозяйству ей помогают прихожанки.

Еще одна особенность духовных процессов на Русском Севере — участие жителей иных мест, связанных с Севером узами кровного или духовного родства, среди них немало женщин. С первых лет перестройки вдова писателя Федора Абрамова Людмила Владимировна Крутикова-Абрамова (1920 г.р.) вела борьбу за использование по прямому назначению строений Артемиево-Веркольского монастыря (Пинежский район Архангельской области). Привлекая именитых петербургских знакомых (в частности, Д.С. Лихачева), она сумела предотвратить передачу монастыря под строительство туристического комплекса и в 1990 г. добиться его возвращения Православной Церкви; затем помогала собирать средства для его восстановления. Во многом благодаря ее усилиям в Верколе создан литературно-мемориальный музей Ф.А. Абрамова. В свои почти уже 97 лет Людмила Владимировна продолжает ратовать за духовное оздоровление народа и общества[438].

И это не единственный пример. Действующая деревянная шатровая церковь Покрова Богородицы в с. Ухта выстроена по проекту московского архитектора Л. Павловой радением и заботами москвички Людмилы Викторовны Поповой. Много сил и средств по ремонту колокольни, приобретению икон и колоколов для Александро-Ошевенского монастыря вкладывает Елена Сергеевна Кутукова (Москва); она — заместитель председателя Попечительского совета Ошевенского монастыря, который возглавляет митрополит Архангельский и Холмогорский Даниил. В течение многих лет добрым другом и помощником Речно-Георгиевского прихода является Марина Викторовна Лепихина (Москва), архитектор по профессии; по ее эскизу срублена часовня прп. Александра Ошевенского на Родниках. В 2011 г. поставлена часовня-сень на территории Кирилло-Челмогорского монастыря на месте, где, по преданию, была устроена землянка прп. Кирилла. Инициатор и автор проекта — северянка архитектор Наталья Юрьевна Варшавская, почитательница прп. Кирилла Челмогорского, уроженка с. Лекшмозеро, живущая в Северодвинске. Наталья регулярно бывает в Каргополье, проводит собственные разыскания по истории Челмогорского монастыря, его монашества, последних жителей окружающих деревень, участвует в паломничестве в Кириллов день, помогает в организации и проведении георадарных и археологических исследований на территории обители (все примеры из Каргопольского района)[439].

---

[436] См.: *Мелехова Г.Н., Фаркова Л.И.* И был Господь убежищем гонимому. М.–Каргополь, 2013. 120 с.

[437] См.: ПМА. Г. Пудож Карельской республики. 2011 г. Татьяна Петровна Кубасова (1958 г.р.); Пудожский район. URL: http://www.rkna.ru/index.php/component/content/article/247-vystavochnyj-zal/vystavki/762-pudozhskij-rajon-po-stranitsam-istorii-rajonov (дата обращения 20.09.2016); *Костин А.* По законам милосердия. URL: http://pudoga.livejournal.com/41452.html (дата обращения 20.09.2011).

[438] См.: ПМА. Веркольский район Архангельской области. 2004 г.; Людмила Крутикова-Абрамова // Календарь событий. Памятные даты. 23 сентября 1920. URL: http://www.calend.ru/person/6183/ (дата обращения 20.09.2011); *Крутикова-Абрамова Л.В.* Жить по совести // Газета «Завтра». 20-05-2009. URL: http://www.zavtra.ru/denlit/153/32.html (дата обращения 20.09.2011).

[439] См.: *Мелехова Г.Н.* Основные тенденции современной приходской жизни на территории Кенозерского национального парка // Культурное и природное наследие Европейского Севера. Архангельск, 2009. С. 242–252; ПМА. Каргопольский район Архангельской области 2011–2016 гг.; *Варшавская Н.Ю.* Ведомость монашествующих Кирилло-Челмогорской пустыни // Там же. С. 128–156; *Она же.* «Археологическая модель» Кирилло-Челмогорского монастыря // Там же. С. 123–127.

Таким образом, роль женщин-северянок в сохранении духовных традиций в советские годы и в православном возрождении Русского Севера в перестроечные годы очень важна. Стремление к обретению смысла жизни и высших ценностей, искренность, служение Богу и ближнему, энергичность — характерны для них. Они явились той евангельской закваской, «которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все» (Мф. 13:33). Сегодня приходская жизнь на Севере переживает уже иной этап: она не просто углубляется и упрочняется, а разворачивается вокруг священников. И хотя их пока совершенно не достаточно, и каждый из них вынужден окормлять по 5–8 приходов, но именно они являются центрами, определяющими направления дальнейшего развития и деятельности православных приходов.

Молодов О.Б. (Вологда)

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ТОТЕМСКОГО РАЙОНА В 1960-1980-Е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ЦЕРКОВНЫХ АРХИВОВ)

Тотемский район находится на востоке Вологодской области. В 1960–1980-е гг., когда на территории Вологодской епархии действовало 17 приходов Русской православной церкви (РПЦ), именно восточные районы оказались в наиболее тяжелом положении. Всего два православных прихода удовлетворяли религиозные потребности населения. Более крупным и процветающим среди них был городской храм Великого Устюга (сначала Прокопьевский собор, а затем Стефановская кладбищенская церковь), а второй находился в 25 км от г. Тотьмы. Как представляется, в период массового открытия храмов во второй половине 1940-х гг. у местных властей была возможность предоставить верующим одно из городских церковных зданий (см. Таблицу 1). Но, как видно из документов, большинство тотемских храмов находились в удручающем состоянии – полуразрушенном, без куполов. В справке Управления культуры Вологодского облисполкома отмечается аварийность «бывшей церкви Рождества, 1745 года постройки, занимаемой под гараж райпотребсоюза и автостанцию; собора Вознесения и стен с башней Спасо-Суморина монастыря, занимаемых лесотехническим техникумом. Церковь Успения, 1749 года постройки, занимаемую комбинатом бытового обслуживания (КБО), в целях экономии средств предлагалось просто списать. Как указано в справке, «однотипные памятники более лучшего технического состояния в Тотьме имеются»[440].

Возможно, по причине аварийности городских храмов и их использования в хозяйственных и культурных целях религиозной общине выделили Покровскую церковь в д. Устье. «Замечателен храм, расположенный на высоком берегу реки Сухоны, протекающей среди необозримых лесов, чарует неповторимой красотой», – писал епископ Мелхиседек (Лебедев) в отчете в Московскую Патриархию[441]. Однако позже он признал, что этот приход, как и ряд других в Вологодской епархии, «совершенно отрезан от мира»[442].

Предоставление в пользование верующим удаленных церковных зданий являлось отличительной чертой исследуемого периода. Сельские приходы имели значительно меньше шансов выжить в условиях проводимой антицерковной политики, чем городские. Поэтому власти, с одной стороны, не отказывали общине в выделении молитвенного здания, а, с другой, старались создать неудобства в реализации религиозных потребностей, обрекая общину на финансовые трудности.

В 1989 г., когда повсеместно встает вопрос о передаче православным общинам молитвенных зданий, в отчете по Тотемскому району указано 21 церковное сооружение, из которых 18 не используется, поскольку они находятся в аварийном состоянии. Объектами соцкультбыта (клубами, библиотеками) являются два, а одно используется в народно-хозяйственных целях[443].

Под контролем властей находилась посещаемость Покровской церкви, особенно молодыми людьми. В справке за 1964 г. указано, что «на протяжении последних трех лет никто из учащихся Усть-Печенгской школы не посещает церковь, но число посетителей в религиозные праздники еще большое»[444]. В документах 60-х годов отмечается постепенное сокращение числа лиц, посещающих церковь: в 1964 г. – 1606, в 1965 г. – 1194, в 1966 г. – 1100. 70% посетителей составляли женщины старше 50-летнего возраста[445].

Бедность Устье-Печенгского прихода позволяла содержать одного настоятеля и Покровская церковь работала только в праздничные и воскресные дни[446]. По данной причине обрядность в данном приходе не отличалась массовым характером. В годы относительной стабильности государственно-

[440] Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф.2522. Оп.47. Д.69. Л.165-166.
[441] Текущий архив Вологодского епархиального управления. Годовой отчет за 1965 г. С.13.
[442] Там же. Годовой отчет за 1966 г. С.3.
[443] ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.62. Д.62. Л.42.
[444] Там же. Д.69. Л.134.
[445] Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф.1300. Оп.14. Д.24. Л.86; Д.25. Л.143.
[446] Там же. Д.24. Л.104.

церковных отношений в церкви по официальным данным там крестилось не более 30 человек в год, в иногда и менее десяти (см. Таблицу 2).

Таблица 1 Сводная ведомость учета церковных зданий Тотемского района на 1 января 1970 г[447].

№ п/п	Наименование церкви и место расположения	Состояние	Владелец	Как используется	Является ли памятником
1	Воскресенская д. Погост	плохое	колхоз им. Ленина	не используется	да
2	Благовещенская д. Мишуково	плохое	колхоз «Родина»	склад	нет
3	Воскресенская д. Мосеево	плохое	колхоз «Мосеево»	ремонтная мастерская	нет
4	Успенская с. Успенье	удовл.	сельпо	склад	да
5	Предтеченская с. Предтеча	плохое	сельсовет	склад	не указано
6	Покровская д. Устье	удовл.	действующая церковь (балансовая стоимость – 73 100 руб.)		
7	Предтеченская г. Тотьма	удовл.	райпотребсоюз	винный завод	да
8	Успенская г. Тотьма	удовл.	районный узел связи	склад	да
9	Спасов собор Вознесения г. Тотьма	удовл.	лесотехни-ческий техникум	учебные мастерские	да
10	Рождественская г. Тотьма	удовл.	хлебокомбинат	кондитерский цех	нет
11	Троицкая г. Тотьма	удовл.	КБО	цех химчистки	да

По имеющимся данным, крестились, в основном, местные жители (то есть Тотемского района). В отдельные годы среди немногочисленных окрещенных жители соседних «бесцерковных» районов Вологодской области (реже – иных областей) составляли половину от общего числа лиц, совершивших данный обряд. В 1979 г. – 11 из 21, в 1985 г. – 9 из 19. Несмотря на его удаленность, храм посещали жители Междуреченского и Бабушкинского районов[448].

В изучаемые десятилетия существовала поименная регистрация окрестившихся и венчавшихся пар. О подобных случаях местные власти (чиновники райисполкомов и уполномоченные Совета по делам религий) сообщали своим коллегам для принятия мер воспитательного воздействия. По причине боязни неблагоприятных последствий (исключения из КПСС, ВЛКСМ, вплоть до увольнения с работы) по всей стране сложилась практика крещений вдали от места жительства и работы. Однако из-за удаленности Покровский храм Тотемского района (в отличие от Покровской церкви под Кирилловом, церквей г. Череповца и Грязовецкого района) не стал местом «паломничества» иногородних туристов, желающих приобщиться к православной вере.

Обряд венчания в Покровской церкви, как и повсюду в эти годы, практически сходит на нет. Если в 1960 г. совершено 83 венчания браков, то за период с 1961 по 1989 г. – всего 23 (см. Таблицу 2). В вопросе торжественной регистрации брака, как видится, определенных успехов в области внедрения светской обрядности добились гражданские власти. Привычными для молодежи стали бракосочетания в органах ЗАГСа. За 1964 г. в Тотемском районе из 320 браков 91% зарегистрирован в торжественной обстановке, а рождений только 49,2%[449].

[447] Там же. Ф. 903. Оп. 4. Д. 161. Л. 3.
[448] Там же. Д.26. Л.27.
[449] Там же. Д.23. Л.31.

Таблица 2 Количество обрядов, совершенных в Покровской церкви в 1960–1980-е гг[450].

Год	Крещение	Венчание	Отпевание	Заочное отпевание
1960	176	83	5	не учтено
1961	150	1	22	168
1962	141	1	4	260
1963	142	1	2	254
1964	8	1	3	179
1965	18	2	1	199
1966	6	-	1	158
1967	27	4	-	-
1968	24	1	-	187
1969	10	1	-	366
1970	16	4	-	264
1971	16	1	6	286
1972	19	1	2	144
1973	15	2	-	138
1974	3	-	-	207
1975	14	-	-	250
1976	5	-	2	264
1977	2	-	2	67
1978	11	1	2	210
1979	21	-	-	180
1980	-	-	-	206
1981	9	-	-	165
1982	11	1	-	161
1983	2	-	1	12
1984	18	-	2	109
1985	19	-	-	168
1986	23	-	-	142
1987	19	-	-	73
1988	?	-	190	190
1989	70	1	59	не учтено

Стабильностью в 1960-1980-е гг. отличаются лишь показатели по отпеванию умерших лиц, причем заочному (по официальной статистике – 150–200 человек в год). Появление заочного отпевания обязано жесткой антирелигиозной политике советского государства и разрешено Священным Синодом 28.05.1930 г. с оговоркой «если этого потребуют обстоятельства»[451]. В середине 70-х гг. отмечается резкий скачок подобной обрядности и, поэтому, доходов Церкви в связи с поминовением усопших воинов в дни празднования 30-летия Победы в Великой отечественной войне[452].

В 60-е гг. XX в. в Покровской церкви служили престарелые священники: протоиереи Н.Г. Жуков (1895 года рождения, окончил Духовное училище в Устюжне в 1911 г.) и Н.А. Антонов (1886 года рождения, не имеющий духовного образования, рукоположенный в 1950 г.)[453]. «Только большая любовь их к церкви и своим приходам, – как писал в отчете епископ Мелхиседек, – поддерживает их старческую немощь в посильном служении, которое далеко не удовлетворяет духовные запросы верующих»[454]. Как правило, на редких воскресных и праздничных службах подобные священники не произносили проповедей, вели закрытый образ жизни, часто болели и мало общались с верующими. Однако материалы архивов показывают, что священник Н.Г. Жуков проделал большую работу по ремонту Покровской церкви, превысив запланированный ранее объем. За это в 1961 г. уполномоченный Совета по делам РПЦ снял его с регистрации[455].

[450] ГАВО. Ф.1300. Оп.14. Д.20. Л.2-3; Д.21. Л.47-48; Д.23. Л.59-60; Д.32. Л. 1-2, 49; Д.34. Л.34; Д.38. Л.3, 6, 21, 25; Д.40. Л.8, 11-14; Д.44. Л.8, 10; Д.48. Л.8, 9; Д.50. Л.8; Д.51. Л.11, 119-120; Д.53. Л.162-163; Д.54. Л.4, 147; Д.55. Л.85-86; Д.56. Л.74, 83; Д.57. Л.5-8; Д.58. Л.69-70; Д.59. Л.6-7; Д.60. Л.5-6; Д.62. Л.2, 4-5.
[451] Православная энциклопедия: Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 290.
[452] ГАВО. Ф.1300. Оп.14. Д.41. Л.104.
[453] Текущий архив Вологодского епархиального управления. Приложение к годовому отчету за 1962 г.
[454] Там же. Годовой отчет за 1966 г. С.5.
[455] Там же. Годовой отчет за 1961 г. С.3.

Священник Н.А. Антонов наказывался в административном порядке за крещение детей в отсутствии обоих родителей[456]. После визита в д. Устье в 1965 г. епископ Мелхиседек отмечал «дивную красоту души настоятеля храма, глубокого старца-простеца, …совершающего свой незаметный подвиг сельского пастыря там, где по духу нашего времени, нужен именно пастырь-подвижник»[457]. Характеризуя священника Антонова, секретарь Тотемского райисполкома отмечал, что он не читал проповедей по причине преклонного возраста и начального образования[458]. Сам о. Николай (Антонов) ссылался на то, что «он малограмотный и плохо видит»[459]. Проповедническая деятельность православного духовенства находилась под строгим контролем властей, поэтому многие священники избегали чтения проповедей, иногда пользуясь подобными отговорками[460].

Впоследствии представители духовенства, служившие в Покровском храме, стали моложе по возрасту, но не отличалось высоким уровнем духовного образования. В 1982 г. священник Д.Ф. Батрин (1936 года рождения, образование – средняя школа, духовного не имел) был уволен за штат за самовольное оставление прихода[461].

Как и во всех районах области в начале 1960-х гг. при Тотемском райисполкоме создается общественная комиссия по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах. Члены комиссии посещают церковь во время служения, но «указаний по ходу службы никаких не дают»[462]. Комиссией организовывалась проверка санитарного состояния Покровской церкви. Работниками СЭС были исследованы на бактериальность предметы, используемые при совершении обрядов, после чего, как отмечается в отчете, санитарное состояние храма улучшилось[463]. Индивидуальные пожертвования верующих (полотенца, салфетки, платки и др.) строго учитывались, изымались и реализовывались через торговую сеть района[464]. В дальнейшем, в числе других, отмечается «слабая работа» тотемской комиссии, «низкий уровень отчетов о ее деятельности»[465].

В противовес православным традициям населения, государственными и партийными чиновниками была развернута пропаганда атеизма, о недостатках в организации которой постоянно отмечалось в справках. В 1967 г. говорится об отсутствии у местных властей «ясного представления о числе верующих, степени их фанатизма». «Слабы кадры, ведущие антирелигиозную работу, …у большинства атеистов довольно смутные представления о религии в целом, о ее вреде в наше время»[466]. Формы атеистической пропаганды в районе были вполне традиционными: работа кружка «Основы научного атеизма» в колхозе «1 Мая», составление сборника антирелигиозных пословиц и альбома репродукций картин антирелигиозного содержания (Тотемская восьмилетняя школа) и т.п[467].

Но в целом новой гражданской обрядности, навязываемой властями (Постановление Совета Министров РСФСР от 18.02.1964 г. №203 «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов», решение облисполкома от 23.04.1964 г. №256 с аналогичным названием и другие) не удавалось вытеснить привычные для населения православные обряды. Торжественная регистрация новорожденных и гражданские панихиды часто «проходили в будничной обстановке, неэмоционально», и не привлекали горожан и жителей села[468]. Тем более, что сельские клубы в исследуемый период – это «большей частью ветхие, полуразвалившиеся здания, в которых зимой гуляют мороз и ветер»[469].

В течение 1970-х гг. церковный совет Покровской церкви не упоминался в отчетах как «активный» или требующий «улучшения состава». Состав религиозных активистов был стабильным, но все члены общины («двадцатки») были пенсионного возраста, малограмотные и активной деятельности вести не могли[470]. Однако имели место факты противодействия механизмам подавления религиозности. Например, в первом квартале 1966 г. проверкой было обнаружено, что староста не ведет журнала регистрации обрядов. Поэтому в официальных отчетах об обрядности в 1966 г. (см. Таблицу 2) мы обнаруживаем спад, которого на деле не было[471]. Кроме того, по информации, поступающей от казначея, при получении денег за совершенные обряды не всегда оформлялись квитанции[472]. Именно по

[456] ГАВО. Ф.1300. Оп.14. Д.24. Л.86.
[457] Текущий архив Вологодского епархиального управления. Годовой отчет за 1965 г. С.13.
[458] ГАВО. Ф.1300. Оп.14. Д.24. Л.87.
[459] Там же. Д.25. Л.143.
[460] См.: Молодов О.Б. Источники о контроле за проповедями православного духовенства Вологодской епархии в 1960-1980-е гг. // Вестник архивиста. 2012. №4. С. 84-94.
[461] Текущий архив Вологодского епархиального управления. Годовой отчет за 1982 г. С.2.
[462] ГАВО. Ф.1300. Оп.14. Д.24. Л.87.
[463] Там же. Л.87.
[464] Там же.
[465] Там же. Д.32. Л.29-30.
[466] ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.66. Д.82. Л.165-166.
[467] Там же. Оп.72. Д.13. Л.71, 100.
[468] Там же. Оп.83. Д.247. Л.30.
[469] ВОАНПИ. Ф.2770. Оп.22. Д.2. Л.17.
[470] ГАВО. Ф.1300. Оп.14. Д.41. Л.172; Д.45. Л.125.
[471] Там же. Д.25. Л.143.
[472] Там же.

корешкам квитанций можно было узнать имя и адрес конкретного лица. Эта распространенная практика позволяла, с одной стороны, иметь неучтенные средства на содержание храма и священника, а с другой, не подвергать опасности людей, совершивших обряд в церкви. Таким образом, в Покровской церкви официальные данные об обрядности нельзя считать вполне достоверными и делать по ним выводы об уровне религиозности населения.

Существовали в Тотемском районе и проявления неформальной религиозной жизни. Повсеместно справлялись религиозные праздники, хотя в отчетах отмечается, что они не носят «религиозной *огласки*» (видимо, правильно – окраски). Главным образом они сопровождались «коллективными и индивидуальными выпивками». В течение всего советского периода антирелигиозные кампании сопровождались борьбой с пьянством в религиозные праздники[473]. «Работа против этого зла проводится, но пока желаемых результатов добиться не удалось», – отмечается в одной из справок[474].

В сельской местности в домах (даже у коммунистов) имелись иконы. Секретарь колхозной партийной организации, оправдываясь, сказал, что «в Уставе КПСС об иконах ничего не записано»[475]. В исследуемый период повсеместно практикуются крещения «бабушками». В документах отмечается случай организации церковного просвещения «на дому». В д. Пельшма в 1963 г. пенсионерка Двойнишникова организовала читку книги «Начатки христианского бытия»[476].

Примечательно, что в конце 1980-х гг., в период потепления государственно-церковных отношений, первой вновь зарегистрированной православной общиной оказалась тотемская, которой 11 октября 1988 г. был передан храм Святой Троицы. Первым его настоятелем стал откомандированный из Вологды протоиерей Василий Чугунов (по совместительству)[477]. В определении правящего архиерея Михаила (Мудьюгина) от 12 октября 1988 г. Свято-Троицкая община включается в число приходов Вологодской епархии. Там же выражается благодарность Тотемскому райисполкому, Совету по делам религий при Совете Министров СССР и РСФСР, лично уполномоченному Н.А. Воронину «за их чуткое отношение к духовным нуждам и запросам верующих»[478].

Однако Троицкий храм передается верующим «в ужасном состоянии и требует больших восстановительных работ». Циркулярное распоряжение архиерея Михаила (Мудьюгина) от 24 октября 1988 г. №244 посвящается необходимости внесения пожертвований на восстановление данного храма. Предлагается обращения к прихожанам сопровождать тарелочным и кружечным сбором. В ноябре того же года, о чем сообщает распоряжение управляющего епархией от 14.11.1988 г. №293, в Агропромбанке г. Тотьмы для пожертвований открывается счет №70102 «Троицкая церковь».

Таблица 3 Доходы и расходы Покровской церкви в 1970–1980-е гг[479].

Год	Доход (руб.)		Отчисления (руб.)			
	общий за год	из них от обрядов	в фонд мира	в фонд охраны памятников	в епархию	в иные фонды
1971	29 467	8 036	4 000	200	2 000	-
1972	33 183	7 929	5 000	200	4 000	-
1973	31 618	6 847	6 000	300	4 000	-
1974	32 372	7 193	6 000	400	4 000	-
1975	40 269	7970	6 000	400	4 000	-
1976	41300	?	?	?	?	-
1977	35052	?	?	?	?	-
1978	38 025	?	?	?	?	-
1979	28 249	4 133	6 000	800	6 000	-
1980	35 593	5 490	7 000	700	3 000	-
1981	31 888	5 818	3 000	500	16 000	-
1982	28 928	3 867	3 000	500	6 500	-
1983	35 465	6 205	1 000	500	8 500	-
1984	36 776	6 559	2 000	2000	6 100	-

[473] См.: Молодов О.Б. Антиалкогольное направление политики атеизации населения (1919-1980-е гг.) // История в подробностях. 2014. №4 (46). С. 94-98.
[474] ГАВО. Ф.1300. Оп.14. Д.24. Л.86-87.
[475] ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.48. Д.107. Л.19.
[476] Там же.
[477] Текущий архив Вологодского епархиального управления. Годовой отчет за 1988 г. С.1.
[478] Там же. Определение от 12.10.1988 г.
[479] ГАВО. Ф.903. Оп. 4. Д.189. Л.31; Д.213. Л.27, 49-50; Д.265. Л.62; Д.398. Л. 38; Д.425. Л.1; Д. 451. Л.11; Д.483. Л.1; Д.516. Л.2; Д.539. Л.18; Д.572. Л.29; Д.600. Л.11; Д.634. Л.1.

1985	37 483	7 457	4 000	500	6 500	-
1986	41 188	8 198	4 000	-	5 000	-
1987	39 193	8 856	4 000	500	3 500	-
1988	49 523	10 882	4 000	-	3 500	880

Еще одним «жестом доброй воли» стала передача 29 апреля 1988 г. из фондов областного краеведческого музея в Лазаревскую церковь г. Вологды мощей преподобного Феодосия Тотемского. Все эти мероприятия проходили на волне коренной перестройки общественно-политических отношений в стране, в том числе и взаимоотношений государства и церкви. В конце 1980-х гг. по всей области (и одноименной епархии) успешно проводится преобразование «двадцаток» в приходские собрания, возглавляемые настоятелями приходов. Отменяется поименная регистрация лиц, совершающих религиозные обряды. Прекращается прямое административное давление на верующих и духовенство. По инерции в первые годы демократических реформ не уменьшаются добровольно-принудительные перечисления религиозных общин на патриотические цели, даже появляются новые статьи расходов (см. Таблицу 3).

Резкий взлет православной обрядности вполне объективно отражает изменение религиозной обстановки, в том числе и в таких отдаленных районах как Тотемский. В течение 1989 г. во вновь открытом Троицком храме окрестился 451 человек – больше чем за 25 лет (1964–1988 гг.) в Покровской церкви. Так с 1988 г. началось возрождение религиозной жизни района, как части православного Европейского Севера.

Мухина Е.А. (Петрозаводск)

КОНЦЕПТ *ТОСКА* В РУССКОЙ НАРОДНО-РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРИЧИТАНИЙ И.А. ФЕДОСОВОЙ)

В последнее время все более актуальным становится тезис В. фон Гумбольдта о том, что язык является выражением духа народа. По мнению исследователя, «язык – это универсальное средство общения и орудия мысли, память народа и тысячелетия»[480]. Создавая личность, обслуживая общество, он является одним из важных показателей состояния этого общества.

В рамках когнитивной лингвистики (одного из направлений современного языкознания) изучение языка ведется с точки зрения историко-культурного подхода к слову. Лингвисты считают, что язык, его лексический состав – яркое отражение характера и мировоззрения народа, поэтому огромное внимание необходимо уделять логическому анализу слов-концептов национальной культуры, являющихся базовыми для менталитета народа.

Проблема определения концепта, интерпретации его философии, связи со словом, понятием и образом достаточно сложна (см. работы С.А. Аскольдова, Д.С Лихачева, Ю.С. Степанова, Л.В. Савельевой и др.). В.В. Колесов, подытоживая свои исследования в области концептологии, определил концепт как «зерно первосмысла, семантический «зародыш» слова», представляющий «диалектическое единство потенциально возможных в явлении образов, значений и смыслов словесного знака как выражение неопределенной сущности бытия в неопределенной сфере сознания»[481].

Отнесение концепта к национальным определяется несколькими условиями: высокой частотой употребления, наличием активной производящей основы и вхождением в состав устойчивых идиоматических конструкций, семантической нагруженностью, вызывающей трудность перевода на иностранный язык[482].

Безусловно, концепт *тоска* является одним из значимых в национальной концептосфере русской культуры, что подкрепляется, например, созданием классиками (А.С. Пушкиным, А.П. Чеховым, Ф.М. Достоевским и др.) ассоциативного ряда русской тоски: «зимняя дорога», «скучная дорога», «глушь и снег», «печальная луна», «печальные поляны», «равнина», «снег», «ночь», «отчаяние», «ужас», «горечь», «неприкаянность», «безысходность», «одиночество», «ностальгия».

Концепт как ключевая категория национальной речемысли воплощается в исходной этимологической образности слова (предыстория концепта) и в речевых формулах культуры – устно-поэтической и книжно-письменной[483].

---

[480] Цитируется по книге: Тарланов З.К. Язык и культура. – Петрозаводск, 1984. – С. 88.
[481] Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб., 2002. – С. 51.
[482] См., например: Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002. – 151 с.
[483] Савельева Л.В. Лирическое слово А. Пушкина как концепт русского исторического мировидения // Русский язык от Пушкина до наших дней. – Псков, 1999. – С. 133-139.

В этимологических словарях (см., например, издания Н.М. Шанского и Т.А. Бобровой[484], М. Фасмера[485]) находим указание на общеславянское происхождение слова *тоска*. Исследователи сходятся во мнении, что лексема с праславянским корнем **tъska* является родственным со словами *тискать*, *стеснение*, то есть с точки зрения этимологии *тоска* рассматривается как это нечто стесняющее, тесное, загоняющее в тиски.

То же подтверждается и толкование в словаре И.И. Срезневского, где в качестве первых даны значения «стеснение, притеснение»[486].

Толковые словари XX-XIX вв. предлагают следующие определения анализируемой единицы:

«1. Сильное душевное томление, душевная тревога в соединении с грустью и скукой.

2. Нудная скука, смешанная с отвращением (разг.).

3. О том, что причиняет такое состояние (простореч. фам.)»[487].

Большой академический словарь сохраняет такие же дефиниции:

«1. Душевное томление, тревога в соединении с грустью, унынием.

2. Разг. Гнетущая скука, уныние, парящие где-либо, вызываемые однообразием обстановки, отсутствием интересов.

3. Безл. Сказ. О скуке, унынии, царящих где-либо; о состоянии тоски у кого-либо» [488]. Подобные толкования даны в МАС[489] и словаре И.С. Ожегова[490]

Сопоставление словарных статей позволяет сделать вывод о практически идентичной подаче слова *тоска*: это тяжелое, гнетущее чувство, сопряженное с душевной тревогой. Однако в некоторых случаях сфера употребления расширена за счет разговорного и просторечного значений, а также за счет употребления в функции сказуемого в безличном предложении.

Данный концепт в современном русском языке вступает в синонимические и антонимические отношения. Синонимами являются лексемы *тоскливость*, *уныние*, *меланхолия* (лит.), *хандра*, *кручина* (нар.-поэт.) и др. В XIX веке в качестве синонимов в литературно-книжной речи употреблялись слова *ипохондрия* и *сплин*[491]. Синонимический ряд можно дополнить словами *скука, грусть, отчаяние, скорбь, томление, сожаление* и др.

Антонимический ряд менее пространен – *веселье*, *радость*[492].

Таким образом, концепт *тоска* в современном русском языке воспринимается как тяжелое, гнетущее чувство, исполненное безразличия к окружающему и обуславливающее стремление уединиться, нежелание разделять чье-то веселье и радость.

Представление русского народа о данном концепте находит свое отражение и во фразеологическом фонде русского языка. Концепт *тоска* является компонентом достаточно широкого круга фразеологических единиц. При этом он может быть выражен как эксплицитно, так и имплицитно.

Эксплицитное выражение концепта представлено в следующих фразеологических единицах

- с адъективом: *смертельная (зеленая, вавилонская* и др.*) тоска*;
- с субстантивом: *грусть-тоска, червь тоски*;
- с предикатом: *помереть (пропадать) от тоски, тоска берет (грызет, гложет, одолевает, нападает, находит, накатывает, наваливается, сжимает, теснит грудь* и т.д.*); вгонять (вводить) в тоску, развеять (разогнать, рассеять) тоску*[493].

Имплицитно концепт выражен в устойчивых выражениях *падать (пасть) духом, камень на сердце, в черном цвете, белый свет не мил, болеть душой (сердцем), вешать голову (нос)* и др.

Обе группы фразеологизмов представлены достаточно широко. Чувство тоски подразумевает неосуществимость желаемого, поэтому в устойчивых сочетаниях отрицательные коннотации сопровождают данный концепт.

Для этноисторического мировидения интересны показания такого фольклорного жанра, как причитания, в которых оплакивались трагические события, происходившие в жизни людей.

В анализируемых причитаниях[494]. лексема *тоска* и ее вариант *тоскичушка* (отмечается выражение субъективной оценки) вступают в синтагматические отношения с разными частями речи.

---

[484] Шанский М.Н., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. – М., 2002. – 400 с.

[485] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – СПб., 1996. – Т.4. – С. 88.

[486] Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. – СПб., 1912. – Т. 3. – С. 1057.

[487] Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. – М., 1934-1940. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ushakovdictionary.ru/

[488] Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.; Л., 1950-1965. – Т. 15. – С. 705-708.

[489] Словарь русского языка: В 4 т. – М., 1981-1984. – Т. 4. – С. 389.

[490] Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 2003. – 896 с.

[491] Словарь синонимов русского языка: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2. – С. 557.

[492] Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. – М., 2008. – 592 с.

[493] См.: Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб., 1998. – 704 с.; Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. – М., 1987. – 448 с.; Ларионова Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка. – М., 2014. – 512 с.; Тихонов А.Н. Фразеологический словарь русского языка. – М., 2007. – 338 с. и др.

Наиболее частотны случаи употребления с глаголами, где лексема выступает в роли субъекта действия: *роспалилася*[495], *долит, удоляет*[496], *ушибает*[497], *порасходится*[498], *свивается*[499], *разгоряется*[500], *сходится*[501], *расходится*[502], *не останется*[503], *сидит на окошечке*[504]. Здесь можно говорить о персонификации концепта, что подчеркивается не только семантикой глагола, но и его формой (превалирует настоящее время).

Тоска выступает и как объект действия: ее можно *давать, придавать, наздынуть, содержать*[505], на *тоску* можно *глядеть*[506], от нее можно *спасать*[507], ею можно *запечатать письмо*[508], ее можно *угасить, отложить*[509], в *тоску* можно *впасть*[510].

В причитаниях наблюдается стремление охарактеризовать *тоску*: *неугасимая*[511], *несносная*[512], *злая, злодийная, злодийская*[513], *великая*[514], *неудольная*[515]. Как правило, атрибутивы имеют отрицательную коннотацию, что подчеркивает негативное воздействие этой эмоции на человека. В редких случаях прилагательные подчеркивают принадлежность определенному субъекту: *детиная*[516], *молодецкая*[517], *солдатская*[518].

Иногда концепт входит в состав сложных существительных: *тоска-кручина, тоска-кручинушка*[519], *тоска-назолушка*[520], *тоска-обидушка*[521], второй компонент которых вновь подчеркивает силу негативного влияния эмоции на человека.

Лексема выступает в качестве мотивирующей основы для образования глаголов (*тосковать, потосковать, постосковаться, натосковаться, растосковаться / ростосковаться, протосковать*), прилагательных (*тошный, тоскливая*), наречий (*тошнешенько, оттошна, потошнее*), слов категории состояния (*жаль-тошнешенько, жаль-тошно*).

Состояние тоски приводит к негативным последствиям: *И говоришь с тоски, победной ты, мешаешься*[522], *Со тоски твоя утроба перетрескалась*[523], поэтому человек стремится избавиться от нее или разделить ее с кем-либо (чем-либо) различными способами:

1) уединением в определенных местах дома или на природе: *И с тоски сяду на тесовую кроваточку*[524], *И протоскую на новых сенях решетчатых*[525], *Потоскую над косевчатым окошечком*[526], *С тоски пойду на крылечко перёное*[527]; *И к деревиночке приду я, потоскую*[528], *Я с тоски пойду ко быстрой этой ричиньке*[529], *Сама я сяду на катучий белый камушек, растоскуюсь, горегорькая обиднушка*[530], *Потоскуешь ты, победна, в зеленых лугах*[531] и т.д.;

---

[494] Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым. – СПб., 1997. – Т.1-2. – 1158 с.
[495] Там же. С. 79
[496] Там же. С. 32, 70, 98, 106, 131, 139, 159, 175, 223.
[497] Там же. С. 29, 125, 133, 145.
[498] Там же. С. 135.
[499] Там же. С. 37, 147.
[500] Там же. С. 147, 170.
[501] Там же. С. 97, 133, 160.
[502] Там же. С. 179.
[503] Там же. С. 180.
[504] Там же. С. 198.
[505] Там же. С. 98, 114, 210, 213.
[506] Там же. С. 96, 230.
[507] Там же. С. 99.
[508] Там же. С. 106.
[509] Там же. С. 151, 153, 186.
[510] Там же. С. 94, 203.
[511] Там же. С. 37, 48, 68, 97, 99, 106, 133, 151, 203.
[512] Там же. С. 33, 68, 82, 120, 138.
[513] Там же. С. 68, 82, 120, 125, 128, 133, 180, 186, 198, 241.
[514] Там же. С. 29, 32, 70, 94, 128, 129, 131, 135, 139, 145, 147, 148, 153, 158, 175, 179, 188, 201 и др.
[515] Там же. С. 132, 238.
[516] Там же. С. 48, 94, 106.
[517] Там же. С. 96.
[518] Там же. С. 230.
[519] Там же. С. 70, 94, 132, 135, 188.
[520] Там же. С. 213.
[521] Там же. С. 131, 158, 224.
[522] Там же. С. 127.
[523] Там же. С. 185.
[524] Там же. С. 167.
[525] Там же. С. 200.
[526] Там же. С. 51.
[527] Там же. С. 97.
[528] Там же. С. 131.
[529] Там же. С. 103.
[530] Там же. С. 148.
[531] Там же. С. 206.

2) совершением действий, которые могут быть направлены даже на поиск смерти: *И от тошна горя к сердечку прижимала бы*[532], *И с тоски возьму их [детей] на белы рученьки*[533], *И с тоски стану я, горюша, причитать*[534], *И с тоски возьму его жёлтыи кудёрышка*[535], *И со тоски да во сыру землю вкопатися*[536], *Со тоски да во сыру землю не скроешься*[537], *И со тоски да тут пали рекрута о сыру землю*[538] и т.д.

В причитаниях *тоска* осмысляется как страдание, протекание которого может варьироваться от короткого промежутка времени до бесконечности: *И также летну эту ночь я протоскую*[539], *И темну ноченьку она протосковала*[540], *И тосковать буде, горюшице, век по-веку*[541], *И во тоски пройдут Господни Божьи денечки*[542].

Состояние тоски в причитаниях характеризуется не только как душевное страдание человека, но и как физиологическое, поскольку «тоскуют» даже его части тела и органы: *И тосковала хоть печальная головушка*[543], *И что тоскуют-то солдатски бедны плечушка*[544], *И как бедно мое сердечко растосткуется*[545], *И ростоскуется ретливое сердечушко*[546], *Не тоскуй, наша утробушка бурлацкая*[547].

Итак, концепта *тоска* в причитаниях И.А. Федосовой рассматривается не только как душевное состояние человека, в котором он может пребывать определенное или неопределенное время, но и как активный субъект, вызывающий в человеке неприятные эмоции, порождающий страдания, захватывающий его полностью и побуждающий к различным поступкам, подчас не свойственным человеку в состоянии умиротворения.

В языке причитаний *тоска* персонифицируется. Это мощная, интенсивная, вредная и опасная эмоция, которую невозможно погасить в себе. Она не зависит от воли человека и не может быть контролируема. Это вербализация судьба, от которой нельзя убежать.

Назанян К.Г. (Санкт-Петербург)

СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ СЕВЕРНЫХ ЕПАРХИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ – ИССЛЕДОВАТЕЛИ СТАРИНЫ РУССКОГО СЕВЕРА (XIX – НАЧ. XX ВВ.)

Интерес к изучению места православного духовенства в социокультурном пространстве России – актуальная тема отечественной культурологии, истории и других гуманитарных дисциплин. В силу многих причин – идеологических запретов, отсутствия источников в связи с уничтожением церковных архивов в годы репрессий и даже стереотипного мышления, что деятельность духовенства это лишь совершение богослужения и исправления треб – о роли духовенства Русской Православной Церкви в деле сохранения и изучения старины исследований проводилось крайне мало.

В последнее время количество публикаций, посвященных священникам-краеведам, постоянно растёт. Отметим, что в регионах деятельность краеведов-священников изучена достаточно полно, и проблема, по сути, заключается лишь в том, чтобы с помощью отдельных трудов об их деятельности проанализировать их вклад в развитие российского краеведения. Это необходимо для того, чтобы изучив их роль в этом деле, понять на основе изученного материала, складывается ли это в тенденцию, как это соотносится с культурной политикой Церкви в целом и с социокультурными процессами в России.

Мы представляем в данной статье обзор деятельности православного духовенства XIX – нач. XX вв., особо обращая своё внимание на такие характеристики как происхождение, образование, научные интересы, связь с церковно-археологическими комитетами/древлехранилищами/научными обществами и органами периодической печати. Географическими рамками исследования стал Русский Север.

---

[532] Там же. С. 81.
[533] Там же. С. 130.
[534] Там же. С. 167.
[535] Там же. С. 179.
[536] Там же. С. 213.
[537] Там же. С. 94.
[538] Там же. С. 51.
[539] Там же. С. 167.
[540] Там же. С. 242.
[541] Там же. С. 145
[542] Там же. С. 233.
[543] Там же. С. 219.
[544] Там же. С. 222.
[545] Там же. С. 122.
[546] Там же. С. 129.
[547] Там же. С. 51.

Изучив источники об иеромонахе Кирилло-Белозерского монастыря Антонии (Сорункове) и труды других исследователей его деятельности (С.В. Моисеев, И.А. Смирнов, Г.О. Иванова и др.), мы пришли к выводу, что вклад монаха-краеведа в сохранение церковных древностей уникален. Такие документы как его автобиография (1913) и личная переписка с исследователем литературы, биобиблиографом С.А. Венгеровым, помогли нам оценить роль личности иеромонаха Антония в сохранении церковной и светской старины в непростое время (на рубеже XIX-XX вв.) и увидеть, что монашеское служение многогранно. Это побудило нас продолжить исследование в сфере церковного краеведения. Оказалось, что в каждой епархии Российской Империи были (и есть) представители православного духовенства, которые делали и сделали много для изучения и сохранения памятников истории и культуры. Каждая епархия обладала своими культурными, историческими и географическими особенностями, которые во многом определяли специфику краеведческих исследований. Мы рассмотрим Новгородскую, Вологодскую и Архангельскую епархии.

Иеромонах Кирилло-Белозерского Антоний (Сорунков) (1859-не ранее 1915), в Новгородской губернии первым из монашествующих предложил создавать церковно-археологические музеи при монастырях[548]. Алексей Сорунков был выходцем из крестьян, грамоте выучился у приходского священника. Впоследствии именно тяга к чтению и самообразованию позволили ему писать заметки и статьи. Большое влияние на него оказал преподаватель Кирилловского Духовного училища Н. П. Успенский, который познакомил его с историей Кирилло-Белозерского монастыря и научил, как писать сочинения и читать рукописи[549].

Неравнодушный к русской старине священник писал: «Не могу обойти молчанием, в каком виде находятся древние вещи: они свалены в кучи и покрыты толстым слоем пыли, бросаются на чердаках колоколен и в кладовых. Непременно нужно открывать, и как можно скорее, музеи-хранилища при монастырях, и чтобы занимался этим заинтересованный человек»[550].

Иеромонах Антоний сам приобретал старинные предметы, и его коллекцией церковных и бытовых ценностей заинтересовался Петербургский археологический институт: «Поскольку коллекция хранилась частью в келье собирателя, а частью под лестницей и на чердаке, институт ходатайствовал перед Синодом об отводе для собранных раритетов какого-либо помещения <. . .> Речь шла о создании на этой основе главного древлехранилища местного края»[551]. Но деятельность иеромонаха вызвала недовольство духовного начальства. О. Антонию дали понять, что музеем заниматься «не монашеское дело» и перевели в Филиппо-Ирапскую пустынь «для научения смирению и послушанию»[552]. Но монах не оставил своего занятия краеведением, и с благословения настоятеля Анастасия (Агафонова), о. Антоний описывает монастырские строения (церкви и братские корпуса), а «затем выпросив у настоятеля монастырскую летопись, он пишет «Краткое описание Филиппо-Ирапской пустыни»[553]. Писал о. Антоний много и не только о своих отношениях с духовным начальством, но и о жизни крестьян из своей родной деревни, о буднях монахов из пустыни и всегда предлагал свои проекты по решению проблем. Благодаря его писательскому дару, по заметкам и статьям в газетах («Новгородский Север», «Волховский листок») мы смогли узнать, как жил, чем занимался и о чем думал монах в «ссылке». В 1911 г. иеромонах Антоний принял участие в историко–археологической выставке, приуроченной к XV Всероссийскому археологическому съезду и проходящей в Новгороде. Из его коллекции было выставлено на выставке 59 предметов[554]. «В 1912 году из Новгородской Духовной Консистории, был получен указ о запрещении мне священнослужения, со снятием монашеской одежды, впредь до исправления»[555]. Свою коллекцию, (400 предметов) древних вещей, иеромонах Антоний пожертвовал Этнографическому отделу Русского музея им. Александра III[556]. В 1913 году, Антоний пишет биографию и отправляет ее С.А.Венгерову. После 1915 года, Антоний выбыл из числа братии Филиппо-Ирапской

---

[548] Антоний (Сорунков), иеромонах. Об устройстве музеев при монастырях. Отдел неофициальный //Новгородские Епархиальные Ведомости.— 1906.— № 23.— С. 692—696.

[549] ОР ИРЛИ РАН Ф. 377. оп. 6. ед. хр. 167. Л.21

[550]Антоний (Сорунков), иеромонах. Об устройстве музеев при монастырях//Отдел неофициальный//Ярославские Епархиальные Ведомости.—1906.—№ 42.—С. 650-654; Антоний (Сорунков), иеромонах. Об устройстве музеев при монастырях. Отдел неофициальный//Новгородские Епархиальные Ведомости.—1906.—№ 23.—С. 692-696.

[551]Зырянов П. Н. Русские монастыри *и* монашество *в XIX и начале XX века/*П. Н.Зырянов. — *М. : Вербум-М, 2002. С.172*

[552] По ходатайству директора Императорского Археологического Института (Н.В. Покровского) о содействии к оставлению в Кирилло-Белозерском монастыре собранной иеромонахом означенного монастыря Антонием коллекции древностей и подыскания для неё более удобного помещения//РГИА, Ф. 797,1908 г, отделение 1,стол 1, оп.78, д.90, Л. 7-8

[553] Антоний (Сорунков), иеромонах. Краткое описание Свято-Троицкой Филиппо-Ирапской пустыни Череповецкого уезда Новгородской губернии. СПб Типо-Литография Римана. –1912.–27 с.

[554] Антоний (Сорунков), иеромонах. Из-за монастырской стены //Волховский листок.—1911.—№ 2196.—С.3-4.

[555] РО ИРЛИ РАН Ф.377. оп.6. ед.хр.167. Л.46

[556] Переписка с Антонием, иеромонахом Кирилло-Белозерского монастыря о приобретении коллекции этнографических предметов из Новгородской губернии//Архив РЭМ, Ф.1,Оп. 2, ед. хр. 12, 26 Л.

пустыни[557]. Так закончилась попытка иеромонаха Антония создать музей в Кирилло-Белозерском монастыре.

В течение XIX столетия занятия научно-исследовательской деятельностью становятся типичным явлением для духовенства. Богатейшим источником для исследователей церковной истории того времени являлась периодическая печать. На страницах газет печатались события церковно-общественной жизни, выходили статьи историко-статистического содержания, а также описание церквей и биографические сведения о людях, живущих в прежнее время. «Газеты имели неоценимое значение для формирования чувства общности служителей Церкви, своевременного информирования об общеепархиальных и общецерковных делах и заботах. Местная церковная публицистика охотно выписывалась и читалась в провинции»[558].

Так, на страницах Новгородских епархиальных ведомостей в 1890-1900 гг. священник Белокрестецкой церкви Устюженского уезда Новгородской губернии Г.Д. Яковцевский писал о необходимости широкого обсуждения вопроса об охране памятников старины. «В современных приходских церквах как-то невольно бросается в глаза отсутствие старины. Повсюду и все в храмах новое, как бы после какого-то общего пожара»[559]. Его волновали неумелая реставрация икон и то, что старые иконы хранились на колокольнях и чердаках и тем самым были обречены на гибель. «Видимо, что для предметов и древности или не было благоприятных внешних условий к существованию, или не было лиц, считавших охранение их своею обязанностью. Которая из этих двух причин наиболее послужила уничтожению старины, в сельских храмах, решить трудно»[560]. Стоит также отметить, что Г. Д. Яковцевский первым обратился к теме воссоздания Синозерской пустыни и восстановлению почитания ее основателя, преподобного Евфросина Синозерского[561].

Священник Сергий Непеин (1870-1911) – автор множества уникальных фотографий северных храмов. Большая часть его трудов посвящена истории и этнографии Вологодского края. Родился в семье священника. Учась в Вологодской Духовной семинарии, заинтересовался историей и археологией: искал древние рукописи, приобретал старинные монеты, древние книги. С 1893 г. начал писать заметки, которые печатают в разных изданиях. Когда в 1894 г. в Вологде открылось древлехранилище, священник принял в его обустройстве большое участие, занимался составлением систематического описания предметов.[562] В 1896 году в Вологде была создана церковно-археологическая комиссия, руководителем при обозрении древлехранилища был назначен С.А. Непеин[563]. Он неоднократно ездил по церквям Вологодской епархии, осматривал предметы древности и делал о них обстоятельное сообщение археологической Комиссии, прикладывая фотографии своей работы. Снимки имели большое значение, т.к. «предметы древности часто подвергаются по неразумию обладателей изменениям, переделкам, даже уничтожению и важно хотя бы на фотографиях сохранить память о характерных чертах древних памятников»[564].

Как хранитель древнехранилища и как писатель о. Сергий Непеин знакомился с археологами, художниками и писателями. Он часто доставлял им различные сведения о местной старине и делал фотографии древних памятников вологодского края. По просьбе художника и реставратора И. Э. Грабаря, С. Непеин составлял «Список деревянных церквей, ныне существующих в пределах Вологодской епархии» (о 134 церквях). Для члена Императорской Археологической Комиссии П. П. Покрышкина, делал фотографии выбранных им церквей. В.И. Срезневский, ученый хранитель русско-славянских рукописей, переписывался с о. Сергием относительно древних рукописей, которые покупал для академической библиотеки[565]. В 1901 года о. Сергием был прочитан реферат о местном иконописце, живописце, академике Императорской академии художеств П.С. Тюрине, незаслуженно забытом мастере, наследие которого сейчас открывается заново. «В 1902 г. О.Сергий делал фотографии в Семигородной пустыни с двух изображений, кисти художника В.Л. Боровиковского для журнала «Мир Искусства».

---

[557] Моисеев С. В. Иеромонах Кирилло-Белозерского монастыря Антоний и его музей.1903-1908 гг. (По документам Государственного Архива Новгородской Области)//Новгородский архивный сборник.–№2. С.83

[558] Камкин А. В. Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 года. Вологда, 1992.-164 с. [Электронный ресурс]: http://booksite.ru/fulltext/pri/hod/kam/kin/4.htm#10 Дата обращения: 20.01.2017

[559]Яковцевский Г. Несколько слов о причинах исчезновения древностей в сельских церквях//Новгородские Епархиальные Ведомости.–1904.– №24.–С.1608-1612

[560] Там же.

[561] См. Яковцевский Г., священник. Житие и чудеса преподобного Евфросина Синозерского, чудотворца. –Новгород,1904.; Яковцевский Г. Исторические сведения о Синозерской пустыне Устюженского уезда Новгородской губернии и ея основателе святом преподобномученике Евфросине, новгородском чудотворце. –Новгород,1912.

[562] В 1897 г. вышел первый выпуск каталога - Антиминсы. В 1899 г., второй – Святые Кресты. См. Богословский Н. Священник Сергий Арсеньевич Непеин и его деятельность по изучению и описанию Вологодского края / Н. Богословский // Вологодские Епархиальные Ведомости.—1915.—№ 6. С. 160

[563] Отчет Вологодского Братства Всемилостивого Спаса//Вологодские Епархиальные Ведомости. –1897. –№16 . С. 305

[564] Богословский Н. Священник Сергий Арсеньевич Непеин и его деятельность по изучению и описанию Вологодского края / Н. Богословский // Вологодские Епархиальные Ведомости.—1914.—№ 14. С. 339

[565] Богословский Н. Священник Сергий Арсеньевич Непеин и его деятельность по изучению и описанию Вологодского края / Н. Богословский // ВЕВ.—1915.—№ 15.—С. 416-420

Фотографиями о. Непеина были иллюстрированы книги, составленные протоиерея А.К. Лебедева, очерки А.В. Круглова «Поездка на Кубинское озеро». За снимками к священнику-фотографу обращались: член учебного Комитета при Святейшем Синоде В.Т.Георгиевский, епископ Константин Самарский (Булычев), епископ Никанор (Орловский)[566].

С научной целью о. Сергий объехал весь Вологодский, Кадниковский, Грязовецкий и Тотемский уезды, собирая исторический, этнографический и археологический материал, которым он умело пользовался. И.Н.Суворов, учитель и наставник Непеина, оценивая собранные священником сведения и его труды, сказал: «как много может сделать один человек, из любви к предмету»[567].

Другим истинным подвижником Вологодского краеведения был священник Феодосий Малевинский (1870-1938). Его интерес к истории проявился еще в годы учебы в духовной семинарии Вологды. Здесь он познакомился со своими будущими коллегами по изучению родного края В. К. Лебедевым, Е.А. Бурцевым и И. Н. Суворовым. Под руководством И. Н. Суворова молодой священник и занялся сбором материалов по истории Стрелицкой Спасо-Преображенской церкви. В 1904 г. Ф.Малевинский стал сотрудником Постоянной церковно-археологической комиссии любителей истории и древностей, которая помимо церковно-археологических изысканий проводила работу по разбору, описанию и изданию документов XVI—XVIII веков, значительная часть которых хранилась в Вологодском епархиальном древлехранилище.

Одним из краеведческих интересов священника Малевинского было собирание фольклорно-этнографического материала. Он много лет записывал тексты песенного фольклора и частушек. Результатом этой работы стала книга «Народные песни Тотемского уезда Вологодской губернии», вышедшая в 1912 г. «В 1921 году Ф. Малевинский становится членом научной археологической комиссии, созданной при Тотемском музее. В 1920-е годы им также был подготовлен к публикации ряд источников по истории Тотемского уезда, а также вел активную собирательскую работу текстов устно-поэтического творчества крестьян Тотемского уезда». В 1920-е годы он помогает этнографу и фольклористу М. Б. Едемскому в сборе материалов по Стрелицкой волости. Увлечение историей и культурой своей малой родины Феодосий Малевинский сохранял до конца своей жизни. Его книга священника «Стрелицкая Преображенская церковь Тотемского уезда Вологодской губернии» относится к жанру церковно-исторических описаний. «Материалы, привлеченные священником Феодосием Малевинским для воссоздания истории и описания современного ему состояния Стрелицкого прихода, отличаются многообразием, свидетельствующим о широте кругозора и интересов автора»[568].

С 90-х годов изучению истории православия на Кольском Севере уделяется большое внимание, публикуются статьи, выходят книги. Некоторые посвящены представителям регионального духовенства. Оценивая труды священников-краеведов можно сказать, что благодаря их стараниям у нас есть важные сведения об истории и развитии православия в Кольском крае. Священники распространяли православное вероучение среди северных народов, изучая их язык и наблюдая обычаи и быт.

Протоиерей Иоанн Иоаннович Дьяконов (1774–1838) на протяжении четверти века являлся главным духовным лицом края, играя важную роль в обустройстве его православных святынь[569]. Выходец из семьи священника, о. Иоанн (имея только домашнее образование) с 1813 года становится Кольским благочинным и служит в этой должности до самой смерти. Много времени и сил отнимала у Иоанна Дьяконова административная деятельность: он ежегодно зимой объезжал все подведомственные ему приходы, требовал отчёта, вникал в дела, разбирался в спорных ситуациях[570]. Во время многодневных поездок по благочинию о. Иоанн знакомился с историей церквей края, собирал данные об их прошлом, изучал предания. Известно, что Архангельская духовная консистория и епархиальные архиереи обращались к нему как к знатоку местных древностей. Кемское духовное правление в 1815 г. заказало И. Дьяконову собрать сведения о святых мощах, находящихся в его благочинии: результатом стало не имеющее аналогов развёрнутое описание мощей в Печенге, Керети и Кашкаранца.

Священник Иоанн Дьяконов был отмечен многими наградами за своё служение. Одну из них необходимо отметить – в 1825 г. ему была пожалована фиолетовая бархатная скуфья за ревностное отправление порученной ему должности[571].

---

[566] Богословский Н. Священник Сергий Арсеньевич Непеин и его деятельность по изучению и описанию Вологодского края / Н. Богословский // ВЕВ.—1914.—№ 14.—С. 338-344

[567] Богословский Н. Священник Сергий Арсеньевич Непеин и его деятельность по изучению и описанию Вологодского края / Н. Богословский // ВЕВ.—1913.—№ 14.—С. 401-403

[568] Мясников В.П. Священник Феодосий Малевинский. Очерк жизни и творчества // Спас на Стрелице: исследования и материалы по истории одного северорусского православного прихода. – Вологда.– 2003. С.37.

[569] Ермолаев Д.А. Протоиерей Иоанн Дьяконов – забытое имя в истории православия на Кольском Север//Первые Кольские образовательные чтения «Благовещенский храм в истории Кольского края» С.32 [Электронный ресурс] http://kolahram.ru/1/files/assets/basic-html/page32.html Дата обращения: 10.01.2017

[570] Там же. С.35

[571] Там же. С.38

Священник Георгий Терентиев (1823-1904) – краевед Заполярья, миссионер. Родился в семье дьячка в Архангельском уезде, выпускник Архангельской духовной семинарии»[572]. В сентябре 1861 г. назначен священником в Нотозерский лопарский погост, где построил церковь и жилые помещения, выступал за переход лопарей к оседлости, рассказывая о занятиях земледелием и молочным животноводством. Будучи священником в Коле, открыл при приходском училище отделение для обучения лопарей грамоте, а в Печенгском и Кильдинском приходах – школы. С 1884-1889 гг. был Кольским благочинным. Участвовал в исследовательской работе губернского статистического комитета, который через сеть корреспондентов собирал сведения об экономике, истории, культуре Русского Севера, принимал участие в промысловых и этнографических выставках, печатал отчеты, памятные книжки, статьи научного содержания[573]. С 1861 г. действительный член Архангельского губернского статистического комитета. Свои статьи, помещённые в Архангельских губернских ведомостях, посвящал быту и устному творчеству местного населения и различным исследователям, посещавшим Кольский Север (В.И. Немирович-Данченко, Н.Н. и В.Н. Харузины). Люди, знавшие Г. Терентьева, отмечали его образованность и доброжилательность. О. Георгию были пожалованы разные награды, особенно ценными среди них были две серебряные медали «За усердие» и орден Св. Анны II степени.

Священник Константин ЩеколдИн (1845-1916) родом из семьи священника, уроженец Архангельской губернии, выпускник Архангельской духовной семинарии. С 1868 г. – протоиерей, настоятель церкви в Печенгском Сретенском лопарском приходе. С этого времени практически не покидал Кольский полуостров. В зимнем погосте лопарей на р. Колосйоки в 1888 г. открыл первую на полуострове церковно-приходскую школу для лопарей, учил детей коренных жителей тундры на русском и на их родном языке. Как знающий лопарский язык составил и издал «Азбуку для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии» (1895), а также перевёл на лопарский язык Евангелие от Матфея (1894), в чем ему помогала жена, в совершенстве владевшая лопарским языком. О. Константин передал исследователю Н. Н. Харузину, приезжавшему на Кольский полуостров в 1887 г., большую коллекцию собранных им произведений устного народного творчества лопарей, которая была опубликована в книге «Русские лопари» (1890). В журнале «Живая старина» (№ 1,1890) опубликовал «Лопарские сказки, легенды и сказания, записанные в Пазрецком погосте, пограничном с Норвегией». Был почетным членом переводческой комиссии при Архангельском комитете Православного Миссионерского общества и награжден орденом Святой Анны III степени.[574] В некрологе, помещенном в Архангельских епархиальных ведомостях, его отнесли к «героям духа, носителям идеи», которой он посвятил всю жизнь, подавая другим высокий пример самоотвержения[575].

Мы постарались проанализировать образ исследователя духовного звания XIX-начала XX вв., которые занимались изучением и собиранием древних предметов. Описывая предметы, рукописи и события эти люди оставили для исследователей и историков богатый материал по истории края. Имея опыт миссионерской деятельности, которая входила в обязанности духовенства, исследуя традиции, обычаи и быт коренных народов, священники интересовались этнографией и именно благодаря им, сохранились собрания устного народного творчества. Мы представили ряд персоналий из церковной интеллигенции, которые занимались сохранением и исследованием церковной старины, быта, традиций и фольклора местного населения, которые были зачастую либо первыми краеведами епархии, либо исследователями старины. Образ исследователя духовного звания с середины XIX- начала XX вв. представляется таким: из семьи священника, окончивший духовное училище и семинарию; по долгу службы и по личному складу стремится к общению с исследователями края, что стимулирует написание заметок в периодическую печать; миссионерская деятельность, располагающая к желанию узнать быт и верование местного населения. Безусловно, эта краткая характеристика относится к представителям приходского духовенства. Из монашествующих, мы рассмотрели лишь о. Антония (Сорункова), деятельность которого заслуживает внимания. Стоит отметить, что несмотря на кажущуюся схожесть, образ жизни приходских священников сильно отличается от жизни и цели монахов, а епископы в силу своих административных и представительских функций заслуживают особого исследования.

[572] Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в. Историко-генеалогический атлас. Ч.1. Словарь. –Мурманск. – 2010. С.176-178

[573] Там же. С.177.

[574] Кольский Север. Энциклопедический лексикон от А до Я. [Электронный ресурс]: http://lexicon.dobrohot.org/index.php/ЩЕКОЛДИН_Константин_Прокопьевич Дата обращения: 28.12.2016

[575]Ермолаев, Д. Русский священник: просветитель, полицейский и медик: [Щеколдин К. П.] / Д. Ермолаев // Мурманский вестник. - 2009. – 13 окт. - С. 3

Николаев И.Р., Фазлуллин С.М. (Москва)

МОРСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО СЕВЕРА В ЭПОХУ ИВАНА IV ПО ПУТЕВЫМ ЗАМЕТКАМ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Отправившись в 1553 году на поиски гипотетического северо-восточного пути в Китай, английские путешественники причалили к берегам Московского царства. Из трех кораблей выжить смог только один. Капитан судна, Ричард Ченслер достиг устья Северной Двины. В дальнейшем, английские путешественники ведут торговлю и исследуют северное побережье Московского царства.[576]

Английские купцы оставили множество письменных свидетельств. Эти записи -- важнейший источник для изучения морского культурного наследия Русского Севера. Под морским наследием понимаются объекты материального и нематериального культурного наследия, связанные с морской деятельностью. Определение включает в себя материальные объекты: лодки, прибрежные сооружения, гавани, прибрежную инфраструктуру и артефакты, связанные с морской деятельностью. К нематериальным объектам морского историко-культурного наследия следует отнести: морские традиции, исторические водные пути, фольклор, опыт и знания, связанные с освоением и использованием водного пространства. [577] [578]

Отечественные источники, в первую очередь, представлены Двинской и Холмогорской летописями. Сведения, представленные в них, недостаточны, т.к. не несут необходимой информации об объектах наследия. Упоминания англичан приводятся в годы прибытий с указанием количества кораблей, имен купцов[579].

Английские записи пространнее. К 16 веку в Англии сформировалась традиция ведения путевых дневников. Инструктаж английских путешественников предписывал выполнять подробное описание территорий, обычаев и условий для торговли в обнаруженных странах[580]. Особенно активно деятельность компании развивалась в годы правления Ивана IV Грозного.

Записки иностранцев представляют более широкий взгляд на действительность Русского севера второй половины 16 века. Большая часть писем и путевых заметок сосредоточена в сборниках за авторством Ричарда Хаклюйта. Поставив цель собрать все возможные свидетельства о результатах английских экспедиций, он объединил в одном месте торговые грамоты, личные дневники путешественников, служебные инструкции.

Изучение записок и писем в нашей стране велось, преимущественно, в первой половине XX века. В конце XIX - начале XX века изучением англо-русских торговых взаимоотношений с исторической точки зрения активно занимались русские исследователи Гамель И, Толстой Ю.В., Любименко И.И., Платонов С.Ф., , Уляницкий В.А., Шпаковский А.Я., Форстен Г.В.[581] Оценка данных источников с позиции изучения морского и речного культурного наследия ранее не проводилась.

Наиболее полный перевод записей из сборника Хаклюйта выполнил Ю.В. Готье в 1937 году[582]. Однако были переведены лишь записи о путешествиях, исключая тексты, относящиеся к общим дипломатическим сношениям между странами, и документы, касающиеся торговой деятельности английской компании в России. Данная статья базируется на оригинальных документах из сборника Хаклюйта.

Регион Русского севера представляет особый интерес с точки зрения морского историко-культурного наследия. Судоходные реки, составляющие торговый путь от Белого моря к Москве, находятся в составе региона. К моменту прибытия англичан местное население, активно использует водные пространства, существует устоявшаяся система организации торговли, народные промыслы, инфраструктура, традиции.

Дневник погибшего главы первой экспедиции Хью Уиллоби отмечает свидетельства присутствия человека близ обнаруженных берегов – приметные кресты[583]. Начиная с 14 века, на возвышенностях в качестве средства навигации устанавливают шесты с бочками смолы или корзинами угля на вершинах. В дальнейшем, по мере христианизации страны, их заменяют обетные кресты, также используемые для

---

[576] Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1938. С. 19

[577] Филин П.А. Морское наследие как важнейший фактор развития морской деятельности России // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России. Материалы Первой научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 27-30 октября 2010 г. Калининград, 2010. С.111-112.

[578] Мозговой С.А. Морское наследие: сущность, содержание, структура // Морской сборник, № 9, 2013. С. 31-33

[579] Полное собрание русских летописей. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л., 1977. т. 33. С. 148

[580] С. 29-37

[581] Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1938. С. 25-26

[582] Там же

[583] The true copie of a note found wrltten in one of the two ships, to wit, the Speranza, which wintered in Lappia, Where sir Hugh Willoughby and all his companie died, being frozen to death. Anno 1553 // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.38

навигации.[584] Подобные кресты также упоминает Стивен Бэрроу близ мыса, называемого Собачьим носом, [585] а также неподалеку от мыса Рэс.[586]

Первая живая встреча между англичанами и русскими состоялась в Двинской губе, неподалеку от Николо-Карельского монастыря.[587] Первыми встреченными людьми были поморские рыбаки. Рыбная ловля являлась на тот момент одним из основных промыслов.

В дальнейшем монастырь Двинская губа, а затем и все Белое море получает название «бухты св. Николая», а при монастыре возникает база для английских купцов.[588] Корабли встают на рейд у берегов «Розового острова»[589], дальнейший путь по рекам проходит на местных лодках.[590] Современное название острова – Ягры.[591]

При монастырях, судя по записям, присутствовал обширный опыт освоения водного пространства. В путешествиях англичане, преимущественно, упоминают три русских монастыря – Николо-Корельский[592], Соловецкий[593] и погост Михаила Архангела на устье Двины, называемый ими монастырем св. Михаила, нынешний Архангельск.[594]

Среди северных промыслов Ричард Ченслер перечисляет ловлю семги, трески, добычу ворвани, соли, пушнины, мехов и моржовых клыков. Ко времени прибытия англичан, система добычи, производства товаров и торговли налажена, в записях указаны основные центры производящие те или иные ресурсы и товары. [595]

Основным местом добычи ворвани англичанин называет р. Двину. Моржовые клыки или, как их называют тогда, «рыбий зуб» в основном добывается в Пустозере. Соратники Ченслера, Джон Киллинсворт и Джон Хассе повествуют о производимых товарах подробнее, отмечая места производства, методы и цены на ворвань, рыбу, меха, соль.[596] Кроме того, промыслом на пути от Холмогор до Емецка являлась выделка дегтя, смолы и золы из осины.[597]

Судя по всему, объем торговли быстро увеличивался, для обеспечения кораблей рангоутом англичане направляют в Россию мастеров по производству веревок и канатов.[598] Здание для размещения возводится в Холмогорах.[599]

Практически вся торговля в северной части Московского государства пролегала по рекам. Основные судоходные реки на участке от Вологды до Белого моря – Двина и Сухона. Основные

---

[584] Матонин Василий Николаевич Маяки и кресты в навигационной системе Русского Поморья как символы перехода и границы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. №6 С.123

[585] The voyage of the foresaid M. Stephen Burrough, An. 1557. from Colmogro to Wardhouse, which was sent to seeke the Bona Esperanza, the Bona Confidentia, and the Philip and Mary, which were not heard of the yeere before // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.152

[586] Ibid. P. 154

[587] Adams C. The newe Nauigation and discouerie of the kingdome of Moscouia, by the Northeast, in the yeere 1553: Enterprised by Sir Hugh Willoughbie knight, and perfourmed by Richard Chancelor Pilot maior of the voyage: Written in Latine by Clement Adams // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P. 53-54

[588] Randolfe T. The ambassage of the right worshipfulll Master Thomas Randolfe, Esquire, to the Emperour of Russia, in the yeere 1568, briefly written by himselfe // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.IV. Edinburgh., 1886. P. 13

[589] The way discouered by water by vs Thomas Southam and Iohn Sparke, from the towne of Colmogro, by the Westerne bottome of the Baie of S. Nicholas, vnto the citie of Nouogrod in Russia, containing many particulars of the way, and distance of miles, as hereafter foloweth. Anno 1566. // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.317

[590] Ienkinson A. The first voyage made by Master Anthonie Ienkinson, from the Citie of London toward the land of Russia, begun the twelfth of May, in the yeere 1557 // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P. 197

[591] Горшенков Н. Остров Ягры (происхождение названия) // Корабелы «Звёздочки»: Историко-краеведческий сб. 1994. С. 17—20

[592] Adams C. The newe Nauigation and discouerie of the kingdome of Moscouia, by the Northeast, in the yeere 1553: Enterprised by Sir Hugh Willoughbie knight, and perfourmed by Richard Chancelor Pilot maior of the voyage: Written in Latine by Clement Adams // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P. 53-54

[593] The way discouered by water by vs Thomas Southam and Iohn Sparke, from the towne of Colmogro, by the Westerne bottome of the Baie of S. Nicholas, vnto the citie of Nouogrod in Russia, containing many particulars of the way, and distance of miles, as hereafter foloweth. Anno 1566. // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.312

[594] Ibid. P.310-311

[595] Chancelour R. The booke of the great and mighty Emperor of Russia, and Duke of Muscouia, and of the dominions orders and commodities thereunto belonging: drawen by Richard Chancelour // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.40

[596] Hasse I. George Killingworth was furnished with a copy of the following notice of the coines, weights and measures vsed in Russia, written by Iohn Hasse, in the yeere, 1554 // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.95

[597] Ienkinson A. The first voyage made by Master Anthonie Ienkinson, from the Citie of London toward the land of Russia, begun the twelfth of May, in the yeere 1557 // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.197

[598] A letter of the Company of the Marchants aduenturers to Russia vnto George Killingworth, Richard Gray, and Henry Lane their Agents there, to be deliuered in Colmogro or els where: sent in the Iohn Euangclist // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.172

[599] Hawtrey T. A Letter of Master Thomas Hawtrey to the worshipfull Master Henrie Lane Agent at Colmogro, written in Vologda the 31. of Ianuarie 1557 // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P. 177

прибрежные города, перечисленные англичанами – Вологда, Тотьма, Устюг, Емецк и Холмогоры.[600] Большая часть построек в городах – деревянные, лишь в Вологде присутствуют каменные стены.[601]

Энтони Дженкинсон, описал в дневниках характер речного побережья, глубину дна, указывает истоки рек, в том числе впадающих в русла Сухоны и Двины Юга и Пинеги, игнорируя при этом большинство мелких речек и крупную Вычегду[602]. Вероятно, это связано с отсутствием важности неуказанных рек для развития торгового пути.

Основные суда, упоминаемые купцами в районе Двины и Сухоны – насады и дощаники. Насады «очень длинны и широки, крыты сверху и плоскодонны; они сидят в воде не более, как на 4 фута и поднимают 200 тонн; на них нет никаких железных частей, но все сделано из дерева; при попутном ветре они могут плыть под парусами. В противном случае из многочисленных имеющихся на насадах людей иные тянут их, обвязав вокруг шеи длинные тонкие веревки, прикрепленные к насаду, иные же отталкиваются длинными шестами».[603]

Также насады и дощаники как суда, используемые на Севере, упоминают агенты Московской компании, не давая, однако, описаний.[604] [605] Судя по записям, компания имела собственный насад в Холмогорах, используемый для рейсов в Лампожню.[606] Дощаникам дипломаты описания не дают, однако, по косвенным упоминаниям можно судить, что дощаник чаще всего использовался в сугубо транспортных целях, буксируемый насадом.[607] Большая часть лодок, по словам Дженкинсона, принадлежит Вологодским купцам. Основная цель использования судов – добыча соли на побережье Белого Моря.[608]

Другой тип судна указывают путешественники Томас Соутэм и Джон Спарк, в 1566 году искавшие путь от Холмогор до Новгорода. В Холмогорах они нанимают «ладью или барку». В тексте путевого дневника они указывают именно двойное название. Для управления судном они нанимают «6 матросов и одного мальчика». Грузоподъемность – около 25 тонн[609].

В дальнейшем, этот же дневник описывает некие лодки, нанимаемые англичанами в пути. Название им путешественники не дают, однако следует отметить, что они были меньше нанятой ими ранее ладьи, т.к. в пути по реке Выг, Выгозеру и Онежскому озеру они используют несколько лодок, а не одну.[610]

Еще одно описание ладьи встречается в записках Стивена Бэрроу. Ладьи, увиденные его командой, вмещают от 24 до 30 человек команды.[611] Русские суда оказались быстроходнее английских кораблей, плывя по ветру. Конструкция судна, судя по всему, позволяла беспрепятственно швартоваться практически на отмели.[612] Шкипер Ричард Джонсон, участвовавший в экспедиции Бэрроу, отмечает, что все русские суда «сшиты прутьями, без гвоздей».[613]

---

[600] Ienkinson A. The first voyage made by Master Anthonie Ienkinson, from the Citie of London toward the land of Russia, begun the twelfth of May, in the yeere 1557 // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.197

[601] Randolfe T. The ambassage of the right worshipfulll Master Thomas Randolfe, Esquire, to the Emperour of Russia, in the yeere 1568, briefly written by himselfe // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.IV. Edinburgh., 1886. P. 14

[602] Ienkinson A. The first voyage made by Master Anthonie Ienkinson, from the Citie of London toward the land of Russia, begun the twelfth of May, in the yeere 1557 // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.197

[603] Ibid.

[604] Hawtrey T. A Letter of Master Thomas Hawtrey to the worshipfull Master Henrie Lane Agent at Colmogro, written in Vologda the 31. of Ianuarie 1557 // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P. 177

[605] Gray R. A letter of master Richard Gray one of the first Agents of the Moscouie companie to Master Henrie Lane at Mosco, written in Colmogro the 19. of Februarie 1558 // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.179

[606] Ibid.

[607] Ibid.

[608] Ienkinson A. The first voyage made by Master Anthonie Ienkinson, from the Citie of London toward the land of Russia, begun the twelfth of May, in the yeere 1557 // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.197-198

[609] The way discouered by water by vs Thomas Southam and Iohn Sparke, from the towne of Colmogro, by the Westerne bottome of the Baie of S. Nicholas, vnto the citie of Nouogrod in Russia, containing many particulars of the way, and distance of miles, as hereafter foloweth. Anno 1566. // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.310-311

[610] Ibid. P. 313-315

[611] Burrough S. The Nauigation and discouerie toward the riuer of Ob, made by Master Steuen Burrough, Master of the Pinnesse called the Serchthrift, with diuers things worth the noting, passed in the yere 1556 // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.121-122

[612] Ibid. P.123

[613] Iohnson R. Certaine notes vnperfectly written by Richard Iohnson seruant to Master Richard Chancelour, which was in the discouerie of Vaigatz and Noua Zembla, with Steuen Burrowe in the Serchthrift 1556. and afterwarde among the Samoedes, whose deuilish rites hee describeth // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P. 138

Исследуются и иные речные пути, например, из Холмогор в Новгород. Проходя небольшие реки, англичане отмечают обилие переволок и сложность пути.[614] Несмотря на опасность описываемых рек, они находят места, где можно купить лодки и нанять команду, что говорит об использовании рек местными жителями. [615] Англичане же избирают сухопутный путь через Сумский посад.[616] Важно отметить, что в Сумском посаде возможна как аренда складов, так и наем барок.[617]

Сухопутным способом ведется сообщение между Пустозерском и Лампожней – местом, где продают рыбий зуб. Из Лампожни товары везут в Холмогоры[618]. Кроме того, сухопутным путем продолжается движение из Вологды в Ярославль и Москву[619].

Внутренней торговле иностранцы уделяют меньше внимания. Ченслером упоминаются ярмарка в Холмогорах, наличие голландских складов в Новгороде.[620] Джон Хассе позиционирует Холмогоры как город, в котором можно найти все товары, производимые на севере. Из Холмогор, товар распространяется не только по другим городам, но и, косвенно, за рубеж.[621] Одним из центров торговли является Лампожня, «место, куда русские, татары и самоеды съезжаются два раза в год для обмена товаров на товары».[622] Север состоит в тесной взаимосвязи с Москвой - рыба, меха и соль продаются в Москве, оттуда закупается хлеб.[623]

Сами промыслы при этом сильно развиты. В дневнике Стивена Бэрроу упоминается множество промысловых ладей, нанятых на ловлю семги и моржа близ Печоры. В течение трех дней путешественники видели множество судов, отплывающих на север.[624]

Большинство моряков умеет преодолевать большие пространства – русские, встреченные Бэрроу около Новой Земли, были родом из Холмогор.[625] Среди известных земель мореплаватели выделяют безопасные гавани, называемые «становищами».[626]

Культура мореплавания имела свои особенности. По дневникам можно судить, что русским мореплавателям известны земли вплоть до Новой Земли на севере, до реки Обь на Востоке.[627] С определенными топонимами связывались легенды и формировались целые традиции. Энтони Дженкинсон описывает наличие у мыса Святой нос большого камня, «которому проходящие мимо суда имеют обыкновение приносить жертвы маслом, мясом и другими съестными припасами, веря, что если этого не сделают, то ладья или корабль погибнет здесь, как это действительно часто имело место: здесь очень темно и стоят большие туманы».[628]

---

[614] The way discouered by water by vs Thomas Southam and Iohn Sparke, from the towne of Colmogro, by the Westerne bottome of the Baie of S. Nicholas, vnto the citie of Nouogrod in Russia, containing many particulars of the way, and distance of miles, as hereafter foloweth. Anno 1566. // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.312-314

[615] Ibid. P.313-315

[616] Ibid. P.317

[617] Ibid. P.318

[618] Chancelour R. The booke of the great and mighty Emperor of Russia, and Duke of Muscouia, and of the dominions orders and commodities thereunto belonging: drawen by Richard Chancelour // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.40

[619] Chancelour R. The booke of the great and mighty Emperor of Russia, and Duke of Muscouia, and of the dominions orders and commodities thereunto belonging: drawen by Richard Chancelour // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.41

[620] Chancelour R. The booke of the great and mighty Emperor of Russia, and Duke of Muscouia, and of the dominions orders and commodities thereunto belonging: drawen by Richard Chancelour // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.40

[621] Hasse I. George Killingworth was furnished with a copy of the following notice of the coines, weights and measures vsed in Russia, written by Iohn Hasse, in the yeere, 1554 // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.95

[622] The voyage of the foresaid M. Stephen Burrough, An. 1557. from Colmogro to Wardhouse, which was sent to seeke the Bona Esperanza, the Bona Confidentia, and the Philip and Mary, which were not heard of the yeere before // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.153

[623] Chancelour R. The booke of the great and mighty Emperor of Russia, and Duke of Muscouia, and of the dominions orders and commodities thereunto belonging: drawen by Richard Chancelour // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.41

[624] Burrough S. The Nauigation and discouerie toward the riuer of Ob, made by Master Steuen Burrough, Master of the Pinnesse called the Serchthrift, with diuers things worth the noting, passed in the yere 1556 // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.122

[625] Ibid. P.129

[626] Burrough S. The voyage of the foresaid M. Stephen Burrough, An. 1557. from Colmogro to Wardhouse, which was sent to seeke the Bona Esperanza, the Bona Confidentia, and the Philip and Mary, which were not heard of the yeere before // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.154

[627] Burrough S. The Nauigation and discouerie toward the riuer of Ob, made by Master Steuen Burrough, Master of the Pinnesse called the Serchthrift, with diuers things worth the noting, passed in the yere 1556 // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.129

[628] Ienkinson A. The first voyage made by Master Anthonie Ienkinson, from the Citie of London toward the land of Russia, begun the twelfth of May, in the yeere 1557 // Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, by Richard Hakluyt. vol.III. Edinburgh., 1886. P.195

Дневники иностранцев позволяют нам рассмотреть сторону жизни общества, слабо отраженную в отечественных источниках того времени.

Развитая культура судостроения и опыт мореходства, традиции по добыче и переработке морепродуктов, наличие городов, специализирующихся на речной торговле – всё это свидетельствует о том, что история и культура Русского севера может ещё не раз подтверждать древние корни национального морского и речного культурного наследия.

Англичане, прибыв к берегам Московского царства, встречают развитую систему природопользования и сложившихся внутренних контактов, осуществляемых речной и морской торговлей. Несмотря на отсутствие крупного флота, государство обладает морскими традициями и развитым судоходством. Актуализация источников о морском историко-культурном наследии Русского севера является важным базисом для развития музейного каркаса региона.

Оксузьян Д.В. (Сыктывкар)

ОБ ОПЫТЕ ЗАОЧНОГО УЧАСТИЯ В КОМИ РЕСПУБЛИКАНСКИХ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ «ЧЕЛОВЕК И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА»

Указом Президента Российской Федерации 2017 год объявлен «Годом экологии». 27 декабря 2016 года состоялось Заседание Государственного совета по вопросу об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений

Наряду с другими выступлениями свой доклад представил и Дубровский Борис Александрович – действующий губернатор Челябинской области.

Губернатор назвал чрезвычайно важной темой – тему экологического просвещения, которое должно присутствовать в каждой образовательной программе, начиная с детского сада. Только в этом случае можно ожидать формирования у граждан понимания того, как бытовое поведение влияет на глобальные природные процессы. Отсутствие необходимого уровня экологической грамотности способствует росту уровня экологического нигилизма (или безнравственности – *Д.В.*), ведёт к утрате способности критично воспринимать поступающую из разных источников экологически значимую информацию – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/53602.

Важность экологического просвещения, не ограниченного территориально и окрашенного множественными предметными связями, сознавалась и организаторами Коми республиканских научных конференций «Человек и окружающая среда», которые начали проводиться с 1977 года, в Общероссийские дни защиты от экологической опасности – обычно в конце апреля.

Студенты и аспиранты Сыктывкарского Государственного Университета, научных учреждений Северо-Западной Области и России, вместе со своими руководителями – преподавателями и сотрудниками различных кафедр и лабораторий – стремились к тому, чтобы представить общественности свои наработки в разных сферах науки и продемонстрировать их полезность. Вчерашние студенты высшего учебного заведения переживали некоторое преображение - переход к новому ощущению себя будущими потенциальными исследователями.

На протяжении пяти лет обучения в Сыктывкарском Государственном Университете я занимался глубоким изучением римского быта эпохи Ранней Римской Империи. Мною было обнаружено, что случаи нарушения и заботы о сохранении природного разнообразия в древности и в наши дни являются практически идентичными. О своих наблюдениях я сообщил на страницах сборников тезисов, напечатанных по итогам работы вышеупомянутых конференций.

2000 год. В рамках конференции работало девять секций: «Ботаника»; «Зоология»; «Физиология человека и животных». «Химия»; «Химия почв»; «Технические науки»; «Экономические науки». «Исторические науки» и «Филологические науки». Гуманитарные науки заняли место аутсайдеров.

В сборнике тезисов были напечатаны тезисы моей курсовой работы: «Принципы возведения жилищ в Древнем Риме», составленные при участии научного руководителя по созданию Дипломной работы, кандидата исторических наук Кучеренко Людмилы Прокопьевны. Мною было подчёркнуто, что при возведении своих домов граждане города Рима эпохи Ранней Римской Империи, в целом, учитывали географические и климатические условия местности. Были рассмотрены помещения домов и обращено внимание на их функциональное назначение. Показана система отопления и перечислены изобретения, благодаря использованию которых богатые римские виллы и многоэтажные общежития бедняков освещались источником света. Застройка плодородных площадей и расползания города с нарушением санитарно-гигиенических норм. Эти факты я соотнёс к началу экологического кризиса.[629]

[629] Оксузьян Д.В. Принципы возведения жилищ в Древнем Риме // Д.В. Оксузьян. Программа и тезисы X Коми республиканской научной студенческой конференции «Человек и окружающая среда»: 20-22 апреля 2000 г. – Сыктывкар, 2000. – С. 106-108.

2001 год. К сохранившимся направлениям в работе конференции добавились выходы на междисциплинарный уровень, а основной тематикой стало обсуждение экологической ситуации в Республике Коми и степени воздействия этой ситуации на здоровье людей.

Поэтому мною (при координации научного руководителя) были напечатаны тезисы на тему – «Отношение к окружающей среде в Древнем Риме», занявшие место среди подобного рода материалов в секции «Человек и природа в традиционной духовной культуре».

Я указал размеры площадей земли, занятых «Золотым домом» императора Нерона и аллеями приближенных к императору особ. Также мною было отмечено, что в Риме, как и во всех государствах Древнего Мира, отличавшихся сухим климатом, ценнейшим природным ресурсом являлась вода. Находились люди, которые, возможно, за определённую плату, пробивали водопроводные трубы, облегчая кражу воды, поскольку не у всех граждан имелись на руках обновлённые документы на право отведения воды в дом. А юридическое действие этих документов прерывалось в момент смерти лица, обладавшего таким правом при жизни.

Наряду с безответственным отношением к водным богатствам, в части «Писем Плиния Младшего», адресованного императору Траяну, было выражено чувство обеспокоенности за устройство озера и канала, вырытого ранее. На этот сигнал о нарушении экологического равновесия представитель высшей власти Римской Империи отвечал твёрдым заверением «тщательно исследовать» открывавшиеся перспективы. Упомянул я и о закопчённых дымящихся жаровнях - предшественниках современных шашлычных мангалов. Дым от этих жаровен проникал в растения и в плодоносящие деревья, уменьшая количество живительного сока и сокращая продолжительность цветения их плодов[630].

2004 год. XIV Коми республиканская научная конференция «Человек и окружающая среда». Сохранение традиционных направлений и междисциплинарного подхода сочеталось со способностью молодых учёных разглядеть человека и мир в языке, в коми литературе, в плакатном изображении, заговорить об этноэкологическом подходе в освоении природного потенциала северных территорий, поразмышлять на тему «Человек и мир». Именно продолжением этой тематики стало моё сообщение: «Христианство и экология в эпоху Римской империи».

В этой работе я перечислял случаи нерационального подхода римлян к природному разнообразию, цитируя «Панегирик императору Траяну» Плиния Младшего, ссылаясь на описание римских пиршеств в романе А. Петрония «Сатирикон», и в «Сатирах» Горация.

Мною было упомянуто, что христианский богослов и писатель Тертуллиан в своём сочинении о зрелищах – «De spectaculis» - запрещал христианам «принимать участие в римских праздниках»[631].

С позиции суммы знаний, сложившейся во мне на сегодняшний день, я осознаю, что Тертуллиан, в первую очередь, проявлял заботу о духовном состоянии христиан, выражал опасение, чтобы христиане не поколебались в вере, не принесли жертв ложным кумирам и не забыли единого, истинного Бога. Случаи подобного забвения происходили много раз, скажем, в жизни Израильского народа.

В то же время приведённый факт говорит о попытке христианских апологетов защитить биологическое разнообразие окружающего мира. По сообщению протоиерея М.И. Хитрова, проповедники христианской веры в своих речах неоднократно осуждали обычай охоты на зверей, который являлся необходимым условием проведения римского праздника и неизменной частью образа жизни римлян, особенно элитной части общества[632]

Описанными мною облавами на диких зверей и роскошными пиршествами[633] забавлялись царские особы и помещики и в Российском государстве.

Перейду к выводам. Участники Коми республиканских научных конференций «Человек и окружающая среда», молодые исследователи, сообщив минимум знаний о своей среде обитания, или сделав экскурс в историю, попытались переключить своё внимание и внимание своих сограждан с бездумного и халатного использования природных богатств на ответственное к ним отношение как к высшей духовной ценности.

Усилия представителей многих научных дисциплин позволили придать слову «Преображение» тот смысл, на котором останавливает своё внимание Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Святейший говорит и пишет о том, что «мы часто используем слово «Преображение», но употреблять его следует очень осторожно. Не всякое изменение человеческой личности является преображением, даже если это изменение связано с совершенствованием личности.

---

[630] Оксузьян Д.В. Отношение к окружающей среде в Древнем Риме // Д.В. Оксузьян. «Человек и окружающая среда»: XI Коми республиканская научная студенческая конференция: Программа и тезисы докладов: 19-21 апреля 2001 г. – Сыктывкар, 2001. - С. 105.

[631] Христианство: Энциклопедический словарь: Под ред. С.С. Аверинцева. – В 3 т. – М.: «Большая Российская Энциклопедия», 1995. – Т. 3. – С. 22.

[632] Хитров М.И. Светочи Христианства. – М.: «Благовест», 1999. – С. 213.

[633] Оксузьян Д.В. Христианство и экология в эпоху Римской империи // Д.В. Оксузьян. «Человек и окружающая среда»: XIV Коми республиканская научная конференция студентов и аспирантов: Программа конференции и тезисы докладов. – Сыктывкар, Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2004. – С. 147-148.

Мы, несомненно, совершенствуем себя, когда получаем образование, когда под воздействием культуры обретаем остроту эстетического восприятия мира.

Однако это несомненное усовершенствование нельзя назвать преображением.

Совершенствование личности или даже общественных отношений, развитие науки, техники, искусства вовсе не обязательно ведут к преображению: прогресс может быть обращён во зло, знания человека могут нести смерть и разрушения.

Мы знаем, в какой ад люди нередко превращают свою жизнь, в том числе опираясь на свои знания и опыт, - происходит не преображение, а духовный регресс.

Подлинное преображение личности есть такое развитие образа Божия в человеческой природе, которое максимально приобщает человека к Богу»[634].

Иными словами, «человек способен духовно развиваться, способен нравственно возвышаться только тогда, когда есть высшая правда и высший авторитет. Если нет высшей правды, то как же отличить добро от зла, а правду от лжи? Вот почему важно, чтобы учёные, которые постигают тайны физического бытия и создают научные идеи, на основании которых строятся технологии, в нравственном отношении были не менее развиты, чем в интеллектуальной сфере. Потому что без Бога, без сильного и яркого нравственного чувства, не может быть подлинного прогресса человечества»[635].

Данное утверждение должно сохранять силу высоко значимого духовного требования и в сфере управления качеством атмосферного воздуха и выработки грамотной тарифной политики – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/53602, и в области разработки и реализации разнообразных проектов по экологическому просвещению населения всех регионов Российской Федерации.

Поклад В.П. (Череповец)

ВЫСТАВКА МОДЕЛЕЙ ДЕРЕВЯННЫХ ХРАМОВ КАК СПОСОБ ПРОПАГАНДЫ КУЛЬТОВОГО ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА

С момента крещения Руси князем Владимиром возникла потребность в строительстве христианских храмов. Однако перенять от византийцев метод их строительства, как переняли веру, было невозможно по нескольким причинам. Там храмы возводили из камня разнообразных и относительно легко обрабатываемых пород. К тому же техника его добычи и обработки совершенствовалась веками. Мягкий средиземноморский климат позволял возводить храмы круглый год в течение нескольких лет. На территории Киевской Руси, а тем более в северных княжествах, суровые условия обитания требовали огромных усилий для обеспечения выживания его жителей. Добывать строительный материал, а это было дерево, приходилось быстро. Заготавливать его можно было только зимой, а сплавлять по рекам и озерам – ранней весной, сразу же после ледохода. Это освобождало летнее время для сельских работ и строительства. Возводить храмы приходилось буквально в течение одного лета. Однако в дереве не было возможности реализовать приемы, применяемые при строительстве византийских церквей. Из-за этого первые храмы, построенные плотниками, скорее всего, были похожи на обычные избы. Только по кресту на крыше можно было отличить церковь от жилых строений. Желание построить дом Бога как можно лучше, сделать его отличающимся от изб селения привело к усложнению строений. Опыт строительства накапливался столетиями и бережно передавался от поколения к поколению. Большие храмы часто строили нанимаемые прихожанами плотницкие артели. Способ формирования приходом заказа на строительство церкви плотницкой артелью был таким, что каждый следующий храм отличался от предыдущего, хотя, в силу соблюдения традиций и накопленному опыту, имел с ним много общего. Комбинируя архитектурные элементы, из которых состоит церковь, плотники создавали бесконечные варианты церквей и часовен. В каждом населенном пункте России, даже самом удаленном от центра страны, стояли деревянные церкви. Для жителей каждого села, где бы оно не находилось, не было понятия «глухомань» в современном понимании этого слова. Это был их мир обитания, и они стремились обустроить его наилучшим образом, не жалея на это сил и средств. Сейчас трудно представить причину возникновения в такой «глуши» храмов необыкновенной красоты, поставленных в гармонии с окружающей природой. Часто это были целые архитектурные комплексы.

Расцвета деревянное храмовое строительство достигло к средине 17 века. После выхода указа патриарха Никона на запрет шатровых храмов и регламентирования многого другого начался постепенный закат культового деревянного зодчества. Тем не менее, еще до конца 18 века на окраинах государства жители, отдавая дань своим предпочтениям, заказывали и строили любимые ими шатровые

[634] «Патриарший календарь» на 2016 год: Календарь содержит слова и проповеди Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2015. – С. 187. – 18 августа.

[635] Там же. – С. 190. – 21 августа.

церкви. Запреты привели к появлению новых типов церквей: ярусных, многоглавых и завершенных кубом.

После отмены крепостного права и расслоения населения по состоянию, разбогатевшие крестьяне и купцы заказывали строительство церквей из кирпича, а деревянные церкви больше не ремонтировались, и постепенно, ветшая, разрушались. Менее состоятельные люди, поддавшись моде, принялись перестраивать деревянные храмы. Обшивали церкви досками, красили «под кирпич» или «под белый камень». Заменяли тес крыш и лемех глав, барабанов и бочек железом. Растесывали окна в церквях и трапезных, часто убирали стену, разделяющую храм и трапезную, прочность здания при этом терялась. Внутренние стены нередко штукатурили или покрывали обоями. Все эти переделки, «благолепные обновления», как тогда говорили, часто до неузнаваемости меняли вид храма и нередко служили причиной ускоренного его разрушения.

К средине 19 века, несмотря не то, что в России еще сохранилось много деревянных церквей высочайшей художественной ценности, построенных безвестными народными мастерами, в среде российских архитекторов, искусствоведов и художников бытовало мнение, что народная архитектура не достойна внимания. На них давил авторитет европейских архитекторов, построивших имперский Петербург, да и московский кремль с его соборами, в которых венчали на царствование великих князей и императоров, был построен итальянцами. В 70-х годах 19 века Л. В. Даль по поручению Императорской Академии Художеств совершил поездку в Олонецкую губернию, где изучал деревянные храмы. Публикация материалов экспедиции вызвала огромный интерес среди интеллигенции страны. После этого на Север поехали архитекторы, краеведы, художники и фотографы. Собранные за 40 лет материалы изучил и систематизировал профессор М. В. Красовский. Его книга «Деревянное зодчество» вышла в 1916 году и стала энциклопедией. Уже тогда исследователи сожалели о том, что многие храмы утрачены.

После Гражданской войны начался период борьбы с религией и в первую очередь с храмами. Нередко церкви разрушали или перестраивали в лучшем случае в школы или клубы, но чаще приспосабливали под хозяйственные нужды. О сохранности зданий никто не заботился, и они быстро разрушались. Только после Великой Отечественной войны были приняты меры к изучению сохранившегося к этому времени наследия. Были проведены первые реставрационные работы. Начали создаваться музеи деревянного зодчества. Но даже в музеях храмы продолжают гореть, и иногда их не удается спасти. Продолжаются утраты и вне музеев. Селения, в которых они стоят, пустеют, жители покидают деревни, а церкви, оставленные без присмотра на долгое время, начинают гнить и гореть от природных и рукотворных причин. Складывается впечатление, что со временем может случиться непоправимое, и мы больше не сможем наслаждаться замечательным видом русских деревянных храмов.

В отличие от европейских государств, где за несколько часов можно добраться до интересующего города с его достопримечательностями, в России с ее огромными расстояниями сделать это очень непросто. Если храм расположен в «глубинке», куда добираться надо многими часами и не поездом или самолетом, а на автомобиле высокой проходимости по дорогам не самого высокого качества, то решиться на это могут только отчаянные любители деревянного зодчества.

Музеи деревянного зодчества, в которые перевозят самые значительные памятники, частично решают эту проблему. Однако добраться до музея «Витославлицы» в Великом Новгороде или «Малые Корелы» в Архангельской области с Урала, а тем более из Сибири или Дальнего Востока очень непросто и весьма затратно по времени и деньгам. Немногим проще посетить такие музеи в Суздале, Костроме, Перми, Вологде, Нижнем Новгороде, Иркутске и Новосибирске. Для большинства жителей нашей страны знакомство с деревянными церквями и часовнями начинается и заканчивается изучением немногочисленных книг, посвященных деревянному зодчеству.

Модель деревянного храма, выполненная в масштабе, даже с некоторым упрощением отдельных его элементов, не сильно искажает впечатление об оригинале и дает возможность представить, как он выглядел после окончания строительства. Для неискушенного зрителя это дает больше, чем знакомство с храмами по книгам, даже если в них есть их чертежи и фотографии. Тем более, если сама церковь или часовня утрачена. Коллекция моделей храмов, построенных в разное время в различных регионах страны, позволяет показать, какие предпочтения при их строительстве имели наши предки. При этом видно, как развивалось строительство тех или других типов церквей. Наличие в коллекции всех возможных типов храмов демонстрирует, какого совершенства достигли плотники прошлых веков, как простыми приемами и инструментами они создавали сказочно красивые храмы.

Коллекция, часть которой представлена на выставке в Музее церковной старины (город Тотьма), создавалась на протяжении 15 лет. Вначале это была попытка сделать модель не очень сложной церкви. Для этого была выбрана церковь Ризоположения из села Бородава Вологодской области, виденная автором много раз. Работа над ней длилась несколько месяцев, сказалось отсутствие опыта. Со временем дело пошло быстрее. Для второй модели была выбрана часовня Петра и Павла из деревни Насовщина с о. Волкостров в Карелии. В ней были архитектурные элементы, каких не было в первой модели: шатровая

звонница и гульбище на выпусках. Этот принцип выбора каждого следующего храма для создания его модели позволил пополнять коллекцию моделями, отличающимися от предыдущих.

Для сбора информации о церквях и часовнях были совершались поездки в музеи деревянного зодчества: остров Кижи, Малые Корелы, Витославлицы, Костромская слобода, Суздаль, Семенково. В сборе информации помогали друзья и сотрудники музеев. В последнее время много информации можно найти в Интернете. Сейчас коллекция состоит из 53 моделей из 14 регионов России и включает в себя все типы встречавшихся когда-либо церквей и часовен. Все модели выполнены в одном масштабе 1:50, что дает возможность сравнивать по величине оригиналы, с которых они сделаны.

Первая выставка моделей состоялась летом 2012 года в профсоюзной библиотеке Череповецкого металлургического завода по предложению ее работников. На ней было представлено 18 моделей небольшого размера. Экспонаты были выставлены в небольших стеклянных шкафах в помещении, не имевшем окон, освещение осуществлялось лампами дневного света. Были также представлены фотографии всех 32 моделей, изготовленных к моменту открытия выставки.

При организации экспозиции стало очевидным, что для выставки таких экспонатов требуется просторное помещение, что позволило бы рассматривать модели со всех сторон. При этом требуется как общее освещение, так и направленный свет солнечного спектра, который подчеркнет светотенями рельеф лемехового покрытия и другие мелкие детали. Очень важно установить модели на уровне глаз посетителя. Такое расположение модели позволит смотреть на нее под тем же углом зрения, как когда-то смотрели на церковь приближающиеся к ней прихожане. Плотники при строительстве церквей всегда учитывали, как на нее смотрел человек. На выставке большинство моделей стояли слишком тесно и часть из них - низко. Приходилось смотреть на модель так, будто ты поднялся над церковью на вертолете и видишь в основном плоскости крыш. Это создавало совсем иное, искаженное, впечатление, чем то, на которое рассчитывали создатели храмов. При таком взгляде из поля зрения исчезают архитектурные элементы и небольшие детали, которые определяют индивидуальные особенности и ту красоту, какую заложили плотники конкретно в эту церковь или часовню. Очень важно увидеть, как устроено крыльцо, паперть или гульбище, косо уложенный тес его ограждения, расположение волоковых и косящатых окон, причелин и полотенец и многое другое, что создают неповторимую прелесть каждого храма.

Посетители выставки после ее осмотра могли изложить свое мнение об увиденном в книге отзывов. Чаще всего высоко оценивались усилия, затраченные на изготовление моделей, и точность воспроизводства деталей. При этом модели воспринимались скорее, как оригинальные, редко встречающиеся игрушки, а не как, хотя и упрощенные, и уменьшенные, но прообразы оригиналов. Стало понятно, что выставка моделей нуждается в сопровождении рассказом экскурсовода об истории возникновения храма, его конструктивных особенностях и судьбе. Однако были отзывы, в которых высказывались сожаления по поводу утраты некоторых храмов, модели и фотографии которых были представлены в экспозиции. И совсем немного было отзывов, в которых восхищались талантом и умением плотников, создававших свои творения. Летний период экспонирования и его краткосрочность не позволили увидеть модели многим потенциальным посетителям. Одновременно стало очевидным, что такие выставки нужны, они дают возможность представить, как выглядели деревянные храмы. Многие посетители впервые познакомились с культовым деревянным зодчеством, и получили первое и очень важное впечатление о нем.

С декабря 2012 по апрель 2013 года в центральной городской библиотеке имени В. В. Верещагина г. Череповца работала выставка моделей деревянных церквей и часовен. На ней, как и на первой выставке, было представлено18 моделей. На этот раз для экспозиции использовались стеклянные шкафы большего размера, что позволило представить на выставке крупные модели. Размещены они были на двух уровнях, при этом модели, стоящие на нижних полках, были неудобны для рассматривания и давали искаженное представление об оригиналах. Желание выставить как можно больше работ заставило закрыть глаза на этот недостаток. Шкафы располагались в помещении, хорошо освещенном как искусственным, так и солнечным светом благодаря большим окнам выставочного зала. Особенно удачно смотрелись модели в утренние часы ясного морозного дня, когда солнечные лучи попадали на модели.

На этот раз были организованы экскурсии для школьников ближайших к библиотеке школ. Всю работу по взаимодействию со школами взяли на себя работники библиотеки. В дни экскурсий автор моделей рассказывал школьникам о деревянном зодчестве, проблемах сохранения деревянного культового наследия, о своей работе по сбору информации о храмах, которые собирался моделировать, о работе над моделями. Подробно рассказывал о судьбе церквей, модели которых были выставлены, о поездках в музеи деревянного зодчества. Дети задавали много вопросов. В процессе бесед выяснилось, как плохо дети знают историю страны, не знакомы с музеями деревянного зодчества и совсем не представляют себе, как работать простыми инструментами. В наших школах нет уроков труда, какие были в школьные годы автора и его детей. Дети не горят желанием что-то делать своими руками, зато

они убежденно считают, что работа на компьютерах — это единственный достойный вид труда. Кроме того, проводились экскурсии для взрослых.

Опыт этой выставки показал, что экспозиция всей коллекции создаст наиболее полное представление обо всем разнообразии русских деревянных храмов и об огромном количестве церквей и часовен, когда-то стоявших во всех деревнях, селах и городах на всем пространстве России. К этому времени в коллекции было много моделей утраченных храмов. Выставка таких моделей подчеркнула бы размеры потерь, постигших этот раздел национальной культуры.

С мая по ноябрь 2014 года в центральной городской библиотеке им. В. В. Верещагина г. Череповца проходила еще одна выставка моделей деревянных храмов России, которые были созданы автором к этому времени. На этот раз было представлено 42 модели из 13 регионов. Библиотека предоставила просторный зал с хорошим как искусственным, так и естественным освещением. Модели небольшого размера экспонировались в стеклянных шкафах и «аквариумах», позволяющих осматривать их со всех сторон. Основная часть моделей, впервые в практике автора, была установлена на столах в открытом доступе. Их тоже можно было осмотреть со всех сторон. Опасения, что незащищенные модели могут пострадать от особенно любопытных посетителей, к счастью и удивлению, не подтвердились. Это позволило на всех последующих выставках выставлять крупные модели открыто, что значительно упрощало организацию выставок.

Учитывая опыт предыдущих выставок, большая часть организованных работниками библиотеки экскурсий сопровождалась рассказом автора. Одновременно на большом экране телевизора демонстрировались фотографии всех моделей в разных ракурсах, а также фотографии самих церквей. Для таких экскурсий работники библиотеки не только рекламировали выставку, но и согласовывали дни и время посещения экскурсии с автором. К моменту прихода организованных групп автор встречал их и проводил экскурсии, которые вызывали большой интерес у посетителей. Это послужило причиной увеличения числа желающих не просто посетить выставку, а непременно в присутствии автора моделей. При проведении экскурсий обязательно учитывался возрастной состав групп. А они были самые разные: выпускники детских садов, школьники разных классов, студенты, люди среднего возраста и пенсионеры. Самыми активными экскурсантами были дети младшего возраста и пенсионеры. Первые еще не были пресыщены удивительными вещами, им все было интересно. Особенно их интересовало, что там внутри моделей: они заглядывали в окна, пытались открыть двери. Во время экскурсий некоторые модели автор разбирал на глазах у детей, что вызывало неподдельный восторг и удивление. Это было возможно потому, что для облегчения упаковки и транспортировки большинство моделей выполнены разборными. Почти с таким же результатом проходили встречи с пенсионерами. И если дети в своей жизни еще не успели многое посмотреть, перед ними были еще не встречавшиеся игрушки, чем и был вызван их интерес, то пенсионеры понимали, как много они еще не видели и, может быть, никогда больше не увидят.

По предложению работников библиотеки автор изготовил одну самую простую модель в масштабе 1:25 так, что она полностью разбиралась по бревнышку до основания. Увеличенные в размерах составные детали позволяли детям самим попробовать собрать модель. Чрезмерный энтузиазм и нетерпение не позволяли детям добиться успеха, но удовольствие, которое они испытывали при этом, было очевидным. Если бы не их воспитатели и учителя, то они до изнеможения продолжали бы строить и строить. Этот опыт показал, как детям не хватает возможности что-то делать своими руками. Современные высокоинтеллектуальные игры совсем не помеха в привлечении детей к обычному труду, в результате которого возникали бы вещи, созданные их руками.

Посетители, не только увидев выставленные модели, но и услышав рассказ автора, стремились изложить свое впечатление в книге отзывов. На этот раз, что очень радовало, свои впечатления стали оставлять дети. Очень эмоциональные, но очень краткие, почти телеграммы. А некоторые выражались только междометиями (!) в духе Эллочки Людоедочки из «Двенадцати стульев». Дети не умеют излагать свои мысли на бумаге.

Умудренные жизненным опытом посетители старшего возраста с удивлением и восторгом узнавали, какие необыкновенно красивые храмы были созданы в самых отдаленных, как сейчас принято говорить, «медвежьих углах» руками неизвестных, но очень талантливых плотников. Для наших предков это были не далекие территории, не глухие углы, а их Родина и они стремились вложить в создаваемые храмы свое понимание красоты и весь тот опыт, что передавался из поколения в поколение в течение столетий. Экскурсанты с сожалением узнавали, как много этих шедевров уже утрачено. Из 42 выставленных моделей 16 представляли уже исчезнувшие храмы, и это не было преднамеренной подборкой. Среди посетителей многие считают, что такая выставка должна работать постоянно, чтобы в любой момент можно было прийти и заглянуть на века назад, что было бы очень полезно приводить на выставку школьников и проводить здесь некоторые уроки истории. Выставка неожиданно показала, что организовать экскурсию школьников очень трудно, необходимо преодолеть много формальностей, чтобы получить разрешение на посещение выставки классом. Директора школ, несмотря на разосланное по электронной почте приглашение посетить выставку учащимися их школ, откровенно игнорировали

свою обязанность по организации экскурсий, тем самым лишали школьников редкой возможности приобщиться к еще одной стороне русской культуры. Где, как не на таких выставках, воспитывается патриотизм и гордость за свою Родину! За более чем полугодовой период работы выставки ее посетили более 1500 человек.

В конце апреля 2015 года в г. Устюжне по приглашению работников центральной библиотеки им. Батюшковых открылась первая выставка за пределами Череповца. Библиотека расположена в особняке бывшего городского головы, купца и мецената Я. М. Поздеева. Желание библиотекарей Устюжны устроить у себя выставку возникло после посещения ими череповецкой выставки. Такое же желание изъявила директор Вологодской областной библиотеки, но первыми оказались устюжане. Отсюда вывод – требуется рекламировать народное зодчество!

Экспонаты демонстрировались в великолепном зале, в котором когда-то проводились балы. На выставке экспонировались 8 моделей деревянных церквей, срубленных на территории нынешней Вологодской области. Все модели были в открытом доступе, выставка работала 4 месяца.

Город Устюжна небольшой, расположен близко к границам Тверской и Новгородской областей. Много его бывших жителей переехали на работу в соседние области и в Петербург, поэтому среди посетителей были приезжие из разных городов северо-запада, отдыхающие в родных местах.

За время работы выставки автор дважды побывал в Устюжне и провел несколько экскурсий. Тем не менее, судя по отзывам, оставленными посетителями, выставка вызвала большой интерес. Как никогда многие восхищались мастерами – плотниками, писали, каким богатым наследством нас одарили предки и как плохо мы его сохранили. Выставка в небольшом, но старинном, городе привлекла не только его жителей, но и приезжающих туда туристов. По результатам работы выставки стало ясно, что, несмотря на трудности транспортировки и всем, что связано с организацией выставки на местах, надо находить способ их устройства не только в Череповце, но и других городах.

С сентября 2015 г. до конца марта 2016 г. в Вологде, в центральной областной библиотеке им. И. В. Бабушкина работала выставка, на которой были представлены 21 модель. Открытие состоялось в большом читальном зале, где работники библиотеки очень удачно расположили экспонаты, расположив их полукругом на столах по всему залу. Модели были доступны к осмотру со всех сторон. Хорошее освещение обеспечивалось как искусственным светом, так и естественным через громадные окна. На открытии было много посетителей, чего не наблюдалось в другие дни, когда автор неоднократно приезжал в Вологду. Сказывалось отсутствие рекламы и желания организаторов выставки вести целенаправленную работу по привлечению посетителей. Да, они организовали уникальную для города выставку, но этого мало! Много месяцев спустя, когда экспонаты были перевезены в Тотьму, автор, проводя там экскурсию, с удивлением обнаружил, что приехавшие туристы были из Вологды. Они были совершенно не в курсе, что у них в городе выставка работала семь месяцев. За это время в 300-тысячном городе ее могло посетить огромное число людей. Но пассивное отношение организаторов лишило жителей редкой возможности познакомиться с моделями деревянных церквей. Однако выставка в Вологде имела большое значение в дальнейшей выставочной судьбе коллекции. Директор музейного объединения г. Тотьмы, познакомившись с вологодской выставкой, предложил по окончанию ее работы перевезти экспонаты к ним, что и было сделано, несмотря на дальность перевозки.

Выставка в Тотьме открылась 1 апреля 2016 года. Расположили модели в Музее церковной старины под сводами бывшей церкви Успения Пресвятой Богородицы среди экспонатов музея: старинных икон, церковной деревянной скульптуры, церковной утвари и облачения священников. Модели гармонично вписались в существующую экспозицию, удачно дополняя ее. На взгляд автора это был самый удачный вариант размещения экспонатов, несмотря на недостаточное освещение и на то, что часть моделей была установлена слишком низко.

Старинный город с большим числом музеев, известный туристический центр со сложившимся потоком экскурсантов и доброжелательное отношение работников музея обещали успех. Учитывая все эти обстоятельства, музей предложил организовать ее работу в течение целого года.

На открытии выставки присутствовало более 90 человек, почти 1% населения города. Кроме официальных лиц и работников музея пришли школьники, учащиеся художественной школы, пенсионеры и просто жители города. Работа выставки была хорошо прорекламирована. Трудно представить, что было бы с вологодской библиотекой, приди на открытие выставки 1% жителей 300-тысячного города!

Предварительные результаты позволяют надеяться, что выставка продолжит работу до осени 2017 года, при этом экспозиция будет обновлена.

Дважды в Череповце некоторые модели из коллекции выставлялись в составе выставок, организованных работниками Художественного музея города, но в этом случае они служили только дополнением и украшением экспозиции музея. Один раз мэрия города с этой же целью выставила 6 моделей на проводимой Международной научно – практической конференции по деревянному домостроению. Иностранные участники с большим интересом ознакомились с экспонатами и высказали сожаление, что выставка таких моделей не проводится в их странах.

Выводы

1. Выставки моделей деревянных храмов показали наличие большого интереса среди посетителей разного возраста, социального положения и профессий к наследию, оставленному нашими предками. Они позволяют многим людям, не имеющим возможности посетить хотя бы музеи деревянного зодчества, получить первое впечатление от подлинно народной русской культовой архитектуры.

2. Организация выставки моделей требует нестандартного подхода – для правильного размещения моделей необходим зал гораздо более просторный, чем помещение для выставки картин, с хорошим освещением. Располагать модели необходимо на стендах на уровне глаз человека среднего роста, позволяющих рассматривать модели с наиболее выгодной точки. Требуется защита только части экспонатов (моделей небольшого размера). Желательно сопровождение экскурсовода или наличие электронного гида.

Выставка 2015 года в музее архитектуры им. Щусева «Русское деревянное» показала, что громоздкие конструкции стендов мешают восприятию установленных на них миниатюрных моделей церквей и часовен.

3. Длительность работы выставки должна быть не менее 4 -5-и месяцев или целый туристический сезон. Желательно захватывать при этом хотя бы часть учебного времени школьников и студентов. Для посещения выставки школьниками необходимо привлечь к организации экскурсий городские отделы образования.

4. При организации выставки необходимо провести хорошую интенсивную рекламу. Наличия простого объявления при входе, а тем более размещение его только внутри здания, где проводится выставка, совершенно недостаточно.

5. Необходимо организовать постоянно действующую выставку моделей деревянных храмов России. Часть коллекции можно выставлять на передвижных выставках в других городах.

Рябинина Л.Э., Силин В.И. (Сыктывкар)

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР А.П.МЕЛЬГУНОВ

Есть государственные деятели, которых вспоминают достаточно редко, потому что их деяния не принесли поколениям пользу. Алексея Петровича Мельгунова (09.02.1722-1788 ст. стиль) вспомнить необходимо, многие его дела оставили след в истории нашего края.

Мельгуновы – дворянский род, происходящий от литовского выходца Яна Мингайло, который при выезде принял имя Ивана Мельгунова. Многие представители этого рода честью и совестью служили отчизне. В конце XVII в. несколько Мельгуновых были стольниками и стряпчими. Отец Алексея Петровича – Петр Наумович (01.12.1685-08.05.1751) был приставом при А.Д.Меньшикове во время ссылки последнего. Считают, что благодаря этому получил особую милость Екатерины I – из подполковников сделан статским советником и вице-губернатором Санкт-Петербурга, был президентом Камер-коллегии. В 1741 г. при Елизавете Петровне стал действительным статским советником и губернатором столицы, в этой должности состоял до конца жизни. Женат был на Евфимии Васильевне Римской-Корсаковой (08.07.1705-16.05.1762), дочери Тихвинского коменданта.

Алексей Петрович Мельгунов воспитывался в кадетском корпусе, где изучил немецкий язык, благодаря чему сошелся близко с наследником русского престола Петром Федоровичем, который сделал его своим адъютантом «… и так щедро наградил чинами и орденами, что еще при императрице Елизавете Мельгунов был уже генерал-поручиком и кавалером св. Анны и Александра Невского».

В молодые годы А.П.Мельгунов дружил с П.И.Шуваловым который был очень влиятельным человеком при дворе Елизаветы Петровны. Считается, что с помощью фаворита Елизаветы герцога Бирона Мельгунов был определен в камер-пажи при дворе. Из записок Екатерины II видно, что Мельгунов женился первым браком на какой-то немке, любимой дворцовой девушке императрицы Елизаветы.

В 1756 г. он назначается начальником сухопутного кадетского корпуса, которым непосредственно руководил Петр III. Сделавшись адъютантом Великого князя, А.П.Мельгунов получил в команду пехотный Ингерманландский полк. События 1762 г. и приход к власти Екатерины привели к отдалению чиновника от двора. Екатерина назначает Мельгунова губернатором Новороссийского края. А.П.Мельгунов занимает военные должности в Новой Сербии, командует Хорвата гусарским полком, участвует в становлении Новороссийской губернии.

Здесь по распоряжению Мельгунова были разрыты могилы на берегу Днепра и найдены золотые и серебряные находки (Мельгуновский клад). Удивительно, что спустя много лет Мельгуновский клад и сейчас имеет большое значение «Из документов совершенно ясно, что инициатива проведения раскопок принадлежала самому А.П.Мельгунову, который дал рабочим предписание с правилами земляных работ и обещанием награды в случае успеха, что сдерживало их от утаивания находок». Археологические

находки ныне датируются одними исследователями второй половиной VII в., другими - рубежом VII – VI вв. до н.э. и относятся к раннескифскому времени. Сейчас материалы раскопок хранятся в Эрмитаже.

Будучи Новороссийским губернатором Мельгунов подает императрице доклад о реформе образования в России и вновь оказывается в милости у двора.

Уже в 1765 г. Алексей Петрович возвращается в Петербург и назначается в Комиссию по межеванию. В Петербурге вокруг А.П.Мельгунова собралась элитная компания, для которой в его имении на Елагином острове устраивались яркие пирушки, посещаемые и императрицей. Одну из таких пирушек описал в 1776 году Г.Р.Державин.

Из стихотворения ясно, что на собраниях у Мельгунова присутствовал цвет образованного общества Петербурга.

Уже в те годы Мельгунов был сенатором, действительным тайным советником, президентом камер-коллегии и директором казенных винокуренных заводов. Екатерина II ценила Мельгунова не только как яркого человека при дворе, но и понимала, что ему может доверить самые сложные государственные дела.

28 февраля 1777 г. Екатерина II издала указ об учреждении Ярославского наместничества и А.П.Мельгунов назначается Ярославским генерал-губернатором, в течение 11 лет управляет громадной территорией и делает для потомков очень многое.

Последняя четверть XVIII в. – время обширных государственных реформ во многих отраслях жизни. В первую очередь значительные административно-территориальные реформы, которые потребовали усилий по проведению межевания, переустройству территориальных границ и структуры экономики. В эти годы для проведения ревизии государственных имуществ были организованы многочисленные Академические экспедиции, один их отрядов под руководством И.И.Лепехина работал и на территории Коми края.

Предшественники Мельгунова – ярославские воеводы оставили о себе дурную славу, поэтому приход на должность образованного, покровительствующего культуре и науке чиновника для губернии значил очень многое. Он по мере сил боролся с мздоимством чиновников, строго взыскивал с подчиненных за проявление несправедливости даже к простому крестьянству.

В 1777 г. А.П.Мельгунов, объехав Ярославское наместничество, предложил на его территории создать 12 уездов. Императрица его начинания одобрила.

Одной из основных задач, стоявших перед Мельгуновым была реформа губернского правления на Европейском Севере. Работа это была сложная, на смену обширным провинциям губернии необходимо было создать более совершенную административную структуру, были созданы области: Архангельская, Великоустюжская, и учреждено Вологодское наместничество. Затем были образованы две губернии, Вологодская и Архангельская. Необходимо было сформировать губернии, которые делились на уезды, а последние на волости. В результате многолетней работы была сформирована та структура, которая, в принципе, продержалась до начала XX века.

17 апреля 1779 г. последовал указ императрицы Сенату: «*Предполагая вскоре в губернии Архангелогородской ввести в действительное исполнение учреждения наши, от 7 ноября 1775 года изданные, повелеваем нашему действительному тайному советнику, ярославскому и костромскому генерал-губернатору Мельгунову, не упуская удобного времени, объехать места, ныне ту губернию составяющие, по данным от нас карте, примерному росписанию и примечаниям. Удобность всего того освидетельствовать, города вновь, где старых нет, для приписания к ним уездов назначить. Тако ж по общности городов жителей на сколько разделить областей и где приличнее и удобнее городу губернскому быть, о всем том нам самолично представить*».

Уже 20 мая Алексей Петрович отправился в путь. Осмотрев Вологодскую и Устюжскую провинции, он 15 июля пересек границу Двинской провинции, направился в Архангельск и прибыл туда 8 августа. Это путешествие помогло губернатору познакомиться с особенностями территории, положением дел на Севере. Никаких пока достоверных источников о возможности пребывания Мельгунова в Усть-Сысольске автор очерка не знает. Ф.Фортунатов пишет о том, что Мельгунов был три раза в г. Великом Устюге, но вряд ли он путешествовал далее.

Заступив на должность А.П.Мельгунов, в деле формирования административной структуры, использовал не только свои знания, но и активно пользовался чужим опытом, об этом говорит его переписка с Сиверсом, который имел опыт по оформлению Новгородского наместничества, планированию каналов и др.

Чрезвычайно интересна судьба населенных пунктов. Когда из трех областных центров, Вологды, Архангельска и Великого Устюга, необходимо было выбрать центр будущего наместничества, то Мельгунов отстоял первенство за Вологдой только потому, что в Вологде совершалось больше преступлений, чем в других городах, и необходимо было большое присутствие чиновников именно в Вологде. «*По обширности и большему пространству Архангелогородской губернии за нужное признаю я учредить во оной одно губернское и два областные правления. И так хотя по осмотру моему нашел я, что Устюг более в средине губернии, нежели Архангельск и Вологда, почему и приличьнее бы во оном учредить*

губернское правление. Но как в провинциях Двинской и Устюжской, как и выше сказано, важнейших дел, кроме разбирательства домашних ссор в присутственных тех провинции местах не случается, каковыя дела по открытии в той губернии наместничества удобно нижними земскими судами на месте разбираемы и решены бысть могут. На противу же того, как в Вологодской провинции народ, кажется, больше удален от благонравия, нежели последующь оному, сварлив и ко всяким раздорам склонен, что все доказывает не редко случающиеся в Вологодском уезде грабежи и междоусобные свары, а в межах драки и убивства; при том и самый вид сего народа пред обитающими в Двинской и Устюжской провинциях показывает его грубым. Да и помещики, имеющих в Вологодском уезде свои жительства, редкой кто не имеет тяжбы по канцелярии. Следовательно, в коих областях жители больше благонравны, нежели порочьны, там обширность земли не может препятствовать порядочьно управлять земскому правлению; но нуждно, чтоб ближе было главное начальство там, где больше тяжб, нежели спокойствия. И так к лучьшему возстановлению в Вологодской провинции тишины и дабы решение земских дел было не продолжительно, весьма нужно, кажется, учредить начальное правление в Вологде, а Устюг и Архангельск областными городами».

Впоследствии Вологда и Архангельск стали губернскими центрами, а Великий Устюг так и остался провинциальным городком.

В 1870 г. по инициативе губернатора многие маленькие селения были преобразованы в города: "В Великоустной области (в Великоустюжской.) вновь учреждены города следующие: 1. Лальск, прежде назывался Лальский посад, и управляем был ратушею, состоящей под ведомством Великоустюжской провинции; 2. Никольск, прежде Никольская слободка или погост; 3. Красноборск, а прежде была Красноборская слобода; Устьсысольск, который был прежде открытия его село или Усть-Сысольская волость казенного ведомства черносошных крестьян".

Географические характеристики южной части Коми края, данные губернатором, были приведены автором очерка ранее, а вот как характеризует губернатор в донесении императрице Мезенский уезд, куда вошли и территория бассейна Ижмы, Цильмы, Нижняя Печора «Уезд Мезенский простирается вдоль по реке Мезене на 282, а в ширину на 400 верст. Промысел жителей сего уезда, в числе коих заключается некоторая часть самояди, состоит единственно в битье лесных и морских на саловарение разного рода зверей и ловлении рыб, отчего и пропитание свое имеют. Хлебопашества за холодностию воздуха и по причине близь к морю лежащих мест хотя и мало, а притом не редко случается, что хлеб за холодом и к снятию не доходит, но когда не вредит его морозами, то весьма обильную получают жатву; в прочем покупают хлеб у города Архангельскаго, а беднейшие в случае заимствуют там же из казенных магезейнов».

Открытие Вологодского наместничества состоялось 30 июня 1780 г. (старый стиль), По случаю праздников были накрыты столы, проведены балы, «консерты, маскерады и комедии». Были также праздники и в областных городах и уездных.

Конечно бесспорна заслуга губернатора и в реформировании г.Усть-Сысольска. В 1783 г. был составлен первый план, который служит основой архитектурного устройства города до нашего времени. К работам по составлению плана были привлечены архитекторы Петр Романович Никитин и его ученик Петр Иванович Никитин Обухов, которые были хорошо известны губернатору и которые имели большой опыт по обустройству городов Костромской губернии, в то время, когда Костромским губернатором являлся А.П.Мельгунов.

Заслугой предварительной работы по созданию административной структуры было составление географических описаний территорий, составление донесений императрице, обозначение будущих городов – уездных центров. Каждому городу было положено иметь свой герб, при одобрении Мельгунова и Усть-Сысольск таковой получил.

Из донесений губернатора императрице сейчас можно судить о различных сторонах жизни, в том числе и Двинской провинции в которую входила южная часть Коми края.

В 1785 г. началось строительство Северо-Екатерининского канала, который соединил бассейны С.Двины и Волги. Именно А.П.Мельгунову принадлежит заслуга в организации строительства, подборе кадров, «выбивании» денег и т.д. Опубликована переписка губернатора с Екатериной по вопросам устроительства канала из которой видно, что Алексей Петрович близко к сердцу принимал проблемы, стоящие перед местным населением и искренне хотел лучшего устройства края, в частности, он отмечает: «Сие водоходство послужит к совершенному оживлению всех жителей Велико-Устюжской области, а паче для обитаемаго по рекам Вычегде и Сысоле народа, который, в разсуждении малых посевов и почти каждогодно бываемых, по северному климату, морозов, терпит недостаток в хлебе, так-что в 1874 г. многие крестьяне толкли колос и, мешая оный с мукою, а другие с мякиною, некоторые же и с корою пихтовою, употребляли в пищу. Да и звериные промыслы, от коих пропитание получают, весьма умалились пятый уже год, почему и государственные подати оплачивать многие оказались не в состоянии, и по таковой крайней необходимости отсрочена взысканием доимка, счисляющаяся на поселянах Устьсысольской, Яренской и Лальской округ. А в тех округах счисляется поселян мужеска пола

41210, женска 44031, а обоих полов 85241. Когда же повелено будет начать строение канала, тогда работа сия доставит крестьянам способ выплатить ту доимку».

В одной из статей упоминается, что Мельгунов собрал некоторые остатки зырянских древних бумаг и отослал их в эрмитажную императорскую библиотеку; интересно, что это за бумаги, и нет ли там рукописей написанных Стефановскими письменами. Ф.Фортунатов дал анализ публикаций по этому моменту и опровергает это, он пишет, что исследователь Великого Устюга Я.Я.Фриз отмечал: «…. по уничтожению первоначальной Пермской епархии, большая часть книг отправлена в Москву, а остатки как их, так и древних Зырянских идолов и других примечательных редкостей увезены бывшим Вологодским генерал-губернатором Мельгуновым; а посему надобно бы отыскивать в Москве и у наследников г. Мельгунова». Митрополит Евгений Болховитинов «тоже говорит о слухе, что Мельгунов эти книги и редкости представил императрице, и что по ея повелению, сданы они в эрмитажную библиотеку. Но тут же добавляет: «по справке с Московскую патриаршею иностранной коллегии архивскою, а также с эрмитажною библиотеками, не оказалось в них ни одной Зырянской книги, и в Эрмитаж от Мельгунова они никогда не поступали и нигде не являлись. Да и Устьвымские Зыряне сами не помнят, чтобы у них во время Мельгунова были Пермские книги, или писания Стефановы».

У губернатора был сын Владимир и дочь Екатерина. В Национальной галерее Республики Коми представлен портрет Е.А.Мельгуновой неизвестного художника. По нашему мнению, это портрет дочери А.П.Мельгунова.

За годы правления Ярославским наместничеством А.П.Мельгунов оправдал надежды императрицы, поэтому заслужил ее похвалы: «*Это был некогда мой недоброхот, но мы друг друга узнали и помирились, чем я крайне довольна, потому что он у меня на счету, человек очень и очень полезный государству*».

Мельгунов погребен в Толгском монастыре близ Ярославля. Над местом его погребения находилась на стене бронзовая позолоченная доска с надписью: «*Здесь положено тело действительного тайного советника, сенатора, ярославского и вологодского генерал губернатора и орденов российских: святого апостола Андрея Первозванного, святого князя Александра Невского, св. Равноапостольного князя Владимира первой степени и голштейнского св. Анны кавалера, Алексея Петровича Мельгунова, родившегося 1722 февраля 9 и скончавшегося 1788 года июля 2 дня*». Рядом была похоронена его жена, Наталья Ивановна, урожденная Салтыкова (1742-1782).

Силин В.И., Антонова М.Н., Порошкин А.А. (Сыктывкар)

СОХРАНИМ ИЛИ ПОТЕРЯЕМ?

В каждой стране можно посмотреть тысячи памятников, связанных с культурой, верой различных народов. Мы живем в «деревянной» стране, а век дерева короток, самыми прочными и самыми информативными памятниками в России являются церкви, от маленьких деревянные часовенок до громадных каменных монастырей. Российский европейский Север наиболее богат церковными памятниками и здесь они чрезвычайно разнообразны. Сколько церквей было разрушено за годы советской власти не подсчитать, как только не умудрялись использовать помещение храмов – это и склады, и клубы, и тюрьмы, и фермы. Рушит церкви не народ, рушит приходящая на смену другая культура-идеология. Стоит посмотреть на современные события в мире, рушат церкви и памятники в Сирии, Афганистане, Сербии, Украине. Рушим церкви и мы. Своим равнодушием, бездельем. Рушит церкви и природа, реки размывают берега, подмывая стены старых храмов и т.д.

Много церквей было и на Вычегде. И здесь разрушали, и до сих пор разрушают десятки храмов, а то, что нам досталось, никакому сбережению не подвергается. Мы много раз путешествовали по Вычегде, и там, где была возможность зайти в старую церковь, обязательно заходили. Конечно, фотографировали. Церкви, как и люди, с каждым годом меняют свой вид, очень редко восстанавливаются и хорошеют, в большинстве же случаев стареют и разрушаются. Большинство построек находятся без крыш, размываются стены, обрушаются потолки и перегородки. Очень редко на стенах сохранились остатки прежних росписей, и они также активно разрушаются. Возникла мысль, сформировать банк данных для создания системы мониторинга за церквями в бассейне р.Вычегда. Собрали имеющиеся материалы у знакомых, в интернете, опубликованные в печати. На некоторые церкви материал очень скудный, другие уже исчезли, так и не оставив о себе памяти. По некоторым церквям имеются разновременные фотографии, позволяющие следить за степенью разрушения культовых построек. На примере поездки этого года такой церковью является Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы в селе Оквад.

В центре этого села стоит разрушенная церковь и рядом вновь построенная красивая маленькая часовенка, в которой проводятся службы. Раньше в деревне было две каменных церкви – зимняя Церковь Введения Пресвятой Богородицы во Храм, построена в 1841 г. и летняя Церковь Илии Пророка,

дата постройки 1822-1837, в которой были Афанасие-Кирилловский и Зосимо-Савватиевский приделы. Вторая была в середине XX века полностью разрушена и сейчас на ее месте построили часовенку во имя пророка Илии.

В начале века престолов в церквях было четыре: в теплой церкви один престол – в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы; в холодной церкви три престола – Во имя святого Пророка Илии, во имя святителей Афанасия и Кирилла Александрийских, во имя преподобных Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев. Штаты: священник, диакон, псаломщик и просфорня. В состав прихода входили – село Оквад и 5 деревень (от 2 до 7 верст): всего 405 дворохозяйств, 1221 человек мужского и 1212 человек женского пола.

Руины Введенской церкви сохранились и представляют собой архитектурный памятник. Здание построено в необычном для наших церквей стиле. Западная и восточная часть храма схожи между собой. Над центром храма купольный свод. С северной и южной стороны храма кирпичные колонны с фигурными капителями. На них опирается треугольный портик, апсида украшена в верхней части каменными розетками листовидной формы. Строить классическую колокольню в церкви не было смысла, так как она была у рядом стоящей Ильинской церкви. На фотографии начала века мы видим над сводом еще барабан и луковицу с крестом. Понятно, что эта часть церкви была разрушена в первое время советского богоборчества. Сейчас внутри здания кучи мусора.

Чем больше думаешь, тем понятнее, что наши церкви, конечно не восстановишь, но желательно убрать мусор (почему бы не объявить субботник по уборке?), пусть красиво стоят стены как памятники, напоминая людям о предках, которые отдавали свои кровные на постройку этих церквей.

Многие церкви могут быть и должны почитаться как памятники, для этого надо их очистить от многолетнего мусора, убрать с них растительность, возможно, забетонировать верхнюю часть стен, чтобы кирпич не разрушался. Пусть эти храмы или в некоторых случаях их руины стоят еще много, много лет, как стоят в Турции руины римского времени. Многие деревни исчезают по экономическим причинам, изменению системы коммуникаций (например, отмирание экономической и производственной жизни на реке и постройка железной магистрали привело к переносу деревень), но культовые постройки необходимо сохранить, как память о времени и о тех людях, которые на строительство этих церквей отдавали последние деньги.

Часто рядом со старыми церквями расположены кладбища или памятники погибшим во время войны. Здесь также необходимо стараться сохранить культовые постройки как память об этих ушедших людях. В силу того, что некоторые храмы, а соответственно и кладбища, которые существовали при храмах, были построены на высокой пойме реки, которая подвержена интенсивному эрозионному разрушению, необходимо организовать перенос этих кладбищ. По-первобытному дико смотрятся случаи разрушения кладбищ около церквей в Выемково, Ошлапье и лежащие на месте размывов человеческие кости и черепа. Не обязательно все перекапывать, но необходимо на новых местах поставить обелиски с указанием основных фамилий и места существования разрушенного кладбища.

Интересны названия церквей, которые можно было бы указать на табличках, прикрепленных к храмам, они позволят ближе познакомиться с историей православия, призовут побольше узнать о многих святых, совершить паломническую поездку…

Правдина М.Б. (Тотьма)

КОЛЛЕКЦИЯ СТЕКЛА ЭПОХИ ЕКАТЕРИНЫ II В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: К ПРОБЛЕМЕ АТРИБУЦИИ

Фонд «Керамика. Стекло» в собрании Тотемского музейного объединения насчитывает около полутора тысяч единиц, из них произведений из стекла – чуть более сотни. И совсем уж не велика по количеству, но очень ценна коллекция стеклянной посуды второй половины XVIII столетия. На сегодняшний день выявлено 49 произведений художественного стекла этой эпохи. Характерная особенность этого комплекса заключается в том, что позволяет продемонстрировать все тенденции стилистического оформления посуды этого времени.

В документах поступления 1920-х гг. этот комплекс фигурирует как посуда Императорского фарфорового завода: стаканы, графины, бокалы, рюмки с рисунком «стиль рокаэль», - граненые, вверху – золоченые ободки, ниже - гирлянды цветов масляной краской и золотом».[636] При внимательном стилистическом анализе, сравнении с аналогами из коллекций Государственного Эрмитажа, Государственного исторического музея и других авторитетных музейных собраний, появляется возможность уточнения атрибуции.

[636] Книга инвентарная по группе «Этнография и домашний быт». Том II (с №597 по 1196). – Л.36.

К наиболее ранним образцам можно отнести два кубка: один – со съемной крышкой, вензелем «IEA II» и военными трофеями (ТМО-6270, рис.1), второй – с изображением кавалера в парке (ТМО-6269, рис.2). В пользу более ранней датировки свидетельствует и сама форма кубка, характерная более для эпохи барокко, нежели классицизма. По мнению отечественных исследователей[637], форма барочного кубка утвердилась в русском стеклоделии в эпоху Петра I: конусообразное тулово, низ которого подчеркнут арками, на ножке-балясине с двумя-тремя шарообразными выступами («яблоками») или точеными дисками («денежками») и круглом основании. Гравировка обычно состояла из геральдических символов, вензелей и растительного орнамента. Образцы из собрания Тотемского музейного объединения полностью соответствуют этим характеристикам. Следует обратить внимание, что гравированный декор почти полностью покрывает тулово кубка с вензелем, чешуйчатая грань и воздушные пузырьки в ножке усиливают игру света, что является свидетельством зрелого барокко, достигшего своего пика в отечественном искусстве в 1750-1760-е гг. Кубок с монограммой, расшифровывающейся как «Императрица Екатерина II Алексеевна» содержит в своем декоре изображение двуглавого орла и военную орнаментику: пушки, знамена и шпаги, несомненно выполняет представительские функции. Учитывая его архаичные формы и декор, кубок вне всякого сомнения, можно отнести к первому десятилетию правления Екатерины II. Он демонстрирует миру победу России в русско-турецкой войне 1768-1774 гг., закончившейся подписанием Кучук-Кайнарджийского мирного договора, по которому в состав Российской империи вошли первые земли в Крыму – Керчь и Еникале. Принимая во внимание несомненный политический заказ декора, его стилистику, а также качество исполнения кубка, с высокой долей вероятности можно атрибутировать его как произведение Казенного стеклянного завода в Петербурге конца 1760 – начала 1770-х гг.

Изысканный декор второго кубка, искусный рисунок гравера, изображающий мужчину в парадном костюме, восседающего на камне с графином в руке, в обрамлении экзотических деревьев, демонстрирует эстетику переходного периода от барокко к классицизму. Некий романтический ореол присутствует в оформлении. Пространство тулова уже не полностью покрыто золоченым резным декором, композиция, слегка напоминающая театральную декорацию, свободно выстроена: листья деревьев, вазы на балюстраде, трельяжная сетка тонко выгравированы, но оставлено много места для воздуха и игры света и тени. Форма кубка, качество огранки и шлифовки, тонкость гравировки – все это говорит о том, что это произведение Петербургского казенного стеклянного завода последних лет его существования (до 1777 года).

Помимо гравировки художественное стекло второй половины XVIII столетия декорировалось золотой и эмалевой росписью. В собрании Тотемского музейного объединения имеются прекрасные образцы, выполненные в этой технике. К более ранним произведениям можно отнести стаканы и стопы с вертикальной шлифованной гранью и цветком из восьми двугранных лепестков на донце, тонкой отводкой золотом по верхнему краю. Все эти предметы сервировки декорированы легкой росписью пурпуром по белой эмали. Всего выявлено 12 единиц подобных предметов, каждый из которых расписан вручную и рисунки не повторяются (ТМО-6424, рис.3). Эстетика рококо с налетом сентиментализма диктовала появление элегических сцен в парке: кавалеры и дамы предаются воспоминаниям в памятных сердцу местах (на фоне руин, у обелисков, балюстрад, под сенью деревьев). Мастера также украшают стопы свободной кистевой росписью в виде плодов и цветочных гирлянд, непринужденно размещая декор на поверхности тулова. Учитывая стилистические особенности росписи и качество бесцветного стекла вполне закономерно будет атрибутировать этот комплекс как ранние произведения Потемкинского завода в Санкт-Петербурге самого конца 1770-х – первой половины 1780-х годов.

Большой комплекс предметов (рюмки, стаканы и графины – всего 35 ед.) декорирован тонкой изящной росписью золотом, демонстрирующей все достижения эпохи классицизма. Сюжетные композиции весьма разнообразны: свободно разбросанные по поверхности изделий цветы, ягоды, гирлянды, условно обозначенные деревья и кусты. Особое мастерство было проявлено художниками в изображении животных и людей в движении. (ТМО-6293, рис.4). Учитывая качество исполнения и принимая во внимание стилистические особенности, сравнивая с аналогами из других музейных собраний, с высокой долей вероятности можно отнести этот комплекс к произведениям Потемкинского стекольного завода 90-х годов XVIII столетия.

Учитывая все вышеизложенные аргументы, появляется возможность уточнить атрибуцию комплекса стеклянной посуды екатерининского времени в собрании Тотемского музейного объединения. С высокой долей вероятности можно утверждать, что все предметы были созданы в период с конца 1760-х по первую половину 1790-х годов петербургскими стеклянными заводами Казенным и Потемкинским. Участие Императорского стеклянного завода в качестве производителя представляется маловероятным, поскольку он был основан лишь в 1792 году.

[637] Малинина, Т.А. Императорский Стеклянный завод, XVIII – начало XX века [Текст] / Т.А.Малинина; Гос.Эрмитаж. – СПб., 2009.- С. 41; Ашарина, Н. А. Русское стекло XVII - начала XX века [Текст] / Н.А.Ашарина; Гос. Ист. музей. - М. : Галарт, 1998.- С.3.

Загадка связана также с происхождением этих предметов. Все они поступили в музей в 1926-1928 гг. от Елизаветы Владимировны Замяткиной. В инвентарных книгах того времени имеется следующая запись об источнике происхождения: «Из обстановки тот.помещика Панова, - были даны в приданое с дочерью его, вышедшей замуж за Замяткина»[638] уже в начале XX века. Имя Пановых значимо для Тотьмы XVII и XVIII веков, поскольку связано с династией богатых купцов-мореходов, снарядивших не одну экспедицию в Америку, владельцев недвижимости в Тотьме, строителей Входоиерусалимской церкви. Но уже к началу XIX века их влияние на жизнь города практически сходит на нет в связи с пожалованием Петру Панову имения «Внуково» в Солигаличском уезде Костромской губернии. По свидетельству Н.И.Кореневой, занимавшейся изучением истории этой семьи, к 1790-м годам семья Василия Петровича Панова полностью переезжает жить из Тотьмы в свое имение под Солигаличем.[639] В документах XIX века имеются упоминания однофамильцев и дальних родственников знаменитых Пановых. Фамилия Замяткиных среди тотемского купечества XIX – начала XX века, по свидетельству сотрудников ТМО, не фигурирует. Откуда у некоего Панова взялась замечательная коллекция стеклянной посуды екатерининского времени, пока остается загадкой, требующей дальнейшего исследования.

Притчина В. А. (Тотьма)

ПРЯЛКИ БАБУШКИНСКОГО РАЙОНА В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Прялки, как особые произведения народного искусства, давно стали объектом научного изучения. Многие исследователи в своих работах рассматривали различные аспекты в связи с бытованием, использованием, изготовлением и украшением этого предмета народного творчества. Еще в начале XX века А. А. Бобринский составил первую классификацию русских прялок. По классификации исследователя прялки Тотемского уезда были отнесены к вологодскому типу.[640]

Изучая прялки на территориях, некогда входивших в состав Тотемского уезда, сотрудник Загорского Государственного историко – художественного музея – заповедника Круглова О. В. выделила несколько разновидностей тотемских прялок.[641] Прялки Бабушкинского района впервые были отмечены в классификации И. М. Денисовой, которая отнесла их к одному из четырех типов – к лопатообразным прялкам. Описывая форму, исследователь пишет лишь о разнообразии прялочных изделий, бытовавших на территории Бабушкинского района, подробно их не анализируя. [642]

Мною впервые часть коллекции (5 единиц хранения) прялок Бабушкинского района была опубликована в каталоге «Прялки тотемского собрания» в 2015 году в альбоме – путеводителе по тотемским коллекциям.[643] На данный момент моя задача заключается в следующем: ввести в научный оборот всю коллекцию бабушкинских прялок из тотемского собрания, более детально их проанализировать, выделить наиболее характерные разновидности формы и декора, уточнить и конкретизировать места бытования прялок, назвать фамилии мастеров.

Тотемское музейное объединение (далее – ТМО) является обладателем обширного собрания прялок, которое насчитывает более 600 единиц хранения. Несмотря на сравнительно небольшое количество в ней прялок Бабушкинского района – всего 39, в коллекции широко представлены различные места их бытования. Кроме тотемской коллекции, мною были проанализированы прялки из Бабушкинского центра традиционной народной культуры (далее - БЦТНК) Бабушкинского районного краеведческого музея (далее – БРКМ), частично - Вологодского историко – архитектурного и художественного музея – заповедника (далее – ВИАХМЗ) и Дома культуры Подболотного поселения Бабушкинского района, т. е. всего более 80 прялок. В результате исследования был сделан вывод, что прялки Бабушкинского района, в основном, корневые, т.е. сделаны из цельного дерева (их еще называли «копылами»). Например, таких прялок в нашей коллекции – 32, составных – 7. Первое поступление бабушкинских прялок в Тотемский краеведческий музей (далее ТКМ) отмечено 1941 годом, последнее – 2001. Наибольшее количество прялок поступило в 1991 году – 16 единиц хранения.

---

[638] Книга инвентарная по группе «Этнография и домашний быт». Том II (с №597 по 1196). – Л.21.
[639] Коренева, Н.И. «Господа компанейщики Пановы», или Участие тотемских купцов-мореходов в открытии и освоении земель Русской Америки во второй половине XVIII века. Из истории династии тотемских купцов Пановых. Доклад на конференции, посвященной 190-летию Форта Росс [Текст] / Н.И.Коренева // Научный архив ТМО. – НА1788. – С.3.
[640] Бобринский А. А. Народные русские деревянные изделия. Вып. I – XI. М., 1910 – 1913.
[641] Русские прялки: Каталог выставки из собрания загорского музея /сост. О. В. Круглова. – Чехов. 1971.
[642] Денисова И. М. Вологодские прялки //Русский Север. Этническая история и народная культура XII - XXвв. – М., 2001. С. 823.
[643] Притчина В. А. Прялки Бабушкинского района. /Альбом – путеводитель по коллекциям. Тотемское музейное объединение. М. 2015. С. 186 – 187.

На бабушкинской земле это орудие труда получило название – «пряха», «преслица». Мастера изготовляли прялки для взрослых и детей. В нашем собрании – три детских прялки, поступивших с территории Бабушкинского района.[644] Из воспоминаний местных жителей: «Пряхи, преслицы делали отцы дочерям, мужья женам, заказывали мастеру. Чаще всего прялку делали из осины, так как лучше обрабатывалась и была более крепкой. Вырезные прялки называли «точенки». «А с каким узором-то было дак веть разлюбуешься, с вырезом-то». Прялка состояла из «копыло» и «пряхи». Прялки расписные были на посиделки, рисунок в виде цветов. Сама прялка была «бардовая». Красили ивовой корой». [645]

Лопасть бабушкинской прялки прямоугольной формы, значительно больше, чем у прялок Тотьмы, но меньше, чем у прялок Тарноги. По высоте лопасть почти равна ножке, слегка сужена но бокам. Завершение ее разнообразно: глубокие, почти круглые срезы, симметричные оформлению нижней части лопасти, в результате чего вверху образуются три удлиненных городка – рожка, внизу – подобные сережки. В других прялках– в верхней части лопасти горизонтальный срез с круглыми сквозными отверстиями или мелкими городками. Встречаются прялки с завершением лопасти в виде короны.

Большая часть бабушкинских прялок в нашей коллекции с чистой фактурой, без окраски и декора, тем не менее, они привлекают внимание своей формой. Во время экспедиции в д. Тупаново[646] сотрудникам музея разрешили собрать прялки в заброшенных домах. На одной из них - стройная ножка украшена фигурой в виде гребня,[647] другая – привлекает внимание тремя круглыми городками и такими же сережками,[648] на третьей[649] – маленькое дополнение в виде двух ромбических городков и таких же сережек по нижнему краю лопасти.

Анализируя декор бабушкинских прялок, можно сказать следующее: немногие из них украшены трехгранно – выемчатой резьбой. В нашей коллекции их всего три. Одна -поступила из д. Тупаново. [650] В ее декоре – глубокая, грубоватая резьба. В нижней части лопасти – солярный знак, над ним – два небольших круга с переплетами внутри. Прялка плохой сохранности, что дает возможность по времени исполнения отнести ее к XIX веку.

В другой прялке из д. Белехово Великодворского сельсовета[651] (далее – с/с) с завершением лопасти в виде короны резьба сочетается с кистевой росписью, раскраской, инкрустацией зеркальным стеклом. Из всех прялок Бабушкинского района эта, пожалуй, самая эффектная по своему декору. Аналогов ей не встречено.

В прялке из д. Чупино[652] резьба сочетается с раскраской. Прялка составная. Ножка прялки невысокая, токарной работы. Ее по размерам превосходит лопасть. Прялка окрашена красно – коричневой краской. В центре лопасти – крупная солнечная розетка трехгранно – выемчатой резьбы, в углах – сегменты розеток. По резьбе – раскраска. В верхней части лопасти - мелкие ромбической формы городки, в нижней – невыразительные сережки.

Похожая по форме с предыдущей еще одна прялка из д. Чупино[653], поступившая в 1983 году. Обе - очень близки с прялками Нижне – Печенгского с/с Тотемского района, это бывшая Харинская волость Тотемского уезда. Делаем вывод: прялки такой формы бытовали в северо-восточных с/с Бабушкинского района.

Одна из прялок в нашей коллекции украшена плоскорельефной резьбой[654]. Прялка поступила из с. Бабушкино в 1941 году. По форме она отличается от других бабушкинских прялок. У нее – высокая ножка, узкая продолговатая лопасть, в завершении которой несколько мелких ромбической формы городков (остальные утрачены), в плоско – рельефной технике выполнены инициалы «МСП», трилистник - в нижней части лопасти, вверху – узор, напоминающий театральный занавес с кистями.

Хотелось бы выделить прялки, в декоре которых встречается ногтевидная резьба. Это прялка из д. Матвеевская Пустошь[655], поступившая в 1991 году. Резьба в изделии сочетается со свободной кистевой росписью. В коллекции Бабушкинского ЦТНК - две прялки с орнаментом, выполненным ногтевидной резьбой. Одна поступила из д. Белехово Березниковского с / с, другая – из д. Свертнево. Единичные экземпляры прялок с данным декором свидетельствуют о малой распространенности этой техники.

---

[644] Т.26980, Т.31673, Т.33695 - номера в книге поступлений Тотемского музейного объединения (далее КП ТМО).
[645] Ремесла и промыслы Бабушкинского района (по экспедиционным материалам Школы традиционной народной культуры г. Вологды 1997 - 2013. Архив ШТНК)
[646] Дневник экспедиции сотрудников ТМО в Бабушкинский район 9-12 июля 1991 г. Научный архив ТМО №1495.
[647] Т.33739 – номер в КП ТМО.
[648] Т.33753 – номер в КП ТМО.
[649] Т33749. – номер в КП ТМО.
[650] Т. 33751 – номер в КП ТМО.
[651] Т. 26979 – номер в КП ТМО.
[652] Т. 29537 – номер в КП ТМО. Дневник экспедиции сотрудников ТКМ в Бабушкинский район в 1983 году. Научный архив ТМО № 1429.
[653] Т. 29567 – номер в КП ТМО.
[654] Т.7131 – номер в КП ТМО.
[655] Т.33765 –номер в КП ТМО.

Сквозная резьба встречается в сочетании с другими техниками на трех прялках: с кистевой росписью из д. Фетинино[656] и д. Починок[657] Фетининского с/с. Сквозная резьба прялки из д. Городищево[658] Подболотного с/с (территория бывшего Никольского уезда) напоминает резьбу на прялках Никольского района, граничащего с данной местностью. Возможно, она выполнена никольским мастером, аналоги ей на территории Бабушкинского района нами не выявлены.

В окраске бабушкинских прялок преобладает коричневый цвет краски. Несколько меньшая часть прялок окрашена синей краской. Тем не менее, в этих прялках встречается единообразие формы и декора. Нами выявлено бытование «синих» прялок – деревни Демьянцево, Горка, Глебково Кулибаровского с / с.

Рассмотрим прялку из д. Демьянцево[659], поступившую в 1989 году. Лопасть большая, с глубокими вырезами вверху и внизу, окаймлена белой полосой. Привлекает внимание фигура, выполненная на лопасти белой краской в виде «жука»? В верхней части лопасти – белый крестик небольшого размера, чуть больший – в нижней части лопасти. Сбоку при слиянии донца и ножки – «библейская звезда Давида?», фигура, сросшаяся из двух треугольников. С изнаночной стороны в нижней части лопасти веерообразная фигура.

На второй прялке из д. Демьянцево[660] кроме «жука»? - два сросшихся треугольника в виде звезды, но здесь звезда повторяется четыре раза: в верхней части лицевой стороны ножки, сбоку, при соединении ножки с донцем с той и другой стороны и в верхней части изнаночной стороны ножки.

Сравним наши прялки с прялкой из коллекции ЦТНК. Все три очень похожи. Рассмотрим и другие прялки, окрашенные синей краской. На прялке из д. Горка[661] вместо жукообразной фигуры белой краской по синему фону проставлены инициалы «АВН», высотой восемь сантиметров. Как и в предыдущих прялках, лопасть и боковые грани окаймляет белая полоса, на изнаночной стороне в нижней части лопасти такая же, но более вытянутая веерообразная фигура.

Одна из «синих» прялок[662] поступила из с. Бабушкино, но можно предположить, что была изготовлена там же, где и вышеназванные прялки. На синем фоне белой краской по краям лопасти выведен зигзагообразный узор, завершающийся на лицевой стороне верхней части ножки.

На прялке из д. Демьянцево[663] Кулибаровского с/с в нижней части лопасти на синем фоне в технике свободно – кистевой росписи выполнена фигура в виде четырехлепесткового цветка, которую окаймляет полоса точечного узора. Вверху – пять бутонов на мелких стеблях, под ними – два крупных листа. Под цветком – четыре бутона на тонких стеблях. Похожая прялка есть в собрании Вологодского музея – заповедника. Она также поступила из Кулибаровского с/с. (д. Глебково от Секушиной Анны Федоровны. 1988 г. пост.). Что подтверждает бытование данных прялок в этой местности.

Известны ли мастера, изготовлявшие прялки на территории Бабушкинского района? Только на одной прялке в нашей коллекции есть подпись мастера. На ее изнаночной стороне в верхней части ножки белой краской выполнена надпись: «1933 г. Мая 25. Дня В. В. Пятовский.»[664] Другие фамилии бабушкинских прялочных мастеров на прялках в тотемской коллекции нами не выявлены.

Прялка с похожим узором, окрашенная коричневой краской, поступила в нашу коллекцию из д. Горка[665]. Вышеназванный орнамент выполнен и на изнаночной стороне в нижней части лопасти с дополнением инициалов «КМА». Поскольку узоры на синей и коричневой прялке идентичны, можно предположительно сказать, что прялка из д. Горка тоже выполнена мастером Пятовским.

Среди всех прялок в коллекции выделяются прялки, бытовавшие в Фетининском с/с. Житель д. Фетинино Баданин Алексей Дмитриевич рассказал, что в деревне было когда – то 90 домов, «весело жили, собирались на вечерины, были по три беседы (по возрасту), зимой пряли, вязали, ребята играют в гармонь».[666]

Прялки из здешних мест окрашены оранжевой или коричневой краской, украшены кистевой росписью с элементами: «листок», «листок каплевидный», «капля», «ягода», «приписки», «цветок».[667] В росписи бабушкинских прялок лепестки розанов плотно прилегают друг к другу, краска набирается один раз, поэтому белый цвет в процессе письма ослабевает.

---

[656] Т.33721 – номер в КП ТМО.
[657] Т.33684 – номер в КП ТМО.
[658] Т. 30841 – номер в КП ТМО. Дневник экспедиции сотрудников ТКМ в Бабушкинский район в Подболотный и Миньковский с/с 8-10 июня 1988 г. Научный архив ТМО № 1458.
[659] Т.31566 – номер в КП ТМО.
[660] Т.31592 – номер в КП ТМО.
[661] Т.31602 – номер в КП ТМО.
[662] Т.37149 – номер в КП ТМО.
[663] Т.31553 – номер в КП ТМО.
[664] …та же.
[665] Т.31609 – номер в КП ТМО.
[666] Дневник экспедиции сотрудников ТМО в Бабушкинский район 9-12 июля 1991 г. Научный архив ТМО № 1495.
[667] Прялки с росписью. Методическое пособие. Коллекция МБУК «Бабушкинский ЦТНК». С. им. Бабушкина, 2013.

Прялка, поступившая из д. Фетинино[668], окрашена красно – коричневой краской, в верхней части лопасти – сквозные отверстия, на боковых гранях лопасти – насечки. Прялка значительно меньших размеров, чем «синие» прялки из деревень Демьянцево и Горка. Прялку из д. Починок[669] Фетининского с/с отличает более яркая оранжевая окраска, здесь сквозные отверстия расположены по всем сторонам лопасти, и если в первой прялке роспись сдержанно строга, здесь – более свободна композиция узора.

Похожа на первые две прялки из тотемской коллекции и прялка из бабушкинского музея, куда она поступила из соседнего с Фетининским - Юркинского с/с. Жительница д. Тевигино, выше названного с/с, Ерегина Валентина Александровна 1932 г. р. рассказывала: «*Мастеров росписи прялок не помню, мне кажется, что их закупали (привозили) из Костромской области*»[670]. (деревня Тевигино - 40-50 км от границы с Костромской областью). Прялка с подобной росписью есть и в коллекции ЦТНК. По композиции узора ей близка первая прялка из коллекции Тотемского музея.

Сравнивая расписную прялку из ТМО[671], поступившую из д. Сосновка с прялкой из ВИАХМЗ, поступившую из д. Шонорово, работы мастера Михаила Осетрова, датированную 1920 годом, делаем вывод, прялки выполнены одним и тем же мастером. И композиция узора, и орнамент, и набор красок – все совпадает. В музее Дома культуры в д. Подболотье хранится прялка, в которой присутствует орнамент, похожий на тот, который мы видим в двух предыдущих прялках. Наличие нескольких похожих изделий с одинаковым орнаментом дал возможность выделить в 2016 году данный тип росписи, как бабушкинскую роспись, А. А. Глебовой в проекте «Дорогами грифонов и райских кущ». (Победитель VI Открытого грантового конкурса «Музеи Русского Севера» Благотворительной компании «Северсталь»). В рамках реализации данного проекта этот вид бабушкинской росписи лег в основу сувенирной продукции.

По тому, как любовно украшалась прялка мастером, можно судить, какую роль играла она в деревенском укладе жизни. Например, прялка была подарком. Об этом свидетельствуют многочисленные надписи на ее поверхности. На одной из бабушкинских прялок в нашей коллекции, поступившей в 1989 году, сохранилась едва заметная дарственная надпись, выполненная простым карандашом на лицевой стороне верхней части лопасти: «*На память долгую Акентьевой Алекс. Ник.*»[672] Иногда на прялке мастер ставил дату ее изготовления. Например, на расписной прялке из д. Логдуз[673], дата изготовления – «1930 год» выполнена краской в нижней части внутренней стороны лопасти.

Более популярным местом для нанесения надписей в бабушкинских прялках является лицевая часть лопасти (на 11 прялках из 39), внутренняя сторона лопасти (на 10 из 39), лицевая сторона донца (на 6 из 39). Менее используемы для надписей – лицевая и изнаночные стороны ножки – по две надписи и 1 – на изнаночной стороне донца. По технике исполнения: вырезанных надписей – 17, выполненных краской – 5, выполненных простым карандашом и процарапанных – по 2, выполненных химическим карандашом – 1. Всего из 39 прялок с теми или иными надписями -26 прялок, из них – 18 с инициалами. Две прялки с более развернутыми надписями, составляющими целые предложения.

На отдельных прялках[674] привлекают внимание многочисленные, процарапанные, иногда закрашенные или завуалированные надписи из трех букв, обозначающие в народной профанной лексике мужское воспроизводящее начало. Иногда в этом слове буквы переставлены, или же одна заменена другой, иногда указана первая буква слова. Таких бабушкинских прялок в нашей коллекции три. В коллекции ЦТНК подобная надпись из трех букв вырезана на лицевой стороне лопасти на прялке из д. Тупаново. На ножке – начальная буква слова «Х».

Пряже, нити и самому процессу прядения придавалось большое значение. Поскольку в славянской традиции получение льняной нити приравнивалось к «творению жизни», воспроизводству потомства, то в таком процессе должно было предполагаться участие двух начал – женского и мужского», считает исследователь С. В. Жарникова[675]. Воплощением женского начала в прядении являлась сама женщина – пряха, а роль мужского – выполняла прялка.

На основе проведенного анализа можно сделать выводы: коллекция прялок Бабушкинского района - интересный материал для исследования. Бабушкинские прялки составляют более шести процентов нашей коллекции. Методом сравнения прялок из нескольких коллекций по форме и декору удалось определить основные места бытования и изготовления прялок. В результате исследования были выявлены пять фамилий прялочных мастеров: В. В. Пятовский (коллекция ТМО), Казунин Михаил

[668] Т.33721 – номер в КП ТМО.
[669] Т. 33684 – номер в КП ТМО.
[670] Сысоева Е. С. Исследование росписей, бытовавших на территории Бабушкинского района. Архив МБУК «Бабушкинский ЦТНК».
[671] Т.30850 – номер в КП ТМО.
[672] Т.31601 – номер в КП ТМО.
[673] Т.31882 – номер в КП ТМО.
[674] Т.31564, Т.33750, Т.33760 – номера в КП ТМО.
[675]Жарникова С. В. Золотая нить. – Вологда. 2003. С. 160 – 161.

Никанорович, Шананин Иван Парменович, Пятовский А. Я. (коллекция ЦТНК)[676] и Михаил Осетров (коллекция ВИАХМЗ). Выявлены две датированные прялки: 1930 и 25 мая 1933 г.

Дальнейшую перспективу в исследовании данной темы я вижу в более детальном изучении прялок Бабушкинского района в собрании ВИАХМЗ, Никольского районного краеведческого музея, а также в сборе новых предметов на территории Бабушкинского района, которые еще находятся на руках у владельцев.

Прохорова Г.Б. (Вологда)

ПО СЛЕДАМ МИНОВАВШИХ ВРЕМЕН

Время постигать Родину… Думается, сегодня именно такое время.

Образ времени был одним из главных в поэзии русского национального поэта Николая Михайловича Рубцова. За внешней простотой его поэтических строчек видятся серьезные раздумья о судьбе России и всего мира, о Боге и его бесконечности, жизни и смерти, о душе, которая «хранит всю красоту былых времен». «В поэзии Николая Рубцова есть отблеск безграничности, ибо у него был дар всем существом слышать ту звучащую стихию, которая неизмеримо больше и его, и любого из нас, - стихию народа, природы, Вселенной», - писал в 1982 году основоположник рубцововедения В.В. Кожинов.

Друг юности поэта писатель С.П.Багров вспоминает:

«*Николай Рубцов уже в юности, в возрасте 14-15 лет, тяготел к древности, к познанию нашего прошлого…И видел не только внешнее, но и то, что было дальше, упрятаннее и глубже. Видел всю землю. Возможно, и те времена, которые были забыты, но он каким-то загадочным образом их ощущал… Николай задумывался о возникновении рода человеческого, о наших дохристианских корнях, о том, что произошло на Руси после крещения. Он стремился понять: почему человек беспредельно устойчив, почему до сих пор жива его корневая сила, идущая от земли, как у могучего дерева, которое не может повалить никакая буря. Более всего его интересовала славянская русская натура….*

Николай Михайлович выше всех условностей, всех верований. Не отвел ничего, что выходило из жизни. В то же время видел самое святое, самое сокровенное, что рождается из недр народных, видел световую бесконечность нашей земли. Видел дальше, чем историки и летописцы…»

Писатель В.П.Аушев дополняет, что Николай Рубцов не раз задавался вопросом: «Какие крови во мне кипят, какие страсти бурлят?»

Известно, что человек хранит в себе генетическую память, записанную всеми его историческими предками. С ней передаются человеку основы духовных и нравственных начал, и это определяет его восприятие мира.

В течение последних лет новое звучание получила тема родины предков Николая Рубцова. На основе открытия Вячеславом Белковым в 90-е годы прошлого века родовой деревни Рубцовах Самылково, а также варианта родословной поэта, опубликованной Михаилом Суровым, составлена первая родословная роспись «Рубцовы – старинная династия Тотемских государственных (черносошных) крестьян Русского Севера 17-21 веков». Родословную составил историк, писатель-краевед Д.А.Пшеницын 3 января 2015 года.

По данным Тотемских писцовых книг начала 17 века родоначальником ставшей знаменитой династии Рубцовых был крестьянин по имени Иван из деревни Кульсеево Стрелицкой волости с неустоявшейся прозвищной фамилией Кунашин. Также в писцовых книгах 1622-25 годов отмечена нежилая пустошь Самылково, которая была отдана на оброк «деревни Кульсиевы крестьянину Богдашку Козмину». В документах 1676-78 годов имеются сведения о разделении рода, одна из ветвей которого переселилась в Самылково, где род под фамлией Рубцовы жил в течение более трехсот пятидесяти лет.

Изучение рода Николая Рубцова дает полное представление о том, «на чем поднималась великая Русь». Уклад жизни предков поэта строился на прочных духовно-нравственных устоях: они жили на земле своим умом и своим трудом, строили большие дома, создавали крепкие семьи, защищали Родину, сообща переживали тяготы жизни.

В течение веков Рубцовы жили в условиях православной общины и были тесно связаны с деятельностью церкви. Деревня Самылково находилась настолько близко к храмовому комплексу в селе Спасском, что во время пожара в церкви в 1774 году при сильном ветре до нее долетали обуглившиеся части кровли, за что, как известно, в народе она получила еще одно название - «Головешки». Некоторых представителей славного рода отмечает в своих материалах о Стрелицкой преображенской церкви пастырь Феодосий Малевинский: «Приходское попечительство при Стрелицкой церкви открыто в 1870

[676] Реестр прялок из коллекции МБУК «Бабушкинский ЦТНК». Архив ЦТНК.

году. Председателем избран крестьянин деревни Самылково Михаил Васильевич Рубцов, человек честный и к церкви Божией усердный, а затем эту должность занимал крестьянин той же деревни Александр Андреевич Рубцов». Деятельным членом приходского попечительства назван церковный староста Андрей Львов Рубцов, при нем был расширен Преображенский храм прикладом с западной стороны.

Андриан Васильевич Рубцов, дед поэта, слыл человеком умным, углубленным в себя, созерцателем людей и природы. Бабушка Раиса Николаевна, нянчившая внуков в семье Михаила Андрияновича, являлась не только носительницей фольклора, но знала наизусть все сказки Пушкина и была по сути Ариной Родионовной для будущего поэта. Мать Николая Рубцова как истовая прихожанка с детства знала тексты канонических песнопений и прекрасно пела. О Михаиле Андрияновиче Рубцове известно, что он виртуозно владел тальянкой и был в целом личностно и музыкально одаренным человеком, что передалось непосредственно всем его детям.

По утверждению Вячеслава Белкова, Николай Рубцов знал о родине своих предков, а по свидетельствам очевидцев – неоднократно бывал в биряковских краях. Этот факт подтвердила дочь поэта Елена Николаевна Рубцова в своем интервью в сентябре 2016 года.

Заслуживает внимания информация о пребывании по долгу службы отца поэта М.А.Рубцова в Усть-Толшме в 30-е годы. Важной является не только мысль писателя о том, что дорога в село Никольское Рубцову была проложена его отцом, но и то, что родина предков и «долина детства» Никола – общее культурное пространство для поэта при его жизни и в настоящее время.

Память рода, укорененного в отечественную почву, раннее воспитание в православной семье, без сомнения, стали основой глубоко русской национальной природы личности и творчества Николая Михайловича Рубцова.

Я уплыву на пароходе
Потом поеду на подводе
Потом еще на чем-то вроде,
Потом верхом, потом пешком,
Пройду по волоку с мешком-
И буду жить в своем народе!

Родословная Николая Михайловича Рубцова

(основная линия)

Составлена Д.А.Пшеницыным 15.11.2015 на основе материалов РГДА и ГАВО.

Кунашин (Рубцов) Иван
д.Кульсиево
Кунашин (Рубцов) Тихон Иванов
д.Кульсиево
Кунашин (Рубцов) Яким Тихонов
д.Кульсиево

Рубцов Григорий Якимов
д.Самылково
*
Рубцов Иван Григорьевич
(1650 – 1719) д.Самылково
*
Рубцов Иван Иванович
(1679 – 1756) д.Самылково
*
Рубцов Даниил Иванович
(1726 – 1799) д.Самылково
*
Рубцов Андрей Данилович
(1762 – 1821) д.Самылково
*
Рубцов Илья Андреевич
(1801 - ?) д.Самылково
*
Рубцов Василий Ильич
(1828 - ?) д.Самылково

*

Рубцов Андриян Васильевич
(1861 - ?) д.Самылково
*

Рубцов Михаил Андриянович
(1899 – 1962) д.Самылково
*

Рубцов Николай Михайлович
(1936 – 1971) г. Емецк Архангельская обл.

По словам русского религиозного философа Б.П. Вышеславцева, предельная глубина человека закрыта «в значительной степени и для него самого. И только в творчестве раскрывается глубина личности, «бездна сердца». В свое время С.Н.Булгаков утверждал: «Бог есть навеки неведомая, недоступная, непостижимая, неизреченная Тайна, к которой не существует никакого приближения». Ощущением этой тайны пронизана вся поэзия Николая Рубцова.

Сам поэт писал об этом:

«*За полтора месяца написал около сорока стихотворений... Предпочитал использовать слова только духовного, эмоционально-образного содержания, которые звучали до нас сотни лет и столько же будут жить после нас », « …поэзия не от нас зависит, а мы зависим от нее. Не будь у человека старинных настроений, не будет у него в стихах и старинных слов, вернее, старинных поэтических форм. Главное, чтобы за любыми формами стояло подлинное настроение, переживание, которое собственно и создает независимо от нас форму*».

Идею духовной основы русского слова развивает в своих исследованиях хранитель традиций родной земли, биряковский краевед А.К.Задумкин.

Его уникальная методика, включающая в комплексе информацию с космоснимков, библейские сюжеты, переводы с санскрита, способствует созданию нового образа русского слова. Это позволяет автору представить глубокое толкование непонятных на первый взгляд названий речек и деревень «родимой землицы» Николая Рубцова.

БИРЯКОВСКИЙ АЛФАВИТ

АЛЕКИНО (дер.) – род, постигающий знания.
БИРЯКОВО (дер.) – эта (земля богом данная) щедрость источает.
ВОТЧИНА (дер.) – подобна приобретённому богатству.
ГРЕБЕНИХА (пуст.) – урожай тут требует терпения.
ДУРАНДА (пуст.) – трудной жизни покровительство.
ЕВЪЯХИНО поле – поле поющих птиц (тетеревиный ток весной).
ЖАВОРОНЧИХА (пуст.) – радостный звон слышен в небе.
ЖУКОВО (дер.) – твердая вера это.
ЗАБОЛОТЬЕ (дер.) – трудится влиятельная сила (Заболотский с/совет в свое время).
ИШКОМА (р.) – стремится воду подарить (впадает в Стрелицу).
ЛАШКОВО (дер.) - слышен звон далёкий (вокруг 3 церкви).
МОХОВАТКА (руч.) – огромный, сильный подобен царю (сохатый).
НУТРЕНА (руч.) – восхваляют звезды здесь (на берегу церковь).
ОСИПИХА (дер.) – пребывает, трудится в этом мире (по слухам - жили староверы).
ПЁРТУГА (р.)– древний предел власти неизменный (граница Междуреченского и Сокольского района до сих пор).
РЁТЧА старое РОДЧА (р.) – (небеса) дают пищу чистую.
СТРЕЛИЦА (р.) – озорная, появляется, исчезает.
ТАЛИЦА (р.) – неприступность, соблюдение заповедей (воин уничтожает оружием – граница)
УЖИВКА (руч.) – помогает, воскрешает вода (живая вода).
ХМЕЛЕВИЦА (дер.) – пришла покориться своей доле маленькая деревня.
ЧЕРТОВСКОЕ (пуст., болото) – чистое, пригодное как благовоние (летом на болотах необычайный аромат).
ШОБОЛГА (р.) – небеса питают связанную. Шоболга впадает... в болото Клестовая чисть (вероятно, Крестовая чисть, имеет форму креста, одна река впадает, три вытекают) - получающее небесную воду.

Как и в поэзии Николая Рубцова, в работе А.К.Задумкина родная земля представлена как пространство божьего мира «во всем таинственном величье своей глубокой старины»

Пшеницын Д.А. (Вологда)

РОД САБЛИНЫХ В XVI–XVII ВВ.: ОПЫТ ИСТОРИКО-ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Русский Север был заселен преимущественно черносошным (государственным) крестьянством. Саблины – старинная династия устюжских черносошных крестьян, ведущая свою родословную уже более четырех веков. Становление данной фамилии приходится на XVI–XVII вв. и связано с д. Конищево, а затем д. Голузино Шонского стана Кичменгской волости Устюжского уезда (ныне – д. Конищево и д. Голузино Кичменгского сельского поселения Кичменгско-Городецкого района Вологодской области).

Крупнейшим массивом собрания рукописных книг XVII в. по истории крестьянства и сельских поселений является Российский государственный архив древних актов (РГАДА) в Москве. Именно там сформированы и хранятся материалы кадастровых описаний Устюжского уезда XVII в. К изучению этих источников и следует обратиться нам, чтобы показать историю происхождения и развитию старинного крестьянского рода Саблиных с Кичменги.

Для начала обратимся к фундаментальному труду Н.П. Воскобойниковой – справочнику «Писцовые книги Русского Севера»[677]. Именно в данной работе даже при наличии некоторых лакун (пропущены иногда целые волости) собраны и детально описаны многие книги фонда 1209 (Поместный приказ) РГАДА, поэтому и мы обратимся к этой уникальной книге. Находим главу: Устюжский уезд, а в ней описание писцовой книги Устюжского уезда 1623–1626 гг. Она дошла до нас в двух книгах – № 506 и № 507, нас же интересует последняя, в которой и содержится информация по изучаемой местности.

Одним из важнейших сохранившихся источников по истории рода Саблиных, да и других крестьянских родов, волости Кичменга и района, как и других сопредельных территорий, является Писцовая книга г. Устюга Великого и Устюжского уезда письма и меры писцов Никиты Васильевича Вышеславцева и подьячего Аггея Федорова 1623–1626 гг., с которой работали многие, но понять и поведать, что в ней запечатлено и изложено, смогли лишь единицы. В настоящее время книга микрофильмирована, и поэтому на руки исследователям не выдается. Автору же ещё в 2007 г. довелось держать её в руках и работать с ней в подлиннике.

Обратимся к информации данной книги. Устюжский уезд издавна делился на трети: Двинская, Сухонская и Южская, а треть, в свою очередь, состояла из волостей и станов. Интересующая нас местность – это Устюжский уезд, Южская треть, волость Кичменга и Кичменгский Городок на р. Юг.

Итак, обратимся к материалам проведенного исследования.

Первые упоминания о династии устюжских крестьян Саблиных встречаются в описаниях Кичменгской волости XVII века. Сама волость была довольно таки обширной, о чём в писцовой книге Устюжского уезда 1623–1626 гг. имеется запись: «*Волость Кичменга, а в ней Кичменской городок на реке на Югу, а в нем церковь Преображение Господне да у городка церковь архистратига Михаила …*», и далее «*В Кичменгской волости государя царя и великого Князя Михаила Федоровича всея Руси деревни черные*», а «*всего в Кичменгской волости 121 деревня (государственных черных и Тимофея Усова) да две пустоши. В них 334 двора крестьянских да 42 половничьих, 5 дворов пустых и четыре места дворовых. Всего в волости 528 человек*»[678].

В волости Кичменга, согласно писцовой книге Устюжского уезда 1623–1626 гг., было 4 погоста, а один из них – третий собственно интересует нас более всего – это «*в той же волости третей погост на речке на Шонге стал ново церковь Николы Чюдотворца да церковь Илии Пророка*», т.к. именно в нем и встречаем впервые запись об упоминании рода Саблиных: *«деревня Мордовкино, Конищевская то ж на реке на Шонге, в ней крестьян: во дворе Евтифеико Обакумов Шевелев, во дворе* ***Минка Семенов Саблин****, во дворе Назарко Юрьев Дьяков…»*[679].

Однако эти данные нельзя считать исходными, т.к. в дарственной Свято-Троицкой Сергеевой лавры 1582 г. в числе тотемских братьев Саблиных упомянут Семен, у которого вполне мог быть сын Мина: «*Семена, Якова, Немира Степановых детей Саблиных на вклад в Троице-Сергиев монастырь архимандриту Ионе с братьею соляных варниц со всякою варишною порядиею*»[680]. (**Приложение**. Данная Семена, Якова, Немира Степановых детей Саблиных на вклад в Троице-Сергиев монастырь. 1582 г.)

Таким образом, данная запись выводит нас на более древний пласт XVI века о роде Саблиных, поэтому постараемся представить всю имеющуюся информацию о тотемских корнях фамилии для

---

[677] Писцовые книги Русского Севера. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 480 с.
[678] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Книга 507. Л. 449, 485.
[679] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Книга 507. Л. 449об., 455об.
[680] Официальный православный сайт: «Свято-Троицкая Сергиева Лавра». [Электронный ресурс].
URL: http: // old.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=4&manuscript=404 (дата обращения: 11.10.2015 г.).

последующей реконструкции, а также подготовить почву для дальнейших генеалогических исследований при обнаружении недостающих архивных источников.

Одним из первых кто обнаружил тотемские корни трубных мастеров и солеваров Саблиных является известный профессор Петр Андреевич Колесников, который, кстати, и подытожил информацию о них: «*Еще в XV веке Григорий Сабля пробурил скважину (или владел ею), которая долго называлась его именем, его сын Артемий Григорьевич в 1500 году построил у варниц Ильинскую церковь, а его внук или правнук Семен Степанов Сабля, вероятно, и есть искомый нами завершитель подлинника «Росписи». У него были братья Семен, Яков, Петр и Немир. Сын Немира, Василий Немиров Сабля, дал начало ветвям Ивана, Неустроя, Еустафия. На основании переписей и записей в таможенных книгах в конце XVI–XVII веке находим Саблиных: Еустафий - Богдан Еустафьевич; Иван Богданович с сыновьями Семеном, Федором, Яковом и Алексеем; в 1687 году числится двор Алексея Ивановича Саблина с сыном Степаном; двор Федора Ивановича с сыновьями*»[681].

Однако ранее информация о роде тотемских Саблиных была опубликована в 1890 г. историком, краеведом И. К. Степановским в работе «Вологодская старина»: «*Нельзя с точностью определить времени открытия соляных источников, равно и поселения людей на этом месте, но известно, что около 1500 года была уже у варниц, при речке Ляпунихе, церковь святого пророка Илии, построенная посадским человеком Артемием Григорьевым Саблиным.*

Посад Соли Тотемской (как назывался он в то время) принадлежит к числу древнейших солеваренных заводов в России.

К этому же времени должно отнести и поселение в посаде Соли Тотемской Строгановых, имевших здесь свои трубы и варницы.

Недолго тотьмичи оставались у соляных варниц и стали переселяться на настоящее место, на берег реки Сухоны. Степан и Андрей Саблины перевезли от варниц и поставили в Саблине конце, где ныне находится Предтеченская церковь, построенную отцом их Артемьем Саблиным, у варниц, церковь святого пророка Илии. Переселение это совершилось около 1554 года и о нем известно из жития преподобного Феодосия, основателя Тотемского Спасо-Суморина монастыря»[682].

И далее, в 1896 г., в Вологодских епархиальных ведомостях публикация статьи историка и археографа П. И. Савваитова при описании Тотемского Спасо-Суморина монастыря, где в духовном завещании преподобного Феодосия от 19 декабря 1567 г. имеется такая запись: «*…да моя ж труба в речке в Ковде, против ее за рекою труба Семена Саблина с братьею, да Григорьевы трубы*…», и далее «*…да взяти ми на Семене, да на Якове, да на Немире, да на Петре на Неустрое, на Стефановых детях Саблина, вкладных денег за отца Стефана семь рублев с гривною безкабально*…»[683].

И наконец, совершенно недавно – в «Вестнике церковной истории» – переиздано на более высоком научно-археографическом уровне Духовное завещание Феодосия Суморина от 19 декабря 1567 г., поэтому представим выдержку о Саблиных, которая идентична и подкрепляет предыдущую запись: «*…Да взяти ми на Семене, да на Якове, да на Немире, да на Петре на Неустрое, на Стефановых детях Саблина, вкладных денег за отца их за Стефана семь рублев с гривною безкабально*…»[684].

На официальном сайте Департамента культуры и туризма Вологодской области в разделе «Государственный реестр уникальных документов Вологодской области» размещены цифровые копии трёх документов, датированные 2-й половиной XVI в., имеющих непосредственное отношение к тотемскому роду Саблиных. Поэтому представим интересующие нас записи для ознакомления: первый документ – это данная (дарственная) Андрея Артемьева Саблина, датированная 3 июля 1558 г.: «*Данная Андрея Артемьева сына Саблина на половину деревень Леонтьевской и Сухова на Углецкой стороне в дом Спасо-Прилуцкого монастыря*»; следующий документ – это купчая крепость сына Андрея – Григория, датированная 15 января 1582 г. «*Купчая крепость Григория Андреева сына Саблина и Пятого Тимофеева сына Саблина Спасо-Прилуцкому монастырю на 2 выти в 6-й выти соляной трубы Каменки Тотемского усолья*»; и, наконец, третий, и последний документ – это купчая крепость ещё двух сыновей Андрея Саблина – Алексея и Потапия, датированный 31 марта 1584 г.: «*Купчая крепость на 1/3 трубы Каменки с рассолом в тотемских соляных варницах, проданную тотьмянами Алексеем и Потапием Андреевыми детьми Саблиными старцам Спасо-Прилуцкого монастыря Кириллу и Пимену*»[685].

Таким образом, вкратце рассмотрен тотемский этап рода Саблиных XVI в.

---

[681] Колесников П. А. Путешествия в родословия. - Вологда, 1997. С. 143-144.

[682] Степановский И.К. Вологодская старина (историко-археологический сборник). Вологда, 1890. С. 35.

[683] Савваитов П. И. Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря и приписной к нему Дедовской Троицкой пустыни. 1896. № 7-8. С. 116-117.

[684] Полоцкая, О.В., Черкасова, М.С. Духовное завещание Феодосия Суморина (1567 г.) // Вестник церковной истории. М., 2016. № 3-4. С. 5-27.

[685] Официальный сайт Департамента культуры и туризма Вологодской области. Архивный фонд Вологодской области «Государственный реестр уникальных документов». [Электронный ресурс]. URL: http://uniqdoc.depcult35.ru/docs/ (дата обращения 16.01.2017).

В результате этого выяснилось, что родоначальником древнейшей тотемской династии Саблиных является легендарный солевар Григорий прозвищем Сабля, у которого был сын Артемий Григорьевич Саблин, построивший около 1500 года у варниц Ильинскую церковь. У Артемия же известно о двух сыновьях – Стефане и Андрее. У первого – Степана – было 5 сыновей: Семен, Яков, Немир, Петр и Неустрой, а у Андрея – Григорий, Алексей и Потапий.

Более всего нас интересует персона Семена Степанова сына Саблина, который является автором рукописного руководства по глубинному бурению скважин для получения рассола подземных вод, поэтому его по праву можно назвать «*своего рода древнерусским горным инженером*»[686], и, возможно, он приходится отцом упомянутого выше крестьянина Мины Саблина с Кичменги.

Для начала приведём несколько доводов в поддержку версии о родстве тотемских и кичменских ветвей Саблиных:

1) к концу XVI в. тотемский род солеваров Саблиных сходит со сцены, частью продав, а частью завещав весь свой соляной промысел таким крупным вотчинам, как Троице-Сергеев и Спасо-Прилуцкий монастыри, поэтому для этого требовалась новая сфера деятельности;

2) первый представитель крестьянской династии – Мина Семенов Саблин поселился в д. Мордовкино, Конищевская то ж, которая находилась недалеко от центра Кичменской волости – Кичменский Городок, возможно, это было одно из старинных владений Саблиных в бытность их в солепромышленном деле;

3) проанализирована округа по писцовой книге Устюжского уезда 1623–1626 гг. (Кичменская, Кильчанга, Сараевская, волость Шарженьга, Халезец и Ляменьга и др.) и нигде не обнаружено более ранних следов фамилии Саблины, а данный факт говорит о том, что фамилия привнесена извне, хотя, по сути, должна быть, но её не оказалось среди местных;

4) Мина был грамотный и имел налаженные торговые связи, о чём встречаем в таможенной книге г. Устюга Великого 1633 г. сентября – 1634 г. августа сбора разных таможенных пошлин с иногородних людей: «*… Мина Саблин с товарыщем плыли на плоте, 6 ярыжных, по смете ржи 450 мер. Платили пошлин с себя, и с плота, и с ярыжных, и с кормщика, и с своего хлеба померу, а с прикупного пошлину з денег, и за продавцов померу же, всего 5 р. …*»[687];

5) впоследствии сыновья Мины – Юрий и Осип, и их потомки владели вдруг ниоткуда взявшимися многочисленными землями в волости, на которых сидели их половники, а это наводит на мысль о былой хватке тотемских торговых людей;

6) у Осипа Минина сына Саблина родились сыновья, одного он назвал в честь пращура – Артемием, а меньшого – Семеном, в честь прадеда, хотя имена и давали с учетом святцев и пожеланий родителей, тем более на один день выпадало празднование нескольких святых, но, тем не менее, это факты; имя Григорий в роду кичменских крестьян Саблиных являлось, чуть ли не самым распространенным.

А теперь плавно перейдём к дальнейшему описанию истории кичменгских крестьян Саблиных в XVII в., чтобы проследить их дальнейшее развитие, когда они из совершенно обычного рода стали одной из самых известных, уважаемых и деловых династий в крае.

В переписной книге Устюжского уезда Кичменгской волости Шонского стана за 1658 г. встречается запись: «*деревня Шелыгино: во дворе Юрья Минеев Саблин да работной его человек Симан Козмин сын Китаев; во дворе Михайло Филипов Ниткиных да сын иво Потап; во дворе Фома Осипов Саблин…*»[688]. И далее в переписной книге людей и дворов черных деревень и монастырских вотчин «для солдатского сбора на службу» в станах и волостях Устюжского уезда 1667/68 г. переписи князя Гаврилы Матвеевича Мышецкого находим связь с предыдущими поколениями: «*Деревня Лоншиковская: во дворе Сенка да Ортюшка Осиповы дети Саблина…*», а следующая запись подкрепляет наши доводы: «*деревня Шелыгина: во дворе Васка Юрьев сын Саблин да работной иво [человек] Симанко Козмин сын Китаев…*»[689].

У Юрия известен сын Василий, который отмечен в Таможенной книге Устюга Великого сентября 1678 г. – августа 1679 г.: «*…Майя в 21 день Кичменской волости Василей Юрьев Саблин поплыл х Холмогорам в барочке. А с собою поплавил южской волостной покупки 100 мер ржы, цена 20 р. Да своих деревень поплавил 400 мер ржы, 6 кулей пшеницы, куль гороху. Платил пошлин за волостную покупку по 10-ти денег с рубля, итого рубль*»[690]. А в переписной книге города Устюга черных волостей Устюжского уезда переписи Андрея Ивановича Лодыженского и подьячего Алексея Ерофеева 1677–1678 гг. находим тому подтверждение: «*Деревня Локшиковская на реке на Югу: во дворе Васка Юрьев Саблин, у него работник Васка Гаврилов Столбов, во дворе Сенка, Артюшка Осиповы Саблины, у Сенки дети: Наумко,*

---

[686] Колесников П.А. Город Тотьма в XVII веке (к вопросу о социально-экономической истории поморского города). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук // Тотьма: краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2001. С. 198.
[687] Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. I. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1633–1635 гг. – М. 1949. – С. 129.
[688] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15040. Л. 59об.
[689] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15041. Л. 108, 123.
[690] Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. III. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1675–1680 гг. – М.-Л. 1951. – С. 238.

Кирилко десяти лет, Карпушка осми лет, Флорка четырех лет, Ивашко году, у Артюшка сын Гришка году…»[691].

Последующая запись в писцовой книге Устюжского уезда 1675–1683 гг. подтверждает, что д. Лоншиковская и Шелыгино – это два названия одной и той же деревни: «*Деревня Лонщиковская, а Шелыгино тож на реке на Югу и на речке на Пичюге, а в ней крестьян: во дворе Васка Юрьев Саблин, длина двору тринатцать сажень, поперег девять сажень; во дворе Сенка, Артюшка Осиповы Саблины, у Артюшки сын Кирюшка, длина двору четырнатцать сажень, поперег полшесты сажени…*»[692].

Из следующей записи установлено, что одна из линий рода Саблиных во 2-й половине XVII в. уже находилась в д. Голузино Шонского стана, о чём и свидетельствует писцовая книга города Устюга черных волостей Устюжского уезда 1675–1683 гг.: «*В том же Шонском стану Великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея Великия Малыя и Белыя России самодержцов деревни черные живущие …Починок Голузино, а в приправочных книгах Никиты Вышеславцева с товарищем того починка не написано, а в нем крестьян: во дворе Исачко Никитин Шелыгин, у него дети – Пронко и Захарко, во дворе Гришко Фомин Саблин…*»[693].

Таким образом, на основе вышеприведенных данных мы можем заключить, что род Саблиных является очень древним и, скорей всего, происходит от тотемской династии солепромышленных людей Саблиных, родоначальником которого считается легендарный Григорий прозвище «Сабля», живший в XV веке. В настоящее время достоверно установлено, что абсолютно все (!!!) представители ветви Саблиных с Кичменги происходят именно от Мины Семенова Саблина (до 1580 – после 1626 гг.), праправнука Григория.

Сапожникова О.С. (Санкт-Петербург)

«ВОДОШНИК СЕМЕНА АНИКИЕВИЧА». ХРАНИТЕЛЬНИЦА ИМУЩЕСТВА И ТРАДИЦИЙ СТРОГАНОВЫХ ЕВДОКИЯ НЕСТЕРОВНА

Роль купцов Строгановых, а вернее, – их капитала в экономической и политической жизни страны была столь велика, что московские государи, пользуясь безвозмездными кредитами этой семьи, наделяли ее и особыми полномочиями и особыми привилегиями.[694] Не только при царе Василии Шуйском, когда Строгановы были пожалованы званием «именитых людей» (то есть правом писаться с «вичем»), но уже при Иване Грозном они пользовались особым благоволением, поскольку предоставляли в трудные для российской государственности времена свои средства и снаряженных ратников. Так, при набеге крымских татар в 1572 г. Строгановы послали к Москве отряд в тысячу казаков с оружием и довольствием. В 1574 г. Грозный специально вызвал в Москву двух братьев Строгановых (Григория и Якова Аникиевичей) для обсуждения обстановки на восточных границах страны. В итоге переговоров Строгановым были делегированы полномочия в организации самостоятельного военного сопротивления при «нападках ясашных вогуличей и разъездов татарских», а также геополитическая миссия государственного масштаба: «В самом царстве Сибирском покорением оного под Российскою державою иметь старание». Снаряжение Ермака и его отряда также стало преимущественно делом Строгановых. Уже при Грозном сольвычегодские купцы стали едва не единственными посредниками в торговле солью, пушниной, красной рыбой между сибирскими народами, Россией и Европой, одними из первых в железодутном и кузнечном производствах. Расположение государей и достаток сделали доступными недавним выходцам из крестьян достижения столичных духовных центров в сфере иконописи, книгописания, лицевого шитья, ювелирного искусства. Строгановы – единственный подобного типа купеческий род, который смог создать и на протяжении веков сохранять свои архивы, библиотеки, мастерские.

По-видимому, о библиотеках членов семьи Строгановых было хорошо известно в XVII в. среди российской знати. Когда в 1616 г. скончался бездетным внук знаменитого основоположника строгановских богатств Аники Строганова Никита Григорьевич, его книжное собрание было вывезено для продажи в Москву, где было раскуплено членами царской фамилии и представителями знатных боярских родов. Только в одной из книжных описей его собрания значится 361 наименование: 200

[691] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15047. Л. 563-563об.
[692] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 516. Л. 306-306об.
[693] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 516. Л. 330об.-331.
[694] Строгановы получали привилегии в солеваренном, сыродутно-железоделательном, судостроительном, ювелирно-иконном, моржевом промыслах, добыче пушнины на Новой Земле в Арктике. «Организация и развитие многообразного простого товарного производства в Поморье и Приуралье в соединении с обширной и разветвленной торговлей на внутренних и внешних (заграничных) рынках доказывает большую роль Строгановых в развитии производительных сил в Русском государстве XVI-XVII вв., где Строгановы занимали одни из ключевых позиций в феодальной экономике страны» (Введенский. А. А. Дом Строгановых. М., 1962. С. 59).

рукописных и 161 печатная книга.[695] Владельцами больших книжных собраний были в XVI – XVII вв. Аника (Иоанникий) Федорович, Яков Аникиевич, Семен Аникиевич, Максим Яковлевич, Максим Максимович Строгановы и др. Интерес к книжному наследию сольвычегодских Строгановых начался с исследований XIX – начала XX вв., – это работы П. И. Савваитова, А. А. Введенского, Н. Г. Богдановой.[696] В последние три десятилетия рукописи и печатные издания из собрания этой семьи активно выявлялись, описывались, изучались. Из недавних работ можно назвать исследования А. А. Турилова[697], Г. В. Маркелова[698], Т. В. Анисимовой[699], и новейшие – Н. А. Мудровой[700], Д. О. Цыпкина[701], Черкасовой[702]. К настоящему времени реконструирован состав книг сольвычегодских магнатов на материале сохранившихся описей, выявленные экземпляры описаны, но, несомненно, ученых в будущем все равно еще ждут находки: речь должна идти о более, чем тысячи книг, которыми в совокупности владели Строгановы в XVI – XVII вв.

Стоит отметить, что, как правило, в связи с историей книжных собраний внимание исследователей обращено прежде всего к мужским представителям родов, что естественно – так диктует понимать роль мужчины Средневековье. Роль же женщин в сохранении или формировании библиотек еще мало изучена. Женщина в Древней Руси, в случае кончины супруга, вместе с детьми являлась основной наследницей его имущества, а в случае со Строгановыми, – наследницей больших богатств (солеварен, промыслов, мастерских), в том числе и книжных. На примере супруги Семена Аникиевича Строганова – Евдокии Нестеровны (урожд. Лачиновой), которая овдовела в возрасте двадцати пяти лет, можно сказать, что она унаследовала еще и лучшие образцы столичных мастерских, которые могли себе позволить заказать сольвычегодские и пермские купцы: иконы, церковную утварь, образцы лицевого шитья[703], и, что особенно важно для исследователей литературы Древней Руси, – книги.

До недавнего времени был известен только факт владения ею лично двумя книгами XVI в. – это два тома Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского. В 1612 г. Евдокия Нестеровна вложила их в Николо-Коряжемский монастырь. Оба дошли до наших дней в составе разных собраний: ГИМ, собр. Хлудова 53 (слова 1 – 8)[704] и РГБ, собр. Егорова 933 (слова 9-16).[705] В каждом томе читается скрепа, содержащая сведения о вкладе Евдокии Нестеровны.

На роль женщины в судьбе унаследованного имущества и сохранении артефактов духовной культуры позволяет посмотреть в интересном ракурсе история недавно выявленной книги – Лицевого Травника, имеющего прямое отношение к библиотеке Строгановых. С XIX в. в научной литературе выдвигаются предположения о существовании у Строгановых некоего лечебника, переведенного с какого-то европейского языка, чаще всего при этом называют английский.[706] В наше время Н. А. Мудрова повторила мнение предшествующих исследователей: «…возможно, в конце XVI в. в библиотеке Строгановых был Лечебник. В более поздних рукописях XVIII в. сохранилось упоминание о нем […]».[707] Ссылки на рецепты некоего врача Кайбышева из «Лечебника Строгановских лекарств» также читается в ряде поздних рукописей со смешенным, компилятивным содержанием, поэтому определить, каковым же было содержание рукописи-оригинала, по этим сведениям не представляется возможным. То, что у Строгановых мог быть переводенный с европейского языка Лечебник, как и какие-то другие естественнонаучные трактаты, не вызывает сомнений: эта семья выкупала из плена специалистов

---

[695] Опись библиотеки Н. Г. Строганова 1620 г. / Сост. Н. А. Мудрова, Б. Н. Морозов. Екатеринбург, 1991; Мудрова Н. А. Библиотека Строгановых (вторая половина XVI – начало XVIII вв.). Екатеринбург, 2015. С. 91 – 129.

[696] Савваитов П. И. Строгановские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор по надписям на них: С приложением соборной описи 1579 г. СПб., 1886; Богданова Н. Г. Книжные богатства Строгановых в 1578 г. // Sertum bibliologicum в честь президента Русского библиологического общества профессора А. И. Малеина. Пг., 1922. С. 277 – 284; Введенский А. А.: 1) Библиотека и архив у Строгановых в XVI – XVII в. // Север. Вологда, 1923. Кн. 3-4. С. 69-115; 2) Дом Строгановых в XVI-XVII вв. М., 1962.

[697] Турилов А. А. Летописные записи о сольвычегодском Благовещенском соборе в рукописи Библиотеки Папского Института восточных исследований в Риме // Древнерусское искусство: исследования и реставрация. Памяти Николая Николаевича Померанцева. М., 2001.

[698] Маркелов Г. В. Книгописный подлинник Строгановых 1604 г. // ТОДРЛ. Т. 54. СПб., 2003.

[699] Анисимова Т. В. Рукописи московских писцов Басовых (80-е годы XVI – нач. XVII века) //От Средневековья к Новому времени. М., 2006. С. 587 – 608.

[700] Мудрова. Н. А. Библиотека Строгановых.

[701] Цыпкин Д. О. «Азбука фряская» 1604 года как источник по истории искусства письма Древней Руси // Актуальные проблемы теории и истории искусства. VI. Сборник научных статей. СПб., 2016. С. 800 – 910.

[702] Черкасова М. С. О вкладах Строгановых в севернорусские монастыри в XVI – XVII вв. / Грани русского Средневековья: Сборник статей к 90-летию Юрия Григорьевича Алексеева. М., 2016. С. 318 – 329.

[703] См., например, о вкладах Евдокии Нестеровны и изделиях ее собственной мастерской лицевого шитья: Силкин А. В. Строгановское лицевое шитье. М., 2002. С. 34 – 38.

[704] Попов А. Н. Описание рукописей библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. С. 62; Мудрова Н. А. Каталог сохранившихся книг именитых людей Строгановых // Книжные собрания российской провинции: проблемы реконструкции. Екатеринбург, 1994. С. 38.

[705] Мудрова Н. А. Каталог сохранившихся книг. С. 38. Сметанина С. И. Записи XVI-XVII веков на рукописях собрания Е. Е. Егорова // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 374.

[706] Змеев Л. Ф. Русские врачебники: Исследование в области древней врачебной письменности. СПб.,1895 (на обл. 1896). С. 2–3, 77 – 80; Введенский А. А. Дом Строгановых. С. 40 – 41.

[707] Мудрова Н. А. Библиотека Строгановых. С. 63.

самого разного профиля, в том числе и владеющих навыками лекарей. По мнению Л. Ф. Змеева и А. А. Введенского, лекари появились на строгановских солеварнях очень рано, а иностранные врачи, выучившие книжный язык Московской Руси, могли иметь учеников (как в области медицины, так и в обучении языкам), а также выполнять переводы. Самый известный перевод книги медицинского содержания в XVI века – Травник Николая Булева 1534 г., был выполнен, как известно, «Николаем немчином-*полоняником*».[708]

Недавно в собрании Отдела Рукописей Библиотеки Академии Наук была атрибутирована известному соловецкому книжнику Сергию Шелонину интересная и необычная рукопись – Лицевой Травник in folio на 350 л. с 288 миниатюрами.[709] Рукопись датируется 1620-ми гг. Необычность ее заключается в том, что переводные Травники, украшенные миниатюрами, для древнерусской книжности – большая редкость, а примеры с таким количеством миниатюр –единичны. От XVI в. сохранилась лишь одна такая рукопись, – все тот же Травник Николая, немчина и полоняника, а от XVII в. (исключая переводы последней четверти учебников анатомии и др. медицинских изданий, которые не являются Травниками в традиционном понимании), – не более десяти.

Травник из собрания БАН является переводом известного и сенсационного для своего времени издания страсбургского врача «Книга о дистилляции» Иеронима Бруншвига (ок. 1450 – 1512/13)[710], которое выходило многочисленными тиражами в Европе с 1500 по 1614 гг. Книга, по сути, явилась универсальной медицинской энциклопедией с многочисленными изображениями инструментария для изготовления дистиллятов из сырья растительного и животного происхождения, аптекарской посуды, садов и около 300 изображений трав и животных с описанием их лечебных свойств и использования в терапии и фармакологии. Самый ранний русский список перевода этой энциклопедии был известен ранее – это список рубежа XVI – XVII в (РНБ. Q.VI.29), а, значит, перевод на русский был выполнен уже в XVI в., вторым же по хронологии списком стала указанная рукопись Сергия Шелонина 1620-х гг.

Список из собрания БАН в настоящее время является единственным из известных списков перевода Иеронима Бруншвига, украшенным таким количеством миниатюр. Еще один список – второй половины XVII в., также выполненный под руководством Сергия Шелонина (РНБ.Q.VI.7), содержит 10 миниатюр.

Миниатюры вновь обнаруженной рукописи (БАН. 17.4.12) восходят к гравюрам немецких изданий «Книги о дистилляции», ее формат и все оформление свидетельствуют о том, что она отражает, скорее всего, русский оригинал перевода XVI в. В связи с этими наблюдениями и предположениями дополнительными аргументами о происхождении перевода в XVI в. стали скрепы на полях этой рукописи. В данном сообщении будет сказано об одной из них. Всего в рукописи когда-то находилось 5 скрепляющих записей XVII – XVIII вв. Из них полностью сохранилась и читается визуально только одна поздняя запись 1755, еще одна была вырезана полностью, оставшиеся удалось прочитать в ультрафиолетовом свете. Именно удаление записей поздними владельцами помешало исследователям Нового времени оценить значение этой рукописи и ее отношение к библиотеке Строгановых.

На рукописи Лицевого Травника 1620-х гг. была прочитана следующая, без сомнения, самая первая владельческая скрепа: «Сия книга водошник Семена Аникиевича Строганова» (БАН. 17.4.12. Л. 56 – 62).[711] Эта запись вызывает прежде всего недоумение, поскольку хорошо известно, что Семен Аникиевич Строганов был убит еще в XVI в. (в 1586 г.), рукопись же Лицевого Травника датируется, как говорилось, 1620-ми гг.

Изучение же истории вкладов Евдокии Нестеровны, которая оказалась главной наследницей Семена Аникиевича, позволяет утверждать, что доставшееся ей имущество, в составе которого были изготовленные в XVI в. предметы утвари и книги, она вкладывала на помин души почивших супруга и свекра в соборы и монастыри, а также по ее, по-видимому, распоряжению, на них делались записи о вкладах этих предметов ее супругом. Так, например, запись на иконе Богородицы Донской никак не может свидетельствовать о вкалде Семена Строганова, поскольку в ней употреблена уважительная форма отчества на «вич», право на которую Строгановы получили только в 1610 году от царя Василия Шусйкого. См. вычеканенную запись: «Сей образ писан Истомою Савиновым, иконописцем государевым, по обещанию Семена *Аникиевича* Строганова и им же украшен»[712], – это означает, что запись была сделана достаточно поздно по распоряжению его вдовы.

Итак, записи о том, что какие-то предметы являются собственностью Семена Аникиевича или были им вложены после его кончины объясняются именно деятельностью его вдовы, которая хранила

---

[708] Травник из постельной казны Ивана Грозного? Харьковская рукопись 1534 г. — новый памятник книжной мастерской митрополита Даниила (Первые итоги изучения) // АЕ за 2003 г. М., 2004. С. 73–85.

[709] Сапожникова О. С. Лицевой Травник Сергия Шелонина – список с перевода русского врача XVI в. // Вестник Альянс-Архео. 2016. № 14. С. 12-34.

[710] Brunschwig Hieronymus // Lexikon des Mittelalters. Bd. II. München, 2003. S. 793 – 795.

[711] В значении «Книга о перепущении вод» слово «водошник» более не известно ни по каким источникам. Возможно, это уникальное словоупотребление.

[712] Савваитов П. И. Строгановские вклады. С. 8.

таким образом память о своем муже и полученное от него имущество вкладывала на помин его души. Запись о том, что «Водошник» является книгой Семена Аникиевича, объясняется тем же самым. Книги и иконы XVI века могли достаться Евдокии Нестеровне только в составе имущества мужа, и, будучи уже немолодой и готовясь принять постриг, она достаточно активно начала распределять их в качестве вкладов для поминовения. Примечательно, что даже уже приняв постриг, она продолжала указывать в записях, что она «жена Семена Аникиевича». Ею же был предпринят и такой шаг охранного характера. По-видимому, к 1620-м гг. Травник Семена Аникиевича уже пришел в ветхость и с целью его сохранить она и обратилась к постриженику Соловецкого монастыря и опытному переписчику Сергию Шелонину за тем, чтобы он изготовил с ветхой рукописи копию. К изготовлению рукописи был привлечен и миниатюрист, который в своеобразном стиле изобразил лекарственные растения. Эти изображения сохранили близость к немецким реалистическим гравюрами, но все же были выполнены с многочисленными дополнительными элементами, характерными для «фряжского» или старопечатного стиля, используемого в лучших образцах рукописей библиотеки Строгановых этого времени (ср. рис. 1 и рис. 2).

Лицевой Травник не содержит вкладной записи Евдокии Нестеровны (по типу тех, которые читаются на вложенных в Николо-Коряжемский монастырь томов Григория Богослова: «…положила Семенова жена *Аникиевича Строганова*»[713]), потому что эта рукопись никуда не была вложена, а была оставлена в семье, использовалась как справочник по болезням и способам лечения и хранилась как большая ценность и память о предке – владельце такого сокровища.

На наш взгляд, строгановский оригинал Лицевого Травника остался у Сергия Шелонина, поскольку в 1650-х гг. он создает еще одну копию, выправленную и отредактированную и не являющуюся копией рукописи БАН. Строгановы же использовали свою рукопись по назначению и передавали по наследству: в дальнейшем она перешла к породнившимся с ними Салтыковым.[714]

Остается только предположить, что сохранившиеся упоминания в рукописях второй половины XVII – начала XVIII в. о «Лечебнике Строгановских лекарств» – это доказательство существования у Строгановых какой-то медицинской книги, которая очень ценилась и о которой знали. Время появления перевода с выдающегося немецкого издания следует связывать с деятельностью Строгановых и с их библиотекой XVI в. Выявленный Лицевой Травник, как теперь представляется, и является копией с этого «Лечебником Строгановских лекарств» XVI в. Перевод книги Иеронима Бруншвига со строгановской скрепой очень подходит под определение книги как известной и знаменитой своими рецептами. Более того, оригинал Строгановых мог копироваться и использоваться в русской медицине: какие-то книги о дистилляции неоднократно фигурируют в материалах Аптечного Приказа, а статьи из них буквально цитируются при определении квалификации иностранных докторов и аптекарей. Так, «дохтур» Аптекарского приказа задавал, например, такие вопросы новоприбывшему лекарю: «Как тебѣ перепускать и сколько статей?», «На сколько статей и как разные перепуски бывают?», «Как духи добывают и перепускают?», «Как алхимисты масла перепускают и масло снимают?», «Как всякие составы варят?», «Которые составы дать гораздо варить?»[715] Именно этим «перепускам» и посвящена книга Иеронима Бруншвига, другой же книги о дистилляции пока в русской традиции выявлено не было. Интересен и такой пример: прибывавшие из-за границы в Россию новые медики обязательно должны были уметь изготавливать и дистиллят под названием «quinta essentia», под которым в Средневековье подразумевалась тщательно приготовленная и неоднократно очищенная дистиллированная жидкость из определенных ингредиентов, ее изготовление восходит к алхимическим трактатам.[716] Например, о прибывшем в 1648 г. «из земли Тюринген под Цесарскою областию» лекаре было известно, что «алхимискому ученью учился пять лет, и тому навычен, и будет ево настолько с такова дела со всего делати духи, маслы, *пятую силу*, из чего перепустить махистериум и елексир и что алхимисту знати и делать доведется».[717] Способы приготовления quinta essentia рассмотрены во всех изданиях «Книги о дистилляции» Иеронима Бруншвига[718]; часть, посвященная «пятой силе», читается в Строгановском Лечебнике, переписанном Сергием Шелониным.

---

[713] Скрепа издана: Мудрова Н. А. 1) Каталог сохранившихся книг. С. 39; 2) Библиотека Строгановых. С. 363.

[714] Этому факту в связи с бытованием Травника БАН 17.4.12. будет посвящено отдельное сообщение.

[715] «Перепуском» назывался процесс дистилляции – способа изготовления настоя с использованием горячего пара. Об «экзаменах» см.: Флоринский В. М. Русские простонародные травники и лечебники: Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия. Казань, 1879. С. 202 – 203.

[716] «В античной и средневековой философии – некий пятый элемент (стихия) противополагался остальным элементам (воде, земле, огню и воздуху) и признавался основной сущностью вещей…Так называют Аптекари и маскатильные продавцы, существо самое лучшее, чистое и тончайшее, извлекаемое из тел естественных посредством огня. У химиков значит ту же вещь. Сл. комм. 1790 3 165» (Епишкин Н. И. Краткий исторический словарь галлицизмов русского языка: ("Амур бонжур тужур" и другие фр. слова и выражения в рус. яз. и речи). Чита, 1999). О «пятой силе» см. также: Материалы для истории медицины в России. Вып. 3. СПб., 1884. С. 580.

[717] Там же. С. 615.

[718] См., например, в страсбургском издании 1505 г. л. 170 об – 171 об.

Интересно, что именно ветвь Семена Аникиевича дала всех знаменитых в истории России Нового времени графов и баронов Строгановых, чьи дворцы, особняки и ктиторские храмы известны во многих частях России, а Строгановский дворец по проекту Ф.-Б. Растрелли на Невском проспекте Петербурга теперь доступен в восстановленных интерьерах для посещения всех желающих.[719] Иногда при оценке вклада Строгановых в развитие культуры и науки исследователи употребляют по отношению к этому роду выражение «русские Медичи». При этом сам родоначальник этой ветви, Семен, не успел принять участие в воспитании детей: когда он был убит, его семеро детей были по древнерусским понятиям еще младенцами. Интересно, что семейные тенденции, заложенные выбившимися в купцы крестьянами Строгановыми XV в., – согласовывать свою деятельность и собственное обогащение с государственными задачами и геополитическими интересами страны, поддерживать в любых обстоятельствах централизованную власть (от выкупа из плена Василия Темного, военной помощи при татарских набегах до перипетий Смутного времени и далее), быть впереди всех в усвоении новейших технологий и прогрессивных научных достижений, ориентироваться на столичную идеологию и лучшие образцы столичного искусства, – были настолько сильны, что с задачей воспитать в том же духе наследников справилась женщина рубежа XVI – XVII вв. – дочь воеводы и вдова «северного магната», хранительница богатств семьи, материальных и духовных.[720]

Славнитский Н.Р. (Санкт-Петербург)

Д.Я. СУРОВЦЕВ – НАРОДОВОЛЕЦ ИЗ ТОТЬМЫ

Дмитрий Яковлевич Суровцев, родившийся в 1852 г., был сыном священнослужителя села Верхнесыщенского Тотемского уезда Вологодской губернии и сначала пошел по стопам родителя, поступив в Вологодскую духовную семинарию. Но после ее окончания решил отправиться в Москву, где учился в Петровской земледельческой академии – высшем аграрном учебном заведении России. В академии тогда царили демократические порядки: экзамены сдавать для поступления не требовалось, лекции студент мог слушать по своему желанию, экзамены разрешалось сдавать в любые сроки (курс обучения был три года, но он нередко растягивался на многие годы).

В этом учебном заведении Д.Я. Суровцев оказался в начале 1870-х – в те годы, когда в студенческой среде возникали различные кружки самообразования разворачивалось «хождение в народ». А в Москве центром такого движения стала именно Петровская земледельческая академия. По словам М.Ф. Фроленко, «в Москве стремление "в народ" еще не имело такого бурного характера, как в Питере, и проходило как бы после долгого и более всестороннего рассмотрения. Университет, например Московский совсем мало увлекался. Там больше ко двору пришелся "Вперед" Лаврова. Университанты еще крепко держались за науку. Больше всего дала Петровско-Разумовская академия…»[721].

Не остался в стороне и Дмитрий Яковлевич – в 1874 или 1875 г. он бросил учебу и отправился агитировать в российскую глубинку. Есть сведения, что он вел пропаганду среди крестьян Тотемского и Никольского уезда в 1874 г.[722] Один из его первых биографов – Р. Нестеров писал, что революционную деятельность Д.Я. Суровцев начал в 1874 г. с участия студенческих кружках, затем, «двинувшись в народ», работал среди крестьян Смоленской губернии, позже поступил рабочим на завод в Тульской губернии, но, потерпев там ряд неудач, Дмитрий Яковлевич изменил метод и место работы и поступил работать учителем в Пермской губернии[723].

В феврале 1876 г. в полицию поступило донесение крестьянина Растворова, цехового Виноградова и купеческого племянника Тараканова об образовавшемся в Москве преступном сообществе с целью противоправительственной пропаганды в народе. В числе входивших в это сообщество упоминался и «сельский учитель Суровцев» (а также еще один уроженец Вологодской губернии, учившийся вместе с Д.Я. Суровцевым в Вологодской духовной семинарии и в Петровской земледельческой академии – А.А. Малиновский)[724]. Скорее всего, в первую очередь, за справками обратились в Тотьму.

---

[719] Кузнецов С. О. Дворцы Строгановых. СПб., 1998. Самые известные храмовые постройки Строгановых: Благовещенский собор в Сольвычегодске, церковь Рождества Богородицы в Нижнем Новгороде, Никольский и Спасо-Преображенские соборы в Новом Усолье Пермской губернии, Николаевская церковь в Пыскорском монастыре, – а также Казанский собор, построенный по заказу Павла I, но при деятельном участии и частично на средства А. С. Строганова, а также по проекту его собственного архитектора (по одной из версий – внебрачного сына) А. Н. Воронихина.

[720] На гербе Строгановых помещен девиз: «Земные богатства – Родине, слава – себе!» (Эйриян. Т. Г. Из рода Строгановых: Истории XVI – XIX вв. в лицах Екатеринбург, 2003. С. 3).

[721] *Фроленко М.Ф.* Записки семидесятника. М., 1927. С. 109.

[722] *Михайлов Б.Г.* Демократическое движение в Вологде во второй половине XIX века // Вологда. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994.

[723] *Нестеров Р.* Дмитрий Яковлевич Суровцев // Каторга и ссылка. 1925. № 4. С. 240.

[724] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 395. Л. 27.

Именно этот эпизод, по всей видимости, описан в одном из автобиографических произведений В.Г. Короленко – в то время будущий писатель оказался в ссылке в Тотьме.

«*По другой стороне улицы, представлявшей море жидкой грязи, шел жандарм. В шинели нараспашку, с заломленной фуражкой, он имел вид праздного фланера и беспечно глядел по верхам. Но вдруг взор его как будто случайно упал на нас. Он остановился, приятно пораженный.*

- Ба, господа проезжающие... У нас такая радость заезжие люди... Позвольте побеседовать. Откуда будете? Из Москвы?

Он оглянулся направо и налево, но нигде не было перехода. Тогда он решился и пошел вброд по глубокой грязи, с трудом вытаскивая ноги.

- Так изволите ехать из Москвы? Студент? Петровской академии? Скажите... Как это приятно... У меня там землячок, даже, признаться, родственник: Суровцева не изволите знать? Здоров ли? Что-то давно не пишет.

Мой провожатый делал мне какие-то знаки. Суровцев в это время скрывался, и жандарм «разведывал». Я ответил спокойно:

- Суровцева знаю. Товарищи. Видел его перед самым отъездом. Здоров. Просил кланяться родственникам, если встречу.

- Да не может быть... – изумился жандарм, и глаза его забегали, - Где же он проживает, если вам известно?

- Конечно, известно: проживает в академии, на Выселках, где жил и прежде...

- Обрадовали вы меня... Пойду сейчас жене сказать... Честь имею кланяться. – И он быстро ушел...

- Эх вы-ы, - сказал мой провожатый с выражением крайнего порицания, - зачем сказали? Суровцева-то ищут. На телеграф теперь побежал, телеграмм даст непременно.

Я засмеялся и сказал, что пошутил: Суровцев скрывается, и адрес его неизвестен».

Дмитрий Яковлевич в мае того же года был арестован в Пермской губернии и привлечен к дознанию, открытому по упомянутому выше доносу. В результате дознания министр юстиции пришел к выводу, что он «не только знал и не донес о преступной деятельности некоторых привлеченных к сему делу лиц, но еще в 1874 г. состоял членом противозаконного сообщества» (причем это строилось именно на показаниях Растворова). Поэтому его решили «в административном порядке» выслать «в одну из отдаленных губерний» (август 1877 г.)[725]. Вместе с ним, к слову, был арестован В.А. Балмашев – дворянин Саратовской губернии, отец С.В. Балмашева, будущего убийцы министра внутренних дел Д.С. Сипягина[726]. Валериан Александрович, как и Д.Я. Суровцев, был выслан в Архангельскую губернию[727], и именно там у него родился сын.

Под «противозаконным сообществом», скорее всего, подразумевалось «Большое общество пропаганды» или «кружок чайковцев». Именно участники этого сообщества и занялись в 1874 г. «хождением в народ» и вели пропаганду среди крестьян. Кто-то действовал организовано (участники «кружка чайковцев», возникшего в Санкт-Петербурге и наладившего в 1874 г. связи с соратниками в других городах империи). Кто-то шел практически самостоятельно – среди таких, по всей видимости, и был Д.Я. Суровцев. Всего по этому делу было арестовано несколько тысяч человек (в литературе встречаются разные цифры), и всех их следственные органы решили объединить в одно «сообщество», проходившее по делу «о преступной пропаганде в империи». Но некоторые дела все же рассматривались отдельно.

Административная (внесудебная) ссылка применялась правительством уже не одно десятилетие (наиболее известными примерами являются А.С. Пушкин, А.И. Герцен, Н.И. Огарев), только что политические приговоры такого рода до начала 1860-х годов были единичными случаями. А вот с середины 1860-х они становятся более частными. Такой вид ссылки назначался в тех случаях, когда власти (в первую очередь, министр юстиции, поскольку такие дела в основном проходил через него) не имели оснований для передачи под суд того или иного человека, но при этом считали его пребывание в городе опасным. За административно-ссыльным сохранялись все его сословные права, но место его проживания ограничивалось, а также за ним учреждался надзор полиции. Грубо говоря – человека просто обязывали переехать в другое место. Ехать полагалось за свой счет, но если у ссыльного не было денег, он мог обратиться в полицию и отправиться в ссылку за казенный счет («по этапу») вместе с другими ссыльными и каторжниками.

Конкретное место проживания ссыльному, как правило, назначал губернатор, а по приезде в место ссылки человека знакомили с правилами проживания. До 1882 г., когда было утверждено Положение об административной ссылке, обязанности ссыльных определялись целой серией циркуляров и инструкций, которые, в качестве административных секретов, были недоступны для самих ссыльных. Они знакомились с ними в тот день, когда прибывали в тот город, который был им назначен. «В день прибытия в место ссылки поднадзорному объявлялось (с отобранием подписки), что он не имеет права

[725] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 395. Л. 33.
[726] *Мицкевич С.* Московские революционные кружки 2-й половины 1870-х годов // Каторга и ссылка. 1924. № 4. С. 58.
[727] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 399. Л. 71, 86.

выходить за черту города, что переписка его будет контролироваться исправником, что держать у себя оружие ему воспрещено и что за покушение на побег каковым является выход за городскую черту, он в административном порядке отправлен будет в Якутскую область. Если ссыльный любопытствовал узнать, на основании каких статей закона он ограничен в правах, то получал в ответ, что на этот счет имеются секретные инструкции, каковые в качестве таковых ему, ссыльному, предъявлены быть не могут»[728].

Скорее всего, всю эту процедуру прошел и Дмитрий Яковлевич, когда прибыл в Холмогоры (Архангельская губерния), куда его решили отправить. Жил он там, правда, недолго, и уже в сентябре 1878 г. бежал из ссылки, после чего жил на нелегальном положении. Подробности побега нам, к сожалению, не известны. Отметим только, что сделать это было не сложно – грозные запреты на практике исполнялись далеко не всегда, контроль полиции был, по большей частью, формальным и доставить сложности мог только тому человеку, который решал прекратить антиправительственную деятельность. Из восточной Сибири (в частности, из Якутской области) бежать было практически невозможно из-за отсутствия развитых путей сообщения, но в Архангельской области с этим дело обстояло намного лучше, поэтому ссыльные убегали регулярно.

В одно время с Д.Я. Суровцевым там же жил В.И. Князев – тоже сын священнослужителя, только из Вятской губернии, принимавший участие в работе народнических кружков и несколько раз задерживавшийся полицией в начале 1870-х годов. Каждый раз его отпускали из-за недостатка улик, но при дознании по делу «о преступной пропаганде в империи» это уже не имело значения. В отношении Василия Ивановича были подозрения в том, что он «служил посредником при передаче переписки запрещенного содержания». Сам В.И. Князев это отрицал, поэтому было решено ограничится в отношении него административными мерами[729], и в 1876 г. он оказался в Холмогорах.

А летом 1878 г. туда же приехал П.А. Орлов – сын офицера, происходивший из яицких казаков, включившийся в процесс «хождения в народ» самостоятельно – в 1874 г. организовал столярную мастерскую у себя в Оренбургской губернии, а затем отправился по деревням. То есть он сам, не имея никаких связей с другими кружками сделал все то же самое, что и другие народники. В том же году его арестовали и отправили в Санкт-Петербург, суд признал его невиновным, но министерство внутренних дел решило отправить его в ссылку в Архангельскую губернию. Бежал он очень быстро и, скорее всего, вместе с Д.Я. Суровцевым, но дальше их пути разошлись.

Дмитрий Яковлевич жил в Москве, Крыму, Харькове, работал писцом у нотариуса, писарем на железной дороге. В 1879 г. вынужден был переехать в Воронеж, где устроился в статистический отдел губернского управления, а чуть позже перебрался в Москву, там вместе с Г.Ф. Чернявской стал хозяином подпольной типографии партии «Народная Воля». Весной 1882 г., после того, как был арестован Ю.Н. Богданович и другие члены организации (по сути дела, московская группа оказалась разгромлена)[730], они были вынуждены ухать оттуда.

Г.Ф. Чернявская отправилась в Тифлис, а Дмитрий Яковлевич вернулся в Воронеж, где его вскоре разыскала В.Н. Фигнер, пытавшаяся собрать людей, оставшихся на свободе (в то время была разгромлена и петербургская группа с типографией). Там он, по словам Веры Николаевны, не имел квартиры, жил под открытым небом, «на лоне природы, на берегу реки, днем разводил костер, кипятил воду и варил картошку, а на ночь в непогоду забирался под опрокинутую лодку»[731]. Он сразу откликнулся на ее предложение и приехал в Харьков (в этом городе В.Н. Фигнер жила в то время и сделала его своеобразным «сборным пунктом), затем отправился в Одессу, однако работать там ему пришлось недолго.

По данным полиции, жандармы в декабре 1882 г. обратили внимание на то, что «некоторые лица, известные своей политической неблагонадежностью, имеют частые сношения с бывшим поднадзорным Афанасием Спандони-Басманджи, а этот последний с неизвестным человеком, который в свою очередь водится с лицом, окружающим себя большой таинственностью и тщательно скрывающим свою квартиру»[732]. То есть в данном случае типография была разгромлена в результате тщательной работы полиции, которая смогла проследить всю цепочку.

Афанасий Спандони действительно обеспечивал связь типографии с партийными группами, таинственным лицом был С.Г. Дегаев, которого арестовали. Вместе с ним был задержан и Д.Я. Суровцев, назвавшийся при аресте сыном священника Боголеповым, и еще две женщины, одна из которых оказалась супругой Дегаева, а вторая, как и Д.Я. Суровцев назвалась вымышленным именем, мещанинкой Натальей Фисенко[733]. Далее «Дегаев и жена его при аресте не скрыли своего настоящего имени, но мнимый Боголепов оказался бежавшим в 1878 г. из Холмогор административным ссыльным,

[728] По поводу Положения о полицейском надзоре // Юридический вестник. 1882. № 12. С. 559.
[729] РГИА. Ф. 1405. Оп 521. Д. 393. Л. 62-69.
[730] *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. М., 1964. Т. 1. С. 327.
[731] *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. Т. 1. С. 336.
[732] Дознание о тайной типографии «Народной Воли», обнаруженной в Одессе 19 декабря 1882 г. // Былое. 1907. № 8. С. 290.
[733] Дознание о тайной типографии… С. 291.

сыном священника Дмитрием Суровцевым, а мнимая Фисенко сестрой государственного преступника Ивана Калюжного, купеческой дочерью Мариею Калюжной»[734].

В квартире, кроме типографии (13 пудов шрифта[735]), были обнаружены также «предметы, служившие для изготовления подложных видов, а именно: 32 фальшивых печати, вырезанных на меди, оселках, аспидной доске и гипсовых, три пакета с марками для прописки видов, в некоторых конвертах более ста подлинных подписей должностных лиц от разных документов, с оттисками печатей». В числе книг были почти все издания типографии народнического кружка за последние годы, а также брошюры, изданные «Народной Волей» за границей[736]. А у самого Суровцева в квартире были найдены «два подложных вида на имя сына врача Трухлисского и сына священника Боголепова и третий не вполне оконченный на имя Солонцева, а также фальшивая печать ярославской городской управы, по собственному показанию Суровцева, вырезанная им самим. Кроме того, род дневника, веденного им с 1880 г., заметка, озаглавленная «моментальный типографщик», адрес А.К. в Минусинске Енисейской губернии, означающий оп объяснению, Суровцева, административно-ссыльного Александра Каменского, небольшое количество цианистого калия»[737]. Делать печати Д.Я. Суровцев, по словам Р. Нестерова, научился в то время, когда работал в воронежском земстве[738].

То есть улик было более чем достаточно. Тем не менее, «Дегаев, Суровцев и Спандони отказались от всяких объяснений, но Любовь Дегаева и Мария Калюжная дали весьма обстоятельные, и как кажется, вполне откровенные показания»[739].

Из этих показаний известно, что Д.Я. Суровцев в 1881 г. жил в Москве вместе с Галиной Чернявской, в их квартире помещалась народовольческая типография. В июне 1882 г. Г. Чернявская приехала в Тифлис, где в то время находились С.Г. Дегаев и его супруга (служившие на закавказской железной дороге). Осенью того же года они втроем приехали в Харьков (Г. Чернявская в те месяцы постоянно находилась в разъездах – устанавливала контакты в Харькове, занималась агитацией среди офицеров в Тифлисе и в то же время пристраивала свою дочь Ольгу, коей было полтора года), там они встретились с М. Калюжной и Верой Филипповой. И туда же приехал Д.Я. Суровцев, после чего вся группа отправилась в Одессу, куда прибыли 26 ноября[740].

15 декабря они наши там А.А. Спандони, после чего и занялись организацией типографии[741]. Которая просуществовала, по сути дела, всего несколько дней, поскольку они сразу же оказались под наблюдением полиции.

Вера Филиппова – это Вера Николаевна Фигнер (в то время она жила под фамилией мужа), бесспорный лидер партии на тот момент, и по версии следствия, инициатор организации типографии в Одессе – считалось, что Дегаевы, Суровцев и М. Калюжная приехали в Одессу по ее поручению[742].

В материалах дознания встречается еще один любопытный документ – по этому же делу был арестован 23-летний студент Харьковского ветеринарного института Алексей Александрович Васильев. Задержан он был в связи с тем, что при обнаружении в Харькове типографии был найден «формулярный список некоего Шацкого, и дознанием было выяснено, что по этому документу Суровцев вступил в брак с Анастасией Осинской, а на брачном векселе в числе поручителей была подпись Васильева»[743].

Дочь генерал-майора Анастасия Осинская была хозяйкой типографии в Харькове, которую полиция обнаружила в июне 1883 г., после чего А. Осинскую привлекли к этому же делу (она скончалась во время следствия в Доме предварительного заключения в Санкт-Петербурге)[744]. По всей видимости, первоначально предполагалось, что Дмитрий Яковлевич вместе с А. Осинской будет работать в харьковской типографии (напомним, что он из Москвы отправился именно в Харьков), но затем что-то переиграли, точнее, посчитали, что в Одессе он будет нужнее. В Харькове в то время жил Ф.В. Крылов, обустроивший (тоже по поручению В.Н. Фгнер) в этом городе конспиративную квартиру, и именно в ней и разместили типографию[745].

В заключении в Одессе он пробыл недолго – в начале 1883 г. его отправили в столицу, и с 10 февраля по 12 июня он находился в Тюрьме Трубецкого бастиона Санкт-Петербургской крепости, затем последовал перевод в Дом предварительного заключения, а с 2 ноября 1883 г. по 22 сентября 1884 г. снова пребывал в одной из камер «Русской Бастилии»[746].

---

[734] Дознание о тайной типографии… С. 291.
[735] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 416. Л. 51 и об.
[736] Дознание о тайной типографии… С. 291-292.
[737] Дознание о тайной типографии… С. 292.
[738] *Нестеров Р.* Дмитрий Яковлевич Суровцев // Каторга и ссылка. 1925. № 4. С. 240-241.
[739] Дознание о тайной типографии… С. 292.
[740] Дознание о тайной типографии… С. 292-294.
[741] Дознание о тайной типографии… С. 294.
[742] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 416. Л. 51 и об.
[743] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 416. Л. 92 и об.
[744] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 416. Л. 52 и об.
[745] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 428. Л. 297.
[746] РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 567. Л. 13 об., 22, 38 об.; Д. 568. Л. 9, 57 об., 62 об.; Д. 622.Л. 4-22.

Дознание, к которому был привлечен Дмитрий Яковлевич, главным образом, было связано с военной организацией партии Народная Воля. И в то же время к нему привлекли тех членов партии, которые скрылись от преследования в предыдущие годы. Во вступительной части доклада министра юстиции императору отмечалось: «При производстве в 1880, 1881 и 1882 гг. дознаний о тайном противозаконном сообществе, именующемся партией Народной Воли и террористической фракции русской социально-революционной партии, обнаружены были указания на участие в его преступной деятельности лиц, скрывшихся от преследования. Розыски, направленные к проверке и разъяснению этих указаний, имели своим последствием задержание некоторых известных уже соучастников прежде совершенных и своевременно расследованных преступлений, а также обнаружение новых членов сообщества и раскрытие дальнейших проявлений его деятельности»[747]. И дело о них объединили с расследованием о военных кружках, которое получило наименование «дознания о преступной деятельности руководителей революционного сообщества вообще и в частности об организации противоправительственных кружков в войсках»[748].

Всего к дознанию было привлечено 142 человека, 14 из них были переданы военному суду: В.Н.Фигнер, Д.Я. Суровцев, А.А. Спандони, А.И. Немоловский, Л.В. Чемоданова, В.Г. Иванов, В.И. Чуйков, А.П. Тихонович, Л.А. Волкенштейн, Н.М. Рогачев, А.П. Штромберг, Н.Д. Похитонов, М.Ю. Ашенбреннер, И.П. Ювачев. Судьбу остальных (в том числе и М. В. Калюжной) решили в административном порядке, С.Г. Дегаев смог сбежать из Одесского тюремного замка.

Собственно военных среди судившихся было всего пятеро, и в целом процесс получился скомканным. В частности Л.А. Волкенштейн обвинялась в соучастии в покушении на харьковского губернатора в 1879 г.[749], В.Н. Фигнер в вину ставили многое (жандармы уже знали практически все о ее деятельности), А.П. Тихоновичу – содействие в побеге В.Г. Иванова из тюрьмы в Киеве, а остальных судили за работу в типографиях в Харькове и Одессе. Среди них был и Дмитрий Яковлевич.

О том, как проходили заседания суда, сведений практически не сохранилось – стенографического отчета не велось, сохранились лишь «записки для памяти чиновников Департамента полиции». Из них следует, что основное внимание уделялось военным, о Д.Я. Суровцеве есть лишь скупые упоминания о том, что он сам отвергал свою принадлежность к какой-либо революционной партии, а его адвокат доказывал, что он «социалист, но не террорист». Но так как Дмитрий Яковлевич работал в типографии, то Санкт-Петербургский военно-окружной суд приговорил его к 15 годам каторжных работ[750].

После суда Д.Я. Суровцев 12 дней находился в уже упоминавшейся Тюрьме Трубецкого бастиона (как и другие, осужденные по этому делу) и 16 октября 1884 г. был отправлен в Шлиссельбургскую крепость[751], которая в то время являлась одной из основных (и наиболее суровой) каторжных тюрем в России. Там оказывались те революционеры, которых правительство стремилось полностью изолировать – крепость находилась на острове, бежать из нее было невозможно, в отличие от сибирских каторжных тюрем.

В ней Дмитрий Яковлевич, по воспоминаниям В.Н. Фигнер, «летом занимался преимущественно огородничеством, которое очень любил, и выращивал превосходные овощи, а зимой много работал в столярной мастерской и в области физического труда выказывал значительную техническую ловкость. Кроме него, никто не делал таких красивых ложек, ножей и вилок из пальмового дерева, какими он нас снабжал в то время, когда металлических орудий этого рода нам не давали»[752].

В 1896 г. он попал под амнистию (в связи с коронацией императора Николая II), срок каторги ему был немного сокращен, и Д.Я. Суровцев был отправлен в ссылку в Средне-Колымск (Якутская губерния). Там Дмитрий Яковлевич тоже занимался сельским хозяйством, завел парники и огород, наладил выращивание капусты и картофеля (что до него никому в том крае не удавалось).

В октябре 1905 г., в ходе первой российской революции, была, как известно, объявлена амнистия политическим заключенным, коснувшаяся и Д.Я. Суровцева – ему разрешили вернуться в европейскую часть страны и жить свободно. Дмитрий Яковлевич решил отправиться в Херсон, однако там не прижился и в 1911 г. приехал в Тотьму, поселившись в помещении прачечной. В то время он обрабатывал огород одной вдовы старшего офицера и смог заработать денег на покупку небольшого участка с маленьким домиком.

От активной революционной деятельности он отошел, да и возможности для нее в Тотьме не было. В марте 1912 г. Д.Я. Суровцев писал Рыбакову: «Здесь в Тотьме как будто заметно если и неверное понимание меня и дела, так, по крайней мере, более сердечное отношение ко мне… Может быть, здесь в

[747] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 416. Л. 49 и об.
[748] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 416. Л. 49 об. - 50.
[749] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 416. Л. 64 и об.
[750] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 428. Л. 299.
[751] РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 789. Л. 103.
[752] *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. Т. 2. С. 121-122.

Тотьме нет социалистов или революционеров, но здесь нет и черносотенцев, и погромщиков. Вообще на юге, и в частности в Херсоне, острее чувствуются нелады в русской жизни, как на севере»[753].

Революция 1917 г. не внесла в его жизнь никаких изменений, он по-прежнему жил в своем домике и, по словам В.Н. Фигнер, испытывал крайнюю нужду. С 1922 г. он стал поучать продовольственный паек через органы Наркомата продовольствия, а затем и денежную помощь от Общества политкаторжан, но все это раздавал сиротам, оставляя себе самый необходимый минимум[754]. Постепенно перенесенные невзгоды стали сказываться, в декабре 1924 г. Дмитрий Яковлевич заболел и 3 марта 1925 г. скончался.

Похоронен он был 5 марта «при небывалом скоплении вольных граждан гор. Тотьмы, крестьян из окрестных деревень – стариков и детей, с участием профсоюзной, партийной, комсомольской и пионерской организаций и воинскими почестями – на пригородном кладбище отдан трудящимися последний долг борцу-народовольцу»[755].

Столбова В.П. (Санкт-Петербург)

КАМЕНОТЕС САМСОН СУХАНОВ – СТРОИТЕЛЬ МОСТОВ

Санкт-Петербург часто называют городом мостов или «Северной Венецией». Город находится в дельте Невы и пронизан сетью множества речек, рукавов и каналов, через которые перекинуто более 800 мостов. Городские мосты, сочетая в себе высокое инженерное и архитектурное искусство, наряду с дворцами, соборами и площадями создают неповторимый облик северной столицы. В первой половине XIX века в создании шести старинных мостов в Санкт-Петербурге и его окрестностях участвовал каменотес и подрядчик Самсон Суханов. Каждый из этих мостов имел свои уникальную конструкцию и декоративное оформление. Архивы раскрывают немало интересных фактов об истории их строительства и вкладе знаменитого каменотеса.

На строительство первого в своей жизни моста Суханов, вероятно, был приглашен архитектором А.Н. Воронихиным, с которым он работал при сооружении Казанского собора и Горного института. Архитектором были разработаны проект и смета постройки каменного Пиль-башенного моста через реку Славянку в Павловском парке. Согласно проекту, он должен быть наведен на месте старого, ветхого деревянного моста с декоративным мельничным водяным колесом над небольшой запрудой. Название мосту дала Пиль-башня – садовый павильон-бельведер в виде круглой средневековой башни с конусовидной соломенной крышей, построенный на левом берегу Славянки в 1797 г. В. Бренной[756].

Новый каменный однопролетный мост был возведен по проекту А.Н. Воронихина в 1807–1808 гг. под руководством каменных дел мастера К. Висконти. Красивая пологая арка моста опиралась на высокие, выступающие в речку береговые устои. Мост украшен ажурной чугунной решеткой. При строительстве моста были использованы «тосненская плита» – для цоколя, «черницкий камень» – для сводов, «пудовский камень» – для четырех тумб и гранит – для восьми «надолбов». В ведомостях на оплату каменных работ записано, что Суханов летом 1808 г. производил «теску черницкого камня, кладку онаго на место с подливкою на извести и крепление в каждую штуку скобами пиронами и заливание оных свинцом». Его «щет» составил 2975 рублей, из расчета за каждую погонную сажень – 5 рублей[757]. Заработанные им здесь 2500 рублей послужили залогом при заключении им контракта на отделку Казанского собора[758]. По литературным данным боковые стороны каменного моста были облицованы пудостским камнем[759].

В дальнейшем, мост, плотина и башня неоднократно ремонтировались. В 1944 г. фашисты при отступлении взорвали мост и повредили Пиль-башню. Они восстановлены в 1960–1970 гг. Новое пролетное строение моста было создано из монолитного железобетона и снаружи облицовано гранитом, береговые устои – путиловским известняком[760]. Последняя реставрация проводилась в 2014 г. Были укреплены береговые устои моста и облицованы путиловским известняком, воссозданы отбойные тумбы и отреставрирована гранитная облицовка пролета.

В 1811–1812 гг. Самсон Суханов подрядился на возведение береговых устоев Каменноостровского моста через Малую Невку в Санкт-Петербурге. Мост, соединивший Аптекарский и Каменный острова, был сооружен на месте прежнего наплавного моста на плашкоутах по проекту инженера генерала

---

[753] *Рыбаков И.* Некоторые мелочи о Д. Я. Суровцеве // Каторга и ссылка. 1928. № 8-9. С. 247.
[754] *Нестеров Р.* Дмитрий Яковлевич Суровцев // Каторга и ссылка. 1925. № 4. С. 242.
[755] *Нестеров Р.* Дмитрий Яковлевич Суровцев // Каторга и ссылка. 1925. № 4. С. 240.
[756] Памятники архитектуры пригородов Ленинграда. – Л., 1983. – С. 244.
[757] РГИА. – Ф. 493. – Оп. 2. – Д. 5749. – Л. 49 об., 66 об.
[758] РГИА. – Ф. 817. – Оп. 1. – Д. 685. – Л. 7.
[759] Королев Е.В., Ольховая Е.А. Природный камень – украшение дворцово-паркового ансамбля Павловска. // Минерал. – СПб., 2012. – № 1. – С. 52.
[760] Там же. – С. 52.

А.А. Бетанкура в 1811–1813 гг. В честь его современники называли мост «Бетанкуровским». Новый постоянный мост деревянной арочной конструкции с мощными каменными береговыми опорами стал образцом для будущих мостов России. Производителями работ были инженеры А.Д. Готман и С.О. Пантелеев. Мост на свайных опорах имел семь пролетов. Арки моста сделаны из «деревянных брусьев, связанных зубьями». Его каменные береговые устои на свайных основаниях были облицованы гранитом артелью Самсона Суханова. Длина его между береговыми устоями – 70 сажень 2 фута[761]. 30 июня 1813 г. Бетанкур докладывает императору: «Строение моста у Каменного острова не было ничем прерываемо. Работа сия в таком теперь состоянии, что, как я надеюсь, будет совершенно окончена в конце сентября месяца. Лед не причинил никакого вреда… Я смело могу уверять, что сия работа, начатая перед глазами Вашего Императорского Величества, совершенная во всех частях одними русскими, …не могла бы лучше и дешевле быть сделана ни в какой части Европы»[762]. Мост был открыт раньше намеченного срока – 30 августа 1813 г. – торжественным проездом императрицы Елизаветы Алексеевны[763]. Бетанкуровский мост простоял около 46 лет (рекордный срок для деревянных конструкций).

В 1833 г. была проведена реконструкция по проекту П.П. Базена, в результате которой деревянные свайные опоры укреплены чугунными муфтами и поверх них установлены чугунные капители. В 1859 г. обветшавшие арочные конструкции заменены на балочные, подкосной системы, выполненные по проекту инженера А.И. Штукенберга. Этот деревянный семипролетный мост простоял еще почти сто лет. С начала XX века он стал называться Каменноостровским. В 1953–1955 гг. на его месте был сооружен новый металлический пятипролетный мост балочной системы, с разводным пролетом посередине (по проекту П.А. Арешева и В.С. Васильковского)[764]. В 1999 г. проводился капитальный ремонт моста.

В 1818 г. С.К. Суханов со своей артелью участвует в строительстве Синего моста в Санкт-Петербурге. Синий мост через реку Мойку расположен в створе Вознесенского проспекта. Название мосту дано по синему цвету его окраски. Первая переправа на этом месте представляла из себя узкий однопролетный деревянный разводной мост. На рубеже XVIII и XIX веков он перестроен в деревянный трёхпролётный на каменных опорах. В 1817 г. архитектор В.И. Гесте составил смету на строительство по «образцовому» проекту нового Синего моста – однопролетного арочного чугунного моста. Арочный свод моста собирался из чугунных тюбингов – полых ящиков, скрепленных между собой болтами, и опирался на каменные береговые устои с гранитной облицовкой.

Строительство моста началось в начале 1818 г. В январе, феврале и марте проходили торги среди подрядчиков на поставку камня и исполнение «гранитных работ». 8 и 11 марта Гесте подает рапорты в Департамент Государственного хозяйства и публичных зданий о том, что на последние торги явились мещане Шихин, Аввакумов, Шишкин, поверенный купца Жданова и купец 3-ей гильдии Суханов. Несмотря на уступки в цене камня со стороны других подрядчиков, Гесте отдает предпочтение Суханову, который «человек известный по производству таковых работ и имеет в наличности немалое количество стенового камня, что подает надежду, что гранитные работы могут быть окончены сего же года»[765].

12 марта 1818 г. Самсон Суханов дал «Подписку», в которой обязался взять на себя «поставку потребного для построения Синего чугунного моста гранитного камня и производство всех по оному мосту гранитных работ по плану и по показанию Архитектора, коему поручена постройка Моста, моими (от авт. – своими) рабочими людьми и инструментами с надлежащею тескою и подливом камня, кроме бута и материалов для подлива, кои остаются казенные, за пятьдесят три тысячи шестьсот восемьдесят восемь рублей». В эти работы входило: вытесать и уложить в стены стеновой камень – от 100 до 118 кв. сажень, изготовить кардону, каждая штука длиною «не короче двух аршин» – 32 пог. сажени, 4 кубические тумбы, лещадки на пешеходы – 40 кв. сажень, упорные камни для чугунных ящиков – 38 пог. сажень, 4 штуки для отделения пешеходов с круглыми по концами тумбами, 4 пирамиды вышиною в четыре аршина четыре вершка, 4 базы при них вышиною в двенадцать вершков, 4 отводные пушки. «Цвет гранита должен соответствовать цвету берега Мойки, и весь сей камень должен быть положен лучшего сорта»; швы везде должны быть тонкие и чистые без околотых углов; «лицевая наковка была бы мелкая и чистая, сходственная с построенными уже мостами». К подливу камня в первом ряду Суханов должен приступить 15-го мая и довести гранитную работу под арку к 10-му числу июля, а окончить к 10-му октября 1818 г.[766]. 3 апреля 1818 г. архитектор рапортует, что «Суханов представил 50 пашпортов принятых им каменотесцев, с коими приступил уже к обтеске наличного у него для моста сего камня»[767]. В мае Суханова поджидали непредвиденные трудности. В Кронштадте было задержано его судно «Святой Михаил», нагруженное «диким камнем» для Синего моста из-за того, что, согласно

[761] Мосты и набережные Ленинграда. Фотоальбом. – Л., 1991. – С. 16–17; Щусев П.В. Мосты и их архитектура. – М., 1953. – С. 241.
[762] РГИА. – Ф. 471. – Оп. 1. – Д. 367. – Л. 3–4.
[763] Пушкарев И.И. Путеводитель по Санкт-Петербургу и окрестностям его. – СПб., 1843. – С. 98.
[764] Мосты Санкт-Петербурга. – СПб., 2002. – С. 64.
[765] РГИА. – Ф. 1285. – Оп. 8. – Д. 1022. – Ч. 1. – Л. 140, 142–143, 144 об., 147, 148–148 об.
[766] Там же. – Л. 148–149.
[767] Там же. – Л. 165.

рапорту военного губернатора адмирала фон Моллера, «конопать во время зимней стоянки на мели ослабела, и судно может дать большую течь». Неоднократно Суханов обращается в Департамент с просьбой отправить судно в Санкт-Петербург «на свой страх»[768]. Из-за этих обстоятельств принятые на себя обязательства уложить ряды камня для установления чугунной арки к 10 июля 1818 г. Суханов выполнить не смог, что затормозило другие работы по мосту. Поэтому он вышел с просьбой дать ему 10000 рублей для умножения числа рабочих людей, чтобы ускорить постройку»[769]. Его просьба была удовлетворена, а 24 августа Суханов в «подписке» обязался «прибавить наймом знающих каменотесцев в пополнение 100 человек, вместо отданных мне (от авт. – ему) г. архитектором Гесте заболевших…»[770]. Однако мастер все равно не успевал закончить все работы к назначенному сроку – 10 ноября. Поэтому вместо гранитных пирамид было решено установить временные деревянные, поставить их на каменные пьедесталы и закрепить на них фонари[771]. Проезд по мосту открылся 20 ноября 1818 г. Весной 1819 г. Сухановым деревянные пирамиды были заменены каменными[772].

Построенный Синий чугунный мост был шириной 41 м и длиной 32 м. Тротуары от проезжей части отделяли гранитные тумбы с простой металлической оградой. Ночью он освещался фонарями, подвешенными на 4 гранитных обелисках («пирамидах»), размещенных по углам моста. В первой половине XIX века мост дважды расширяли (при укреплении берегов р. Мойки и при строительстве Мариинского дворца), в результате его ширина достигла современных размеров. Сейчас Синий мост является самым широким мостом в городе – его ширина (97,3 метра) почти в 3 раза превышает длину (35 м). В конце XIX века гранитные обелиски были заменены чугунными столбами с фонарями. В 1929–1930 гг. из-за угрозы обрушения моста чугунный свод из тюбингов заменили железобетонным. В 1971 г. рядом с мостом по проекту В.А. Петрова был установлен гранитный столб-футшток с отметками уровней воды во время самых крупных наводнений в городе, в том числе самого страшного 1824 г., свидетелем которого был Самсон Суханов. В 2002, 2014 гг. были проведены капитальный ремонт моста и реставрация декора.

В 1823 г. Суханов работал на устроении Большого цепного моста через р. Фонтанку у Летнего сада в створе Пантелеймоновской улицы. В начале XVIII века здесь был лодочный перевоз. Позднее на его месте был построен деревянный мост-акведук, по которому производилась подача воды для фонтанов. После разрушения его наводнением 1777 г. здесь вновь была устроена лодочная переправа[773]. «Проэкт» постоянного висячего большепролетного транспортного моста через Фонтанку на этом месте, разработанный инженером В. фон Третером, был рассмотрен и одобрен 8 июня 1823 г.[774]. Строительными работами руководил инженер-майор В.А. Христианович. Первые торги на каменные работы при береговых устоях проводились 24 августа 1823 г. В рапорте Экономического комитета по работам в Санкт-Петербурге старшему инспектору инженеру Л.Л. Карбоньеру 31 июля доложено: «На производство каменной гранитной работы при построении цепного чрез Фонтанку моста, происходившим чрез публикацию в Ведомостях, желающих никого не явилось. Почему Комитет в необходимости нашелся приискивать таковых из известных здесь мастеров и просил о содействии в сем случае Гоф Маклера и Агента казенных дел. Вследствие чего купец Шихин и купец Суханов, хоть и изъявили желание принять оные работы, но по предъявлении им полученных от Г. Инженера Полковника Третера условий, никак не хотели согласиться, и, хотя Комитет во внимании крайней необходимости допустил некоторые в условиях перемены, однако ж за всем тем купец Шихин от торга отказался, а купец Суханов по многим убеждениям согласился наконец…»[775]. На переторжке 29 и 31 августа те же подрядчики отказались от всякого торга на гранитные работы при цепном мосте, сделав только уступку за заделку 4-х устьев уничтожаемых каналов при Инженерном замке в 2 тысячи рублей. Суханов же при объявлении ему этой уступки, хотел было от всего отказаться, но Комитет его уговорил его на свои условия[776].

Контракт на «гранитные работы по мосту и заделке устьев в уничтожаемых каналах» был заключен с Самсоном Сухановым 3 сентября 1823 г. Согласно документу, подрядчик обязался «построить при цепном мосте из старых тесаных гранитных камней шестидесяти квадратных сажень стен с лица; двадцать четыре сажени карниза; двадцать квадратных сажень тротуара; поставить восемь новых пьедесталов круглых и угольных, и переправить вновь шестнадцать старых пьедесталов с постановлением опять на места», а также заделать четыре «устья в уничтожаемых каналах» старым камнем, выломанным из тех же каналов, с положением по поверхности кордонов и тротуаров. Суханов

[768] Там же. – Л. 218, 235, 253.
[769] РГИА. – Ф. 1285. – Оп. 8. – Д. 1023. – Ч. 2. – Л. 15–15 об., 18, 19–19 об., 20.
[770] Там же. – Л. 95.
[771] Там же. – Л. 198.
[772] РГИА. – Ф. 1285. – Оп. 8. – Д. 1023а. – Приложение. – Л. 5 об.
[773] Антонов Б.И. Мосты Санкт-Петербурга. – СПб., 2002. – С. 67.
[774] Мосты и набережные... – С. 17.
[775] РГИА. – Ф. 206. – Оп. 1. – Д. 497. – Л. 172.
[776] Там же. – Л. 235–237.

обещал «кончить устроение обоих мостовых устоев до карнизов непременно к первому, а карнизы, тротуары и пьедесталы к пятому числу октября мца сего года»[777]. В обеспечение казны Суханов представил в залог только «пашпорты» ста пятидесяти каменотесов и принадлежащий ему гранитный камень, заготовленный в устье реки Пряжки счетом двести пятьдесят «штук» с 4-мя гранитными колоннами. Из-за срочности работы временами порой на стройке трудились более 200 каменотесов. Для сбережения казны и ускорения работ на кладку стен береговых устоев, карнизы и тротуары пошел гранитный камень, выломанный из набережной реки Фонтанки и при разборке каналов, окружавших Инженерный замок. Все ряды стен устоев предварительно собирались по детальным планам на «подкладинах» из досок и скреплялись пиронами (короткими вертикальными стержнями). Затем их перетаскивали, укладывали, заливали известью и скрепляли скобами. Строительство устоев было завершено к назначенному сроку, но это стоило больших убытков подрядчику. После расплаты с каменотесами у Суханова остались долги на сумму около 2000 р. (размер его уступки за заделку устьев каналов)[778].

Открытие моста было приурочено к возвращению императора Александра I из поездки на Уральские заводы и состоялось 4 ноября 1824 г. «Прочность моста доказана была 4 числа сего ноября, когда множество людей по освящении вдруг вступило на мост и наполняло беспрестанно оный в течение нескольких часов»[779]. А через три дня случилось самое крупное и разрушительное наводнение за всю историю города. Невская вода поднялась на 13 футов и 7 дюймов (на 4 м 21 см). Однако береговые устои выдержали испытание стихией, мост лишь незначительно пострадал от наводнения; уже 13 ноября инженер Третер докладывал Главнокомандующему путями сообщения герцогу Виртембергскому о том, что «исправление большого цепного моста окончено и проход для пешеходцев открыт со вчерашнего дня»[780]. На освидетельствовании моста в декабре 1824 г. «Комиссия для рассматривания дел построениям разных зданий, смет и проэктов» нашла, что «обтеска гранитных камней для надводных частей береговых устоев употребленных, произведена довольно чисто и швы имеют достаточную плотность…»[781].

Уникальный мост стал первым висячим мостом в России и Европе, предназначенным для «экипажей и пешеходов». По окончании его строительства мост был назван Пантелеймоновским по находящейся недалеко церкви святого Пантелеймона[782]. Новый мост одним пролетом длиной 43 м соединил берега Фонтанки. На береговых гранитных устоях, выступавших в реку на 7 сажень, 2 фута и 5 дюймов (около 16 м), с каждой стороны реки были установлены высокие ажурные порталы, богато декорированные в духе обрамлений входов в древнеегипетские храмы. Каждый из них состоял из пяти шестиметровых суживающихся к верху чугунных колонн, увенчанных единым фризом и карнизом. Два центральных въезда для гужевого транспорта оформлены полуциркульными, а боковые проходы для пешеходов – стрельчатыми арками с большими фонарями. Через порталы сквозь пасти львов на фризах были перекинуты пять рядов несущих массивных цепей со звеньями длиной 1,5 м из уральского круглого железа. Концы цепей были «заанкарены» в каменной кладке устоев. К цепям было подвешено с помощью вертикальных прутьев – струн пролетное строение из железных балок с двойным настилом из сосновых досок. За изящную воздушную конструкцию современники называли мост «эоловой арфой» или «струнным органом»[783]. Пантелеймоновский цепной мост прослужил более восьмидесяти лет. В 1906 г. он был демонтирован из-за обрушения 20 января 1905 г. Египетского моста через Мойку аналогичной конструкции. В 1907–1908 гг. мост был заменён новым однопролётным мостом стальной арочной конструкции по проекту Л.А. Ильина и А.П. Пшеницкого. С уничтожением самого романтического моста у Летнего сада это излюбленное место петербуржцев утратило былое очарование.

В 1824 г. Самсон Суханов подрядился на гранитные работы при возведении «пловучего» Суворовского (ныне Троицкого) моста через Неву, соединившего Суворовскую площадь напротив Марсова поля и Троицкую площадь на Петербургской стороне. Наплавной Суворовский мост состоял из 32 плашкоутов – деревянных плоскодонных барок и каменных береговых устоев. «Вдоль их бортов поперек моста вертикально поставлены брусья, на которых положены другие горизонтально вдоль моста, с подпорками с обеих сторон; плашкоуты связаны между собой также брусьями, на которых настлан помост»[784]. Это был самый длинный плашкоутный мост в Петербурге – около 250 сажень в длину (525 м). Строительство моста началось с возведения левобережного устоя в 1824 г. 25 июля 1824 г. в Совете путей сообщения был рассмотрен и одобрен проект инженера-майора В.П. Лебедева по построению первого берегового устоя напротив памятника генералиссимусу Суворову, с прилагаемой

[777] Там же. – Л. 330–333.
[778] РГИА. – Ф. 206. – Оп. 1. – Д. 498. – Л. 15.
[779] РГИА. – Ф. 206. – Оп. 1. – Д. 554. – Л. 211 об.
[780] Там же. – Л. 195.
[781] РГИА. – Ф. 206. – Оп. 1. – Д. 591. – Л. 236.
[782] Там же. – Л. 272.
[783] Мосты и набережные... – С. 17.
[784] О мостах в Петербурге. // Художественная газета. – СПб., 1840. – №20. – С. 6–7.

сметою на сумму 61 722 рублей[785]. В июле уже были начаты работы по устроению первого берегового устоя[786]. На проведенных торгах на производство гранитных работ по прошлогодним ценам никто, кроме купца 2-ой гильдии Самсона Суханова, не согласился, и 20 августа 1824 г. с ним был заключен контракт. На постройку пошел камень, «бывший в деле», оставшийся от выломки из стен уничтоженных рвов вокруг Инженерного замка, а также при разборке набережной. Построение устоя должно было быть окончено к концу лета, в пять недель. На стройке работало до 150 каменотесов. За всю работу Суханову было выдано 17865 рублей 79 ½ коп.[787]. Левобережный устой был готов 19 ноября 1824 г.

На торгах зимой 1825 г. на построение второго правобережного устоя Экономический Комитет вновь «соглашал купца Суханова взять по прошлогодним ценам, который, отзываясь понесенными убытками, на сие никак не согласился»[788]. Заработанной суммы ему едва хватило для расплаты с нанятыми каменотесами.

Строительство моста было завершено в 1828 г. Тогда он и получил название Троицкого. Береговые устои были облицованы гранитом. На них были установлены чугунные решетки и фонарные столбы в виде пучка пик, украшенные двумя щитами со скрещенными мечами и увенчанные сидящим на венке двуглавым орлом[789].

Плашкоутный Троицкий мост служил на протяжении 70-ти лет. Однако мост разводился осенью перед ледоставом и наводился весной после ледохода, а город нуждался в постоянной переправе. В 1903 г. к двухсотлетию Санкт-Петербурга на месте плашкоутного моста был открыт новый постоянный мост, построенный по проекту фирмы «Батиньоль». Береговые устои с гранитной облицовкой старого моста были разобраны, а чугунные фонарные столбы и решетки перенесены на набережную против Петропавловской крепости и Иоанновский мост через Кронверкский проток. Новый мост состоял из 5 постоянных металлических пролетов в русловой части, двукрылого разводного пролета у левого берега Невы и трехпролетной эстакады в виде гранитных арок на правом берегу. Въезд на мост со стороны Марсова поля подчёркивали две ростральные колонны-обелиски. Во время реконструкции в 1965–1967 гг. двукрылый разводной пролёт заменили новым однокрылым, а опору, в которой был размещен разводной механизм, соединили с береговым устоем на левом берегу Невы[790]. В 2001–2003 гг. к трехсотлетию города, был осуществлен капитальный ремонт моста, восстановлены элементы декора с «царской» символикой.

Последний мост, построенный с участием Суханова, – «Мост на колоннах» в г. Шлиссельбурге, ныне называемый Петровским мостом. Он был сооружен в 1824–1832 гг. в старом устье Ладожского канала при реконструкции шлюзового бассейна, пришедшего к тому времени «в ветхость». Проект двухпролетного моста на гранитных колоннах, составленный известными инженерами П.П. Базеном и Н.И. Богдановым, был утвержден Советом путей сообщения 22 мая 1824 г.[791]. Он предусматривал постройку моста с двумя береговыми опорами, включавшими каждая по 4 полуколонны и 4 колонны; русловой опорой с 8 колоннами и деревянным пролетным строением, состоящим из двух разводных полотен. Комиссией по построению Шлиссельбургских шлюзов были назначены торги на 9, 11, 12 и переторжку на 13 и 14 августа 1824 г. «на поставку колонн, полуколонн, пьедесталей и под береговые колонны лещадок». На торги пригласили «особым объявлением известных сего дела промышленников». На первых торгах для уменьшения издержек торговцам предложили поставку гранитных колонн, составленных из небольших «штук» размером от 5 до 6 футов длины. Однако подрядчики, принявшие участие в торгах, объявили, что они «смогут поставить цельные колонны, нежели составные и с большей для казны уступкою, объясняя, что в ломке больших камней они особого затруднения не находят, но что главная издержка состоит в обделке колонн, которая при составных колоннах многосложная и затруднительная»[792]. По первоначальному проекту предполагалось изготовить 24 тычка для оформления береговых устоев моста, но вместо них Суханов предложил вытесать 8 цельных полуколонн[793].

Согласно кондициям подрядчики обязаны были поставить для построения моста: цельные гранитные колонны- 8 к среднему устою моста, каждая длиною в 16 футов, диаметром в основании в 3 фута 4 дюйма, в верхней части в 2 фута 2 дюйма и 8 колонн для береговых устоев длиною каждая не менее 11 футов, диаметром в основании в 3 фута, в верхней части в 2 фута 2 дюйма); для 8 полуколонн в береговых устоях 24 гранитные штуки «каждая шириною с лица в 3 фута, вышиною в 3 фута, в заусенках

[785] РГИА. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 231. – Л. 389.
[786] РГИА. – Ф. 206. – Оп. 1. – Д. 590. – Л. 64.
[787] РГИА. – Ф. 206. – Оп. 1. – Д. 500. – Л. 207.
[788] РГИА. – Ф. 206. – Оп. 1. – Д. 590. – Л. 82.
[789] Антонов Б.И. Указ. соч. – С. 23–24.
[790] Там же. – С. 27–29.
[791] Штатнова М.А. Памятники Ладожского канала // Памятники техники. 1990. М., 1992. С. 54.
[792] РГИА. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 232. – Л. 113, 419 об.
[793] РГИА. – Ф. 206. – Оп. 1. – Д. 482. – Л. 13–13 об.; РГИА. – Ф. 206. – Оп. 1. – Д. 483. – Л. 54–55 об.; РГИА. – Ф. 206. – Оп. 1. – Д. 516. – Л. 159 об.; Штатнова М.А. Указ. соч. – С. 55.

1 аршин»; «Для пьедесталей под колоны среднего устоя под каждую колону по одной гранитной штуке со всех сторон величиною в 5 футов»; «Под основание 8 колон при береговых устоях лещадок 8 штук квадратной меры, каждая в 5 футов, толщиною в 1½ фута»[794].

Кондициями также предусматривалось, что все гранитные колонны, полуколонны и прочие «гранитные штуки» будут вытесаны из «камня крепкого слоя, мелкосыпного и одинакового красноватого цвета, без всяких трещин и отколотых углов». Колонны и полуколонны «должны быть по шаблонам и по рисунку во всей правильности вытесаны…, должны быть самой чистой тески с отменно чистой наковкою», со специальными вырубами и отверстиями в местах крепления чугунных капителей в верхней части стволов и «под одной дыре для пиронов» в основании колонн и полуколонн. Лещадные камни под береговые колонны и пьедесталы «должны быть вытесаны правильно со всех сторон по наугольнику», в обыкновенную теску.

На окончательной 24-часовой переторжке 14 августа 1824 г. последняя цена за все количество гранита с обделкою, доставкою и выгрузкою на место 29800 руб. осталась за купцом Сухановым[795]. Другие торговцы (купец Молчанов и поверенный Терентия Ульяшева) от торга отказались. Комиссия нашла последние цены Суханова на все количество гранитных штук «весьма умеренными и для казны выгодными». На бывших торгах в местном Губернском правлении за одни только колонны и полуколонны сумма составляла 90 000 рублей. Контракт с Самсоном Сухановым был заключен 28 августа 1824 г., а 31 августа того же года Суханов подает прошение о принятии ему в товарищество купца Григорьева[796]. Согласно контракту Суханов обязался поставить половину колонн из гранита до закрытия судоходства в 1824 г., а вторую половину к 1 июня 1825 г.

Мост был открыт в 1832 г. – в год 100-летнего юбилея Ладожского канала и предназначен для пропуска конных повозок и пешеходов в двух направлениях. Конструкция моста, выполненная в стиле классицизма, с опорами в виде монолитных гранитных колонн дорического ордера не имела аналогов в Европе. Описывая модель моста современник Н. Соколов отмечал: «Мост этот замечателен своею легкостию, красотою и значительностию пролетов… и замечателен прекрасными монолитными колоннами из гранита»[797]. В 1984–1991 гг. во время реставрации моста были залечены выбоины на колонн, появившиеся в результате обстрелов во годы войны, и заделаны трещины, образовавшиеся в результате эксплуатации[798].

Мост на колоннах или Петровский мост – это единственный из шести мостов, построенных с участием Суханова, который сохранился до нашего времени в первоначальном виде (Рис. 1. Петровский мост в г. Шлиссельбурге. Фото Н.В. Лобановой, 2016 г.). Последний мост знаменитого каменотеса вошел в историю как уникальный памятник гидротехники первой половины XIX века.

Теуш О. А. (Екатеринбург)

НАСЛЕДИЕ В. И. ПОНОМАРЕВА КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В. И. Пономарев, филолог, выпускник Варшавского университета, был сыном городского головы г. Лальска (теперь – поселок городского типа в Кировской области). Его наследие содержит фольклорные, лингвистические, этнографические и исторические материалы, собранные в конце XIX – начале XX вв. как им самим, так и его отцом И. С. Пономаревым. Материалы разделены по географическому критерию на два комплекса текстов (лальские и тотемские), но связаны с единой историко-культурной зоной, которую условно можно назвать великоустюжской.

Архив содержит документы семьи, биографии, деловую и личную переписку (в том числе, переписку с Академией Наук), фотографии членов семьи, г. Лальска и его окрестностей, г. Тотьмы и окрестностей, тексты газетных статей (и выписки из них), посвященных г. Лальску и г. Тотьме, членам семьи, конспекты статей и книг по истории народного театра и истории Севера. Основная часть архива – фольклорно-историческая – включает в себя народную драму «Царь Максимильян», народную комедию «Лодка» (с описанием особенностей исполнения), тексты духовных стихов, которые распевались при обряде «хождения с вертепом» (с описанием обряда), «Язык любви», былину-коляду «Сокол-корабль», былину «Илья Муромец», сказки «Глиндышек» и «Машка-светлоглазка», песню «Сказать ли вам,

[794] РГИА. – Ф. 206. – Оп. 1. – Д. 482. – Л. 16–18.
[795] РГИА. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 232. – Л. 113, 419 об.
[796] Штатнова М.А. Указ. соч. – С. 55; РГИА. – Ф. 206. – Оп. 1. – Д.483. – Л. 58.
[797] Соколов Н.М. Описание моделей Музеума Института Корпуса инженеров путей сообщения / Сост. Н. Соколов. – СПб.: Тип. Р. Голике, 1862. – С. 35.
[798] Романчук В.Э., Снятков С.В., Шабловский Е.А. Научно-исследовательские работы при реконструкции Петровского моста через Староладожский канал в городе Петрокрепость. // Совершенствование методов расчета и исследование новых типов железобетонных конструкций: межвузовский тематический сборник трудов. – СПб.,1993. – С. 84–85.

братцы», стихотворения и песни, распевавшиеся лальской молодежью в 1900-е и 1910-е годы, дублеты, прибаутки. Тотемский архив содержит описания свадеб (с. Демьяново и с. Кокшеньга Тотемского уезда), историческую песню об Иване Васильевиче Грозном и Мамстрюке Мамстрюковиче, лирические и исторические песни, сказки «Махмет-царевич», «Три сестры», «Горошина», «Иван, крестьянский сын», «Иван-дурак», «Как солдат царевну спас», записанные в местных вариантах,, частушки и другие материалы малых форм (заговоры, детские металки-считалки, прибаутки и др.).

В настоящий момент мы проводим филологическую обработку этих материалов с целью их дальнейшего издания.

В. И. Пономарев, – преподаватель русского языка и литературы, фольклорист, – почти всю свою жизнь посвятил педагогической деятельности и собиранию фольклорных и этнографических сведений на территории современных Вологодской и Кировской областей[799]. Разнообразные материалы довольно объемного архива до сих пор так и не были изданы, несмотря на свою уникальность и содержательность.

В. И. Пономарев родился 12 ноября (по старому стилю) 1889 года в заштатном городе Лальске Велико-Устюжского уезда Вологодской губернии[800] (ныне поселке городского типа Кировской области) в семье из одиннадцати человек. Его отец, Пономарев Иван Степанович, происходивший из купцов Лальска, был местным общественным деятелем и краеведом. По окончании уездного училища в Великом Устюге он с 13 лет и до конца дней состоял на службе Лальском городском самоуправлении, в том числе, в должности городского головы в последние 26 лет. Иван Пономарев печатался в местной прессе, «Вологодских губернских ведомостях» и «Вологодских епархиальных ведомостях», а также является автором труда «Сборник материалов для истории города Лальска Вологодской губернии»[801], предполагавшегося в двух томах, однако второй том не был написан по причине смерти. Мать Валериана Ивановича занималась домашним хозяйством[802]. По свидетельству справки об избирательном праве[803], известно, что имущественное положение родителей в Лальске состояло из двухэтажного дома с 16-ю комнатами, двумя кухнями, тремя прихожими, часть которых сдавалась. Это обстоятельство стало причиной разбирательств между властями и семьей Пономаревых, закончившихся присвоением дома в пользу Комчасти Лальского райисполкома, в частности, потому что суд счел, что использование части дома под «склады книг», «противоречит правилам использования жилой площади»[804].

Начальное образование В. И. Пономарев получил дома, затем учился в Вологодской и Великоустюжской школах, однако так и не получил среднего образования, так как в 1907 году был уволен из средней школы за участие в революционных социал-демократических ученических кружках. В том же году он сдал экзамен на звание народного учителя и преподавал в земской школе, а в 1910 году экстерном сдал экзамен на получение среднего образования[805] и поступил в Варшавский университет на историко-филологический факультет, который окончил в 1914 году[806].

В 1911 году В. И. Пономарев был признан совершенно не способным к военной службе и был бессрочно освобожден от нее[807]. Тем не менее, по свидетельству «Протокола Заседания Велико-Устюжского Уездного по воинской повинности Присутствия 1914 года», В. И. Пономарев, будучи студентом Императорского Варшавского Университета, подавал прошение на принятие его на службу в 30-й пехотный Полтавский полк на правах вольноопределяющегося, в чем ему также отказали, сославшись на «неимение законных оснований»[808].

Пройдя путь от должности простого преподавателя до директора Тотемского училища Вологодской губернии, ставшего объединенной школой[809], в 1919 году В. И. Пономарев был вынужден оставить педагогическую деятельность. По официальной версии, прописанной в медицинской справке, причиной была сердечная болезнь[810]. Однако, по словам внука В. И. Пономарева[811], он оставил преподавание не по причине болезни, а потому, что его предупредили о проведении проверки по социальному происхождению в среде преподавателей школ, в результате которой люди с

---

[799] Настоящая статья написана по материалам личного архива В. И. Пономарева (документы, личные записи, статьи, заметки), который в настоящий момент принадлежит его правнуку А. В. Теушу.

[800] Выпись из метрической книги. Часть первая. О родившихся за 1889 год. Выдана причтом Лальского Воскресенского Собора Вологодской епархии 24 октября 1907 г.

[801] И. Пономарев. Сборник материалов для истории города Лальска Вологодской губернии. Т. 1. С 1570 по 1800 год. В.-Устюг, 1897.

[802] Сведения о родителях приводятся по: В.И. Пономарев. Иван Степанович Пономарев. Биография (1849 – 1916 гг.). Свердловск, 1969. Рукопись.

[803] Справка № 04/67 от 22 июля 1935 г., выд. Лальским фабричным поселковым советом.

[804] Решение Народного суда 1 участка Лальского района от 21 января 1931 г.

[805] В. И. Пономарев. Автобиография. Свердловск, 1936. Рукопись.

[806] Свидетельство Совета Императорского Варшавского Университета № 9372 о присвоении звания Действительного студента, выд. 27 января 1917 г.

[807] Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности № 1532, выд. Велико-Устюгским Уездным по воинской повинности Присутствием 18 июня 1914 г.

[808] Протокол Заседания Велико-Устюжского Уездного по воинской повинности Присутствия от 2 мая 1914 г.

[809] Трудовой список В. И. Пономарева, № 946.

[810] Медицинское свидетельство, выд. 3 июля 1919 г., г. Тотьма, врач Ф. Андропов.

[811] Валериан Николаевич Теуш, проживает в г. Екатеринбург.

нежелательным происхождением могли быть арестованы и принудительно уволены. Купеческое происхождение отца после Октябрьской революции стало сказываться на всей семье и надолго вызвало боязнь репрессий. Справку о болезни В. И. Пономареву помог сделать знакомый врач, и поэтому увольнение выглядело как увольнение по собственному желанию.

Долгий период В. И. Пономарев работал в советских и кооперативных учреждениях, в основном, в качестве экономиста по промышленности: в Совнархозе, Легпроме и Местпроме[812]. Затем вновь возобновились гонения: брат Сергей был заключен в тюрьму, откуда его освободили только через год. Сам же Валериан Иванович был вызван на допрос, но заключения удалось избежать благодаря следователю, который рекомендовал председателю Совнархоза В. И. Пономарева как выдающегося работника, после чего последний был отпущен. В своих записях Валериан Иванович упоминал о том, что в будущем еще «вспыхивали очаги недоверия по отношению к его семье, но только в Лальске, а в Кирове же было совсем другое отношение»[813]. В течение 1928–1929 учебного года, относительно спокойного, он успел оказаться в очаге желанной деятельности, проработав это время, хотя и по совместительству, преподавателем в Великоустюжской средней школе им. А. В. Луначарского. В 1930 году ему пришлось уехать в Свердловск, где он работал экономистом по промышленности[814]. Вся семья в это же время предусмотрительно разъехалась по тем местам, где о них ничего не знали[815].

Окончательная остановка в вынужденной перемене мест жизни и профессиональной деятельности была сделана в 1936 году, когда В. И. Пономарев возвратился к преподаванию уже с двадцатипятилетним стажем, в том числе восьмилетним стажем педагогической работы. Он устроился преподавателем литературы в школу № 94 Октябрьского района города Свердловска, где проработал до 1945 года, когда был переведен в Свердловский городской институт усовершенствования учителей, а в 1949 году также был назначен по совместительству преподавателем русского языка и литературы в семилетнюю школу № 3 Ленинского района города Свердловска[816].

В течение всей жизни В. И. Пономарев писал статьи, в основном, посвященные г. Тотьме и г. Лальску. Он очень ценил прошлое своей родины и, будучи далеко от нее – на Урале, старался осветить историю родины как можно шире, что выразилось и в пристрастии к собиранию фольклора, архивных и исторических материалов.

Интерес В. И. Пономарева к истории Лальска объясняется богатым прошлым города. Лальские купцы в числе первых попали в конце XVIII века в Китай: лальский купчина гостиной сотни И. П. Саватеев три раза ездил в Китай, два раза из которых были с государевой казной – пушниной – при Петре I. Причиной расцвета Лальска стал тот факт, что город оказался на перекрестке двух важнейших путей из центра России: в Архангельск и в Сибирь. Из-за непогоды торговые люди иногда по месяцу задерживались в Лальске. В результате местные жители постепенно втягивались в торговлю сначала в качестве приказчиков, агентов крупных фирм, а потом стали разворачивать собственные торговые операции. Затем, после того как был проложен новый путь в Китай через Казань, Лальск оказался в стороне от большой дороги, и торговля была значительно ослаблена. Из недавно преобразованного в уездный город Лальск снова в конце XVIII века превратился в посад, и только во второй половине XIX века стал оживать[817]. Как сообщает В. И. Пономарев, в этом расцвете города и, в частности, народного образования, большую роль сыграл его отец[818]. Дед Валериана Ивановича, Степан Григорьевич Пономарев, был в то время купцом, вел торговые дела и одновременно был представителем Лальской бумажной фабрики. Эти занятия стали причиной его многочисленных разъездов по России, что сыграло большую роль в его взгляде на обучение: он, вопреки сложившемуся тогда мнению о первостепенной значимости торгового дела, отправил своего сына Ивана Степановича Пономарева в Устюжское училище, после окончания которого он уже слыл «ученым человеком». Как пишет В. И. Пономарев, именно от отца «увлечение краеведением передалось и нам, его детям, особенно мне».

Фольклорно-собирательная деятельность, интерес к которой пошел от отца, привлекла В. И. Пономарева в двадцатилетнем возрасте. Все началось с того, что в 1909 году его отец Иван Степанович попросил переложить на ноты мелодию духовных стихов, которые распевались в Лальске на святках при «хождении с вертепом» – старинном местном обычае. При знании особенностей обряда и исполнения стихов вместе с представлением об элементарной теории музыки и фортепианной клавиатуре В. И. Пономареву не стоило большого труда положить на ноты несложную мелодию. После выполнения этого «отеческого задания» он принял решение записывать тексты произведений местного устного народного творчества и навсегда оказался связан с фольклором. В тот момент этому особенно способствовало преподавание в недрах фольклорного первоисточника – крестьянства – в деревне недалеко от Лальска.

---

[812] Трудовой список В. И. Пономарева, № 946; В. И. Пономарев. Автобиография. Свердловск, 1936. Рукопись.
[813] Из личных записей В. И. Пономарева.
[814] Трудовой список В. И. Пономарева, № 946.
[815] По личным записям В. И. Пономарева.
[816] Трудовой список В. И. Пономарева, № 946.
[817] См.: В. И. Пономарев. К 400-летию Лальска // Кировская правда. № 210. 08. 09. 1970.
[818] Из рукописного наследия В. И. Пономарева.

Записью текстов заинтересовались и братья, и сестры, проживавшие в разных районах центральной части бывшей Вологодской губернии.

В университетские годы вынужденный разрыв с деревней восполнялся активным собирательским периодом во время летних каникул. В 1915-1919 гг. В. И. Пономарев начал работать преподавателем в городе Тотьме в Тотемском реальном училище. Валериан Иванович, не желая терять связи с крестьянским фольклором, стал членом Тотемского отдела Вологодского общества изучения Северного края, а впоследствии оказался членом комитета Тотемского отдела. Это значительно облегчило работу с фольклором. Осенью 1915 года он организовал при реальном училище, в котором преподавал, ученический кружок изучения родного края. В уставе кружка были прописаны основные положения его работы, которые не могли не предвосхитить значительное расширение будущего архива: «Кружок имеет целью изучать Вологодскую, а отчасти и смежные с нею губернии, в отношении историко-археологическом, географическом, этнографическом, естественнонаучном, экономическом и культурном»[819]. На работу кружка требовалось разрешение попечителя учебного Петроградского округа, которое ожидалось в течение всего учебного года, которое, однако, не было получено. Сохранился список учащихся, состоявших в 1915-1919 гг. в кружке по изучению родного края: в списке указаны фамилии 62 учеников, описаны материалы, представленные каждым из них, указан объем этих материалов и время записи. Собранный в 1915-1919 гг. материал (более трех тысяч частушек, 85 песен, 6 сказок, одна историческая песня про царя Ивана Грозного, описание двух крестьянских свадеб) не удалось издать в сборнике, а кружок, призванный открывать новые перспективы в собирательской деятельности, прекратил существование на фоне политических событий 1917 года и их последствий.

Работая в Тотьме, В. И. Пономарев, однако, не прерывал связь с Лальском, бывая там во время летних каникул и активно собирая частушки с братьями и сестрами. Когда три брата ушли на фронт в связи с началом Первой мировой войны, запись частушек прекратилась. Тогда Валериан Иванович обратился к другим жанрам фольклора, бытовавшим в Тотьме и в Лальске, в частности, к пьесам, разыгрываемым на святках и являющим общую русскую традицию (были записаны в различных вариантах народная драма «Царь Максимильян» и народная комедия «Лодка»), а также к фольклорному репертуару обряда «хождения с вертепом»: в Тотьме были собраны тексты духовных стихов, пение которых происходило при «хождении с вертепом».

После 1919 года, когда была оставлена на долгое время педагогическая деятельность, В. И. Пономарев почти не возвращался к фольклору. Однако в этот период было собрано огромное количество материала, который владелец частично отправлял в архив Пушкинского дома, так и не позаботившегося об издании, хотя в одном из ответных писем говорилось: «Очень хотелось бы думать, что коллекция Ваших материалов будет стоять в недалеком будущем рядом с коллекциями М. В. Красноженовой, Е. Э. Линевой, М. К. Азадовского и других»[820]. 1-4 декабря 1919 г. В. И. Пономаревым было создано описание кустарного производства решет и сит в Успенской волости (одной из тотемских волостей) с предложением оказать поддержку этому виду кустарной деятельности и в городе Тотьме. В это же время – в 1919 г. – создается описание лесных угодий Тотемского уезда, которое представляет собой ценный исторический источник.

Обобщением собирательской и исследовательской деятельности В. И. Пономарева стали рукописи двух книг: «История Лальска в конце XIX – начале XX вв.» (содержит разделы «Золотой век в истории Лальска», «Торговые операции Лальска», «Научная деятельность в Лальске», «Театр в Лальске», «Клубы в Лальске» и др.) и «Дореволюционное устное народное творчество на севере России». Книги не были изданы в связи со смертью автора.

Имея такой богатый и ценный архив, В. И. Пономарев так и не смог добиться его издания. Многие рукописные тексты он вручную перепечатывал, что теперь позволяет исследователям сократить трудоемкость обработки архива. Собранное наследие представляет большой интерес для науки и истории региона. Личность В. И. Пономарева значима для истории культуры всего Вятского края.

На рубеже XIX – XX вв. г. Лальск снова пережил маленькую эпоху расцвета. Эти годы связаны с именем И. С. Пономарева. В 1890 г. он стал городским головой. Человек из купеческого сословия, умный, образованный и энергичный, он сразу приступил к осуществлению своей мечты: создать в Лальске сеть учебных заведений наравне с уездными городами губернии. До этого в 1740 г. в Лальске было открыто малое духовное училище, в котором обучались дети духовенства; затем в 1787 г. открылось народное училище, которое из-за отсутствия средств было закрыто. Лишь в 1834 г. была основана начальная школа для мальчиков, а в 1880 г. – начальная школа для девочек. В результате усилий И. С. Пономарева в начале XX в. в городе были открыты мужское и женское начальные училища, четырехклассное городское училище для мальчиков и женская прогимназия, что сопоставимо с состоянием образования в Вологде и Великом Устюге. Благодаря стараниям И. С. Пономарева в здании Земской Управы была открыта

[819] Из рукописного наследия В. И. Пономарева.
[820] Переписка с сотрудниками Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, 1953–1969 гг. (Архив В.И. Пономарева).

городская библиотека, которая в настоящее время носит его имя, а также земская библиотека при больнице. Открылось почтовое отделение, а позже и телеграф.

И. С. Пономарёв вошел в историю города не только как городской староста, но в первую очередь как исследователь, историк города и края, который сумел собрать уникальный исторический, географический, этнографический и фольклорный материал. Его «Сборник материалов для истории города Лальска» был издан в 1897 г. в Великом Устюге[821].

Фазлуллин С.М. (Москва)

РЕЧНОЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОЙ РАВНИНЫ

Божьи дороги. В нашем представлении о развитии цивилизации, начиная с древнейших времен, водное пространство играло одно из основных факторов. Наряду с обретением огня, приручением животных, строительством домов, изобретением колеса, - начало использования рек, озер и морей стало важным этапом развития человечества. Все великие государства древности сложились на берегах знаменитых рек: Нил, Тигр, Евфрат, Инд, Ганг, Хуанхэ, Янцзы. В дальнейшем цивилизация стала спускаться к морям и включать в свою сферу морские побережья.[822]

Водное пространство становилось фактором, который позволил начать развиваться процессам обмена произведенными вещами, что в дальнейшем привело к становлению системы речной и морской торговли. Географический фактор становился определяющим в формировании цивилизаций. В условиях относительной изолированности народов, формировались свои цивилизационные пространства. Этот фактор явился причиной развития всего многообразия национальных и региональных культур, которое в дальнейшем стало нескончаемым источником развития современных региональных и глобальных цивилизационных процессов. [823]

В восточной части Европы в пределах Русской равнины, начиная с 4-5 веко н.э., начала формироваться своя цивилизация. В фундаменте этой цивилизации лежит сплав и сотрудничество финно-угорских, славянских, тюркских народов. Достаточно изолированное географическое пространство, освоенные с древности речные торговые пути, которые соединяли территории как в направлении юг-север, так и направление восток-запад. В рамках этой цивилизации ещё в раннем средневековье сложился русский менталитет и каркас экономической деятельности, отличный от сопредельных территорий.[824]

Русская равнина в раннем средневековье была территорией, по большей части покрытой непроходимыми лесами. В центральной части этой равнины после последнего оледенения сложилась речная система, которая несла воды в бассейны Белого, Балтийского и Каспийского, Азовского и Черного морей. Сложная гидрологическая система стала основой формирования разнообразных речных путей, которые на водоразделах соединялись волоками. Всё это позволяло с раннего средневековья совершать дальние путешествия из одного моря в другое, а реки, при этом, нередко называли Божьими дорогами. Причем эти дороги использовали большую часть года. По открытой воде ходили суда, а зимой по льду передвигались на санях. При выходе в степную зону, реки становились ещё и географическими ориентирами для движения вдоль их берегов верхом или на повозках.

Речное наследие. Термин «наследие» в научном обиходе появился относительно недавно. По большей части этому способствовал процесс осмысления утрат Мировых войн и попыток предложить обществу стратегию отношения ко всему тому, что, подразумевается, как цивилизация. В этом смысле наследие является частью достижений человечества, которое ни при каких условиях не должно быть утрачено, даже если утраты будут заменяться на более совершенные, более поздние достижения.

Термин в первую очередь стал появляться в англоязычной научной среде, постепенно обрастая различными прилагательными. Пожалуй, впервые на международном уровне термин «наследие» был использован в тексте Гаагской конвенции ЮНЕСКО 1954 года «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта».[825] Однако в отечественном научном обороте этот термин ещё достаточно долго не использовался. Переломным стал 1972 год, когда была принята историческая конвенция ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия». Это дало мощнейший толчок для разработки понятия наследия в различных аспектах. Постепенно этот термин стал проникать и в сферу

[821] Пономарев И. С. Сборник материалов для истории города Лальска Вологодской губернии. Том первый с 1570 по 1800 год. В.-Устюг, 1897.
[822] Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки (географическая теория прогресса и социального развития) // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. №2 С.122-124.
[823] Тойбни А. Дж. Постижение истории: сборник: пер. с англ. М., 1991. С.
[824] Трофимов В. К. Цивилизации как локальные культурно-исторические типы общества и цивилизационная принадлежность России // Теория и практика общественного развития. 2012. №6 С.15-17.
[825] Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия: конвенции, протоколы, резолюции, рекомендации. М., 2002. С.

государственного управления, уточняя национальные законодательства. Останавливаться на этом смысла нет, так как в отечественной литературе стали появляться материалы, касающиеся анализа понятия наследия.[826] [827] Важным, при этом, является то обстоятельство, что специалисты различных сфер увидели существенный потенциал в понятии наследие и стали его использовать в самых разных сферах. Параллельно специалисты ЮНЕСКО разрабатывали свои направления, связанные с наследием. Сложилась целая система конвенций ЮНЕСКО, посвященных наследию. В 2001 году была принята конвенция «Об охране подводного культурного наследия»; в 2003 году была принята Конвенция «О защите нематериального культурного наследия»; в 2005 году конвенция «Об охране и поощрении разнообразия и форм культурного самовыражения.

Учитывая имеющуюся информацию, всё многообразие термина наследия можно представить следующим образом:

-всё наследие делится на культурное и природное;

-культурное наследие делят на материальное и нематериальное;

-в свою очередь материальное наследие делится на движимое и недвижимое.

Несмотря на уже устойчивое использование термина наследие, его содержательная часть (семантическое наполнение) порой меняется от автора к автору. Это в определенной степени зависит от того, какой аспект наследия рассматривается автором: философский, культурологический, искусствоведческий, рекреационный, географический, социальный и т.д. Ситуация усложняется тогда, когда исследователи пытаются в одном тексте рассматривать различные грани сложного культурного явления.

Весь набор трудностей для типизации объектов наследия относится и к такому понятию, как «речное наследие». Описание различных аспектов взаимодействия человека с речными системами обязательно приводит к необходимости периодически рассматривать вопросы морского наследия, а изучая и то, и другое, сталкиваешься с необходимостью учитывать особенности подводного культурного наследия. Рассматривая историческую связь человека с водными пространствами и его цивилизационного пути при этом, естественным образом формируется конструкция Морское-речное-подводное культурное наследие. К сожалению, общепринятого термина для этого круга научных интересов одного термина не подобрано, поэтому в дальнейшем в тексте я буду использовать аббревиатуру ВИН (водное историко-культурное наследие). В случае необходимости уточнять вид наследия, мы будем в данной статье говорить о МИН (морском), РИН (речном) и ПИН (подводном) историко-культурном наследии. А в каких-то вопросах, скорее всего, будет необходимо рассматривать единое Водное историко-культурное наследие, как интегральную совокупность трёх предыдущих частей.

Для России крайне важно понимать, что, начиная с раннего средневековья в процессе формирования русской цивилизации (точнее, интегральной цивилизации различных народов, проживавших в пределах Русской равнины), практически по всей территории Русской равнины сложилась система бытования, которая в существенной части формировалась вдоль рек. Составные части достижения этой цивилизации отразились в системе эксплуатации природных ресурсов, формировании торговых путей и их обеспечении, положении населенных пунктов и крепостей. Относительное изолированное развитие русской цивилизации определило и формирование субэтносов, и возникновение специфических групп населения, тесно связанных с рекой, и своеобразие культурного и этнографического фона. До момента формирования сети сухопутных дорог основные характеристики бытования распространялись в пределах одной речной системы. Это приводило к тому, что на более поздних этапах исторического развития территории, этнографический состав территории становился намного сложнее, чем территории, привязанные к лесостепи и степи.

Исходя из вышесказанного, в настоящей работе под речным историко-культурным наследием автор понимает **сложившуюся в бассейне реки систему бытования, базирующуюся на географических условиях и историческом контексте, которая имеет важное культурное, историческое и цивилизационное значение.**

Вопросы речного историко-культурного наследия. Как было введено, речное историко-культурное наследие, затрагивает различные стороны бытования в пределах реки и тяготеет территориально к той части бассейна, где масштабы и скорости культурных и торговых взаимодействий будут наибольшими. Как правило, это реки первого и второго, реже третьего порядка. Для каждого такого пространства формируются вопросы, требующие научного исследования. Далее будут приведены наиболее типичные вопросы, которые по мнению автора характерны для любой речной системы.

1. Состав и численность населения в бассейне реки. Его расовый состав. Свайные поселения. Экономическая система хозяйствования. Рыболовство. Традиции и верования. Система

[826] Климов Л. А. Культурное наследие как система // Вопросы музеологии. 2011. №1 С.42-46.

[827] Курьянова Т. С. Культурное наследие: смысловое поле и практика // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2011. №2 С. 12-18.

социальной организации. Пространственная эволюция этих характеристик и влияние на них исторических процессов.

2. Формирование торговых путей в пределах речной системы. Судоходство и его навигационное обеспечение. Судостроение. Организация транзита. Волоки. Таможенные правила и пункты. Обустройство торгового пути портовыми сооружениями, речными вокзалами, каналами, мостами, паромными переправами, шлюзами (платинами), причалами и складами. Конфликты интересов и их преодоление.
3. Река как оборонительный рубеж. Система крепостей и оборонительных линий. Сражения, приуроченные к рекам.
4. Историко-культурное наследие реки как объект истории, археологии, музеологии и краеведения. Сложившиеся культурные ландшафты.
5. Нематериальная культура населения, живущего по берегам рек. Фольклор. Традиционные ремесла. Река, как объект искусства.
6. Рекреационный потенциал речного историко-культурного наследия.
7. РИН и вопросы урбанизации. Экологическое состояние территории водосбора. Речной фасад города. Архитектура в системе речного наследия.
8. РИН в областях строительства плотин. Затопленные участки водохранилищ с ушедшими под воду населенными пунктами. Способы актуализации утраченных прибрежных территорий.
9. Музеи реки и историко-культурная деятельность в её бассейне. Мемориальные комплексы.

Вопросы изучения и сохранения РИН активно рассматриваются в странах Евросоюза. Проблемы морского и речного культурного наследия обсуждались в октябре 2000 года на заседании Парламентской Ассамблее Европы (ПАСЕ). Был представлен доклад, в котором отмечалось текущее состояние этого наследия, проговаривались потенциальные риски для стран, связанные с развитием морской и речной активности. При этом, в докладе морское и речное наследие рассматривается неразрывно и не сводится к охране затонувших судов или каких-то исторических участков. Было показано, что авторы озабочены перспективой утраты ряда объектов промышленной и технологической инфраструктуры, вышедшие из употребления сооружения доков и гаваней, прибрежные укрепления, маяки, дамбы и молы, рыболовецкие ловушки и рыбацкие поселки, суда, срок службы которых уже закончился, но которые могут быть сохранены в первозданном виде или даже в рабочем состоянии для частного или общественного использования в коммерческих, развлекательных или образовательных целях. Было принято решение обратить внимание правительств европейских стран на изучение и сохранение объектов морского и речного историко-культурного наследия, как способ укрепления европейской идентичности.[828]

Методы изучения и фиксации объектов РИН. Объекты РИН по своей природе достаточно разнообразны. Их фиксация и изучение представляют сложную в методическом отношении, задачу. Решая эту задачу, приходится постоянно помнить о комплексном подходе к изучению РИН. В основу изучения РИН лежит метод формирования и анализа географических информационных систем (ГИС). Основу ГИС составляет топографическая основа, привязанная к координатной сетки, на которую послойно могут выноситься различные характеристики из сформированной базы данных. Собственно, исследования РИН сводится к анализу визуализированных баз данных.[829] [830]

Основой первичной географической информации может служить фотограмметрическая съемка, проводимая с портативных автономных аппаратов. Такие аппараты за последние несколько лет на порядок уменьшили затраты на полевое обеспечение и, по ряду задач, начинают конкурировать с космическими снимками.

Достаточно непросто получать социально-экономические характеристики населённых пунктов и структуры населения. Проблема в основном сводится к тому, что статистические данные не соответствуют действительности и их требуется получать в рамках собственных экспедиционных исследований. К таким материалам относятся структура населения, экономические характеристики населенных пунктов, экологическое состояние территории, и т.д. Наиболее оптимальным подходом оптимизации таких исследований является мотивация муниципальных администраций и местных краеведов. Полезно при этом опираться и на профильных учителей местных школ, для которых получаемые материалы могут быть использованы в работе со школьниками по научному проектированию.

---

[828] Филин П. А. Проблемы изучения и сохранения морского наследия России. // Материалы Первой научно-практической конференции, С-Петербург, 27-30 октября 2010 г. Калининград, 2010. С.

[829] Немтинов В. А., Манаенков А. М., Морозов В. В. Технология создания пространственных моделей территориально распределенных объектов с использованием геоинформационных систем // Информационные технологии. № 8, 2008, С. 23–25.

[830] Немтинов В.А., Морозов В.В., Манаенков А.М. Виртуальное моделирование объектов культурно-исторического наследия с использованием ГИС-технологий. // Вестник ТГТУ. 2011. Том 17. № 3. С. 709-714

При изучении культурных ландшафтов, материалы, полученные с беспилотных аппаратов, могут быть дополнены панорамными снимками. Особенно это важно при изучении речного фасада населенного пункта.

Достаточно затратными являются работы по поиску объектов ПИН на дне реки. Объекты ПИН на дне реки можно рассматривать как капсулы времени, которые сохраняют сведения об объекте и его владельцах в момент попадания плавсредства на дно реки. Следует отметить, что до недавнего времени в основу большинства традиционных технологий, обеспечивающих подводные археологические исследования, было положено использование дайвинга и фототелевизионных средств. В определенных случаях альтернативу им могут составить телеуправляемые и автономные подводные аппараты. Наиболее перспективными акваториями для поиска объектов ПИН являются акватории близ населенных пунктов и речные пороги и перекаты, где плавсредства могли разбиваться.

При проведении инструментальных методов поиска объектов ПИН чаще всего в современной практике используют следующие методы: акустические, магнитометрические и методы электромагнитного зондирования (геолокатор).

Однако эффективность использования таких технологий существенно снижается в акваториях рек из-за малой прозрачности водной среды, даже если объекты поиска находятся на поверхности дна. В то же время возможности современной гидроакустической аппаратуры, широко представленной на рынке, позволяют обнаружить и идентифицировать практически любые объекты, лежащие на поверхности дна, хотя это и может потребовать больших затрат времени и финансов, которыми могут не иметь подводные археологи.

В случае же, если объекты поиска оказываются под слоем осадков, их обнаружение может оказаться затруднительным даже при использовании самых современных специализированных средств. Следует отметить, что применение любых технологий при проведении подводных археологических исследований в настоящее время невозможно без применения спутниковых и подводных навигационных средств. Перечень всех указанных средств включает гидролокаторы бокового обзора (ГБО), фазовые ГБО, интерферометры, мультибимы, акустические профилографы, магнитометры и металлодетекторы.[831]

Таблица 1. Технические средства подводных археологических исследований.

Технические средства	Назначение
Сонары (гидролокаторы бокового обзора, фазовые гидролокаторы, мультибимы ит.п.)	Объекты на поверхности дна
Акустические профилографы	Поддонные объекты
Георадары	Поддонные объекты
Металлодетекторы и магнитометры	Металлические объекты
ПТА типа «Гном» с ТВ -камерами	Визуальный мониторинг
Дайвинг	Визуальный мониторинг
Спутниковые навигационные системы	Позиционирование объектов на водной поверхности
Подводные навигационные системы	Позиционирование подводных объектов

Специфика поиска и исследования объектов подводного культурного наследия предполагает, что при их поиске, идентификации и мониторинге может оказаться необходимым применение не только современных технических средств, но их специализированных модификаций. Для минимизации проблем, связанных с высокой стоимостью современных технических средств и необходимостью привлечения квалифицированных кадров, предлагается использовать схему консорциума из заинтересованных субъектов. В качестве примера такого консорциума успешно опробована структура, включающая Кафедру музеологии РГГУ, НПП «Транскор», Конфедерацию подводной деятельности России и НПП «Форт XXI».[832]

[831] Сычев В.А., Римский-Корсаков Н.А. Перспективные направления разработки и применения гидроакустических средств для поиска, идентификации, обследования и мониторинга ППОО // Проблемы прогнозирования чрезвычайных ситуаций. М., 2010. С. 188-202.

[832] Дунчевская С. В., Сычев В. А., Фазлуллин С. М. Современные методы поиска и фиксации объектов подводного культурного наследия. // Юридические и методические вопросы изучения и сохранения подводного культурного наследия: Сборник статей. М., 2012. С. 199-208

Формирование и развитие РИН Русской равнины в допетровское время. Русская равнина является гигантской территорией, на просторах которой происходили великие исторические процессы, приведшие к формированию русской речной цивилизации. Изучая речное историко-культурное наследие крайне важно очертить границы территории, в пределах которой предстоит собирать и обобщать разнородный материал. Для автора ясно, что в первую очередь необходимо рассматривать крупные речные системы, ставшие транзитными путями. Для нас, пожалуй, самой важной речной системой остается бассейн реки Волги. Из крупных рек бассейна Каспийского моря следует также рассматривать реку Урал. Для Балтики такими реками будут Неман, Западная Двина, Нарва и Нева, Свирь, Волхов. Для Белого моря - это Северная Двина и Онега. В 20-ом веке сложился путь Беломор-Балтийского канала, который соединил Онежское озеро с Белым морем. Для Азово-Черноморского бассейна несомненно важнейшими будут являться Дон, Днепр, Буг и Днестр.

Изучение ПИН Русской равнины до настоящего времени проводилось в части изучения археологического наследия или исследования истории эволюции торговли на этой территории. К сожалению, комплексный анализ речного культурного наследия при этом не делался. Задачи, которые рассматривались в статье П. А. Филина[833] упоминают РИН в контексте исследования морского историко-культурного наследия. Такое положение дел кажется несправедливым по отношению к Великой речной цивилизации, которая складывалась на Русской равнине в течении столетий и была трансформирована под напором новых технологических решений «чугунки» (железнодорожный транспорт) и развитии сети автомобильных дорог.

План исследования РИН Русской равнины, с нашей точки зрения, должен базироваться на изучении эволюции речной торговли и военно-политической активности на территории. Для определения перспективных мест, в которых можно ожидать находки в реках объектов ПИН, был проведен соответствующий анализ.[834] Ниже изложены его тезисные положения.

Торговые речные пути начали прокладываться через территорию Русской равнины уже тогда, когда стали складываться рынки потребления – Хазарский каганат, Волжская Болгария, родоплеменные союзы на территории современной Центральной и северо-западной части Русской равнины и в бассейне Балтийского моря. Включение жителей этих территорий в международную торговлю и формирование военной культуры вооруженного сопровождения средневековых купцов послужило созданию устойчивого потока товаров из бассейнов Каспийского и Чёрного морей.

Существует большое количество исторических свидетельств, подтвержденных археологическими находками, что первым товаром, который стал значимым в торговле с Европой через реки Русской равнины стало арабское серебро.[835] [836] Серебро, в основном, поступало из рудников, находящихся в регионе Ферганской долины (рудник Карамазар).[837] Каспийское море было перекрестком торговых путей, с которого начинался путь товаров на север, по Волге и далее по системе речных путей и волоков через водоразделы.

С начала активного освоения Русской равнины в средневековье на торговых путях начали возникать опорные пункты, которые формировали систему поддержки речной торговли. В одних случаях это были города, которые несли и управленческие функции для того или иного средневекового государства. В других случаях, города вырастали из опорных пунктов и крепостей, которые несли таможенные или охранные функции. После принятия Древней Русью христианства, в некоторых отдаленных местах функции поддержки торговли приходилось исполнять монастырям, которые обычно строились с высокими заборами и возможностью организовывать длительную оборону.

Начиная с раннего средневековья, на территории Русской равнины находились следующие государства, в пределах которых пролегали речные торговые пути: Хазарский каганат, Великая Булгария, Волжская Булгария, Древняя Русь. В дальнейшем политический ландшафт Русской равнины начал меняться. Под ударами войск князя Олега пала Хазария. Сложившаяся на Руси система престолонаследия привела к раздробленности и образованию множества небольших княжеств. Приход монгол из Центральной Азии и вхождение в новый суперэтнос тюрко-язычных народов, привел к созданию в Поволжье нового мощного государства – Золотой Орды. В дальнейшем исторический процесс на Русской равнине определяли три центра сил: Речь Посполитая, родившаяся в результате союза Польского королевства и Великого княжества Литовского, Московское царство, образовавшееся в

[833] Филин П. А. Проблемы изучения и сохранения морского наследия России. // Материалы Первой научно-практической конференции, С-Петербург, 27-30 октября 2010 г. Калининград, 2010. С.

[834] Сычев В. А., Фазлуллин С. М., Дунчевская С. В. Региональные и технические аспекты подводных археологических исследований. // Современные методы и средства океанологических исследований (МСОИ 2013), Материалы конференции. Т. II. М.,2013. С. 127-131

[835] Петров И. В. Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI-XIII вв. (Часть 12. Днепро-деснинский денежный рынок. VIIIв.) // Международный журнал экспериментального образования. 2014. №5-2 С.88-90

[836] Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. 416 с.

[837] Максимов М.М. Очерк о серебре. Изд. второе, переработанное и дополненное. М., 1974. с.153

результате возвышения Москвы над всеми русскими княжествами, которые имели вассальные отношения с Ордой и Золотая (потом Большая) орда, - государство, которое в течении нескольких веков доминировало в Восточной Европе. Постепенно к концу 18 века практически вся территория Русской равнины стала входить в состав Российской империи.[838][839][840][841]

Города и крепости вдоль водных путей Русской равнины возникали, расцветали и уходили в небытие, либо из-за войн, либо из-за утраты своего значения. Первыми городами, возникшими на речных путях Русской равнины, были Итиль (Волга), Саркел (Дон). На Средней Волге на территории Волжской Булгарии возникли города Булгар, Биляр и Сувар. На Днепре в период становления Древнерусского государства возникли Киев и Смоленск. В моменты сильного давления кочевников на речной торговый путь по Днепру, торговые контакты смещались на Днестр, где сформировалось богатое Галицко-Волынское княжество. В северо-западной Руси на торговом пути доминировал Новгород. Путь по Западной Двине контролировал Полоцк, а на границе с Прибалтикой на реке Великая вырос Псков.[842][843][844]

Постепенно торговые потоки по рекам Русской равнины становились всё разветвлённее. Из транзитной территории, обслуживающей потоки товаров между каспийско-черноморским регионом и Балтикой, Русская равнина обрела внутреннюю самодостаточность и в дальнейшем торговые потоки уже обслуживали внутренние потребности территории. Сложилась самостоятельная часть Окско-Волжской торговли, Камской торговли и торговли в северном направлении по системе Северной Двины.[845]

Развитая речная сеть и отсутствие дорог сформировало особый прием перехода из одной речной системы в другую, - волоки. В зависимости от ситуации, волоки служили путями, по которым перемещались товары или товары с судами. В первом случае товары перевозились на телегах или с помощью вьючных животных. Перетаскивание судов из одной реки в другую сопровождалось физическими и временными затратами. При этом, небольшие лодки могли перевозиться на специально приспособленных телегах. А крупные суда перетаскивали с помощью катков или полозьев.[846]

Православные монастыри, являющиеся важной институциональной формой монашества, возникнув, испытали процесс расширения в период ранней Руси. Феодальные князья были главными инвесторами, и монахи первоначально принадлежали в основном к аристократии. Монастыри был расположены в городе или в непосредственной близости от города, что сделало невозможным для монастырей уйти от мирской жизни. Монастырям пришлось взять на себя определенные роли в политике, социальной и культурной жизни, и выполнять другие светские функции, необходимые государству.[847] Набеги кочевников и подчинение Орде вынудило русских князей строить монастыри как хорошо укрепленные крепости. Охраняя купцов от речных разбойников, под стенами этих монастырей развивалась и речная торговля. Охранные функции монастырей в дальнейшем развились в их экономическую активность. Их расположение на водных перекрестках позволило монастырям решать вопросы сбыта товаров в различных частях страны.[848]

Речная торговля, очевидно, имела огромную номенклатуру товаров. Эти товары описываются в большом количестве летописей и берестяных грамот. Многообразие товаров также подтверждается и объектами материальной культуры, поднятыми из-под воды в районе Великого моста в Великом Новгороде. Исследования подводных археологов последнего десятилетия свидетельствуют, что на русских торгах присутствовали и довольно экзотичные товары, привезенные из дальних стран.[849] За границу из наших земель традиционно поставлялись мед, меха, изделия из речного жемчуга, воск, изделия из пеньки, солёная рыба, моржовая кость, кожи, дёготь, парусина, лес (лиственница) и др.[850]

Совершенно уникальный исторический материал может дать изучение ведения военных действий вблизи рек Русской равнины. По мере складывания древнерусского государства, его взаимодействия с соседями и дальнейшая эволюция политического устройства раздробленной Руси, можно наблюдать за прошедшими битвами, связанными с реками. Как правило, противоборствующие

---

[838] Кузнецов А. Е. История Руси (России) и ближнего зарубежья. М., 2010—2013.
[839] Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1816—1829.
[840] Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1904-1910.
[841] Соловьев С. М. История России с древнейших времён. М., 1851-1879.
[842] Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С.
[843] Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь и Ладожско-Волховский север Руси в эпоху раннего средневековья. Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб., 2006. С. 5-12.
[844] Фроянов И.Я. Древняя Русь IX—XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М., 2012. С.
[845] Хорькова Е. П. История предпринимательства и меценатства в России. М., 1998. С.
[846] Воробьёв В. М. Волоковые пути на Главном водоразделе Русской равнины. Тверь, 2007. С.
[847] Ян Цуйхун. Светские функции православных монастырей Руси. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2 (24). С. 98-100
[848] Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1985. С.
[849] Степанов А.В., Трояновский С.В. Новейшие подводно-археологические исследования новгородского великого моста. // ТРУДЫ III (XIX) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА. 2011. С. 187-189
[850] Гваньини А. Описание Московии. М., 1997. С.

стороны использовали орографические особенности русла и берегов для организации эффективной обороны. Если одному из противников не удавалось с ходу форсировать речную преграду и навязать бой, стояние на противоположных сторонах реки могло проходить очень долго, иногда и не достигнув состояния полномасштабного сражения.

Порой полководцы сознательно выстраивали свои войска вдоль реки, прикрываясь ею, чтобы предохранить свой тыл от внезапного удара. Иногда река служила последним рубежом для обороняющихся и осознание этого вселяла им дополнительные силы.

При всей сложности локализации битв в местах, связанных с реками, находки, которые там ждут исследователей, могут многократно перекрыть временные и материальные издержки по их поиску. Мы полагаем, что анализ потенциала мест, связанных с битвами при реках нами будет проведен в ближайшее время.

Ограниченные возможности объема настоящей статьи не позволяет коснуться вопросов судостроения и судоходства в пределах Русской равнины в допетровское время. Анализ того материала, который есть у автора говорит о том, что масштабное разнообразное судостроение было в нашей стране задолго до реформ Петра I. А государственные верфи Ивана IV появились в Вологде лет на 100 раньше, чем верфь в Дединово. Но об этом, как и о разнообразных народах, кормившихся от реки на Русской равнине, нам предстоит описать в специальном исследовании.

Значение РИН в России практически никак не представлено. Из существующих музеев можно упомянуть только музей Оби, расположенный в Нефтеюганске.[851] Этот музей имеет муниципальное подчинение и работает в помещении, расположенном на первом этаже жилого дома.

На территории Русской равнины силами частной инициативы был создан музей реки Чусовой, который в большей мере работает как этнографический парк.[852] Другой пример, инициатива школьников из города Муром, которые создали замечательный школьный музей реки Оки, который имеет комплексный характер, но его статус накладывает отпечаток на характер экспозиции и её оформление.[853]

Такое положение, если соответствующие планы будут реализованы, скоро изменится. В комплексном плане музеефикации Свияжска существуют планы создать музей реки, который сможет собрать многочисленные исторические, этнографические и естественнонаучные экспонаты в нескольких залах.[854] Ещё более интересной кажется задумка московских музейщиков. В 2017 г. есть надежда на то, что откроется музей Москвы реки.[855][856] Для его обустройства был выделен отслуживший речное пассажирское судно, на котором будут смонтированы экспозиции по нескольким направлениям. Детали проекта хранятся в относительном секрете. Осталось только дождаться его открытия.

Конечно, в этом перечислении совершенно не приводятся музеи речного судоходства – их несколько. Нет здесь и музея канала имени Москвы, а также музея гидроэнергетики (Углич). Как частный случай рассматривается экспозиции музея судоходства «Чайка» на острове Хортица. Не затронуты музеи рыболовства. С нашей точки зрения - это частности, оттеняющие ту или иную профессиональную сферу деятельности.

Исходя из вышесказанного, в нашей стране, при том, что она сформировалась как великая речная цивилизация, вопрос о музеефикации речного историко-культурного наследия ещё только предстоит начать осмысливать!

---

[851] Музей реки Обь // Музеи России [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., cop. 1996–2017. URL: http://www.museum.ru/m2227#web (дата обращения 31.01.2017)

[852] Этнографический парк истории реки Чусовой [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Чусовой., cop. 2017. URL: http://etnopark.com/ (дата обращения 31.01.2017)

[853] Все отзывы о Музей реки Оки | Муром, Россия | Турпром // ТУРПРОМ - туристический портал: новости туризма, горящие туры, отзывы туристов [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., cop. 2004–2016. URL: http://www.tourprom.ru/country/russia/murom/attraction/muzei-reki-oki/reviews-muzei-reki-oki/ (дата обращения 31.01.2017)

[854] Музей реки // Элементы жизни [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., cop. 2008. URL: http://ipenant.ru/ipencontent/index.php/biokhimiya-i-meditsina/ekologiya/127-muzej-reki?showall=1&limitstart= (дата обращения 31.01.2017)

[855] В Москве появится плавучий «Музей Москвы-реки» // Рублев. Ищите и обрящете [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., cop. 2014-2017. URL: http://rublev.com/novosti/483 (дата обращения 31.01.2017)

[856] Музей Москвы-реки создадут на теплоходе // Другой город [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., cop. 2010-2017. URL: http://www.anothercity.ru/river-museum (дата обращения 31.01.2017)

Филиппов С.А. (Тотьма)

ИСТОРИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ТОПОНИМА СУХОНА

Ведя разговор об исторической сущности топонима Сухона под словами Сухона и Тотьма мы будем иметь в виду ее среднее течение протяженностью 254 км. - от речки Брусенки (30 км. выше районного центра с.Нюксеница) до р.Наремка (на 20км. выше п.Шуйское).

А сейчас давайте спросим себя и ответим на ряд вопросов. Почему материальная культура Средней Сухоны в эпоху мезолита (каменный век) своеобразна и отличается от окружающих территорий, и заселяло ее население европеоидного типа? В связи с чем это своеобразие сохранилось до наших дней и одна река разделилась на три части: верхнюю, среднюю и нижнюю, отличающиеся друг от друга по фольклору, обычаям, традициям и обрядам? Зачем русский географ Семен Ремезов в работе «Чертежная Книга Сибири», увидевшей свет еще в 1701 году, среднее течение реки пометил как Землю Великой Скифии»?На основании чего в дальнейшем народы, ее населявшие, стали называться «низовцами»?

Некоторыми краеведами название города Тотьма расшифровано, как «Низкое сырое болотистое место, поросшее мелким кустарником». В своих исследованиях они основывались тем, что до настоящего времени считалось, будто бы на восток от Вологды ранее находилась только чудь заволоцкая. Открыв соответствующий словарь и не найдя там топонима Тотьма, естественно, сравнили его с финно-угорским тодма, и, вопреки здравому смыслу, город стал болотом, хотя его абсолютная отметка значительно выше, чем окружающая территория, а болот и за десять верст от него не сыщешь.

Теперь же, давайте более подробно рассмотрим другую точку зрения, основанную на ряде исторических документов и следов материальной культуры.

Где же может фактически находиться чудь заволоцкая?

В.В.Пименов, опираясь только на данные языкознания, реконструирует прародину веси. Указывает, что Белозерские её группы представляли собой восточную периферию основного её заселения. Отдельные группы выдвинулись ещё восточнее – в район Каргополя, на Онегу, Вагу, Северную Двину и получили название чудь заволоцкая.

Историческим фактом является и то, что везде при своих столкновениях славяне занимали возвышенные, сухие и хлебородные пространства, финны же – низменные, болотистые.

Московский археолог Ошибкина С.В. на основе раскопок, которые проводились в бассейне Средней Сухоны, утверждает, что длительное время существует гипотеза о заселении Севера европейской части России в эпоху мезолита с Урала и прилегающих областей. Однако материал, который известен в настоящее время, позволяет говорить о ранней волне европеоидного населения, доходившей до центральных регионов Севера. Следы переселения мезолитического населения из Уральских областей не обнаружены.

Подтверждается это и тем, что около 90% гидронимов и топонимов на Средней Сухоне имеют древнерусское, русское и славянское происхождение.

Нельзя обойти вниманием и более ранний период заселения Средней Сухоны. В ледниковый период, когда Европа была покрыта ледником, Африка – пустыней, на Севере России устанавливается сухая комфортная погода. Ледник был большой высоты - в несколько километров. Простирался с юга на север - в районе Великого Новгорода, с запада на восток - на севере Архангельской области и с севера на юг - около Сыктывкара. Получилось вроде котла, территория которого с трех сторон (запада, севера и востока) была укрыта ледяными скалами, доступная только для теплых южных ветров. Холодный воздух переваливал через ледник на большой высоте и встречался с теплым воздухом намного южнее. В результате у подножия ледника шириной в несколько сотен километров (Тотма в центре) образовался комфортный микроклимат, как на Альпийских лугах, где был богатый животный и растительный мир. Это был действительно рай на земле. В этих условиях и сложился тип современного белого человека, которого стали называть индоевропейцем. Во всех источниках описывают Ариев, зародившихся в Гиперборее, как людей огромного роста, белокурых и голубоглазых, обладающих невероятной силой и храбростью. Гиперборея просуществовала несколько тысячелетий. Это была территория, в которой выводилась новая порода людей, как в «генетическом реакторе».

С таянием ледника и затоплением территорий людям приходилось покидать столь удобные места проживания, при переселении некоторая часть из них задерживалась на высоких и плодородных землях.

Одним из таких оазисов, вероятнее всего, был бассейн Средней Сухоны, в центре которого расположен наш город Тотьма. Не случайно следы материальной культуры показывают, что у нас и в Восточном Прионежье постоянное население появилось 8 тысяч лет назад. Следует заметить, на карту Меркатора, изображающую Гиперборею возраст которой 11,5-13 тысяч лет (доледниковый период), нанесена и Тотма, (между прочим, название без мягкого знака). И в более поздних религиозных источниках, даже на иконе тотемского святого Феодосия Суморина название города пишется без мягкого знака. Появляется он лишь во времена Петра I.

Каким же путем при обледенении, а затем при таянии ледника гиперборейцы спасались от климатических катастроф? В последнее время на так называемой Соловецкой гряде островов (расположены в Онежской губе на Белом море) обнаружены следы их материальной культуры. Продвижение на Юг проходило по реке Онеге (течет с юга на север из озера Воже (исток Онеги). С него на Северные Увалы (начинаются южнее указанного выше озера), которые простираются на юг и примыкают к Среднему Уралу (Тотьма расположена в начале Увалов). Северные Увалы имеют два отрога: западный и восточный (отходят от Увалов южнее Тотьмы на несколько десятков километров). Западный идет до Валдайской возвышенности, восточный - южнее Великого Устюга через Киров и теряется в тундре.

Как следствие, следы гиперборейцев обнаруживаются на Валдайской возвышенности, в Кирове, Приполярном и Южном Урале. В районе Челябинска найдены стоянки, возраст которых 3-5 тысяч лет. С указанных выше мест расселение пошло в Западную Европу, на Алтай, Италию, Иран, Пакистан, Египет, Индию… Хронология событий: 11,5-13 тысяч лет - Гиперборея (ныне Арктика), 8 тысяч лет - стоянки в восточном Прионежье и около Тотьмы, 3-5 тысяч лет - стоянки на Южном Урале, 3 тысячи лет - египетские пирамиды позволяет сказать о пути и времени их продвижения.

Одним из фактов, подтверждающих маршрут и время их миграции, является то, что индусы поклонялись и поклоняются Полярной звезде, которая от них не видна, но зато в наших широтах самая яркая в созвездии Большой Медведицы.

Правильность гипотезы дополняет интересный случай, который можно было наблюдать. В Тотьму на автобусе приехала делегация из Индии, среди них были и ученые. Прежде чем выйти из автобуса они сняли обувь и ступили на тотемскую землю (заметим корень тотем) босиком, сказав: «по родине предков нельзя ходить в обуви».

Между прочим, в иранских скрижалях сказано, что отсюда берёт начало всё человечество.

Ошибкой является и отнесение наших земель к владениям Великого Новгорода. Есть необходимость остановиться на части заволоцких владений новгородцев, а именно на верховьях Ваги и р.Кокшеньге (ныне Тарногский район, раньше западная часть относилась к Тотемскому, а восточная часть с р. Кокшеньгой к Вельскому уездам).

Кокшеньгские волости заселялись выходцами из В.Новгорода. Близкие их соседи по Вели и Кулою имеют с ними сходство во внешнем облике, такими же чертами обладали и обитатели верхней Ваги. Из чего можно сделать вывод, что административное деление происходило по водоразделам и этническому признаку.

Следует отметить, что новгородцев не интересовала Сухона как транспортный путь, тем более средняя. На начальном этапе их взоры были обращены на юг - в область Днепра. Для движения на Север, к Белому морю, имелся короткий и удобный путь по Шексне до Белого озера, через озера Воже, Лача, реке Онеге. Археолог Макаров констатирует, что на Сухоне нет погостов В.Новгорода.

Лишь в последней четверти XII века новгородским выходцам, вынужденным оставить по разным причинам родную землю, удалось утвердиться в стороне прикамской (по рекам Вага, Севрная Двина и Вычегда), на берегах Вятки, где они основали независимую общину, ставшую на северо-востоке притоном для всех беглецов, подобно южному Берладу и Тмутаракани.

Уникальный уголок Вологодчины – г. Тотьма расположен в центре течения реки Средней Сухоны, на 60 параллели, как и известные всем северные столицы Санкт-Петербург и Осло, Сьюард (США), сибирские города Ивдем, Северо-Енисейский, Олекминск, Усть-Мая, Корф.

Уникален его рельеф и географические особенности, абсолютная отметка города 134 метра – на 17 метров выше Вологды, хотя Тотьма ниже её по течению реки на 280 километров. Особый интерес вызывает водораздел бассейна Средней Сухоны. С него реки текут в 4 направлениях: Старая Тотьма на Север, Унжа на Запад, Юг на восток, Молома на Юг. А вот река Илеза на расстоянии 10 км. от Сухоны (течет с запада на восток) и параллельно ей на протяжении 70 км. течёт с востока на запад.

Следует знать – Сухона единственная река в Европе и Азии, даже в настоящее время от п. Шуйское (в древности от Тотьмы) в весенний период в течении 2 недель течет вспять. При этом она учёными Вологодчины даже в настоящее время разделена на 3 части: верхнюю, среднюю, нижнюю, отличающиеся друг от друга по фольклору, обычаям, традициям и обрядам. В древности имела соответственно и 3 названия: Рабанга, Великая река Сухона, Сухона-река.

Уникальна и материальная культура, свидетельствующая о появлении постоянного населения (скифов) на Средней Сухоне за 6 тысяч лет до Рождества Христова. Исторические документы свидетельствуют – скифы по Геродоту и славяне по Прокопию – практически одни и те же люди. Это подтверждается данными древних и современных исследований. Например, русский географ С.Ремезов Среднюю Сухону пометил, как Земля Великой Скифии ещё в 1701 году в книге «Чертёжная книга Сибири».

А если же племена: чудь, меря, мурома, весь, мордва, заволоцкая чудь, пермь, печора, ямь, угра, литва, зимегола, корсь, сетгола ливь, перечисленные у древнего русского летописца и платившие в его времена дань Руси, по их местонахождению наложить на географическую карту, то нетрудно будет заметить два региона расположения русских. Один в районе Великого Новгорода, другой – на Средней Сухоне, причём значительно больший, чем первый.

Нельзя отрицать и то, что Н.М. Карамзин, правда, с оговоркой, писал: «Может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова… славяне в то же время обитали и внутри России».

Сам собой напрашивается вопрос – как сюда попали наши предки? Исследуя исторические документы и географические карты нетрудно установить следующее: приток Волги – Унжа с притоками берёт начало из озера Бабье, которое расположено всего в 20 километрах от Сухоны. А в 50 километрах южнее Тотьмы и поныне существует пристань «Грушино» Волжского бассейна, правда из-за отсутствия надобности, ей никто не пользуется. Приток Сухоны - Старая Тотьма и приток Унжи – Волошная (волжский бассейн) берут начало из одного болота, которое раньше было озером, т.к. и в настоящее время живо предание, согласно которому на дне его покоится ладья с золотом. Расстояние же от Тотьмы до г.Юрьевца, расположенного на реке Волге в месте впадения в неё Унжи, по названным выше путям со всеми кривулями и изгибами составляет около 500 километров.

Теперь легко прослеживается путь наших предков с берегов Десны на Оку (приток Волги), затем в Унжу (также приток Волги). Ну, а с неё о дальнейшем пути мы говорили чуть выше. О существовании на указанном маршруте транспортного пути в древности есть множество исторических документов и фактов.

В дальнейшем интересующая нас местность стала именоваться Ростовщиной в Заволоцкой Земле. Свидетельством тому является завещание великого князя Василия Васильевича (Темного). Ярким подтверждением этого может служить то, что даже в 1554 году Феодосий Суморин, решив строить монастырь в Тотьме, вынужден был покинуть Вологодскую Епархию и перейти в Ростовскую. Где у ростовского архиепископа Никандра, в ведении которого находилась Тотьма, брал грамоту на разрешение строительства монастыря и материалы для его освящения.

Значительно раньше Андрей Боголюбский, сын Юрия Долгорукого, выделил указанные выше земли в отдельную княжескую собственность, не вошедшую в общую родовую собственность Ярославичей.

В фольклорных источниках также запечатлена уникальность города, имеющего первооснову божественного происхождения. Ещё первые поселенцы, у которых водный путь считался проводником в подземное царство и назад, жертвы приносились у воды, жертвенниками служили большие камни, обожествляли свои языческие святилища. Например, уникальный камень Лось стал для них родовым знаком тотемом, от которого и получил своё название город. Подтверждается это и тем, что жителей нашего региона раньше называли тотемцами, а местность и в настоящее время зовётся землёй тотемской. Как видим во всех случаях один и тот же корень тотем.

У Василия Ключевского же есть упоминание о местонахождении Фиваиды (Божественной земли). Он писал, что если провести две линии – одну по реке Костроме на реку Вычегду, другую по Шексне на Белоозеро, то этими линиями будет очерчено пространство, ставшее русской заволжской Фиваидой. В скандинавских сагах вышеназванный бассейн называется Биармия – или Божественная земля, у арабских же писателей и греков – Северная Фиваида – также Божественная земля. Вышеизложенный материал дает полное основание сказать, что раньше наш город носил название Тотма. Другими словами, можно выразить так – Божественный город. Возможно, в связи с этим у нас и окружающей нас территории мы не найдем змей, при этом вокруг этих пресмыкающихся водится предостаточно.

Отсюда несложно сделать вывод – бассейн Средней Сухоны (Тотьма находится в его центре) является прародиной славян, русских. Здесь не было татаро-монгольского ига и крепостного права, земля находилась в общинной собственности.

Таким образом, этимология самого названия города подтверждает божественное начало поселения.

С древности город славится обширными и богатыми зарубежными связями, что отражено в названиях, фольклоре, традициях и даже гербе города.

Отсюда, правда, значительно позднее, началось и освоение Сибири. Как отмечал известный исследователь П.И.Челищев в своих путевых заметках «купечество и мещане сего города главный торг имеют в Сибири и на Камчатке». Не случайно среди сибиряков встречаются фамилии Тотемские, Тотемцевы, Тотьмянины.

Всего компаниями тотемских купцов было снаряжено более 20 экспедиций в Тихий океан, это больше, чем москвичами, вологжанами, устюжанами вместе взятыми. В 1762 году тотемские купцы Григорий и Петр Пановы одними из первых преподнесли императрице Екатерине II меха чёрных лисиц. В 1780г. чёрная лиса учреждена в гербе Тотьмы.

Тотемскими мореходами открыты Алеутские, Лисьи и Командорские острова. Нельзя обойти вниманием и другие уникальные факты.

Как видим, древнерусский город Тотьма, уникален, не имеет себе аналогов, входит в «серебряное» кольцо России, многовековые традиции славян и древних руссов сохранены и поныне в языке, культуре, устных, письменных и материальных источниках.

Из вышеизложенного следует, что результаты любых исследований, в целях их объективности, должны опираться на различные источники, сопоставляться факты, к ним должны применяться различные методы анализа. История не должна переписываться из одного сочинения в другое.

По результатам исследований уникальность Тотьмы заключается в следующем:

- город расположен на высоком берегу реки Сухоны, причем абсолютная отметка поверхности земли выше, чем у Вологды и В.Устюга. Еще во времена Соловьева было известно, что Тотьма, ранее Тотма, расположена на Северных Увалах, которые начинаются между озёрами Белым и Воже и простираются до Среднего Урала. Это подтверждается и тем, что в нашем крае некоторые реки текут в противоположных направлениях. Всем известно – Сухона устремляет свои воды с запада на восток. Но мало кто знает о речке Илезе, которая на протяжении 70 километров, причем параллельно Сухоне и всего в десяти километрах от нее, течет с востока на запад, и впадает в реку Старая Тотьма, а затем в Сухону. Река же Старая Тотьма с притоками Вотча и Волошная устремляется с юга на север (Сухонский бассейн), а вот Унжа с Юзой (Волжский бассейн) бежит с севера на юг. При этом исток Юзы озеро Бабье находится всего в 20 километрах от Сухоны около деревни Леваш;

- Тотьма находится в центре Средней Сухоны, на пересечении водных путей, идущих из Волго-Окского междуречья. Неслучайно и жителей, его населявших, стали называть «низовцами»;

- Тотьма всегда была владениями Ростова Великого (как упоминалось даже во второй половине XVI века) и не могла платить дань Великому Новгороду. На реке Вотче (притоке Старой Тотьмы) расположена д. Суздалиха;

- здесь создаются условия, заставляющие течь Сухону в обратном направлении. Реки Леденьга и Еденьга расположены между островами Леденьгский и Еденьгский и несут свои воды в Сухону с противоположных сторон, что является естественной плотиной. Если у истока вода поднимается на 1 метр, то в районе Тотьмы в 2 раза выше, плюс ледяные заторы при ледоходе, которые ранее бывали регулярно;

- в районе Тотьмы расположено шесть больших островов (Дедов, Бабий, Внуков, Еденгский, Леденгский, Лось), тогда как по всей Сухоне их немногим более двух десятков;

- у нас знаменитый камень «Лось» - единственный на всю реку;

- у нас соляные источники, известные с древних времен, на которых варили соль и везли даже в Москву. Потому-то здесь родилось первое в мире наставление по устройству и бурению рассолоподъемных скважин;

- у нас уникальные памятники архитектуры. Богоявленский собор и Спасо-Суморин монастырь длительное время были одними из самых богатых и красивых на всем Северо-Западе России;

- возможно, отыщется когда-нибудь подземный ход. По существующему преданию соединявший Спасо-Суморин монастырь с городом (местом, где ныне находится городской центр культуры - бывший Богоявленский собор) и монастырем, располагавшимся ранее на правом берегу Сухоны около кладбища.

По словам очевидцев, его ширина была такова, что позволяла разъезжаться двум тройкам лошадей, на которых настоятели Богоявленского собора и монастыря ездили друг к другу. По исследованиям, проведенным бывшей заведующей филиалом открытого хранения фондов Тотемского музейного объединения И.Якушевой, прихожане никогда не видели на улицах города и монастыря священнослужителей. Появлялись они всегда перед началом службы, неожиданно, из цокольного помещения собора Вознесения, расположенного слева, перед лестницей, идущей на второй этаж.

По неподтвержденным данным имеются фотографии с интерьером данного хода, который имел по сторонам большие боковые залы и комнаты.

Вполне возможно, там находится не найденная до сих пор библиотека Ивана Грозного;

- по праву находится на гербе города и красавица черная лисица. Еще до Рождества Христова и после она водилась на наших землях и пользовалась особым спросом в Черноморских странах;

- у нас не было татаро-монгольского ига и крепостного права. Земля находилась в общинной собственности. В краеведческом музее п.Шуйское (ранее западная граница Тотемского уезда, в настоящее время центр Междуреченского района), сохранились документы, в которых говорится, что на восток от вышеупомянутого села земля находилась в общинной собственности, а на запад простирались дворянские и помещичьи землевладения;

- по указу Петра I от 23 марта 1697 года была сослана в Тотьму в Богородицкий женский монастырь (располагался на правом берегу р.Сухоны около существующего ныне кладбища) первая его жена Евдокия Фёдоровна. Её пребывание здесь отмечено тем, что она подарила Троице – Сергиевой пустыне, которая располагалась на Дедовом острове, икону со следующей надписью: «Лъта отъ Рождества Христова 1729, мъсяца Марта въ первый день приложила сей святый образъ Покрова Пресвятыя Богородицы въ Дъдовскую пустынь, въ церковь преподобнаго отца нашего Сергія Радонежскаго чудотворца, благовърная государыня царица Евдокія Федоровна». В настоящее время икона находится в Тотемском краеведческом музее.

Не избежал такой участи и её отец (тесть Петра I) боярин Федор Аврамович Лопухин, который в эти же годы был сослан в Тотьму воеводой;

- в Тотьме с древнейших времен добывали соль. Не случайно и первое в мире наставление по устройству и бурению рассолоподъемных скважин появилось в Тотьме;

- здесь был подлинный центр сопротивления и освободительного движения в смутное время польско-литовского нашествия 1612 года;

- она славилась и уникальным архитектурным стилем, в последствии получившим название «тотемское барокко»;

- и народный герой Ермак, покоритель Сибири, родом с тотемской земли. Жил он с отцом в деревне Слобода, что находится в 30 верстах от Тотьмы;

- наш земляк Иван Кусков основал Форт «Росс», почитаемый калифорнийцами, как первенец цивилизации на тихоокеанском побережье, и в настоящее время;

- в Тотьме и ее окрестностях мы не найдем змей;

- народный герой Ермак, покоритель Сибири, родом с тотемской земли;

- Тотьмичи внесли большой вклад и в освоение зауральских земель. На раннем этапе освоения Урала и Сибири среди местных казаков преобладали бессемейные одиночки. Правительству приходилось отправлять в Сибирь целые партии колодниц, предназначенных в жены русским «насельникам» края. В 1630 году за Урал из Тотьмы, Великого Устюга и Сольвычегодска было препровождено 150 «девок» и 500 семей в Тобольск. Каждое семейство должно было иметь: три добрых мерина, три коровы, две козы, три свиньи, пять овец, двое гусей, пять кур, две утки, на год хлеба, соху со всем прибором, телегу, сани, запас всякой одежды и домашней утвари и 25 рублей на человека. Подобные переселения производились и в последующие годы. Так в 1670 году отправлено с Тотьмы, Устюга, Ваги, Мезени, Сольвычегодска, Яренска, Сысолы, Кайгорода тяглых людей с женами и детьми 2051 человек.

Большая часть коренного сибирского купечества считала себя потомками Вологжан, Тотьмичей, Устюжан и жителей других северных городов. В городе Кудымкар, что на реке Иньва притоке Камы (Пермская область) практически абсолютное большинство жителей носит фамилию Тотьмянины;

- ещё в середине 17 века тотемские купцы уже были в Иркутске, а именно: Алексей Рожин 1640 г. (22 лет) посадский Тотьмы, Яков Чегодаев 1643г. (28 лет) посадский Тотьмы, Иван Лосевской 1650 г. (35 лет) крестьянин, д. Лесниково, Старототемской волости, Семен Смольянинов 1676г. (26 лет) посадский, Шуйск, Николай Токарев, Иван Носков;

- братья Пановы были организаторами 11 экспедиций в Тихий океан;

- Принимали участие в подобных экспедициях: Тимофей и Семен Мясниковы, Петр Рохлецов, Федор и Алексей Холодиловы (организовали 7 экспедиций), Степан Корелин, Петр Шишкин сделал описание островов Умнак и Уналашка в 1762г., Осип Нератов, Ф. Протопопов, Арсений Кузнецов, Братья Черепановы, Иван Александрович Кусков;

- тотьмчами был организован и Кяхтинский торг.

П.И.Челищев в 1791 г. писал: «приобретенный на Алеутских островах и в других местах Русской Америки товар отвозили для продажи на Кяхту и на те звериные кожи выменивали самый лучший товар, вывозя же оный в Москву и С-Петербург. Получали за него наличные деньги с неописанным уже барышом»;

Начало этому, как отмечал Челищев, было положено тотемскими первогильдейными купцами Тимофеем и Семёном Мясниковым и Петром Алексеевым Рохлецовым.

- о богатстве и предприимчивости тотемских купцов есть упоминание и у одного из первых северных историков В.В.Крестинина. В книге «Краткая история о городе Архангельском», выпущенной в 1792 году, он в качестве положительного примера приводил тотьмичей, значительно превзошедших архангелогородцев. Около 1740 года тотемский купец имел не выше трехсот рублей собственного капитала, а в середине 18 века капиталистами считались тотемские купцы, имеющие собственности сто тысяч рублей и более. Таким образом, увеличив свой капитал в 300 и более раз;

- на этом деле разбогатели: Алексей Григорьевич Холодилов, Григорий Алексеевич Панов. Арсений Дмитриевич Кузнецов, Осип Иевлевич Нератов, Федор Иванович Протопопов, Федор Холодилов добывал «мягкое золото», а сбывал на Кяхте Григорий;

- согласно ревизии 1763г. в Тотьме: купцов мужского пола -199 чел.
женского пола - 96 чел.;
- согласно ревизии 1782г. - купцов мужского пола -238 чел.
женского пола -262 чел.;

- знаменит наш город и тем, что у нас имеется четверо святых: Феодосий Суморин, Вассиан Тиксненский, Максим Тотемский, Андрей Тотемский юродивый.

Из них мощи троих сохранились и существуют в настоящее время.

Рака с мощами преподобного Феодосия Суморина находится в монастыре в соборе Вознесения.

Андрей Юродивый первоначально был погребен у церкви Воскресения Христова под колокольней. В 1707 году, спустя 34 года, построили над гробом блаженного деревянную церковь во имя святого Андрея Стратилата. Позднее на её месте возвели каменную Успенскую.

Мощи праведного Андрея находятся под её спудом (цокольным перекрытием) у левого клироса. Над ними установлена золочёная деревянная гробница, осенённая балдахином.

Мощи же Максима Тотемского покоятся под спудом (в подвале) Воскресенской церкви на Варницах.

Следует заметить, что и один из основателей монастыря на Соловецких островах – Святитель Герман родом из Тотьмы;

- уникальность Тотьмы и в особом «тотемском» стиле церковной архитектуры.

В 1791 году было зафиксировано 19 церквей приходского строения, в них 37 престолов на 3325 жителей, а также Спасо-Суморин монастырь с 2 соборами и 2 церквями;

- по данным военно-статистического обозрения Вологодской губернии в конце XVII века Тотьма, по числу и богатству её жителей, занимала одно из самых первых мест среди всех городов России;

- бассейн Средней Сухоны с наибольшей долей вероятности может быть прародиной славян, русских;

- название города расшифровывается, как «Божественная земля».

- Тотьма принята в Союз исторических городов России (в России всего 41 историческое поселение) и международную организацию «Ганза Нового Времени» (г. Любек, Германия). В неё входит 13 российских городов, из них 4 вологодских: Белозерск, Великий Устюг, Вологда, Тотьма.

Филиппова В.И. (Череповец)

НАУЧНО-ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Реалистическое искусство в своем проявлении есть процесс создания современных художественных образов, постоянно требующий от творческих личностей новых художественных приемов. «*Понятия «московская» или «ленинградская» школы не могут исчерпать всей сложности и значительности развития художественной культуры тех мест, которые раньше принижающе именовались «провинцией», затем – «периферией» и которые ныне для нас представляются заслуживающими всемерного уважения, внимания и симпатии центрами, очень своеобразно выявляющими великий рост всего нашего многонационального народа. Проблема специального внимательнейшего изучения «местной» художественной культуры, истории художественного творчества в городах Поволжья, Сибири, Севера стоит наряду с другими в качестве одной из самых интересных задач для советского искусствоведения наших дней*» [857].

В этой связи, одним из художественных приемов, относящимся и к современному изобразительному искусству, есть смысл озвучить прием «краеведческой темы». Что представляет собой краеведение, в общих чертах и по частностям несложно себе представить.

Если зайдем в сати интернета, то легко обнаружим в общедоступном «народном», но далеко не научном, разделе «Википедия», такое определение: «Краеведение – полное изучение определенной части страны, города или деревни, других поселений. Таким изучение, как правило, занимаются ученые специалисты, которые ограничились данным краем (архивисты, архитекторы, биологи, военные, географы, историки, экологи, этнографы), а также энтузиасты из местного населения». Из данного понятия сути «краеведения» несложно понять его ограниченность и, вместе с тем абсурдность. Во-первых, «полного изучения» никогда и ни при каких обстоятельствах быть не может, хотя бы по той простой причине, что любой, даже самый гениальный исследователь-краевед или сообщество ему подобных, не в состоянии в полной мере исследовать и восстановить ту реальную историческую ситуацию, которая существовала на тот или иной исторический момент. Это тема отдельного раскрытия данной проблемы.

В Большом Энциклопедическом словаре «краеведение» звучит, как «изучение природы, населения, хозяйства, истории и культуры какой-либо части страны, административного или природного района, населенных пунктов главным образом силами местного населения. Функции научно-методических центров по краеведению выполняют краеведческие музеи».

Другую формулировку можно встретить в Толковом словаре Ожегова: «Краеведение - я, ср. Изучение отдельных местностей страны с точки зрения их географических, культурно-исторических, экономических, этнографических особенностей. || прил. краеведческий, -ая, -ое. К. музей. К. кружок».

Родственное по общему содержанию определение можно встретить и в Словаре Ефремовой: «1. Совокупность различных – географических, этнографических, экономических и т.п. – знаний о каком-либо крае. 2. Всестороннее изучение отдельных частей страны, обычно силами местного населения».

Как знание и формы познания, краеведение зародилось в далеком прошлом, но как специальный термин упоминаться начинает лишь с 1014 года, поскольку в отечественных словарях более раннего

[857] Дьяконицын Л.Ф. Художник Николай Павлович Дмитревский / Вологодское книжное издание, 1963. – с.112 – С.

происхождения он не встречается. При этом необходимо отметить, что в разные последующие исторические периоды развития нашей страны краеведение понималось по-разному. В 1920-е гг., например, оно представлялось как «метод синтетического изучения какой-либо определенной территории, выделяемой по административным, политическим и хозяйственным признакам».

В 1960-е годы оно стало раскрываться как «комплекс научных дисциплин, различных по содержанию и частным методам исследования, но ведущих в своей совокупности к всестороннему научному познанию края».

В 1980-х гг. понимание сути краеведения озвучивалось как «краеведение — это всестороннее познание определенной территории (части страны, района, города или рабочих поселений) местными жителями, для которых она является родным краем. Под всесторонним познанием края понимали изучение природы, истории, хозяйства, населения, его культуры и быта. В настоящее время существует следующая трактовка этого термина. **Краеведение** — изучение природы, населения, хозяйства, истории и культуры какой-либо части страны, административного или природного района, населенных пунктов с их ближайшим окружением»[858].

В соответствии с содержанием, существуют понятия главных направлений в краеведческой работе: географическое краеведение, историческое краеведение, литературное краеведение, художественное краеведение. В этой связи, художественное краеведение необходимо рассматривать как комплексную культурологическую дисциплину, которая не в состоянии быть обособленным направлением, ввиду общей взаимосвязи всех явлений в этом мире. В этом ракурсе, несомненно, существует взаимосвязь с литературой, историей, социологией и т.д. Что же касается ракурса краеведческой деятельности творческой молодежи направлений изобразительного, декоративно-прикладного искусства и дизайна, то их творческая деятельность может активно протекать в тесной взаимосвязи не только обособленно с художественным краеведением, но с литературным краеведение, но с краеведением историческим и литературным. Подобная взаимосвязь диктуется развитием той или иной исторической личности, с ее жизнедеятельность и с тем или иным наследием ее деятельности.

Роль воспитательного характера подобной личности, порой, невероятно велика. Причем, область воспитания включает в себя как воспитание творческой личности (художника, педагога-художника и т.п.), так, например, и воспитание патриотического характера, эстетического и др. В учебно-методическом аспекте существуют официально выделенные формы краеведения: государственное, общественное, школьное.

Но если исходить из того, что на современном этапе развития общества проблема воспитания и развития творческой личности студента, формирования его художественно-эстетической культуры - одни из важнейших задач подготовки бакалавров таких направлений в Череповецком государственном университете, как «Образование в области изобразительного и декоративно-прикладного искусства» и «Дизайн», то невозможно полноценное решение данных задач без исследований и разработок в области краеведения. Процесс художественно-педагогического образования имеет деятельную и созидательную направленность, не ограничивающуюся только задачами созерцательного характера. Этот процесс обязательно должен формировать у студента способность и потребность создавать прекрасное в искусстве и жизни.

Для более всестороннего и полноценного развития творческой личности, параллельно с возможностями аудитории, необходимо уделять внимание и организации выставочно-демонстрационного пространства. Такой подход ведет по пути универсализации творческой личности. Студент должен понимать роль выставок, выставочных экспозиций, участия их в формировании индивидуальности творческой личности; владеть основами специфики организации выставочного пространства. С этой целью студенты активно привлекаются к участию в выставках разного уровня, в творческих конкурсах, фестивалях. По соседству с учебными аудиториями размещены постоянные и сменные выставочные экспозиции, которые под руководством преподавателя формируют сами студенты, проходя при этом все организационные этапы: начиная с выполнения эскизных вариантов будущей экспозиции, завершая разработкой рукотворных и электронных версий афиш, буклетов, этикеток, написания эссе[859].

Так сложилось, что среди основных научных направлений кафедры профессионального и технологического образования (Художественного образования) большое внимание уделялось и уделяется поэтическому наследию Вологодской области. Студенты активно исследуют творчество и жизнедеятельность таких известных всему миру поэтов как К.Н. Батюшков, И.В. Северянин (Лотарев), Н.М. Рубцов и др., активно участвуют в деятельности действующих общественных сообществ, организаций и центров (ГОО «Батюшковское общество», Литературно-краеведческий Центр имени Н.М.

[858] Краеведение, его разновидности и история развития в России. http://www.grandars.ru/shkola/geografiya/kraevedenie.html

[859] Под научным руководством В.И. Филипповой успешно защитили свои дипломные проекты 172 выпускника. Только за последние три года 28 студента стали победителями и лауреатами региональных, всероссийских и международных конкурсов и фестивалей.

Рубцова при Доме Знаний, Череповецкое музейное объединение и др.), проводят научные исследования и создают творческие работы.

Программа предусматривает теоретические и практические исследования, мероприятия, имеющие важное значение как для Череповецкого государственного университета, для Северо-Западного региона, так и для всей страны в целом.

Можно привести конкретные примеры таких работ… Так, студентка А. Филиппова создала и успешно защитила выпускную квалификационную работу (2009), представляющую собой триптих «Дворянские усадьбы» (Братково под Вологдой, Усадьба Гальских в Череповце, Усадьба в Хантаново). Все три живописных полотна посвящены судьбе дворянских усадеб, две из которых (Братково и Хантаново) имеют непосредственное отношение к К.Н. Батюшкову, так как принадлежали вологодским помещикам Бердяевым, родителям матери поэта. Живописные пейзажи неоднократно демонстрировались на выставках в Мяксе и Череповце: музее ЧГУ, в Воскресной школе села Мякса, на областной выставке, посвященной Дню города.

Оказывать благотворное влияние на студентов - один из методов воспитания творческой личности. Так, например, студентка Ирина Поспелова под руководством педагога создала уникальный по своей значимости дипломный проект, выступив в роли составителя и иллюстратора поэтического сборника А. Каютиной «Подарю я тебе…» (Череповец, ООО «Издательский дом «Череповец», 2009. – 56 с.). Способность преподавателя передавать студентам любовь к природе, святыням Русского Севера, людям, произведениям изобразительного искусства и поэзии ярко проявилась и в направлении раскрытия Леушинской темы. Научный руководитель, углубленно исследующий данную тему, увлекает в нее и студентку И. Петухову, которая разработала дипломный проект (2011) в виде трех выставочных экспозиций для школьного музея в селе Мякса. Общественная защита этого проекта состоялась в день рождения поэта К.Н. Батюшкова, во время проведения праздника «Отечески пенаты», а сами экспозиции были освящены.

Студенты направлений «Дизайн интерьера» и «Образование в области ИЗО и ДПИ» только в 2016 году защитили 7 выпускных квалификационных работ на темы, связанные с литературоведением и более 20 научно-исследовательских работ на региональные темы.

Среди этих работ можно выделить два проекта студенток С. Геурковой и Д. Романовой, представляющих собой научное исследование в виде пояснительной записки (60-90 стр.), дизайнерскую разработку в виде 9 самостоятельных планшетов (дизайн-проект выставочно-информационного и выставочно-демонстрационных залов Центра) и практическую часть, состоявшую из живописного произведения С. Геурковой «Душа хранит…» Портрет. Н.М. Рубцова. Х., м., 80х60, 2016) и трех работ Д. Романовой (55х65, холодный батик, 2016) на тему жизнедеятельности Поэта, исполненных по мотивам живописных произведений В.И. Филипповой «Рубцовская Русь». Практические работы были представлены в дар Центру Н.М. Рубцова для постоянной экспозиции. Автора два года работали над данной выпускной квалификационной работой. Ими было проведено несколько открытых занятий, мастер-классы (в Центре Н.М. Рубцова, Музее ЧГУ, в учебных аудиториях), подготовлено и представлено несколько докладов к научно-практическим конференциям разного уровня.

На данный момент студенткой 4 курса направления «Дизайн интерьера» А. Алфертьевой ведется работа над проектом «Дизайн интерьера гостиной Серебряного века». Дизайнерская разработка направлена на представление варианта современного оформления гостиной залы в Доме-Музее Игоря-Северянина (Лотарева) во Владимировке. Студенткой проводятся научно-исследовательские работы, в ходе работ всероссийских и международных научно-практических конференций прочитано несколько докладов, сделаны публикации в сборниках по итогам конференций.

В результате тема исследования начинает просматриваться автором изнутри, с проникновением в ее содержательную суть. В дальнейшем, они могут служить источником краеведческой информации. Часть теоретического и наглядного материала в виде отснятых фото- и видеоматериалов могут быть использованы и используются при создании методических видеофильмов и как учебная наглядность на занятиях с другими студентами и школьниками. Естественно, и в дальнейшей своей профессиональной деятельности эти и многие другие выпускники будут продолжать разрабатывать тему вологодских поэтов, их творчества и поэтического наследия.

Нельзя не упомянуть о роли научного руководителя при разработке и выполнении той или иной выпускной квалификационной работы, поскольку в этом процессе очень важна его, как творческой личности, внутренняя позиция и отношение к теме. В ракурсе раскрытия литературно-изобразительной темы образ научного руководителя предстает как образ приверженца и пропагандиста реалистического искусства и творчества, в том числе и поэтического. Его графические работы и живописные полотна, на которых отображена природа, конкретные исторические события, известные поэты Вологодчины, всего Русского Севера должны быть, в первую очередь, обращены к душе зрителя, среди которых много молодежи, к истинным ценителям и знатокам нашей отечественной культуры. В этом заключается основная роль художника-просветителя.

Исходя из вышеизложенного материала, применительно к конкретному ракурсу исследования, можно дать следующее определение термину «краеведение»: «Краеведение – изучение и исследование темы литературного (поэтического) наследия с целью более полноценной творческой разработки, т.е. К. как художественный прием в современном искусствоведении и изобразительном творчестве, К. как тема для просветительства и воспитания молодежи».

Филиппова Е.В. (Тотьма)

ОБЗОР СТЕКЛЯННЫХ НЕГАТИВОВ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ «ФОТОНЕГАТЕКА» В СОБРАНИИ МБУК «ТОТЕМСКОЕ МУЗЕЙНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ»

В наше время все существует ради того,
чтобы окончиться фотографией.
Фотография мумифицирует время.
Анри Базен, французский кинокритик

Фотографический процесс делится на два этапа – негативный и позитивный. Если позитив – это конечный продукт фотографического процесса, то негатив - промежуточное изображение объекта. Негативное изображение - это изображение, в котором все цвета (в цветной фотографии) или переходы белого в чёрный (в чёрно-белой фотографии) инвертированы. Негатив является оригиналом (подлинником) изображения. Напечатанная фотография – это копия, отпечаток. В фотонегафонде музея хранятся негативы на стекле с имеющимися контрольными снимками и негативы на пленке.

Отсутствие информации и источников по данной теме в ее краеведческом аспекте заставило более углубленно изучить материалы научной библиотеки Тотемского музейного объединения. Поиски увенчались успехом, было найдено уникальное издание Ильинского Н.В. «Основы фотографии» (конспект лекций), изданное в Тотьме в 1913г.[860] Автор так аннотирует свое издание: «*Настоящая книжка имеет целью на основании элементарных знаний из Физики и Химии познакомить с самым существенным в фотографии, присоединив сюда и некоторые практические указания. Имея форму конспекта, - эта книжка не претендует на полноту и новые открытия в фотографии, столь многочисленные в последние годы. Автор имел в виду лишь скромную цель дать конспект лекций в руки своим слушателям (воспитанникам двух старших классов Тотемской учительской семинарии в 1912г.), но если эта книжка принесет пользу и за пределами круга указанных лиц, разъяснить начинающим любителям – фотографам «кое-что» непонятное в фотографии, направить в выборе аппарата и т.д. – то это будет лучшей наградой составителю. Автор*».[861]

В своей работе Николай Васильевич Ильинский отмечает, что «фотография – это способ копировки действительности естественной или искусственно созданной, того, что снимается – значит у фотографа может быть художественный вкус, но дело фотографии все-таки дело мертвое, не искусство… И в тоже время замечает, что значение фотографии, как способа точной беспристрастной передачи любого предмета (живого и мертвого) громадно!»[862]

Мое обращение и интерес к данной теме не случаен, это вызвано несколькими причинами:

- большая коллекция негативов на стеклянной основе в собрании музея;
- отсутствие атрибуции данной коллекции: возникают проблемы с установкой авторства и времени создания;
- необходимость подготовки к изданию каталога.

Фонд фотографий и негативов МБУК «ТМО» насчитывает более 20 тысяч единиц хранения и включает: негативы на стекле и пленке, слайды, диапозитивы, фотографии, пластинки, DVD диски, киноленты, охватывающие период с конца XIX века по настоящее время.

Коллекцию хронологически и тематически можно условно подразделить на:

- фотографии и негативы дореволюционного периода;
- фотографии и негативы советского периода;
- фотографии и негативы по этнографии;
- фотографии и негативы по истории города Тотьма;
- фотографии и негативы по сельскому хозяйству;
- фотопортреты.

---

[860] Ильинский, Н.В. Основы фотографии: Конспект лекций. – Тотьма: Типография Львова, 1913. - С.4.
[861] О нем: Белов, С.П. История Тотемского отдела Вологодского общества изучения северного края (1915-1920гг.). // Тотьма. Краеведческий альманах. Выпуск II. – Вологда: Русь, 1997. - С.521.
[862] Ильинский, Н.В. Основы фотографии: Конспект лекций. – Тотьма: Типография Львова, 1913. - С.7.

Большую часть коллекции негативов составляют портреты, групповые портреты, изображения архитектурных памятников, бывшие купеческие дома. Снимки отражают темы сельского и лесного хозяйства в Тотемском районе. Часть негативов – портреты неизвестных людей, которые пока не удалось персонифицировать. Способы поступления их в музей различны: переданные в дар авторами, проданные музею, поступившие в фонд при ликвидации учреждений. Тотьма может гордиться целой плеядой фотографов, увековечивших исторические события, запечатлевших виды города: А.М. Киренкова, Д.П. Петрова, Е.А. Баландина, П.А. Филева, И.Мишуринского и др.

Размеры негативов различны: 13 х18 см; 6х9 см; 9 х 12 см.; 18 х24 см., есть нестандартные пластинки. Коллекция в музее начала формироваться в 30-е годы XX века. В самой ранней книге поступлений № 21 «Тотемский районный краеведческий музей. Инвентарная книга для записи негативов, фотоснимков, хранящихся в Тотемском музее» числится: всего негативов на стекле – 907 экземпляров. Из них по отделу природы примерно – 300 экземпляров, остальные 607 отнесены в отдел истории. И примечание: «*Дубликаты, оставшиеся в музее им. Луначарского от посылки в центр*». Возникает закономерный вопрос - куда были направлены данные негативы?

Первые стеклянные негативы и фотографии на паспарту поступили из личной коллекции купца А.М. Киренкова.

Киренков Александр Михайлович (1876-1918 гг.), купец второй гильдии, с 1910 года по 1918 г.- городской голова Тотьмы, гласный Тотемского уездного земского собрания двух последних созывов с 1914 года. Александр Михайлович принимал активное участие в общественной жизни города, был человеком весьма разносторонним. А.М. Киренков занимался продажей канцелярских принадлежностей, книг, музыкальных инструментов, фотоаппаратов фирмы «Кодак». Но, увы, в таких информационных изданиях, как «Ежегодник Вологодской губернии»,[863] продажа фотографичеких товаров никак не отмечена, упоминаются лишь бакалейные товары А.М. Киренкова, хотя мы имеем документальные свидетельства – снимок фотолаборатории, фото интерьера магазина Киренкова, где продавались фототовары. В том же издании по Вологде читаем: «*Фотографические принадлежности. Во всех аптекарских магазинах. Фотографии. Раевский – Б.Б.Петровка, соб. Д. (см. объявление). Ефремова – Б._Петровка (см. объявление)*». О тотемских фотографиях никаких сведений нет.

А в ассортименте предлагаемой продукции магазина А.М. Киренкова мог быть фотоаппарат, о котором упоминает в своем издании Ильинский Н.В.: «*Самый дешевый аппарат пока Стерео-Брауни №3 «Кодак» - стоящий 25 руб. Он достаточно портативен и легок и дает недурные снимки при удачном освещении*»[864].

Неоспоримым является факт, что А. М. Киренков серьёзно увлекался фотографией, об этом говорит большая коллекция в фонде музея. На сегодня выявлено уникальных пластинок - 453 ед. хр., это без учета количества фотографий. Негативы из его коллекции отражают жизнь дореволюционной Тотьмы: профессиональная деятельность купечества и его быт, семейный досуг и развлечения, видовые фото города, фото семьи самого А. М. Киренкова.

Не менее весомой и ценной является коллекция стеклянных негативов, поступившая в фонды музея в 1927 г. Это снимки Дмитрия Михайловича Петрова, который имел в Тотьме собственную фотомастерскую.

Основную часть его коллекции, а это 278 ед. хр., составляют групповые портреты: участников конференций, рабочих и служащих учреждений Тотьмы советского периода, а также снимки, отражающие темы сельского и лесного хозяйства Тотемского района. Коллекция негативов в данный момент изучается и атрибутируется. Размеры стеклянных пластинок различны: от 8,4х16,9 см. до 17,9х23,8см.

Нельзя не оценить общественное значение работ фотографа, чувствуется творческая увлеченность и преданность его гражданским идеалам того времени. В каждом кадре есть элементы, которые раскрывают нам быт и деятельность персонажей. Своими работами он создал уникальную портретную галерею деятелей советского периода, зримая летопись того времени. Теперь это - культурное достояние. О самом авторе, Д.М. Петрове, мы знаем совсем немного: проживал в Тотьме по ул. Б.Садовой, д.3. Умер в возрасте 60 лет, 8 февраля 1932 года.

До недавнего времени не было найдено документальных источников, подтверждающих существование фотографии Д. Петрова, кроме самих его работ. Первым из них можно считать обнаруженное мною описание: «*Павильон Петрова, который мы осмотрели в Тотьме, может служить достаточным примером, а сарай Елисеева, приспособленный для целей фотографии, напомнит Вам, как можно сделать с домашними средствами, хотя бы и примитивный павильон*», - это практические указания Н.В.Ильинского для будущих педагогов, которыми должен руководствоваться фотограф при съемке[865]. Хочу заметить, чтобы открыть профессиональный павильон, нужно было обращаться с

[863] Ежегодник Вологодской губернии на 1911г. Приложения. Путеводители по Северу. – Вологда: Издательство И. Семенова, 1911. – С.101
[864] Ильинский, Н.В. Там же, с.20.
[865] Ильинский, Н.В. Там же, с.40.

соответствующим прошением о разрешении к уездному исправнику, оплачивая его гербовым сбором. Это дает надежду на выявление новых фактов в биографии фотографа и может явиться темой дальнейшего изучения и исследования.

В справочнике по дореволюционной фотографии А. П. Петрова «Российские фотографы. Словарь – справочник (1839-1930 гг.)» среди имен фотографов Вологодской губернии, и именно в Тотьме числится всего две фамилии: Петров Д. (Тотьма, Вологодской губернии) и Органов Алфей Аркадьевич (Тотьма и Кадников).[866] Из снимков последнего в фонде сохранилось лишь одно фото: «Вид г. Тотьмы с правого берега р. Сухоны. Кон. XIX-нач. XX века».[867]

Наряду с коллекциями негативов, поступивших от их создателей, необходимо отметить и поступления от других лиц: Г.А.Труханова, служащего Тотемского ЛПХ, директора Тотемского музея Н.А. Черницына, агронома Ивана Васильевича Весновского. Коллекция И.В. Весновского является самой значительной по количеству среди переданных в фонд музея. К сожалению, сбор информации об этом человеке никаких результатов почти не дал. Обращаясь в различные инстанции, удалось выяснить совсем немного. В Тотемском отделении ЗАГС имеется запись, что в 1921 году у Весновского Ивана Васильевича, временно проживающего в Тотьме на улице Дмитриевской, 12, родился сын, а происходит он из граждан Костромской губернии Кологривского уезда Никольской волости с. Никольского. На дату регистрации сына И.В. Весновскому было 27 лет. Следовательно, можно установить дату его рождения – 1894 год. Более вероятно, что он был лишь сдатчиком негативов, каким-то образом попавших к нему и затрагивавших сферу его интересов. В его коллекции: сельско-хозяйственные выставки, картофелетерочный завод, луга, полевые культуры, борьба с вредителями и другие. Размеры негативов: 9х12, 13х18см. Всего: 125 ед. хранения.

По моему мнению, интерес вызывает и упаковочный материал – коробки, в которых хранятся стеклянные пластинки. Они подобраны по размерам пластин и различны по происхождению. Есть коробки иностранного производства с надписью «Extra Rapid», скорее всего, дореволюционного происхождения, а также советского периода, произведенные на фабрике «Победа»… Несомненно, данная коллекция бесценных и хрупких свидетельств прошлого вызывает восхищение!

В настоящее время коллекция негативов тотемского музея хранится в фондохранилище, которое требует улучшения условий хранения. Необходимо упомянуть и о проблеме смешанного хранения, так как в фондохранилище помимо негативов и фотографий хранятся также газеты, книги, естественно-научная коллекция и др. Негативы хранятся в шкафах, в горизонтальном положении по несколько штук в коробке. Их сохранность вызывает определенные опасения. Сохранность пластинок в процессе хранения и использования по естественным причинам ухудшается: царапины, повреждения эмульсии, трещины, разломы, сколы. Каждое новое обращение к подлинникам отрицательно влияет на их состояние и даже создает угрозу их уничтожения. Ухудшение качества негативов — процесс естественный и неизбежный, но в наших силах провести ряд мер, замедляющих этот процесс. Начатая работа, а именно оцифровка и научное описание негативов, позволит обеспечить доступность их для исследователей и одновременно полностью исключит использование подлинников.

Оценить коллекцию фотодокументов еще предстоит исследователям в будущем. Конечно, ранние снимки имеют и свои недостатки, но их главное достоинство - историческая достоверность и огромная ценность для будущих поколений. Если живописные изображения могли быть приукрашены автором, а письменные источники могут иметь свои неточности и ошибки, то изображение негатива и фотографии никоим образом не искажает действительности!

Поддержите проект издания иллюстрированного альбома «Осколки времени. Тотьма на фотографиях начала XX века»! Переходите по адресу www.planeta.ru/campaigns/oskolki!

Харебова Л.С. (Москва)

ИЗ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ КНИЖНЫХ ПАМЯТНИКОВ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

Начало современного этапа изучения книжных памятников Республики Карелия связано с каталогизацией коллекции Карельского государственного краеведческого музея (с 2011 года – Национального музея Республики Карелия). В 1997 году хранителем фондов музея Н. М. Пановой на собственные средства был опубликован справочник, включающий описания 65 рукописей и 190 книг кириллической печати XVI–XX вв. из собрания старейшего музея республики[868].

[866] URL: http://museumart.ru/library_photo/ (дата обращения 06.02.2016)
[867] ТМО-15846.
[868] Коллекция рукописных и печатных книг кирилловского шрифта: Каталог / Карельский гос. краеведческий музей; сост. Н. М. Панова. Петрозаводск, 1997.

Издание каталогов провинциальными музеями было для 1990-х годов скорее исключением, чем правилом (как, впрочем, и в предыдущие два десятилетия). В это время работа по учету и описанию рукописей и особо ценных изданий велась по-прежнему преимущественно в федеральных учреждениях. Объясняется это тем, что именно там были сосредоточены квалифицированные специалисты и имелся набор литературы, необходимой для идентификации и атрибуции изданий. Региональные проекты по изучению и описанию книжных и рукописных фондов организовывались и осуществлялись в основном авторитетными столичными специалистами-археографами или при их участии (примером может служить программа «Памятники письменности в музеях Вологодской области»).

С начала 2000-х годов выявление, изучение и описание ценных изданий Российской Федерации было организовано в рамках Национальной программы сохранения библиотечных фондов. Осуществление федерального проекта «Книжные памятники» потребовало привлечения к участию всех учреждений и организаций страны (библиотек, музеев, архивов, научных и учебных заведений), владеющих книжными богатствами. С целью координации их деятельности началось создание сети региональных центров по работе с книжными коллекциями. В нашей республике научно-методическим и координационным центром стала Национальная библиотека, специалисты которой организовали в республике работу по созданию регионального свода книжных памятников. Итогом этой деятельности стала электронная библиографическая база «Книжные памятники Карелии», включающая сегодня 1274 экземпляра старопечатных иностранных и славянских изданий из фондов четырнадцати хранилищ республики[869].

В 2005 году вышел из печати каталог коллекции книг кириллической печати, подготовленный сотрудниками музея-заповедника «Кижи» под руководством И.В. Поздеевой[870]. Авторами была использована методика поэкземплярного описания старопечатных изданий кириллического шрифта, разработанная Археографической лабораторией МГУ, основополагающим принципом которой является выявление максимально полной книговедческой, исторической и краеведческой информации.

Важнейшим итогом исследования духовной культуры нашего края стало издание каталога карельских рукописей. Вдохновитель, руководитель и автор этого проекта – А. В. Пигин, доктор филологических наук, ныне ведущий научный сотрудник сектора фольклористики Института языка, литературы и истории Карельского Научного Центра РАН[871]. В работе над каталогом принимал участие авторский коллектив, состоящий из специалистов Карелии, Москвы и Санкт-Петербурга. В издании описана 231 рукопись из девяти государственных учреждений Республики Карелия. Немногочисленность республиканской коллекции объясняется тем, что большая часть рукописных материалов местного происхождения была вывезена в результате археографических экспедиций в конце XIX – XX вв. в столичные хранилища. В последние годы карельские специалисты занимаются изучением Карельского собрания рукописей одного из них – Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом)[872].

Следующим этапом научного освоения информации о республиканской коллекции книжных памятников стала подготовка каталога книг кириллической печати, изданных до 1830 года (т. н. старопечатных). При составлении каталога были использованы материалы проведенного исследования книжных собраний республики, в его подготовке приняли участие сотрудники музея-заповедника «Кижи», отделов редких книг Национальной библиотеки РК и Петрозаводского университета. Научное редактирование издания осуществлял А. В. Вознесенский, доктор филологических наук, зав. сектором старопечатных книг Российской Национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург). В республиканском каталоге старопечатных книг кириллического шрифта были опубликованы описания 402 экземпляров 342 изданий[873].

Как известно, уникальным информационным источником при изучении книжных собраний являются владельческие знаки, записи и пометы, сохранившиеся на листах изданий. Они помогают современным исследователям установить не только бывших владельцев и читателей книг, но и получить ценнейшие сведения о книжном репертуаре церковных, светских и личных библиотек, бытовании книг в различных читательских кругах. В процессе изучения записей были выявлены, например, хранящиеся в фондах Национального музея Республики Карелия 80 книг из церквей Кижского погоста[874].

---

[869] http: monuments.library.karelia.ru (23.01.2017).

[870] Харебова Л.С., Шилов Н.И. Книги кириллической печати в фондах музея-заповедника «Кижи»: Каталог / Под ред. И. В. Поздеевой. Петрозаводск, 2005.

[871] Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия / Сост., отв. ред. и автор предисл. А.В. Пигин. СПб., 2010.

[872] Бабалык М.Г., Кузнецова В.П., Панченко Ф В., Пигин А.В. Карельское собрание рукописей Древлехранилища им. В.И. Малышева в Институте русской литературы: некоторые итоги изучения (2012–2014) // Рябининские чтения-2015: Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С. 499–503.

[873] Книги кириллической печати в хранилищах Республики Карелия (1569–1830 гг.). / Под ред. А. В. Вознесенского; сост. Л. С. Харебова. Петрозаводск, 2013.

[874] Харебова Л. С. О библиотеке Кижского прихода // Рябининские чтения-2007 (Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера). Петрозаводск, 2007. С. 450–453; Библиотека Кижского прихода в архивных материалах // Кижский вестник: Сб. статей. Вып. 13. Петрозаводск, 2011. С. 52–65.

В карельских коллекциях редких изданий хранятся книги, имеющие признаки их вологодского происхождения. Дмитриевской церкви Дымковской слободы Великого Устюга принадлежала самая древняя кириллическая книга, хранящаяся на территории Республики Карелия – Евангелие учительное, напечатанное в 1569 году Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем в заблудовской типографии гетмана Ходкевича. В одной из записей на листах книги, сделанной 3 февраля 1610 года рукой игумена московского Воскресенского монастыря Петра, засвидетельствована передача им Евангелия Тимофею Вобласову, священнику великоустюжского Дмитриевского прихода. Сегодня книга входит в состав коллекции № 899 Национального архива Республики Карелия.

В фондах Национального музея Карелии находятся книги, полученные вологодскими храмами и монастырями в виде вкладов, о чем свидетельствуют записи, фиксирующие факты дарения. Издание Бесед на деяния апостолов Иоанна Златоуста, напечатанное в типографии Киево-Печерской лавры в 1624 году, происходит из Сойгинского Преображенского монастыря. Книгу вложил в обитель «лета 1685 марта в 25 день Яренского городка посадский человек Семен Матфиев сын Наумовых», который купил ее в 1681 году в Москве у Емелки Филиппова, бывшего пономаря «Спасова храма обыденная церкви, что на Вологде». Экземпляр Шестоднева, напечатанный в 1640 году московским типографом В.Ф. Бурцовым, вложила в 1659 году в Воскресенскую церковь в селе Замошье Андомской волости вдовая попадья Ксения Савина. Обе книги были учтены в 1918 году в описи памятников церковной старины, хранящихся в Олонецком губернском церковно-историческом музее, так же, как и Апостол, изданный в 1633 году на Московском Печатном дворе, с сохранившимся фрагментом записи: «Сия книга Важеского уезду Кокъшенской четверти Кулуискаго стану Верховской волости человека добраго и прожиточнаго». В нескольких экземплярах Миней, изданных в 1644–1646 гг., читаются записи о их принадлежности Кириллову Новоезерскому монастырю и Преображенской церкви Ухотской волости Заозерского стана Белозерского уезда.

В отделе редкой книги Национальной библиотеки Республики Карелия внимание автора привлекли два вологодских издания 1910-х годов: вышедшая из печати в 1914 году книга Г.К. Лукомского «Вологда в ее старине» и первый и единственный выпуск 1916 года журнала «Временник» – издания Северного кружка любителей изящных искусств. В экземпляре «Временника» обнаружилась дарственная надпись: «Георгию Крескентьевичу Лукомскому от членов исторической комиссии в воспоминание о работе над книгой "Вологда в ея старине". Е. Волкова, Сергей Перов, Иван Евдокимов».

Георгий Крескентьевич Лукомский (1884–1952) – художник, искусствовед, занимался собиранием, исследованием и музеефикацией памятников архитектуры и предметов старины. В 1920 году эмигрировал в Париж, на Западе продолжал активно работать. Г.К. Лукомский – автор книг и многочисленные публикаций по истории искусства, которые до сих пор вызывают интерес как ценнейшие источники информации о художественном наследии прошлого.

Книга Г.К. Лукомского «Вологда в ее старине» – одно из наиболее полных справочных изданий по архитектуре и популярных путеводителей по Вологде. Она была подготовлена и издана благодаря сотрудничеству автора и членов Северного кружка любителей изящных искусств (СКЛИИ) — культурно-просветительского общества, просуществовавшему в Вологде с 1906 по 1920 годы. В работе по собиранию материала и подготовке его к печати принимали участие местные писатели, художники, представители интеллигенции, в том числе председатель кружка Е. Н. Волкова, его члены искусствоведы И. В. Евдокимов, С. С. Перов, Н. С. Серова, С. Р. Эрнст. Книга вышла в свет в начале октября 1914 года в Петроградском издательстве «Сириус».

Вскоре после выхода книги кружок приступил к составлению регистра архитектурных памятников вологодского края. Деятельность организации включала также устройство художественных выставок и лекций по истории искусства, создание музея и библиотеки, издание книг. В 1916 году Северный кружок любителей изящных искусств издал журнал «Временник», приуроченный к 10-летию общества. Издание тиражом 500 экземпляров было напечатано в вологодской типографии П.А. Цветкова.

К выявлению изданий, бытовавших на Вологодчине, автором также была привлечена галерея экслибрисов, суперэкслибрисов и книжных знаков на листах изданий из фондов Национальной библиотеки Республики Карелия. В справочнике учтены следующие вологодские учреждения и организации: Вытегорская земская управа, Александровское реальное училище и Северный краевой педагогический институт (г. Вологда), Мариинская женская гимназия, женское профессиональное училище, общественная публичная и центральная уездная библиотеки (г. Череповец), районная библиотека Вахновской волости Череповецкого уезда[875]. На экземпляре журнала «Русское богатство» (№ 1, 2 за 1890 г.) имеется личный владельческий штамп Коровкина Александра Дормидонтовича, череповецкого педагога, краеведа, общественного деятеля. В 1893–1910 гг. А.Д. Коровкин заведовал общественной библиотекой г. Череповца, он является автором «Исторического очерка Череповецкой

[875] Благодарю сотрудников сектора редкой книги и работы с книжными памятниками НБ РК Н.И. Кипнис. и Е.В. Одинец за помощь в выявлении материалов для данной публикации.

городской общественной библиотеки (за 25-летний период ее существования, 1872–1897 гг.)», опубликованного в «Вестнике Новгородского земства» в 1900 году.

При изучении материалов программы «Памятники письменности в музеях Вологодской области» нами был обнаружен и карельский след в истории одного из книжных изданий, хранящихся в фондах Вологодского областного музея (ныне – Вологодский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник). В изданном в 1768 году первом томе «Истории российской» В.Н. Татищева имеются записи: «Книга сия Ефима Петровича Вавилина потписал тысяца восемь сот тридцать три-го года месяца июня 5 число», «Сия книга принадлежит деревни Космозерской Погоской крестьянам братьям Вавилиным». Космозеро – заонежское село, известное не только памятником архитектуры церковью преп. Александра Свирского, но и жителями-книгочеями – иконописцами М.И. и И.М. Абрамовыми, сказителями и учителями И.А. Касьяновым, П.Н. Коренной, П.К. Коренным.

Книжные богатства, сосредоточенные в фондах музеев, архивов и библиотек представляют собой уникальный ресурс для освоения духовного наследия прошлого. Несмотря на губительные последствия политики оптимизации в сфере науки, образования и культуры, в учреждениях нашей страны продолжается творческая работа по комплектованию, использованию, реставрации и изучению памятников истории и культуры.

Якушева Л.А. (Вологда)

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОСТИ: ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПЕРПОДАВАТЕЛЯ СОЛЬНОГО ПЕНИЯ А.Г. ЯРАНЦЕВОЙ

Ангелина Григорьевна Яранцева (1924-2014) – являла собой неординарную, творчески ориентированную личность, масштаб которой и степень влияния на музыкальную культуру региона уже не раз отмечались в медиатекстах, исследованиях по вокальному мастерству, а также было задокументировано в вологодских музыкальных летописях известным музыковедом Э.А. Кирилловой[876].

В данном случае, поводом для рассмотрения портрета А.Г. Яранцевой стали три основные причины. Во-первых, она более 50 лет занималась преподавательской деятельностью, формируя и транслируя определенные методы наставнической работы. Меняющаяся система образования, ее переформатирование на личностно-ориентированную педагогику, а на деле – усиливающееся давление по линии стандартизации и формализации, вызывает острое желание зафиксировать и сделать общедоступными принципы педагогической успешности тех, кому удалось создать вокруг себя креативное пространство, сегментируя его от ненужного официоза и идеологического давления. Вместе с тем, хочется сохранять и расточать память о тех, кто нес на себе бремя ответственности не только за профессиональный, но и за личностный рост своих учеников.

Во-вторых, А.Г. Яранцева была педагогом двух поколений музыкантов в моей семье, то есть ряд сюжетов является биографическим, субъективно-осмысленным материалом, однако, позволяющим передать ускользающее обаяние и живой облик реальной творческой личности.

В-третьих, модель учитель-ученик является лейттемой мировой культуры, так как смысловое поле этой оппозиции затрагивает проблему традиции и новаторства, индивидуального и коллективного, авторства и заимствований. В данном случае, поводом для расширения информативного потока является тот факт, что А.Г.Яранцева стала прототипом героини фильма «Слушая тишину» (2007, режиссер А.Касаткин), чью роль блистательно сыграла актриса Ия Саввина. Об этом в ряде своих интервью упоминала сценарист фильма, внучка Ангелины Григорьевны, Наталья Назарова.

Итак, Ангелина Яранцева, приехала в Вологду после окончания Саратовской консерватории в 1951 году, где начала свою деятельность в музыкально-педагогическом училище (25 лет), одновременно выступая на сцене Вологодской филармонии, участвуя в концертах и оперных спектаклях. Беседуя с учениками А.Г. Яранцевой разных лет, преодолевая эфемерность жизненного потока, удалось зафиксировать следующее. Из воспоминаний ученицы 60-х: *«Мы часто ходили на концерты с ее участием. Можно даже сказать, что среди студентов было соперничество классов разных преподавателей между собой, мы пристально следили за «старшими», мы были своего рода клакой: «Наша поет». – Гордились? – Конечно. Кроме того, Ангелина Григорьевна всегда старалась всех перезнакомить, подружить. – Ввыполняла роль свахи? – В какой-то мере, да. А когда была наша свадьба, прямо в училище накрыли столы… - И вы пригласили Ангелину Григорьевну? - Нет, в том-то и дело, что преподаватели все сами нам организовывали. Мы ничего не знали. А когда пришли из ЗАГСа, были*

[876] Кириллова Э.А. Вологодское музыкальное училище. – Вологда, 1994. – С. 103; Кириллова Э.А. Очерки музыкальной жизни. – Вологда, 1997. – 272 с.

накрыты столы: шампанское, конфеты.[877] Сказанное объясняет то, что зафиксировано на фотографии 1963 года: Ангелина Григорьевна в общей толпе стоит на месте свидетеля молодой пары, а рядом – студенты, коллеги. Преподавание не заканчивалось классной комнатой. Обсуждение концертов, присутствие на уроках сокурсников было обычным делом. Из воспоминаний А.А. Панчука: «*У меня не было музыкальной подготовки. Я был самоучкой и хорошо пел. Но именно Ангелина Григорьевна внушила мне, что нужно серьезно заниматься, и что для этого у меня есть все данные. По сути дела, она научила меня работать над музыкальным произведением. Ее напутствия окрыляли... Она обладала непререкаемым авторитетом*» Или вот такой фрагмент воспоминаний*: Когда я приехал в Вологду, по-русски я не говорил. Еще хуже писал. И за диктант мне, естественно, поставили двойку (неудовлетворительно). Я хорошо помню, как стоял у доски, где висели списки поступивших. Ко мне подошел преподаватель из Кирилловского культпросвета и стал уговаривать поступать к ним – они брали без экзаменов, достаточно было аттестата. В этот момент подошла Ангелина Григорьевна, она была членом экзаменационной комиссии по музыкальным предметам, взяла меня под руку и отвела чуть в сторону. Внимательно, глядя в глаза, спросила:*

– Русский провалил?

– Ну.

– Учиться хочешь?

– Ну.

– Петь любишь?

– Ну.

– Что ты все «ну» и «ну».

А я не знал, что ответить. По-украински «ну» - это «да». Было очень неловко.

– Хорошо, стой здесь и никуда не уходи.

Она взяла мои листочки с диктантом, все в красном, и куда-то ушла. Вернулась не скоро, но с хорошей вестью: «Если хочешь, будешь учиться»[878].

Из приведенных выше высказываний становится понятно, что взаимоотношения учителя и учеников выстраивались не только по линии освоения профессиональных навыков, но и распространялись на обыденную жизнь, на то, с чем значительно сложнее справляться – с провинциальной ленью, апатией, отсутствием мотивации к творчеству. Как педагог Ангелина Григорьевна использовала различные формы деятельности, которые способствовали идентификации учеников в качестве «класса Яранцевой»: это открытые уроки с выпускниками, поступившими в высшие учебные заведения, концертные выступления тех, кто продолжил исполнительскую деятельность, концерты класса, ансамблевые исполнения фрагментов оперных партий.

Для наиболее способных и перспективных Ангелина Григорьевна находила возможности, убеждала учебную часть выделять дополнительные часы, занималась факультативно с учащимися других отделений, например, фортепианного. В одном из интервью, на вопрос о том, что необходимо, чтобы стать профессиональным певцом, она проводит параллель с итальянцами, подчеркивая необходимость интенсивности работы и ее качества: *нужно заниматься у хорошего педагога как минимум 9 лет. Изо дня в день. В Италии занимаются меньше. Они могут за два года создать хорошего певца. Но у них есть определенный эталон: они много поют, много слушают. А у нас здесь кого услышишь? Редко кто поет хорошо. Мы занимаемся четыре раза в неделю, итальянцы – каждый день по два-четыре часа. Естественно, что у них результаты более высокие. И потом там климат благоприятный, экология очень хорошая, морской воздух, много витаминов, да и сам язык очень музыкальный.*[879] Обратим внимание и на еще одну очень важную составляющую методики – демонстрацию эталонного пения, необходимость «копилки» впечатлений, отслеживание большого количества услышанного материала. Ангелина Григорьевна многие годы придерживалась правила приглашения учеников на уроки сокурсников, учеников своего класса: *«Я мог провести в классе целый день, слушая, как она занимается с другими учениками. Иногда она могла попросить повторить, выполнить тоже самое упражнение»*[880]. Те, кто впоследствии становились педагогами по вокалу, уже исходя из своего багажа, обогащали опыт учителя: *«Мы пели фактически одинаковый репертуар. В этом были свои плюсы: музыкальный материал усваивался быстрее. Требования к исполнению тоже не менялись. В дальнейшем пришло понимание, что нужно акцентировать внимание на индивидуальных вокальных данных и специфических способностях каждого к усвоению технических приемов исполнения»*[881]. Таким образом, можно наблюдать некую

[877] Запись беседы с Карповой В.С. от 15 марта 2015 года (из личного архива автора)

[878] Запись беседы с Панчуком А.С. от 11 апреля 1015 года (из личного архива автора)

[879] Интервью Ангелины Яранцевой. Запись беседы Э. Кириллова, Р. Красильников [Электронный ресурс] // http://cultinfo.ru/interview/interview-2004/interview-angelina-yarantseva.php

[880] Запись беседы с Панчуком А.С. от 11 апреля 1015 года (из личного архива автора)

[881] Запись беседы с А.А. Панчук. 15 апреля 2015 (из личного архива автора)

цеховую взаимообусловленность модели «учитель-ученик», которая со временем трансформируется, расширяясь, в новое образование: «класс – поколение - школа».

В своей работе «Воспитание вокалиста» Ангелина Григорьевна Яранцева выделила 4 основные принципа азов обучения (здесь они приведены с комментариями для непосвященных – Л.Я.): 1) подражание (принцип «делай, как я»); 2) технологический (разучивание необходимых исполнительских приемов); 3) эвристический (поиск и запоминание ощущений при правильном звукоизвлечении); 4) художественный (работа с конкретным музыкальным материалом, над стилем исполнения).[882]

Обратим внимание, что эти принципы имеют важное значение для воспитания творческой личности вообще – не только вокалистов, но и музыкантов, актеров, даже исследователей. По сути своей, они являются универсальными, и это позволяет отнести их к педагогическим технологиям в целом.

В биографии художников, артистов, исполнителей важным оказывается и первый успех, и первая «заявка» на профессию. Ангелина Григорьевна с 7 лет пела в церковном хоре, дома вдохновляясь красивым баритоном отца. Обучаясь в лесомелиоративном институте, затем в сельскохозяйственном, она рискнула пойти на прослушивание в Большой театр, которое проводилось в Саратове. Именно там ей посоветовали продолжить обучение. О консерваторском периоде воспоминания Яранцевой обжигают горечью, вызывая к жизни гипотезу о том, что именно эти обстоятельства в дальнейшем стали стимулом к реализации певицы на педагогическом поприще: «*Мне не повезло с педагогом. Она не поняла мой голос. У меня переходный голос: то ли меццо-сопрано, высокое, то ли компактное сопрано, центральное. Все постоянно спорили в отношении характера моего голоса. Таких голосов довольно много, например, у Марии Каллас. А педагог стала вести меня на контральто, которого у меня никогда не было и не могло быть. Я стала петь хуже»*[883].

К сожалению, практика выбора педагога, вариативность предметного кейса, качественное тьютерство по индивидуальному алгоритмированию образовательного процесса в нашей стране отсутствовали тогда, отсутствуют эти принципы обучения и сейчас, хотя можно сказать, что деятельность Ангелины Григорьевны Яранцевой для вологодских музыкальных учебных заведений была как раз счастливым исключением. Она занималась с музыкально одаренными людьми, даже если они стремились к получению другой музыкальной специальности. *«У нее была такая…чуйка на талант. Понимаете, мы – вокалисты, не можем пройти мимо красивого голоса, человека, имеющего хорошие данные. Появляется желание заниматься*.[884] Кроме того, будучи подвижником своего дела, педагог понимала, что условия для развития в Вологде трудно назвать благоприятными (сюда отнесем климат, распространение влияния музыкальной культуры, исполнительские традиции). Из интервью: «Если *говорить о культуре пения, то она очень слаба. В Вологде народ поет только в пьяном виде. В южных городах, в том же Саратове, все поют. Будь то бухгалтер, будь то инженер, будь то рабочий, будь то врач. Там сам климат заставлял петь*»[885]. Принимая во внимание эти обстоятельства, Ангелина Григорьевна признавала и целительную силу музыки, и необходимость ее присутствия в качестве условия преодоления ограниченности, обособленности, провинциальности. Это позволяло педагогу являть пример и собственного творческого долголетия: «*Хорошая музыка лечит, делает меня молодой. Думаю, так она действует не только на меня. Будучи в глазной больнице, я предложила соседкам по палате петь. И мы, несмотря на болезни, бинты, стали делать это, а все больные, сестры и врачи собирались в коридоре и слушали»*[886]

Профессиональные сообщества музыкантов, писателей, художников, театральных деятелей существуют достаточно обособленно. Однако провинциальный творец «приговорен» к более тесным контактам между элитарными средами, зависим от общей зрительской аудитории, но плотность интеллигенции, мера и степень ее влияния в провинции не так высоки. В случае Яранцевой – при методичном, последовательном, действенном влиянии на окружение, мы видим результаты достаточно стабильные, выраженные, зримые, имеющие продолжение не только в профессиональной среде, но и, как показывает практика, в семейной традиции. Ей удалось оказать влияние значительно большее, нежели только на процесс обучения в данный конкретный период времени. Все это подтверждает исходную мысль о масштабности личности А.Г. Яранцевой, мотивирует продолжать исследования по моделированию образовательных процессов, свидетельствует о необходимости фиксировать детали учебной деятельности, которая эфемерна, как и любое исполнительство, находя в «уходящей натуре» то лучшее, что мы потеряли или восприняли и сохранили.

---

[882] Яранцева А.Г. Воспитание вокалиста: Учебно-методическое пособие. – Вологда, 2006. – С.7.

[883] Интервью Ангелины Яранцевой. Запись беседы Э. Кириллова, Р. Красильников [Электронный ресурс]. // http://cultinfo.ru/interview/interview-2004/interview-angelina-yarantseva.php

[884] Якушева Л.А., Панчук А.А.: Из театра в кинематограф: творчество Н.Назаровой. Информация о лекции в рамках проекта Просцениум 11 мая 2016 года [Электронный ресурс] http://cultinfo.ru/news/2016/5/from-theatre-to-cine

[885] Интервью. Там же.

[886] Интервью. Там же.

Приложение

ТРИ ПИСЬМА С ДОРОГИ: СЕВЕРНЫЙ ВОЯЖ ПОЭТА И ЧИНОВНИКА К.К. СЛУЧЕВСКОГО

Публикация Антона Нелихова

Писатель, офицер, поэт и чиновник Константин Константинович Случевский занимает особое и во многом случайное место в истории Русского Севера. В 1884 и 1885 годах вместе со свитой великого князя Владимира Александровича он проехал по северным губерниям Российской Империи. Случевский вел подробный дневник и вскоре опубликовал его роскошным изданием. Живой язык и наблюдательность автора сделали книгу не только ценным, но и очень занимательным источником о жизни Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний. Дневник не раз переиздавался, в том числе в 2009 году, и хорошо известен любителям истории.

Это не единственная публикация Случевского о севере. Спустя пять лет после поездки с князем он по служебным делам проехал от Вологды до Сольвычегодска. Во время командировки он отправил в газету «Московские ведомости» три больших письма с рассказом о дорожных впечатлениях. Первое было опубликовано под псевдонимом "С.", остальные два – под подлинным именем автора.

Кажется, эти письма никогда не переиздавались, хотя представляют известный интерес и содержат много ярких деталей.

Первое письмо написано несколько формально, в нем подробно перечисляются благотворительные общества и классические достопримечательности Вологды, но и тут Случевский вставляет любопытные диалоги и подробности.

Остальные два письма совсем другие, здесь чиновник вполне уступил место поэту. Случевский описывает капитана, лоцмана, попутчицу-странницу. Пишет, что стерлядь на севере поят водкой, чтобы жила подольше, а лодочники могут зажигать спички о заскорузлые ладони. У него получился очень живой и симпатичный портрет северной провинции.

Три опубликованных в «Московских ведомостях» письма были найдены в газетном отделе Российской национальной библиотеки А.Е. Нелиховым, им же подготовлены к переизданию.

*

С. Вологда. 19 июля. (От нашего корреспондента) // «Московские ведомости», №201 за 23 июля 1890 года

В древней Вологде все обстоит благополучно. Один из двух деревянных мостов через реку Вологду, красный, только что починен; на базарной площади, против гостиницы «Золотой Якорь», к слову сказать, очень хорошей и помещающейся в одном из лучших зданий города, утром прибывают и убывают возы с сеном, дровами и балками; вода в реке так мелка, что пароходное сообщение с Архангельском почти не существует; оба клуба, благодаря летнему времени, почти бездействуют.

- Когда же пароход?
- Есть телеграмма – вышел из Устюга.
- А когда прибудет?
- Дней через пять, а может быть и не дойдет вовсе.
- Да как же ехать?
- «По горам», то есть почтовою дорогой, или на лодке; тут много на лодках ездят.

Эти лодки довольно длинные, широкобокие, очень ветхие, сколоченные наскоро, стоят рублей пятнадцать; руль – длиной с лодку; посередине ее ставят ящик, под которым не угодно ли спать.

- А сколько времени на лодке ехать?
- Вниз по воде до Устюга дней шесть, семь, восемь.

Надо лучше ждать.

Древняя Вологда, как и большая часть наших городов, немного изменила своему основному посту. Зачалась она подле самой старой в городе церкви Воскресения Христова, о которой упоминает летопись под 1147 годом, ко времени прибытия сюда из Киева преподобного Герасима, нашедшего подле церкви торговое поселение. От старой деревянной церкви этой нет более и помину; вместо нее высится с 1762 года каменная, и очутилась она на окраине города, далеко от центра, от собора. Этот последний, Софийский кафедральный собор, построенный по повелению Ивана Грозного в 1568-1570 годах, в основных очертаниях своих сохранил древнее обличие, но безобразит его невозможная, в ломаном готическом стиле построенная и в 1870 году переделанная колокольня. Собор Вологды может служить доказательством того, что, должно быть, и во времена Иоанновы здешний климат, обильный запасами всяких насморков и гриппов, был опасен не только для людей, но даже для воздвигавшихся зданий. По особому приказанию Грозного, бывавшего неоднократно в мирной Вологде, а именно трижды, и

думавшего даже, как говорит предание, перенести сюда из крамольной Москвы столицу, все, что при постройке собора поднималось днем, закрывалось на ночь лубками для защиты от атмосферных влияний; здание собора, вызвавшее такое внимание со стороны государя, ответило, однако, совершенно неожиданною дерзостью: до сих пор показывают в одном из сводов место с вывалившеюся штукатуркой, из которого на голову царя упал кирпич; решено было сломать церковь, но гнев переменился на милость, и собор существует до наших дней.

Много в Вологде других храмов с синими, зелеными, жестяными куполами и куполочками; есть в ней и древние монастыри, из которых очень характерен Прилуцкий монастырь, на кладбище которого, под небольшим белым памятником, покоится умерший здесь в 1855 году поэт К.Н. Батюшков, долгое время живший в Вологде сумасшедшим; в Прилуцком монастыре, как известно, хранились вывезенные в 1812 году из Москвы сокровища Патриаршей ризницы, Сергиевой Лавры, Чудова монастыря и пр., а в древних башнях имеются превосходно сохранившиеся «мешки» в каменных стенах, в которых содержались узники.

В Вологде имеются предания о соборной горе, на которой Грозный думал построить дворец, с ее подвалами и тайниками, о поляне с могилой белоризцев – таинственных мужей в белых ризах, явившихся вологжанам на помощь против князя Дмитрия Шемяки; здесь, в Вологде, стоит на берегу реки Вологды небольшое здание со сводами – квартира Петра Великого, посетившего город дважды, обновленное в 1872 году к юбилею Великого Государя; хранятся по храмам многие древние, чествуемые иконы и почивают под осенениями и во свете лампад мощи преподобных.

Весьма почтенным исследователем вологодской древности является Н.И. Суворов; в настоящее время И.К. Степановский печатает, и половина уже отпечатана, историко-археологический сборник «Вологодская Старина», касающийся в подробности всех городов губернии и ее церквей и обителей.

Большая часть улиц мощена, тротуары везде деревянные, обсаженные березками, которые здесь обстригаются, а в юности срезываются и поэтому дают не один ствол, а несколько, что и красиво, и тенисто; нигде по улицам городов нет такого нескончаемого царства березы, как в Вологде. Обращает на себя внимание приезжего продажа пороха в маленьких будочках на улице: это значит, что приезжий приблизился к странам лесной охоты, составляющей здесь исконный промысел и великое подспорье крестьянскому быту, обиженному качеством земли и зачастую губящими посевы утренниками.

Здесь, уже сорок шестой год существует Александровский детский приют и, в особенности в последние годы, под ласковым и умелым попечительством, быстро совершенствуется. В нем красуется портрет Государыни, писанный масляными красками, милостивый дар Императрицы, дар особенно редкий, так как очень и очень немногие приюты осчастливлены подобным знаком внимания. Капитал приюта, составленный из доброхотных и очень крупных пожертвований, достигает 60 000 руб. и на проценты с него воспитываются и содержатся 149 воспитанниц, девочек от 3 до 17-летнего возраста; половина из них пансионерки. Помещение приюта – хорошенький каменный домик с садиком и огородом, в которых в свободное от занятий время копошатся призреваемые дети в серых платьицах и черных передниках. Посетителя приюта приятно поражает ласковое и бесстрашное обращение с ним детей, нет и следа запуганности, что ясно свидетельствует о матерински-нежном обращении с ними начальствующих лиц (попечительница приюта А.Н. Кормилицына – жена начальника губернии). В приюте обучают девочек, кроме учебных, классных предметов, практической жизни и ремеслам. Профессиональная школа приюта дает девочкам возможность заработать в жизни честный кусок хлеба; они кроят, стирают, шьют, чинят, гладят, вяжут и достигают иногда в плетение кружев, местного вологодского производства, значительного совершенства. Дети сами убирают комнаты, работают на кухне и хозяйничают в огороде. Священник ведет очень хорошо составленный и правильно обученный хор, поющий в приютской церкви. Церковь эта возникла в память грозного и счастливого события 17 октября. Памяти этого же события посвящена и превосходная лампада стоимостью в 3000 руб., повешенная в Спасо-Всеградской церкви Вологды.

Недавно положено основание другому учреждению высоко-благотворительному, именно «Яслям». Нынешнего начальника губернии, М.Н. Кормилицына, он же председатель губернского попечительства (капитал которого достиг почтенных размеров 73 000 р.), давно уже занимала мысль об обеспечении участи других, более несчастных детей – детей незаконных. Много возникало препятствий на пути к осуществлению благодетельной мысли этой, наконец явилось самое нужное – средства, и на пожертвование одного из самых щедрых местных благотворителей, купца Т.Е. Колесникова, уже приобретен каменный дом с садом и другими хозяйственными постройками, заложенный в одном из банков за 33 000 р., несомненно один из лучших в городе, на берегу реки. Предположено устроить «Ясли» на 50-80 детей, и разработка устава находится в полном ходу.

Третье благотворительное учреждение, с которым посетитель Вологды, в ожидании парохода, может ознакомиться, это колония малолетних преступников, еще недавно выставившая работы своих детей на Петербургской международной выставке. Основание ее тоже принадлежит трудам и умению М.Н. Кормилицына. Колонию ведает «Вологодское Общество Земледельческих колоний и ремесленных приютов», основанное одним из бывших вице-губернаторов, М.М. Кониаром, находящееся теперь под

председательством нынешнего вице-губернатора А.П. Лаппы-Старженецкого. Капитал Общества превышает 21 000 руб.; помогают Обществу доброхотные жертвователи, земства и думы. В настоящее время в колонии 40 мальчиков, поступивших в нее по приговорам окружных судов и мировых судей. Грустное впечатление производят ведомости, которые ведутся каждому из поступающих, в которых названы поводы, послужившие основанием судебным приговорам; есть мальчики, заключенные до совершеннолетия; гораздо отраднее читать те сведения, которые имеются в приюте о выбывших из него: образумленные и наученные ремеслам, они живут хорошо, и рецидивисты между ними чрезвычайно редки.

Кроме того, Вологда имеет учрежденный в память 17 октября ночлежный дом и народную столовую, по-видимому, далеко не пустующие. Первый из них устроен на сто человек мужчин и женщин. Столовая отпускает 40 обедов даром и столько же по 6 к. за обед, состоящий из двух блюд и 1 фунта хлеба. Пестрая публика оживляет столовую безлюдного дома к часу, к обеду и к ночи для ночлега. Помещение очень чисто, хорошо проветривается и кухня хороша.

В Вологде нет и 20 000 жителей, а между тем, как было видно из сказанного, благотворение в ней широко и направлено на больные места общества. На осуществление этих вещей надобны умение, настойчивость, обходительность, а, главное, желание. Правда, не чужда была Вологда благотворения и в прошлые годы; подле собора высится остаток древней стены с вышками, в которой помещается теперь епархиальная свечная лавка, и стена эта не что иное, как след одной из четырех богаделен, когда-то содержавшихся в Вологде, до времен Екатерины II, на счет епархиального начальства; этих богаделен нет больше, но молодая поросль, в других видах, конечно, с другими целями, дает себя знать и проглядывает на свет по мере сил и возможности. Пожелаем ей успеха – дело хорошее, и поставить в этом отношении Вологду в пример очень многим другим городам можно и должно. Не одна только болотная почва, на которой она стоит, не одна только превосходная наливка из местной ягоды поляники отличают ее от других губернских городов, поставленных в условия гораздо лучшие, но благотворящих сравнительно не так широко и не так вполне удачно.

*

К. Случевский. От Вологды до Устюга (Письмо с дороги) // «Московские ведомости», №219 за 10 августа 1890 года

19 июля, утомленный ожиданием обетованного парохода, пошел я на пристань «Северо-Двинского Пароходства» (здесь есть и другое общество, Булычева) и спрашиваю о времени прибытия.

- Не знаем.

- Да ведь пять дней тому назад пришла телеграмма о том, что «Петербург» вышел из Тотьмы?

- Мы не можем иметь никаких сведений. Телеграфа нет.

- Как нет? Телеграф есть в Тотьму, Устюг, Сольвычегодск, Яренск, Усть-Сысольск.

- Есть, но только в города, а по речным берегам телеграф бежит и знать их не знает.

- И вы в течение пяти дней о судьбах парохода не знаете?

- Не знаем. Он может и десять дней простоять за недостатком воды и тогда кушанья пассажирам не хватит.

- Что же, с голоду умирать?

- Если в таком месте как ниже Шуйского, так на 70 верст жилья нет, можно и с голоду.

Не успел я выслушать эту рисовку приятной перспективы, как вдруг из-за изгиба реки Вологды, горделиво поднимаясь мачтой и дымя трубой, показался пароход. Неожиданность и полное подтверждение слов, мне сказанных, поразили меня.

Обеспеченный отъездом на завтрашний вечер, я успокоился. Шлюз, как говорили, на Кубинском озере, был открыт; облака уже каждый день носились подле Вологды, кругом шли дожди, и вода в реке Вологде кругом видимо прибывала. Вечером, в 10 часов, 20 июля, наш «Петербург», невеликий, слабосильный, сидящий в воде 3½ четверти, дал свой громогласный, не по росту, свисток, и мы двинулись тихо, тихо вдоль паузок и барж, стоявших у потемневших берегов. Всходила полная, красная луна, и при ее освещении можно было, хотя отчасти, ознакомиться с пассажирами. Они сновали какими-то неясными тенями, отыскивая места, где бы расположиться на ночь удобнее.

Ехали два-три лесные чина, один горный инженер для отвода площади под свинцовый блеск на Мурмане, ехал полковник генерального штаба в Архангельск и Соловки, с целью главным образом поклониться могиле своей матери, покоящейся в Архангельске; ехал какой-то невзрачный еврейчик в прюнелевых ботинках – архангельский золотых дел мастер, и еще немногие, первого и второго класса; все мы одинаково мало любопытны. Гораздо назидательнее составился третий класс с его мешками провизии, тюфяками, подушками, детьми, люди с бору да с сосенки, направлявшиеся до попутных городов и на север.

Мне бросилась в глаза одна типичная фигура женщины. Я не ошибся: личность замечательная. Фамилия ее Удинцева, родилась в Каракалове, Семипалатинской области, родом дворянка, замужем за мещанином, странствует по обещанию. Ей 33 года, лицо бледное, некрасивое, сама сутуловатая, высокая, но с удивительными как жемчуг зубами и с какою-то, если можно так выразиться, прирожденною деликатностью движений и обращения. Из Омска 19 августа прошлого года проехала она пароходами до Тобольска, пешком шла на Камышлов, Екатеринбург, Пермь, пароходом в Нижний, пешком на Владимир, Москву, Тулу, Калугу, Орел, Чернигов, Киев, Житомир, Почаев, Киев, водой до Кременчуга, пешком в Полтаву, Харьков, Тулу, Москву, Ярославль и Вологду. На нашем пароходе везли ее даром до Архангельска. В Соловках женщины долее трех дней оставаться не могут, и следовательно, она в начале августа двинется обратно, большею частью пешком, в далекие Каракалы. Наступит осень, зима, теплого платья пока нет, а она все пойдет незнакомою дорогой, будет ночевать и в лесу, и на болотах, и даже палки в руке не имеет. Обещание дала она потому, что одновременно заболел ее муж и сын; сынок умер, муж выздоровел, и она пошла. Если сравнить это шествие странницы с нашими спортсменами на лодках, пешком, на коне, на велосипеде и пр., то, право, берет досада за этих господ; а, ну-ка, попробуйте! Странница показала мне очень типичный маршрут ближайшего ее пути, составленный каким-то добрым человеком и писанный на клочке бумаги.

Наш капитан Осип Иванович, происхождением крестьянин, очень умный, говорливый и бывалый, и наш лоцман Кузмич, считающий нынешний год своим пятидесятым годом лоцманства, - решительно не знали, сколько времени пойдем мы; для облегчения парохода всю кладь переложили на паузку, которая бежала у нас на буксире, причем сообщили, что если воды будет мало, то на паузку пригласят и пассажиров третьего класса.

Определенных цен на здешних пароходах нет: в низкую воду прибавляют на рубль по 25 копеек и больше, по своей охоте, и в сроках доставки не берут на себя решительно никакой ответственности. Правильные рейсы по расписанию возможны только по весне и осени, и то с сюрпризами; говорили, что два года тому назад пароходы бегали все лето. Ну вот и рассчитывайте и соображайте! Буфетная часть очень плоха, и кто-то говорил, что на таких рыбных реках, как Сухона и Двина, рыбных блюд на карточке не находится вовсе и из битков и котлеток человек не выходит; обещали нам, однако, что может быть, будут рыбы, но их так и не было.

Утро 21 июля настало превосходное. Пассажиры третьего класса, отлежав кто бока, кто спины, кто шеи, пользуясь одною только невеликою помпой, умывались по крайности часа два времени. Огромное пустое пространство от устья реки Вологды до Шуйского прошли мы быстро и благополучно. Вода и без того высокая, то и дело прибывала, конечно не потому, что открыт был Кубинский шлюз – где ему, маленькому, поднять воду в этих необозримых бассейнах, а потому что кругом шли дожди. Воспользовавшись одною из остановок парохода для нагрузки дров (цена сажени 80 к.), мы небольшим обществом спустились на берег и сделали версты две: вода лила со скатов повсюду, в расщелинах падала она водопадиками, и нельзя было ступить по песку без того, чтобы не погрязнуть. Притоков на Двине много, и все они, надувшись, катили в нее обильную воду.

Вслед за Шуйским к Тотьме лесистые края берегов растут, села учащаются и выдаются местности чрезвычайно живописные. Кое-где мелькают небольшие распаханные поля и более или менее людные села, с большими, нередко трехэтажными, домами и красивыми каменными церквами, то и дело возникают справа и слева. Поразительно количество хмеля, высящегося изумрудными столбами подле домов: крестьяне варят здесь огромное количество пива, чаще 2-5 хозяев заодно, причем любят подмешивать к нему водку; и без того чрезвычайно горькое пиво, в смеси с дурною водкой, является напитком до того невкусным и одурманивающим, что пить его могут только люди привычные. Почти по всем селам крестьяне строят паузки и баржи; их строят на «городках» или сложенных столбиками, по квадрату, бревнах длиной в сажень; когда судно готово, то для спуска его на воду вышибают одно за другим нижние бревна, и судно опускается. Имена этих суден разнообразны; в Шуйском, например, строят «шуяки». Село Шуйское, богатое и людное, замечательно своею редкостною по размерам и богатству церковью; какой-то местный уроженец, скрывающий свое имя, является создателем ее.

Двигаясь очень быстро, по 12 верст в час, мы то и дело обгоняли крытые лодки, в которых, на долгих, спускались путники, отчаявшиеся в прибытии парохода. Обогнали мы одну довольно большую лодку, полную огурцов, направлявшихся в Архангельск, где фрукт этот считается южным и дорогим; обогнали другую – с капустой. Навстречу нам тянули на бичевке лодку с «пером» и «замшей», несомненно северного происхождения. Если тут не везде созревают огурцы и капуста, то и хлеб здесь требует особых приспособлений для дозревания, и такими являются торчащие везде по деревням «стож*а*ры» для хлеба и «остр*о*вы» для сена, поставленные отвесно бревна, обязанные сушить их и проветривать.

Ночью на Сухоне пароходам ходить опасно, даже и в полую воду. Особенно неприятна Сухона своими каменьями, из которых один «Петров Камень», известный легендой о лоцмане Балагурове, которого Петр Великий, рассердившись, столкнул в воду, а затем подарил землю, никогда не покрывается водой, и лежит в 10 верстах ниже Тотьмы; опасные для барж камни «Седло» и «Сахарник»,

при нашем проезде чуть-чуть обозначавшиеся струйками, лежат в 18 верстах ниже Тотьмы. За Тотьмой пенятся довольно длинные и неудобные пороги Жидятинские, на которых, как и вообще в неудобных местах, уменьшают ход парохода, между прочим и потому что, как утверждал капитан, быстро идущий пароход идет на два вершка глубже, а тут уже всякий вершок – великое дело. В последнее время Министерство Путей Сообщения принялось за удаление опасных камней, но работы производятся медленно и очень первобытно, а именно – камни зацепляют громадными щипцами и вытаскивают воротом.

Тотьма, если подъезжать к ней от Вологды, виднеется высокою колокольней Суморина монастыря издали, а на последнем завороте реки, из-за последней луки, вытягивается длинною, красивою панорамой своих церквей; на высоком берегу, над самою пристанью, высится внушительное здание острога. Вечер спускался к нашему приезду ясный, лунный; в огромном количестве реяли по воздуху беленькие эфемеры, которых называют здесь «метельки» и которые составляют существенную приманку для рыбы и кладутся в сети или «помцы», расставленные по всему течению Сухоны. Известковые, высокие берега Сухоны достигают у Тотьмы сажень двадцати, а далее вырастают еще больше. Вдоль всего течения река чрезвычайно извилиста, делает крутые повороты, бежит чуть не назад, и в солнечный день тень от трубы бегает по всему пароходу.

Рано утром, опять-таки чудеснейшим днем, отчалили мы от Тотьмы, и подле нас потянулся тот же бесконечный пейзаж: те же села, изгороди, полянки, только что каменные церкви сменились деревянными. Нельзя было не обратить внимания на особенную вышину качелей по деревням: они достигают семи сажень вышины и поэтому качающиеся размахиваются, легко сказать, на целых четырнадцать сажень?

За Тотьмой количество камней возрастает; в местах мелких по свистку капитана на нос выскакивает красная рубаха с шестом, называемым «выметкой», и начинает выкликать размеры глубины, причем эти оклики интересуют всех и каждого:

- Семь! - Семь с половиной! – Пять! – Шесть с половиной!

Видимо, что дно чрезвычайно неровно. Если глубина достигает 12 четвертей, красную рубаху останавливают характерными словами:

- Не маячь!

При переходе за 12 четвертей – конец всяким измерениям или так называемый «портабак», и «выметка» кладется на место. Что это за удивительное слово «портабак» и откуда взялось оно?

Благополучно миновали мы на 150 версте от Устюга камень «Поруха», подле очень красивой слободки Брусенцы, вливается река Устюга, на этот раз очень полная и говорливая. По берегам торчало то же количество хмеля при избах, с тою разницей, что кое-где виднелись на берегу и котлы, в которых производилась варка на Ильин день; в этот день в здешних местах что ни путник – то гость, и угощают его вволю. Подле красивого места Побоечное село высота берегов достигает по крайней мере 30 сажень и обнажения все те же – розово-серые горизонтальные слои известняка с прослойками глины, весьма хрупкие и выветрившиеся. Самое красивое и высокое обнажение их имеется над самыми опасными порогами, 60 верст до Устюга, так называемые Опоки. Спускаясь в пороги, весь персонал парохода крестился на сельскую церковь, стоящую как раз у начала порогов. Они особенно опасны тем, что в самом порожистом месте Сухона делает резкий изгиб в форме буквы Z, что при условии быстроты и порожистости чрезвычайно неудобно. На берегу имеется сигнал с обозначением глубины на порогах.

При входе в пороги наш лоцман Кузмич находился, конечно, у руля. Воды оказалось так много, а именно, - пример очень редкий в конце июня, - пять четвертей, что мы даже не остановили машины, а шли в порогах тихим ходом, так как наш «Петербург» сидел только 3½ четверти и обеспечение было полное. Спустились мы совершенно благополучно и тут же, вслед за порогами, повернув носом к течению, - здесь во внимание к быстроте воды иначе не причаливают, - остановились на ночевку против хаты самого лоцмана Кузмича. Говорили, что в виду светлой лунной ночи мы могли бы сделать еще 60 верст и ночевать в Устюге, так как река ниже Опоков безопасна, но, по-видимому, у здешних мореплавателей есть свой гонор, желание приходить в города днем, чтобы знали все и каждый, что «Петербург» сделал на этот раз что-то исключительно редкое, а именно прошел в конце июля от Вологды до Устюга почти 600 верст в 48 часов. В весеннее время, когда вода поднимается сажень на семь, расстояние это пароходы проходят даже в 29 часов. Не угодно ли при этих особенностях плавания рассчитать свой путь хотя сколько-нибудь.

- А что, капитан, - спросил я Осипа Ивановича, - пройдя к нам навстречу, чтобы забрать нас, от Устюга до Вологды девять суток, и от Вологды до Устюга, забрав нас, двое суток, что заработал пароход?

- Тысченки полторы заработали!

- А когда пойдете назад?

- Должно полагать, сейчас как придем; вода высока очень, еще рейс сделаем, а вас на какой-либо другой пересадим.

Воспользовавшись ночевкой в Опоке, я зашел в хату к лоцману Кузмичу. Он получает от пароходного общества за все лето по 500 руб.; скопил капиталу 15 000 р., как сам говорит, и до 30 000 по

словам соседей. Изба у него просторная, икон много и все в богатых ризах. Две снохи, в характерных повязках на головах и с валенками на ногах, орудовали у огромного, чистого самовара и поднесли нам, гостям, свежей поляники, морошки и превосходного молока. Вечер спустился ясный, но к полночи стал накрапывать дождь, и на утро к отходу парохода, в четыре часа, все небо обложило тучами, и погода стала ветреною. В десятом часу дня были мы подле Устюга; первыми увидели звонницу и купола Янковского монастыря, а затем вытянулась и высокая, одетая бревнами набережная Устюга, с ее храмами глубокой древности, стоящими один подле другого который уже век. Простоят ли они долго, решить трудно: река подмывает пески упорно, и две ближние к Двине церкви пришлось снести.

Только по выходе на берег в Устюге заметил я, что железный нос «Петербурга» был смят; эту аварию потерпел он по пути в Вологду, к нам. Капитан был прав: два часа спустя решено было, что «Петербургу» идти в Вологду опять, а к нашим услугам был предложен небольшой пароход «Север». Воды так много, что «Петербург» с расквашенным носом заработает еще 1500 рублей.

Характерно образование местных обычаев. Пять лет тому назад здесь проезжал на север Великий Князь Владимир Александрович и тогда народ с берегов кричал «ура!». Теперь делают ту же встречу всякому пароходу, особенно дети, и пароход должен ответить свистком, иначе вызывает неудовольствие. Обычаю этому, конечно, не исчезнуть никогда.

*

К. Случевский. По реке Вычегде. Письмо с дороги // «Московские ведомости», №226 за 17 августа 1890 года

Маленький пароход «Север», отходивший в Архангельск из Устюга, должен был доставить меня к устью реки Вычегды, впадающей в Северную Двину справа, до пристани Ускорье, находящейся на левом берегу. «Север» - посудина довольно неудобная, тихоходная, от которой желало бы избавиться, но не может, само пароходное общество; котел «Севера» расположен на носу, цилиндры на корме и приводят в движение одинокое колесо, уныло шумящее где-то еще дальше, за рулем. Расположение самых тяжелых частей парохода на двух его оконечностях обусловило выгиб его во всю длину, и поверх палубы, с обоих боков, тянется прочное железное скрепление, чтобы противодействовать развалу парохода на две части. Как ни невзрачен оказался наш пароход, тем не менее я был очень рад покинуть древний Устюг; в нем путешественнику негде даже поесть, потому что единственная гостиница «Россия» оказалась до того неприглядною, что рискнуть пообедать в ней решится не каждый: в комнате, назначенной для еды, стоит деревянная старая кровать с красным ситцевым дырявым одеялом и подушками без наволочек; надо быть очень сирым и холодным, а также решительным, чтобы лечь на эту кровать.

Ровно в 2 часа пополудни дали мы последний свисток и отчалили; пассажиры всех классов почти не изменились в своем составе: была тут налицо и тридцатитрехлетняя странница, и полуумный матросик 7-го флотского экипажа, и серебряных дел мастер еврей. При повороте из Сухоны на Двину, слева от парохода поднимаются наносные пески, и верхушки Устюжских церквей задвигаются ими, словно уходят в них. Так как Сухона и Юг сливаются под самым Устюгом, образуя так называемую Малую Двину, то воды становится гораздо больше, но зато и расплывается она тут же многими рукавами или «курьями», образуя и перенося с места на место песчаные острова и то и дело изменяя направление и глубину русла; этим приятным делом занята Двина до самого Архангельска и напрактиковывается в нем настолько, что чудит все более и более и успокаивается только в холодном Белом Море. К вечеру, часам к семи, пристали мы к Ускорью, и я сошел с парохода. Темнело. Тарантас, ожидавший меня, нагружали довольно долго вещами и ставили на паром. Вдали виднелось, на противоположном берегу, село Котлас, расположенное подле устья Вычегды и назначенное, согласно одному из проектов, служить конечным пунктом железной дороги, проектированной сюда с юга от Волги; другим конечным пунктом предположен Устюг. От впадения Вычегды Двина перестает быть «малою» и становится «большою», то есть шалит больше и хитрее.

Значительно стемнело, когда утлый баркас наш, или паром, как угодно, пристал к противоположному правому берегу. Лошадей, выпряженных для переезда, впрягли снова, и при крутом, но невысоком подъеме на берег звякнул знакомым звоном колокольчик; тут же на берегу оказался телеграфист, только что производивший по пути в Сольвычегодск ремонт телеграфа; вся поклажа его лежала в телеге, запряженной одной лошадью, а сам он, совсем юноша, казался необыкновенно счастливым: завершилась его последняя ремонтная работа и он получит другое назначение, с повышением. Я, конечно, позавидовал ему не за повышение, конечно, а потому что я находился у начала долгой и довольно утомительной работы, при условии длинных и трудных переездов, а он кончил ее.

Сквозь опускавшуюся темень можно было очень хорошо разглядеть побережье Двины, составляющее какую-то помесь земли и воды, песков и трясины. У самого парома указали местные люди на остров, только недавно оторванный водой: где была целина материка, теперь бегут струи реки, и по обнажившимся песчаным бокам острова еще видны как бы клочья дерна и земли, застрявшие на своих

местах во время разрыва почвы: нечто подобное бывает заметно, если разорвать какую-либо материю, так как края ее, образованные разрывом, будут бахромисты и волосаты.

- Дорога ли это? – спросил я ямщика, направлявшего тройку по свежей травке вдоль еле заметных колей.

- Точно так.

- Почтовый тракт на Сольвычегодск?

- Точно-с; только что ее все менять приходится, как где проехать можно.

Только по получении ответа сообразил я, как много было характерности в моем невольном вопросе: ехать по дороге и спрашивать – дорога ли это.

Колеи вились между какими-то болотистыми озерками и протоками, в которых застряла вода от весеннего разлива Двины, в ожидании подновления при будущем разливе; тут и там стояли мережи и виднелись рыбные затоны и обрывки сетей, исполнявшие свое назначение последнею весной; валялся какой-то огромный якорь, зубцами внедрившийся в землю, неоспоримый след того, что здесь, на этом сухом месте, по которому я еду, стояло по весне немаленькое судно. Совершенно неожиданно, верстах в трех от реки, вырос на стороне дороги телеграфный столб, но проволока тянулась в одну только сторону.

- А куда же на другую сторону проволока бежит? – спросил я у ямщика.

- А тут она семь верст под землей и под водой идет; столбам в полую воду не устоять, так ее и спустили.

От этого первого столба на берегу Двины одинокая проволока тянется вдоль реки Вычегды на 375 верст чрез Яренск к Усть-Сысольску и там, пред страшным лицом непроглядных и незаселенных дебрей восточной части Вологодской губернии, обрывается последним, крайним признаком цивилизации.

В Сольвычегодск прибыл я к полночи. Знакомые мне очертания церквей глянули довольно четко, благодаря выплывавшей луне. С особенною почтительностью взглянул я на скромные и простые очертания собора, бесспорно лучшего и ценнейшего во всей России, по внутренней обстановке времен первых Строгановых; взглянул на высокий куб с пятью куполами Введенского монастыря, однолетка с собором, не менее замечательного произведения тогдашнего зодчества, но без внутреннего убранства. Тарантас мой быстро промелькнул мимо кладбища, миновал гниловатую воду, скопившуюся на самой середине городка, последний след когда-то стоявшей здесь солеварни, деревянные сваи которой верхушками своими еще догнивают; подле, в небольшой каменной часовенке светилась лампада пред образом Св. Николая: тут на этом месте стоял когда-то и сгинул в неизвестности какой-то монастырь. Звук моего колокольчика, - здесь большею частью подвешивают под дуги по три колокольчика, это очень звучно и гармонично, - раскатывался по глубоко спавшему городку, с его улицами, поросшими травой, с его бесконечною, вековою тишиной. Справа поблескивала Вычегда. Тарантас вкатился во двор небольшого, очень опрятного домика. Против него, на зеленой площади высится церковь Спаса, стоящая на берегу, ее то и дело подмывает, так что приходится укреплять; по другую сторону собора, тоже на берегу, стоит церковь Владимирская, и ее, наоборот, постоянно заносит песками. Во время высокой воды, в страхе за первую церковь, местные люди, как говорили мне, согласно предрассудку старых дней, бросили в Вычегду живого петуха; пески, заносящие вторую, развевают древнее кладбище, и не диво видеть подле нее, иногда, оголенные человеческие кости.

Устав с дороги и кое-как разобравшись, я бы заснул глубоко, если бы не какие-то жалящие мухи, обычные здесь во все лето, не так, как в Петербурге – только по осени, и совершенно схожие по внешности с обыкновенными, комнатными.

Чрез день по приезде моем находился я в пути к Яренску. Мне предстояло посетить некоторые поселения, расположенные вдоль Вычегды, и ясный солнечный день обещал хорошую дорогу. Недалеко от города, на втором перегоне, пришлось опять воспользоваться паромом для переезда через Старую Вычегду. Чрезвычайно характерны все эти «Старые» и «Новые» реки; они словно ведут бродячую жизнь, меняя русла и очутившись на новом, оставляют на последнем несомненною памятью о себе длинные вереницы озер и болот, обиталища веселых уток и чирков, часто в неописуемых количествах, порастая осокой и хвощами; тихие заводи эти не вовсе лишены рыбы и, еще недавно, в одной из попутных мне деревень, в заболотье попалась на крюк щука такой величины, что она едва-едва не втянула в воду крестьянина, оборвала крюк и ушла с крюком в воду; гуляет ли она до сих пор – неизвестно, но верно то, что местные бабы купаться в соседней воде, благодаря этому чудовищу, боятся и почти перестали.

Подле воды, на другой стороне Старой Вычегды, мне встретился цыганский табор, раскинувший чрезвычайно живописно свои шатровые помещения; целая орава собак окружила тарантас, и цыганские лица, не меняющие своей характерности и здесь, поражали своею смугловатостью. Эти цыгане очень нелюбимы местными крестьянами; многие из них приписаны к Сольвычегодску мещанами, но никакого прямого занятия не имеют; обилье заливных лугов, обилье рыбы и достаточное количество дичи в лесах вполне обеспечивают их летнее существование, но не довольствуясь этим, они не прочь поживиться и другими способами; ловить рыбу здесь может всякий где и как хочет – но пасти коров и лошадей на

крестьянских лугах дело не статочное, так как луга здесь все наперечет и сено берегут здесь как зеницу ока. Но что делают цыгане зимой?

Очень любопытно ехать по какой-либо местности в первый раз, так как все особенное бросается в глаза как-то само собою. Так, нельзя было не обратить внимания на стоящие чуть ли не в каждой деревне, в поле кресты; это не те эмблематические знаки веры Христовой, которые видятся в католических странах; нет, это действительные места общей молитвы – совершаемой целыми обществами пред началом полевых работ. При скудости почвы, при суровости климата, при очень невеликих размерах земли, пригодной для разработки, посев – это настолько важное дело, что предпринять его без молитвы считается нехорошим, и нарочно призываемые из ближайших церквей священники служат молебны на местах, обозначенных крестами.

Второе, что бросается в глаза – это сравнительная высота крестьянских домов; это зависит, конечно, от дешевизны леса, и то, что имеют они по три окна каждый, из которых среднее высоко, а два боковых очень малы и в зимнее время наглухо закрываются. Почти везде, как и по Сухоне, подле изб высятся жерди, обвитые хмелем, так как без собственного пивоварения здесь не обходится ни один хозяин, и пиво это и скверно, и пьяно. Боковых хозяйственных построек много, имеются погреба, набитые снегом, и достаточное количество лошадей, коров, овец и свиней, и в домовитости, в уютности жизни здешним крестьянам отказать нельзя. Села, починки, общества располагаются здесь, будто боясь безбрежности пространства, группами и очень редко в одиночку, и сопровождают они течения рек по всем их бессчетным изгибам, и смотрят с холмов и возвышений даже красиво. Но далеко не даром, далеко не без упорной борьбы дается крестьянам это сравнительное благосостояние. Только узкими полосами вдоль течения здешних рек – Вычегды, Виледи, Устюга – идут поселки, как сказано, большею частью невеликие, иногда в два и три двора; почва здесь песчаная, суглинистая, или подзолистая, и отвоевывается она от лесов и болот с величайшими трудами, и только под условием хорошего удобрения: без скота нет удобрения, без сена нет скота, и вот почему только там, где разливы рек обусловливают существование поемных лугов, может развиваться жизнь. Распахивают здесь по количеству навоза; помимо химических своих свойств, навоз облегчает кратковременное действие солнца на разложение почвы, и весьма характерно то, что, согласно выражению местного человека, «чем больше удобрена земля, тем она теплее». Довольно дерзкое, но яркое сопоставление солнечного света и навозного тепла, нашедшее себе место здесь во внимание к совершенно особым условиям. Есть тут, конечно, и другой способ хозяйничанья, это «подсечная» система, то есть засевание площади сожженного с этою целью леса; есть тут и невероятно прибыльная рыбная ловля, есть охота, дающая очень большие заработки, но все это не сельское хозяйство в том смысле, как его понимают в средней и южной России, не незыблемые основы, на которых могут существовать крестьяне с полною уверенностью в своей будущности. Надо видеть, с какою тщательностью отгорожены здесь поля, как делят крестьяне между собою землю по нескольким саженям, не более; как тщательно собирают они сено в скирды и разрезают эти скирды для дележа на части – топорами.

Общая панорама берегов Вычегды строга и внушительна. Разветвляясь чуть ли не на каждой версте на два, три рукава шириной от версты до двух и более, между островами, образованными с последнею осенью и над местами тех островов, которые сгибли одновременно с возникновением своих наследников, стремится река в безводное время, в июле, весьма неравномерною скоростью, смотря по ширине в руслах, то и дело изменяющих размеры своей глубины. Во время разливов ширина реки становится громадною, до десяти верст, и там, где впадает в нее другая разливающаяся река, например Вилед, там на несколько дней возникает целое море; так от Сольвычегодска до Хаминой, лежащей на Виледи, целые полторы почтовые станции, можно и должно ехать на лодках; здесь ямщики, возящие почту, одновременно и моряки, потому что на их обязанности лежит править и вести почтовые лодки. Не диво встретить здесь по весне плывущие тарантасы и волокомые по суше лодки; сани и полозья служат здесь и для перевозки сена по сочным лугам, покрытым роскошною самородною кашкой-клевером, опутывающим ноги человека, идущего лугом.

Насколько оглядывает взгляд, берега Вычегды, некогда довольно высокие, всегда песчаные, обросшие лесом, выступающие в реку плоскими, безлесными розовыми песчаными островами, кажутся вполне безлюдными. Села и деревни боятся стоять подле берегов и отступают от них на некоторое расстояние, так что с самой реки жилья видно немного; в прошлом году в одном из селений унесло целых 72 десятины обработанных в труде и поте лица крестьянина, а дома и деревни то и дело переносятся.

По длинному, местами уложенному жердняком пути есть станции, отличающиеся крутизной гор, как например, одна из них на полпути к Яренску. Почтовая дорога пролегает вдоль берега и перерезывает поперечные, идущие от реки долины или овраги; не очень хитроумный прокладыватель дороги ограничился прямым их проведением поперек оврагов, и следствием этого является то, что приходится взбираться на горы и спускаться с них по склону под углом в 40 градусов. Предложить бы иностранцам прокатиться по такой дороге! Правда, во внимание к этим крутизнам (они есть на земской дороге, проложенной в Олонецкой губернии от Сумского посада к Повенцу) здесь ямщики тормозят

экипажи, чего на Руси не делают, кажется, нигде, то есть связывают два задние колеса веревкой; но, так как веревки обыкновенно гнилы и лопаются на первом же спуске, то волей-неволей приходится наслаждаться стремительностью полета тройки с горы, причем кони чуть не выходят из своих широких хомутов, задние колеса тарантаса прыгают вправо и влево, а ямщик улюлюкает свое: «эх родимые!», не заботясь о судьбе вверившегося его опытности путника. К тому же лошади не подкованы, не зануздены и не съезжены, а горы большею частью глинистые; удовольствие ехать по ним в непогоду – понятно; подъемы достигают 20 и более сажень вышины, и спуски с них почти всегда идут головоломными зигзагами.

Луга, окружающие, или лучше, опоясывающие Вычегду, как Новую, так и Старую, весьма разнообразны в своих судьбах и достоинствах. Благодаря той или иной конфигурации берегов есть луга, заливающиеся весеннею водой тихо, плавно, и эти луга удивительно своею сочною, невиданно густою растительностью; есть луга менее счастливые, на которые в половодье река наносит пески и осаждает их тяжелым покровом; хотя благодаря тучности почвы трава и пробивается сквозь эти наносные пески, но они сквозят из-под травы, неприятно белеют и со временем, может быть, умаявшись тянуться все выше и выше, трава предпочтет исчезнуть совсем; есть, наконец, третий вид лугов, обреченных смерти, то есть тех, которые в скором времени будут унесены Вычегдой, и все они уже намечены крестьянами и отличить их от других нетрудно: течение ударяет прямо на них, и берег крут, и отмелей не имеет.

Вычегда, как известно, изобилует богатейшею и разнообразнейшею рыбой, царицей которой является стерлядь; стерлядь ловят на простые переметы, то есть на более или менее длинную бечеву насажен, на отдельные бечевочках, почти вплотную один к другому, ряд крючков, и стерлядь проходит мимо и зацепляется; стоит ей, этой царице рыб, зацепиться хотя бы за плавень или хвост, она, благодаря какой-то допотопной чувствительности, остается на этом крючке неподвижною и становится добычей рыболова. Цены на стерлядь даже здесь меняются чрезвычайно. В прошлом году улов был беднее нынешнего: стерлядь в 10 фунтов и выше ценилась по 3 р. фунт, в 5 фунтов по 2 р., менее 5 фунтов по 1 р.; в нынешнем она гораздо дешевле и самые большие стерляди не переходят 80 к. за фунт. Вся другая рыба ценится здесь на месте гораздо дешевле, а именно: за фунт семги – 20 к., нельма – 8 к., леща – 5 к., налима, окуня, щуки и пр. менее этого. Стерлядь возят отсюда замороженною далеко; хозяин одной из станций свез прошлою зимой в Москву, в подарок брату своему 30 пудов, причем добрался до Вологды, к железной дороге, на седьмой день. Следует заметить, что стерлядь невероятно живуча, в чем я убедился на опыте; ей влили в ее классически кругленький ротик, опрокинув для этого на спину, рюмку водки, положили под жабры крапиву, намоченную водкой, самую стерлядь завернули в крапиву и после пятичасового пути стерлядь, пущенная в воду, поплыла. Главный скупщик рыбы на Вычегде некто Габоев.

По мере удаления от Сольвычегодска вверх по Вычегде леса становятся лучше и гуще. Изумительно количество растущих в них ягод: малины, поляники, морошки, костяники, черники и голубики; замечательно, что в огромном количестве по лесам растут черная и красная смородина. Должно быть, вид на здешние луга, в мае и июне, во время цвета шиповника, исключительно прелестен: шиповника необозримо много, и когда его покрывают ярко-розовые цветы, - краска эта должна быть преобладающею на всех первых планах пейзажа. Одновременно с шиповником цветет здесь лен, и лазоревый цвет его, по количеству, занимает, бесспорно, второе место.

Оригинальным сторонам внешнего вида местности вторят и оригинальности местного говора. Кнут называется «понужало», красивый называется «баской», в самом деле – «взаболь».

- Или ты не умеешь поднять верх тарантаса? – сказал я моему ямщику в виду накрапывавшего дождя.

- Поздичал, барин! – ответил он, то есть «одичал».

Это одичание людей, живущих в непроглядных дебрях, где раз-два в году проберется по Вычегде случайный торговый пароход; где утренники имеют место в июле и августе, где только узкою полоской тянется вдоль реки обработанная полоса верст в 10-15 в поперечнике, а за нею водворяются непроглядные дебри. Это одичание давным-давно загубило бы натуру более мягкую, чем наши русские колонизаторы севера. Один из здешних лесников, заметив по весне справляемый крестьянами плот в 40 бревен краденого в казенном лесу леса, схватил канат и от него уплыла уносимая быстрым течением только половина бревен, остальные остались.

- И что же, – спросил я его, - рукам больно было?

- Нимало, ваше благородие.

В плечах у него аршина полтора, ладонь – две обыкновенные ладони.

Нечто тоже вполне своеобразное видел я на Двине.

- Нет ли спички? – спросил я у одного из лодочников.

Он достал серинку из кармана жилетки, чиркнул ею по своей ладони, и она вспыхнула.

- Сколько зарабатываешь ты в лето на тяге судов? – спросил я его, удивленный ладонью.

- Рублей двенадцать очистится.

И за эти-то двенадцать рублей, как подумаешь, обусловливаются руки, о которые можно чиркнуть спичку!

В одной из маленьких деревень указали мне на коренастого, но не особенно высокого мужика, боровшегося недавно с медведем. Вышел он в лес по дрова, с одним топором; навстречу медведь; схватились в рукопашную, но, к несчастью мужика, по словам его, ему никоим образом не удавалось выхватить из-за пояса топор; ломали они друг друга долго, и медведь, сорвав с головы своего противника кожу и повалив его, ушел в сторону. Парня подняли случайно проходившие охотники; медведь был найден в лесу мертвым, полверсты в сторону; от медведя не осталось теперь и помину, а крестьянин жив и здоров, и кожа у него на голове цела, потому что ему ее свои же односельчане зашили.

Трудно, невозможно, немыслимо было бы нашему брату, образованному человеку, прожить в этих местах, в глухой деревне зиму, - но что бы за краски почерпнул он из этого своеобразного, трудного народного быта?

Здесь возделанная земля ценится так дорого, стоит такого упорного труда, что из-за десятка сажень враждуют на смерть отец с сыном и брат с братом. И окружает суровая панорама Вычегды эти великие драмы жизни, неведомо погасает жгучесть их в холоде здешних зим и в темени лесов. Даже и легенд тут мало, и сказка не нарождается, и историй, если угодно, тут тоже нет, потому что так бесконечно далеки от этих людей наши интересы, наши деяния, наши способы воздействия на меньшую братию. Крепостничества не было здесь никогда, помещиков не знали, и толкуют только о том, что шел здесь когда-то Ермак Тимофеевич и много оружия и пушек в курганы зарыл и городища следом по себе оставил.

Июль. Сольвычегодск.

Научное издание

РУССКИЙ СЕВЕР-2017:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

Сборник работ участников межрегиональной конференции в Тотьме
(23-26 февраля 2017 года)

Печатается в авторской редакции.
Рисунок на обложке – Ольга Пташник

Отпечатано в ООО «Лисья гора»
г. Вологда, ул. Беляева, д.23
Печать офсетная. Формат 60х90/8
Тираж 100 экз. Подписано в печать 14.02.2017
МБУК «Тотемское музейное объединение»
161300, Вологодская область, город Тотьма, улица Ворошилова, 44, тел: 8 (81739) 2-17-02,
E-mail: totmamuz@mail.ru

ISBN 978-5-9907180-3-6
9 785990 718036